

ЮРИЙ ВЭЛЛА

Избранное

В ТРЁХ ТОМАХ

2023

ЮРИЙ ВЭЛЛА

Избранное

ТОМ ВТОРОЙ

ВЕТЕРОК С ОЗЕРА

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

НИТИ РОДСТВА

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

РЕКА АГАН СО ПРИТОКАМИ

Опыт топонимического словаря

Бассейн реки Аган

УДК 82-3
ББК
В97

Автономная некоммерческая организация содействия
информационно-просветительской деятельности «Югорский свет»

<i>Руководитель проекта</i>		<i>Ольга Корниенко</i>
<i>Редактор-составитель</i>		<i>Татьяна Юргенсон</i>
<i>Художник</i>		<i>Надежда Талигина</i>
<i>Дизайн</i>		<i>Оксана Шпилева</i>
<i>Фото</i>		<i>Николай Гынгазов</i>

Вэлла, Юрий Кылевич (1948–2013)

В97 Юрий Вэлла. Избранное. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 2 ; худож. Н. М. Талигина. – Екатеринбург : АО «ИПП «Уральский Рабочий», 2023. – 440 с. : ил.

ISBN

Настоящее издание представляет широкую палитру творчества Юрия Вэллы, включая его публицистику и публикации о нём. Главная цель составителей трёхтомника – показать глобальный масштаб личности, внёсшей огромный вклад не только в дело сохранения родной культуры небольшого по численности народа – лесных ненцев, но и во всю мировую культуру.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-3
ББК

ISBN

© Ольга Корниенко, 2023
© Татьяна Юргенсон, 2023
© Надежда Талигина, 2023
© Оксана Шпилева, 2023

Ю. Вэлла

А СКАЗКИ МЫ СЛУШАЕМ¹

У нас, лесных ненцев, многие вести – сказки, плачи, песни – пелись, то есть исполнялись художественным языком под народную мелодию или в форме интонационных стихов-наговоров (например, разговор с духами-идолами). Разговорным же языком пользуются в повседневной жизни, он беден, не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха, от него ни жарко, ни холодно. Разговорным языком невозможно рассказать сказку, спеть песню, а обычный разговор о дровах, о пище, о деньгах оскверняет художественный язык.

Проживая на границе двух округов, дети лесных ненцев в школе-интернате пребывают вместе с хантыйскими детьми, а воспитатели и учителя у них русскоязычные. Поэтому моё поколение и особенно те, кто сейчас учится в школе, с детства пользуются двумя, а чаще тремя языками – ненецким,

¹ Первоначальный вариант был опубликован в качестве предисловия в книге: Вести из стойбища : стихотворения / Ю. К. Вэлла ; ред. Г. А. Гилевич ; худож. Р. Я. Атлас. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 96 с.

хантыйским и русским. Таковы условия жизни. Но утратили мы свой метафорический язык сказок и песен. Если ещё, слава богу, говорим на своём языке, то, увы, знаем только бедный повседневный.

Конечно, в основном виноваты в этом мы сами. Но есть и часть не нашей в том вины.

Свою долю в это вложили учителя северных школ-интернатов, которые так перелицевали своих воспитанников-учеников, что впоследствии, после школы, многим из них пришлось заново изучать родной язык, быт и культуру, ибо они оказались оторванными от своего народа. Кстати, об этом уже писала моя соплеменница Анна Неркаги в повести «Анико из рода Ного».

И по-своему, по-особому повлияли на это сотрудники органов внутренних дел. Было время, ездил и по тайге, и по тундре Уполномоченный (я не знаю точно, какова была должность этого человека, но мой дед называет его Уполномоченным) с револьвером в кожаной кобуре в поисках врагов народа, в поисках шаманов. Только из нашего стойбища было вывезено полтора десятка шаманов, из которых вернулся на родину только один. Недавно я говорил с дедом на эту тему. Конечно, рассказы об этих людях не были однозначны, но я понял, что многие из них были просто искусные сказители, народные певцы, носители настоящего фольклорного искусства.

Собрал человек Дом Для Песен, Дом Для Игр – его обвинили в шаманстве. Собрались люди, чтобы исполнить для самих себя, для детей своих Медвежье игрище – народный миф о происхождении всего живого на Земле, миф о взаимоотношении человека с окружающим миром, миф, в некоторых сценах которого человек вступает в борьбу с богами, человек высмеивает шамана-обманщика, шамана-взяточника, – и этих людей обвинили в шаманстве. Пришёл охотник на Святой Бор для того, чтобы поговорить с духами, очистить мысли свои перед охотой, оправдаться перед Богом, перед Природой (Бог – по-хантыйски Торум. Но Торум имеет ещё несколько значений: небо, жизненная ситуация, погода и природа. В своих обращениях к духам на Святых Местах охотник больше делает ударение

на два последних значения. – *Прим. авт.*) за добытого зверя, за уничтожение части Природы – его обвинили в шаманстве. В тяжелейших жизненных, климатических условиях человек искал себе защиту, поддержку – его обвинили в шаманстве...

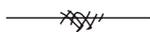
Потеряв лучших сказителей, народ замолчал. Одни испугались, другие не умели исполнять, а умели только слушать, третьи – молодёжь, которую вбирает в себя новый жизненный поток, – ей, молодёжи, некогда задумываться, куда несёт этот поток, молодые торопятся жить. Хотя так и должно быть, и в этом нет ничего особенного. Только умолкли Медвежьи игрища, песни, молитвы, сказки – не слышен или стал редко звучать художественный язык.

Но сказки мы всё равно слушаем. Моя бабушка изобрела для этого новый способ. Она сначала поёт часть сказки традиционно, а чтобы мы поняли, о чём идёт речь, пересказывает содержание на разговорном языке. Потом снова поёт и опять переводит на обыденный язык, как для инородца. Такой пересказ она называет «пешей речью».

Я застал песни и сказки бабушки только в такой форме, и поэтому, наверное, творчество моё – это смесь прозы со стихами. Трезвые прозаические куски как бы дополняют, разъясняют более эмоциональные поэтические строки. Поэтому, наверное, творческий язык мой – это ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме.

Но на каком бы языке, в какой бы форме мой герой ни изъяснялся, понятия любви, добра и зла, справедливости, ностальгии, измены, сложные взаимоотношения человека с человеком, человека с окружающим миром – всё это так же присуще ему, жителю моего стойбища.

Имеет ли право на жизнь такое творчество современного ненца? Вы можете потом об этом поспорить, а сейчас я начинаю.

ВЕТЕРОК С ОЗЕРА

— ❧ —
*Проза и всё,
что напоминает прозу
1968–2008*

В НАЧАЛЕ БЫЛА МЕЛОДИЯ

Когда я жил ещё в интернате, прямо над моей кроватью висел радиоприёмник. Однажды вечером, когда уже все спали, я услышал музыку. Она вошла в меня и легла комом где-то под горлом возле сердца. Я не знал ни названия, ни имени автора. Просто у меня в душе поселилась незнакомая, но прекрасная мелодия, которую хотелось и хотелось слушать, от которой становились мокрыми глаза. Когда она появлялась днём, я бежал к приёмнику в конце коридора школы, бросив все ребячьи шалости. Иногда она мне просто чудилась.

Однажды, в мартовской Ялте, в Доме писателей я снова услышал мою мелодию. В этот раз она была осязаемой, она слышалась из соседнего дома. Я пошёл на звук. Качество исполнения было непрофессиональным. Но в том-то и была, наверное, её прелесть, что неумелые пальцы, робко выводя штрихи мелодии, придавали ей ещё большую свежесть и чистоту. Я поднялся на крыльцо клуба Дома писателей и в полутёмном зале увидел Тебя. Твои пальцы касались клавиш, а я чувствовал их у себя на лице, твои глаза смотрели куда-то в пространство, а мне казалось, что они глядят в мои глаза. А музыка уже была не только у меня под горлом у сердца, она мурашками пробегала по спине, по всему телу. Я притаился, боясь спугнуть, оборвать, и слушал, и знал в этот миг, что такое счастье.

Прошло много лет. Теперь я знаю, что это Бетховен «К Элизе». Я часто слышу эту мелодию в исполнении разных профессионалов. У одной моей знакомой даже дверной звонок мне

отвечает этой мелодией, но ком в горле пропал, слёз на глазах уже не бывает. Неужели возраст?

Но иногда вспоминаю Тебя, вижу мысленно твоё лицо, ком под горлом появляется снова. Вот и сейчас. Может быть, Ты заменила мне мою мелодию?

ОДНАЖДЫ НА СТОЙБИЦЕ

*Памяти друга детства
Айпина Виктора Романовича посвящая*

Была зима. Меня попросили отвезти на оленях почту в Аган. Я уже сейчас точно не помню, то ли у почтовоза (так их, кажется, тогда звали) хворь случилась или ещё что, но вместо работника, который специально этим занимался, отправился в путь я. Преодолею полпути, пересёк реку Ватьёган, подъезжаю к стойбищу Кошпи-ики. О нём молва по Агану ходила – с большим юмором был человек. Якобы умел рассказывать такие правдивые небылицы – трудно не поверить.

Еду по заснеженному бору. По обе стороны дороги свежее оленьё пастбище. Уже олений кораль виднеется. Олени в корале ходят. Хозяин стоит в центре спиной ко мне. Не видит меня.

Погоняю оленей своих. Издаю погромче звуки, чтобы старик услышал. Но он не оборачивается. Поза его говорит – он очень занят, что-то внимательно рассматривает в руках. Подаю голос погромче. Не слышит. Его олени уж заметили меня, головы повернули. Я громко покашлял, въезжая в кораль. Но Кошпи-ики не обернулся. Продолжал что-то внимательно изучать – во всяком случае, спина его говорила об этом.

Остановил я упряжку в двух шагах сзади него, привязал вожжу к средней ножке нарты, подошёл к старику и поприветствовал.

– А, это ты, зять Сардаковский, приехал! – кинул он через плечо и стал ещё внимательнее рассматривать в руках что-то своё.

– Что ты, Пырыс-ко, рассматриваешь? – спросил я.

– А ты сам посмотри, – и суёт мне под нос свой большой палец. – Вон того оленя только что ловил я арканом. Олень необъезженный, верёвки ещё не знает, дернулся что есть силы и оторвал мне палец. Вот и кровь на снегу.

Действительно, возле ног старика я увидел несколько капель свежей крови и аркан размётанный.

– Нашёл я в снегу палец свой и быстро, пока не остыл он, приставил на прежнее место. Плотно и сильно прижал второй рукой, а сам мысленно к Хозяйке обратился за помощью. И вот он результат, смотри, только шрам остался.

Вокруг пальца, словно кольцо, виднелась ровная складка шрама.

Меня сковала судорога смеха. Но я сдержался. Смотрел на старика и не знал, что делать. То ли принять Это как шутку и облегчённо рассмеяться, но я боялся обидеть старика, ибо на лице его не было и намёка на шутку; то ли удивиться или, во всяком случае, сделать на лице искусственную мину удивления.

– Ну что мы стоим-то посреди двора? Входи в дом, чай будем пить, – он похлопал рука об руку, словно стряхивая с них пыль, и направился в дом. Я пообедал, согрелся и уехал со стойбища. Прошло уже более тридцати лет, но до сегодняшнего дня почему-то не могу себе позволить признать Это шуткой, облегчённо рассмеяться и забыть. Я сам человек с юмором, люблю, ценю и понимаю шутку другого человека. Но Это – что-то мне подсказывает – не тот случай.

ЛОБЫВАЛЬЩИНА ОЙСИ

Говорят, если метель в начале пути застанет или дождь-ненастье – это к удаче. Почти всю жизнь меня в пути застаёт ненастье. Я везучий человек?

Сегодня снова сильная метель. В свете фары снегохода кое-как просматривается след оленьей упряжки. Впереди чум ненца Ойси. Ойся живет вдвоём с женой. У них олени. Дети разлетелись по белому свету. Редко приезжают внуки.

В деревне Ойся не был с 1955 года. Был общественным оленеводом, повздорил с колхозным руководством и сбежал в лесотундру. Слышал о том, что есть на свете телевизор, но ни разу его в глаза не видел.

В молодости был охотником. Со своей пушной добычей участвовал в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. С выставки привёз две медали – за достижения и за участие.

Когда я приезжаю к нему в гости, он обязательно угощает меня какой-нибудь историйкой. В этот раз рассказал лобывальщину:

– Отправился однажды сам Сталин-Царь на поиски хантйской Золотой Бабы.

Взял с собой двух самых Главных Помощников.

Прибыли они на реку Казым и стали рыскать по святым местам, жилища богов стали грабить.

Придут на святилище, заберутся в лабаз, всё вверх дном перевернут, а Золотой Бабы там и нет, дальше отправляются.

Долго так рыскали, чуть до Нумто не дошли, но добрались-таки они до Жилища самой Хозяйки Казыма.

Присел усталый Сталин-Царь в сторонке от лабаза на пенёк отдохнуть. Достал из нагрудного кармана Посудину Табачную, закурил, а своим самым Главным Помощникам повелел лабаз обшарить.

Старший Главный Помощник приказал Младшему лезть в лабаз, а сам остался снаружи, чтоб, если найдётся здесь Золотая Баба, принять её в собственные руки и самолично представить Сталину-Царю.

Младший Главный Помощник побряхтел-побряхтел, да делать нечего, полез в лабаз. Разгрёб он в разные стороны добро самой Хозяйки Казыма и увидел Нечто.

– Что? Что увидел?

– Не знаю, что он там увидел, говорят – Нечто! – ответил рассказчик.

– Повернул голову через плечо Младший Главный Помощник, чтоб сообщить об увиденном чуде, но старшой от этого взгляда навзничь упал. И издох Старший Главный Помощник.

– От чего же умер он?

– Говорят, взгляд человека, увидевшего Хозяйку Казыма, обретает Силу. У доброго человека взгляд обретает положительную силу. У злого, корыстного человека, взгляд обретает отрицательную силу.

Хотел Младший Главный Помощник голову обратно повернуть, чтоб увидеть ещё раз Нечто, да не смог этого сделать. Схватил голову двумя руками, ворочает, пытается развернуть, поставить на место, как было, но ничего у него не выходит. С испугу заорал, вывалился наружу из лабаза и убежал на все четыре стороны.

Хоть и не робок был Сталин-Царь, но тут испугался и, не заглянув даже вовнутрь священного лабаза Хозяйки Казыма, покинул это место и вернулся в Московуй-Столицу.

Недолго после этого случая правил Сталин-Царь. Вскоре и он умер.

– А что случилось с Младшим Главным Помощником?

– Он где-то и сейчас живёт в Московуй-Столице. Говорят, иногда появляется на улицах города. Голова его всё ещё повернута назад. Тебе он там не встречался?

ТАК И ОСТАЛАСЬ ПАМЯТЬ

Бежали по берегу озера следом за оленями два колхозных оленевода. Тонкий и длинный, как хорей, – Элява и кругленький, хромой, с короткими ножками, – Лэпа.

Из озера речушка вытекает. Олени перемахнули через речку. С разбегу и Элява благополучно перепрыгнул её. А Лэпа – эх, Лэпа! – он угодил прямо в холодную осеннюю воду.

Орёт, барахтается, сам выбраться не может. Подбежал Элява, схватил протянутую из речки руку и рванул что есть силы. Лэпа выскочил из речки, да, увы, лопнула подтяжка от кожаных штанов – промокли и отяжелели штаны, и остались они в реке. Лэпа кричит. Элява смеется. А штаны под осенний лёд течением затянуло, кое-как потом берёзовым крючком отыскали...

Теперь, кто бы ни ехал зимой через это озеро на оленях ли, на снегоходах ли, а через это озеро Большая Ненецкая Дорога проходит, – останавливаются и рассказывают друг другу эту историю. Озеро люди называют Озеро Лэпы. А речушку, вытекающую из озера, ту самую речку, в которой Лэпа искупал свои штаны, – Речка Лэпы.

Так и осталась Память.

ТЕЛЕСЕАНС

Был случай: сидит семья перед телевизором. Кашпировский с экрана на весь Советский Союз даёт установку – лечебный гипнотический телесеанс:

– Расслабьтесь, вам хорошо... сейчас будет ещё лучше... – и смотрит, и смотрит на телезрителей в упор, и не моргнёт, не шелохнётся, пронизывает взглядом.

Вошёл в чум оленевод-сосед Аули:

– Что вы как повязанные все? Что случилось?

Все зашикали на него:

– Тихо, не мешай, шаман русских шаманит, людей лечит.

– Этот... что ли? – и ткнул корявым пальцем в телевизор. –

Сейчас посмотрим... какой... он шаман.

И направил свой взгляд Аули на телевизор, и сошлись они с Кашпировским глаз в глаз. И тихо стало. Наступила пауза. Все молчали. И Кашпировский замолчал. Он напрягся и вспотел. Пауза затянулась.

Телеэкран вначале превратился в неподвижную фотографию. Потом экран вздрогнул, и по вертикали пробежала полоса. У Кашпировского под левым глазом мелькнула слезинка. Глаз дрогнул. Кашпировский моргнул и отвернулся.

Диктор торопливо объявил, что телесеанс на сегодня закончен.

ЯВУНКО И ПЛОТВА

Об этом мне рассказал Аули

Когда Явунко совсем уж постарел, мужчины-оленеводы, уходя на пастбище за оленями, наказывали хозяйкам присматривать за ним. То он вдруг начинал собираться за лыжами, оставленными в юношестве на стойбище деда, то прибрать рыболовные мордушки и жала на верховье Пящиты, где в давние времена он со своим дедушкой рыбачил.

Бабушка полушёпотом рассказывала, что Явунко «вернулся в детство», что нам, детям, во время своих игр, надо приглядывать за ним.

Но однажды он всё-таки ушёл. Ушёл на соседнее стойбище, как потом он объяснил, послушать сказки.

На пути у него было большое озеро. Нефтяники, изредка залетающие сюда на рыбалку, называют его Восьмёркой-на-Пысуме. У нас оно называется Латт-тотяй. Озеро это состоит из двух половин – большей и меньшей, а посередине – два вытянувшихся навстречу мыса. Вот на такой мыс и пришёл старый Явунко. Сел усталый старик на самый обрывистый выступ берега. Солнце печёт, ветерок с озера сдувает комаров, болотный кулик у самой воды на кочке дразнится, легко взлетая над водой и обратно возвращаясь на кочку.

Посмотрел старик направо – далеко за озером узкая полоска леса, налево обходить – ещё дальше. А напротив – озёрный берег рядом и за озером чумы виднеются, слышно, как соседские дети играют, смеются, собака беззлобно лает. Вода мирно плещется о босые ноги старика, но озеро глубокое, а плавать Явунко не умел.

Долго так сидел старик.

Вспомнил детство, как впервые учился ездить на вёртком облазе – кедровой долблёнке, и голос деда: «Смелее, смелее!»; вспомнил юность, с какой гордостью и озорством Она смотрела на него, когда его тынзян раньше других заарканил упрямую и прыткую важенку на стойбище у Чачи-ики;

вспомнил, с каким недоверием вёл он свою последнюю упряжку (двух старых смирных кастратов) в Колхоз, незнакомое слово настораживало, но возразить – язык костенел;

вспомнил Первую Войну, когда русские с русскими воевали, а он по воле случая оказывался то с одной, то с другой стороны, и ни на которой стороне не чувствовал доверия;

вспомнил Последнюю Войну... но об этом лучше не вспоминать – всем тяжело было...;

в первый послевоенный год Она умирала тяжело, долго, больно, мучительно больно...

Вздыхнул Явунко. Голод уже напоминал о себе. Снова оглядел озеро справа, хотя знал, что обойти его он уже никогда не сможет. Налево он даже не посмотрел – та половина озера

большая. За озером на стойбище дети шалили, и женский голос молил оставить в покое собаку.

– Ё-хо-хо-хов! Красные говорят, что нет Бога, не должно быть и шаманов. Хорошо, пусть будет так, им виднее. А сверхъестественные силы, которые всегда существовали, как с ними-то? Ведь они не подвластны ни законам, ни людям. В древности, говорят, Плотва возила на себе человека по морю. А мне, уставшему за всю мою жизнь, не через море надо, а всего-навсего на тот берег озера...

И только успел сказать это, как из воды показалась спина огромной рыбины. Старик, нисколько не сомневаясь, сел верхом на Плотву (это, конечно, была она) и благополучно переправился на другой берег озера.

Придя на стойбище к соседям, Явунко за чаепитием рассказал о случившемся. Все посмеялись и разошлись по своим делам, а гостя оставили в компании детей – пусть им сказки рассказывает...

Однажды, несколько лет спустя, я случайно подслушал беседу взрослых – соседские оленеводы пили чай у нас. Они говорили полущёпотом о том, что на озере Латт-тотяй, когда Явунко у них на стойбище объявился, они не нашли следов старика ни по левому краю озера, ни по правому. Следы старика обрывались на одном мысу озера и начинались на другом, словно Явунко действительно пересёк озеро посередине.

ЛОБЫВАЛЬЩИНА СТАРОГО ВАЛЮМЫ

Когда был побеждён Самый Главный Белый Царь, на казнь его привезли в Сургут.

Сели вокруг стола Самые Умные Красные и стали думать, как казнить Самого Главного Белого Царя. Ведь он

самый-самый главный царь, а значит, самый-самый живучий. Думали, думали... Семь дней думали и придумали. Вызывают они Самого Главного Белого Царя и заявляют ему:

– Будем тебя казнить, но прежде мы желали бы исполнить твоё самое последнее желание. Чего желаешь?

И Самый Главный Белый Царь отвечает:

– Да чего уж желать-то, всего-то у меня было в достатке! Горло бы смочить, на помин души рюмочку водки пропустить.

Прикатили бочку самогонки. Взял он в одну руку эту бочку самогонки, опрокинул в рот, как рюмку водки, и усы рукавом обтёр.

Прикатили вторую бочку самогонки. Взял он в одну руку и эту бочку самогонки, опрокинул в рот, как рюмку водки (при этом рассказчик облизнулся), и лишь рукавом обтёрся.

Прикатили и третью бочку самогонки. И эту бочку выпил Самый Главный Белый Царь. А после втянул носом хлебный дух и уверенно сказал:

– Готов я теперь для вашей казни.

– Ну, если готов, выходи на крыльцо, там тебя повозка ожидает. Поедешь на место казни.

Вышли за дверь. Подкатила к крыльцу конская нарта самого царя из прочнейшего дерева. Постелили широкое шерстяное полотно от крыльца до нарты, подставили к высокой нарте резную лестницу.

– Садись, Самый Главный Белый Царь, располагайся в последний раз по-царски.

Не ожидал подвоха Самый Главный Белый Царь. Только устроился удобно на конской нарте среди подушек, как нарта хрустнула, раздавилась под царской тяжестью, а острые обломки самой прочной нарты проткнули царю живот. И Самый Главный Белый Царь вытек в реку.

Самые Умные Красные рассудили мудро: раз он Самый Главный Белый Царь, значит, умеет заговаривать себя от смерти. Поэтому они предположили, что царь попросит не

чего иного, как водочки. И вместо водки накачали его самогонном. А потом подпилили поперечины конской нарты царя. Самый Главный Белый Царь думал, что казнь где-то ещё впереди, и поэтому, садясь в повозку, внутренне расслабился, что и сгубило его.

ЫСЧЕТКА-ШАМАНИШКА И ДРУГИЕ

Триптих

1.

Когда появился на нашей реке катер, мы, дети, первыми облепили склон песчаного яра, тогда как взрослые, отцы наши и деды, всё ещё степенно двигались между домами и чумами, словно весенний поток, неся с собой и заполняя все уголки нашего стойбища вестью: «По реке огнедышащая лодка плывёт!».

Спрятавшийся в изголовье постели под одежды и шкуры, только Ысчетка не покидал своего берестяного чума, с ужасом нашёптывая: «Это за мной, это по мою душу пришла огнедышащая лодка, это вчерашний звук моего бубна привёл её сюда».

Вскоре все жители стойбища были на берегу, кроме Ысчетки-шаманишки.

Едкий дым, чёрный и тяжёлый, выползал из трубы катера и, грозно нависнув над стойбищем, тянулся своей мохнатой лапой прямо к чуму Ысчетки.

«Смотрите, смотрите! – зашевелились старики, охваченные злорадством и тревогой, – сейчас этот Огненный Дух вынет из чума пустослова!».

Каждый, стоявший на берегу, представлял, что дым этот – божья кара за ложь, которой щедро одарял сородичей Ысчетка, и без сожаления отдавал его воле судьбы.

Мне казалось, что шаман, скрытый от нас стеною чума, сейчас яростно борется с Огненным Духом, но, так как до сих пор он ещё не был вынут из своего убежища, я своим мальчишеским воображением видел в нём искусного борца. Так же как и все жители нашего стойбища, я недолюбливал Ысчетку, к словам и к поведению которого относился с недоверием, тем не менее где-то в самом затаённом уголке сознания жалел его.

Но катер причалил к берегу, качнулся на собственной волне; выскочивший из него чумазый человечек с ярко-белой улыбкой ровных зубов накинул на пень толстый канат, подбоченясь, бойко махнул кому-то рукой, и таинственный зверь, только что изрыгавший изнутри искры, дым и рычание, смолк, словно пристыженный. Из трубы вырвалось последнее, уже не такое чёрное кольцо дыма, пронеслось над стойбищем и скрылось в берестяном чуме Ысчетки. Я представил, что неудачливый Огненный Дух не выдержал борьбы с человеком, что он погиб в суровой схватке. На душе была гордость за победу сородича, но ещё больше было жаль таинственного зверя...

2.

Однажды ехали в одном облазе два старика – ненец и ханты. Едут и друг другу сказки рассказывают. У ненца было хантыйское имя Явунко – это значит, что он был известен не только среди своих сородичей, но имел уважение и среди ханты. У старика же ханты по этой же причине было ненецкое имя Капитяай. Были они не только друзьями, были они Большими Сказителями. Каждый из них мог заговорить не только простого слушателя, но и такого же, как он, мастера-сказителя.

В одном месте имеет река большой двуглавый поворот-петлю. Поедешь кругом – полдня потеряешь. У основания поворота есть волок – всего двадцать шагов – перетащил лодку и дальше едешь.

Так вот, едут Явунко и Капитяй и сказки друг другу сказывают. Доехали до волока, перетащили облас и гребут себе вёслами дальше. Но поехали они не вниз по реке, куда им надо было, а завернули вверх по течению, то есть в этот двуглавый речной поворот. Едут себе – сказки сказывают. В полдень снова доехали до волока, снова перетащили лодку и снова поехали в ту же петлю реки.

До того они увлеклись сказками, что в этом большом повороте ночевали и первую ночь, ночевали и вторую ночь. Вечерами у костра тоже забавляли друг друга сказками. И так за три дня они перетащились через один и тот же волок семь раз. Такова сила настоящего искусства, сила мастерства истинного сказителя – они забыли обо всём на свете...

Кстати, живут в народе до сегодняшнего дня две сказки этих стариков. Расскажешь с вечера одну из них – и с утра на весь день буран поднимется, слякоть может наступить. Сказка второго вызывает ясную, солнечную погоду. Лично я за свою жизнь несколько раз пользовался ими для того, чтобы вызвать на охоте нужную погоду. Но это так, к слову, – к рассказу моему это не имеет никакого отношения...

Сейчас волок на той двуглавой речной петле люди называют Волоком Семиглавого Поворота...

3.

Прибыл тогдашней зимой в наше стойбище Уполномоченный из Сургута. И в это же самое время приехал на оленях на свою беду Капитяй – пушнину сдать, в магазине муки,

махорки купить. Указал один (нашёлся такой) на старика пальцем, шепнул стражу народному, что Капитяй – шаман. Опустил Уполномоченный руку на плечо старого охотника и сказал:

– Собирайся, шаман, поедешь со мной в Энкэвэдэ.

Не понял старик, улыбнулся широко, закивал головой:

– Печа! Печа!... – что значит по-хантыйски «здравствуй!».

Подскочил тот, что пальцем указал, и перевёл слова Уполномоченного. Опустил мрачно седую голову старик, но спорить тогда не принято было. Отпросился только за окраину съездить, оленей выпрячь, проводить домой к детям.

За стойбищем в сосновом бору выпряг Капитяй оленей из упряжки, прогнал их по дороге в родное стойбище. Сам сел на теперь уже ненужную нарту, достал из-под соломенной подстилки старую берданку (не у всякого бедняка могла найтись в семье лишняя оленья шкура на подстилку и добрый дробовик), сказал молитву, вздохнул и застрелился...

Много новых первоснежий приходило на мою землю, много раз перелётные стаи пролетали с грустными прощальными криками над Семиглавым Поворотом и над сосновым бором, который теперь называется Капитяй-Бор...

Сижу я на крыльце нашего музея. Слева от меня песчаный яр, на котором когда-то стоял чум Ысчетки, справа – Капитяй-Бор, куда ушли мои дочери собирать ягоду.

И чего я сегодня вспоминаю о прошлом?...

НА УРОКЕ

Идёт в школе урок родного языка. Учитель даёт детям такие слова: киври (колодец), суван (навес для нарт), пухул

(стойбище). Маленький Семён переводит эти слова с хантыйского на русский и добавляет от себя:

– У нас есть киври, у нас есть суван для нарт, наш пухул красив летом.

Бедный мальчик! Он говорит есть, а я знаю, что это было. Было, и уже два года, как его стойбища нет, его родное стойбище попало под Покачёвское нефтяное месторождение, на месте его пухула, сувана и киври, на ягельном бору, где он бегал босиком наперегонки с длинноногим оленёнком, возвышается стальной великан – Буровая Вышка. А маленький Семён с матерью сегодня живёт в посёлке в стареньком колхозном домике.

КОЛЫБЕЛЬ

Есть два дела, при выполнении которых человек на некоторое время становится философом, рассуждает о Вечном. При изготовлении гроба он вспоминает о прошлом, а мастера люльку, он думает о будущем.

У нас, у ненцев, оба эти действия являются сакральными. Щепки и стружки от того и от другого изделия нельзя сжигать, а нужно вернуть обратно в природу – увезти в лес и оставить под деревом. По готовности ни то, ни другое нельзя оставлять пустым, пока хозяин не займёт своё место, поэтому положи внутрь что-то из инструментов или спички. До использования по назначению обязательно и то, и другое надо освятить.

Только почему-то жизнь вынуждает человека собрать свой первый гроб гораздо раньше, чем мастер наконец-то насмежится сладить свою первую люльку-колыбель.

Многие народы говорят: когда рождается новый человек, в это время где-то кто-то умирает. А ненцы говорят немного иначе: обретение новой люльки отнимает родственника.

После рождения моего очередного внука, в тот день, когда я заготавливал детали для своей первой люльки (решился-таки!), под городом в автомобильной катастрофе погибла моя троюродная сестра.

Но не изготавливать люльки мы не можем. Только стараемся как можно реже строить новые. А готовые старые, потёртые временем колыбельки хранятся в роду долго, и пользуются ими многие поколения потомков.

ЗА ЧТО?

Проходя мимо, заглянул вчера на родовое кладбище Айпиных. Что там делается! Большинство могил раскопано. Это не следы звериных когтей, это следы человеческой лопаты. Что же здесь искали? Кто? Клады, которых не нашли в лабазах на Священном Бору? Останки Золотой Бабы, которую ханты хранил и лелеял от осквернения нигде иначе, как в собственной душе?

Вот лежит отброшенный в сторону, сопревший кис певца Щимки. Из него торчит кость, наверное, бывшая нога? Не та ли, которую он повредил однажды, когда вёз подростком полвоенный обоз с рыбой в Сургут?

А на соседней, тоже разграбленной могиле Айсыра? Остатки костра. Две рогульки наспех. Пробитый котелок на поперечине, покачивающийся как маятник. И белый череп в нём.

Что же это такое, люди?

Невольно закрыл глаза и представил. Вот лежу я на окраине погоста, вырытый чьим-то хулиганством-любопытством, и корявая незаконченная мысль скребётся в насквозь иссушённом черепе: «За что так-то?».

ХОЗЯИН

Вокруг было свежо и тихо. На небе догорали последние звёзды. Слева тёмной стеной стоял старый лес, в чаще которого то плакали, то удивлённо ухали пучеглазые совы. Впереди раскинулось ровное полотно бескрайнего болота. Хотя вообще-то не бескрайнего – вдали на фоне пылающего неба виднелась мелкозубчатая стенка елей. От речки веяло прохладой и пьянящим запахом цветов черёмухи. Казалось, всё вокруг ещё спит, только квакали в береговой траве лягушки.

Где-то далеко прокурлыкал журавль. С листьев посыпались тяжёлые холодные капли росы. Восходящее солнце раскинуло веер длинных, неестественно ярких, но ещё сонных лучей по глубокому куполу неба. Вспыхнули ярким пламенем макушки шелестящих осин. Над рекой раздались хрипловатые крики речных чаек – халеев. В чаще леса, словно прочищая горло, закуковала кукушка...

Вдруг на востоке послышался лёгкий гул, словно где-то далеко началась канонада грома. С тревожными криками пронеслись мимо гуси и утки. В траве испуганно закопошились мыши. В чаще леса сердито прорычал медведь. Хрустнув сучком, пронёсся лось с молодыми рогами. Зацовав, по стволу старой сосны юркнула в дупло рыжая белка. Словно на полуслове оборвалась кукушка.

Из-за леса блеснул яркий луч солнца, вместе с ним показались вездеходы, похожие на ползущих жуков, наполняя окружающую местность лязгом гусениц и гулом моторов.

Машины ворвались в мирно жившую окрестность, подминаемая стальными траками гусениц нежно-белые головки-парики цветов багульника. Они остановились на берегу речки среди стройных стволов осин и густых кустов черёмухи, возле дощечки с замысловатыми знаками, прибитой к стволу дерева. Эту дощечку оставили здесь геологоразведчики прошлым

летом. Они говорили, что на этом месте будет построен посёлок нефтяников.

– Приехали! – крикнул молодой парень, спрыгнувший с первой машины, отмахиваясь от неистового натиска комаров. Он был невысок, но широкоплеч. Его доброе улыбочивое лицо с курносым носом и веснушками было обветренным. Из вездеходов стали вылезать люди с такими же загорелыми, обветренными, но милыми лицами.

– Вась, комары-то недовольны нашему приходу, смотри, как налетели, – сказал юноша в кожаной куртке и с металлическим клеймом на заднем кармане брюк. Он колдовал кнопками и рычажками фотоаппарата, наводя круглый удивлённый глаз дорогого объектива на миловидную девушку, направлявшую на голове широкополую шляпу накомарника.

– Вот увидишь, годиков через пять их здесь не будет – живо выселим! – ответил пожилой очкарик с давно небритым лицом, он уже сидел под деревом и точил бруском новенький топор.

За час приехавшие люди поставили несколько палаток. Кругом раздавались шутки и смех. Яркое солнце, которое уже успело взойти над далёким лесом, ласково освещало их весёлые лица. Потревоженный медведь только краешком глаза посмотрел на них из чащи и навсегда покинул эти места.

А люди тем временем развели костёр, и несколько котелков повисло над пламенем.

– Коля, подай соли – раздался звонкий девичий голос.

– А где она?

– В правом кармане рюкзака...

Возле одного из вездеходов, сидя на корточках, шарил в рюкзаке парень в кожаной куртке, которого, наверное, звали Колей. Он на какое-то мгновение поднял голову и... замер. Медленно выпрямляясь, он полушёпотом выдохнул:

– Ребята, не спугните...

Все оглянулись и восхищенно притихли. Время остановилось. Рука Николая торопливо шарила в кабине машины, и

вскоре оттуда показались стволы новенькой вертикалки. Он, как заправский ковбой, вскинул ружьё и прицелился...

На опушке леса стоял лосёнок. Его маленькое тельце было высоко поднято на стройных ногах. Над головой чуть заметно вздрагивали большие чуткие уши. Больше с любопытством, чем с тревогой смотрели на людей внимательные глаза. Широко открытые ноздри чуть шевелились, но не находили родного знакомого запаха среди пришельцев.

Николай не успел нажать на спусковой крючок, как чья-то рука опустилась на стволы.

– Ты чего?

«Не дури! Ты же теперь новый хозяин тайги!» – прочёл он в строгих голубых глазах, в упор глядевших на него, под которыми сидели дружной стайкой добрые веснушки.

Вдруг совсем рядом раздался короткий отрывистый рёв лосихи. Лосёнок вздрогнул, резко повернул голову на звук, и в следующую секунду его на опушке не было. Только какое-то мгновение на том месте, где он только что стоял, висело невесомое облачко пушистых лепестков одуванчика, да покачивался на сорванной паутинке лесной паук.

– Эх ты, «охотник»! А ведь мог получиться хороший снимок! – прошептал парень с курносим носом и веснушками и широко зашагал к костру.

Николай опустился на корточки и, низко склонив голову, собирал в траве вывалившиеся из рюкзака вещи. Покачиваясь на ремешке, словно укоряя, больно ударял по коленке тяжёлый фотоаппарат с огромным объективом, а рядом на поваленном дереве лежало раскрытое разряженное ружьё с опущенными вниз до земли стволами, и оно было похоже на провинившегося щенка.

1968 год.

ВЕТЕРОК С ОЗЕРА

*Настоящий олень от укуса
первого весеннего комара торопится
туда, где в детстве вдохнул запах дымокура.*

(Пословица лесных ненцев)

Ломоть солнца высунулся над заозёрным лесом и лёг огненной полосой по воде. Небольшое облако, парившее в вышине, отливало бронзовым блеском. Где-то в стороне больших озёр послышался свободный клик лебедей. Из далёких кустов речного тальника закуковала кукушка.

Мир начинал просыпаться, но сосновый бор ещё спал, окунувшись в сонную дрему. Ни единого звука не доносилось из него. На краю бора, по белому влажному ещё с ночи оленьему ягелю, растянулись длинные тени деревьев и растворялись дальше в лёгком утреннем тумане. Чум, словно призрачный, сиротливо уткнулся в небо между кронами сосен. Вокруг чума, то там, то тут, словно моховые кочки, лежали олени, похлопывавшие изредка ушами от натиска комаров. Они блаженно жевали жвачку. Еле-еле курился вчерашний дымок в огороженном кострище – единственное средство защиты от насекомых. Иногда раздавался кашель ещё не проснувшихся людей, но сон которых стал тонок.

Солнце полностью выкатилось над горизонтом, и летний день шагнул в лес. Поднялись на ноги олени и стали ходить вокруг чума, ожидая появления людей. Особо нетерпеливые стали водить носом по брезентовой стене, чтобы побыстрее выпросить дымокур, потому что комары стали сильнее облеплять их. Маленькие оленията резвились в стороне, изредка с любопытством поглядывая на жильё. Они знали, что кто-то сейчас появится оттуда.

Вот с шумом распахнулась брезентовая пола-дверь, и к еле курящемуся дымку направился стареющий человек, на ходу

разминая занемевшие кости. Олени, вытянув шеи, обнюхивая, потянулись за ним. Собака поднялась из-за чума и побежала за хозяином, ревниво отгоняя рогатых и виновато повиливая хвостом, когда хозяин с укором оборачивался на неё. Оленевод подошёл к кострищам, подбросил гнилушек и раздул тлевшие угольки. Потом сверху добавил дров, болотного мха, и лёгкий ветерок потянул в лес облако вязкой пелены дыма, в котором один за другим скрывались олени.

Человек взглянул на поднимавшееся солнце, на сверкавшее озеро, на голубевшее небо и улыбнулся, прищурив глаза. Он замурлыкал под нос давно слышанную, но привычную мелодию старой сказки. Он в этот миг уже переселился в ту сказку, хотя старческое тело его было ещё здесь и оно отдельно от него направлялось к берегу, для того чтобы смыть с себя остатки сна.

На озере играл ветерок, пуская рябь по прибрежной траве, что-то тихо нашёптывал тальник. С плавучей кочки в воду с лёгким плеском плюхнулась зазевавшаяся ондатра, испугнутая появлением человека и сама напугав серебристую стайку рыбьих мальков. Брюхо обласа ещё не просохло со вчерашней езды и сейчас блестело на солнце, словно стальное. Человек опустил руки в озеро и сквозь прозрачную воду глядел на их изрезанные беспорядочными складками морщины.

«Подходит старость, – подумал он. – А сколько за свою жизнь изъездил озёр и речек с веслом в руках! Вёсла ломались, а руки до сих пор берутся за новые. Сколько оленей переловил на своем веку! Тынзяны не выдерживали оленьей прыти, а руки новые плетут. Сколько полозьев нарт истёрлось! А руки новые делают. У скольких обласов протёрлось дно от перетаскивания между озёрами и речками! А руки новые выдалбливают. Да, всего не перечесть, что сделали мои руки. Но подходит старость, и обмякло тело. Вырастил троих сыновей, но ни один из них не остался со мной, никто не хочет

пасти оленей, хотя выросли среди них. Старший выучился на учителя и живёт где-то в городе. Женился, а я даже невестку ещё ни разу не видел. Второй сын засел в посёлке, заведует Красным Чумом. Младший сын ушёл служить в армию. Но вернётся ли он после службы ко мне, к старику, к озеру, которое его вспоило, к оленям, которые укачивали его детский сон во время перекочёвок? А как, бывало, он радовался каждому рождению нового оленёнка! Целыми днями пропадал на пастбище или ездил со мной к дальним мордам. А потом увёз его в школу-интернат, и всё реже он стал появляться во время каникул. А последние годы, когда учился в техникуме, вообще перестал приезжать. Говорят, строителю нефтяных вышек без практики нельзя. Вот и внук – останется ли со мной, полюбит ли нашу тайгу, озеро, оленей, станет ли жизнь оленевода его жизнью? Не отнимет ли и его у меня шумный город?» – так думал человек, умываясь озёрной водой, и лицо его то расцветало в улыбке, то становилось мрачным, словно озеро в ненастную погоду, и морщины, и брови были похожи на седые спины и плавники волн.

Вдруг все его мысли рассыпались, словно на кучу утино-го пуха налетел ветерок-шалун. Человек оглянулся на чум, и глубокие морщины на лице разгладились, а в глазах появились искорки. Из чума выскочил шестилетний босоногий малыш и запрыгал от радости, крича на весь лес:

– Дедушка, дедушка, смотри, мой оленёнок пришёл!

Мальчик побежал к рыжему оленёнку, на ходу придерживая одной рукой штанишки. Споткнулся, распластался на земле и, словно получив от неё дополнительные силы, побежал дальше. Оленёнок сделал несколько шагов навстречу приятелю, ткнулся мокрой мордочкой ему в лицо. Малыш нежно погладил его по шее, чмокнул в нос, потом прихлопнул и побежал в лес, оглядываясь и маня. Тот сначала нехотя шагнул, остановился, расставил широко ножки, прогнул спинку, потянулся, широко раздув ноздри, а потом тоже побежал, смешно

подкидывая задние копытца. Лес зазвенел весёлым эхом от смеха и песни мальчика:

Оленёнок, оленёнок,
Мой пушистый колобок,
Хорошо играть с тобою
И поглаживать твой бок,
Хвостик и роженки, звонкие копытца!
Милый, росинками можешь ты напиток!

Хорошо тебя с ладони
Белой рыбкою кормить
И озёрною водою
Твою мордочку помыть,
Хвостик и роженки, звонкие копытца!
Милый, росинками можешь ты напиток!

Пусть сияет солнце с неба,
Пусть ласкает ветерок
Лаской тёплой, мятой леса
Твой коротенький пушок,
Хвостик и роженки, звонкие копытца!
Милый, росинками можешь ты напиток!

От чума с улыбкой смотрела вслед бабушка, успевшая разжечь огонь в летнем очаге и повесить над пламенем на перекладине чугунный котелок. Она держала на руках берестяную куженьку с рыбой, расчищенной и разделанной ещё с вечера и готовой для ухи. От озера шёл, улыбаясь, старик, держа на весу перед собой мокрые полусогнутые руки. За ним, поглядывая в сторону смеха и повиливая хвостом, шла собака.

Довольный проведённым утром, мальчик с разбега плюхнулся на брезент возле столика, над которым поднимался душистый запах ухи, исходивший из большой деревянной

чаши. На столе ещё лежали ломти испечённой на сковороде лепёшки, и в миске возвышалась ярко-солнечная горка морошки. Прямо в лицо светило ослеплённое солнцем озеро, из глубины которого дул прохладный ветерок.

Дедушка поставил на столик кружку с чаем и спросил:

– Хылу, сегодня хочешь со мной к дальним мордам?

Это была давнишняя мечта малыша. Он вскочил на ноги, запрыгал и радостно закричал под игривый мотив:

Поеду, поеду, с дедом поеду!

На солнце весло вкривь повело!..

Радости его не было конца. Сами посудите: кому хочется оставаться дома с женщиной? Ведь настоящий мужчина должен быть целый день на охоте, на рыбалке, или, по крайней мере, ходить по лесу, собирая в одно стадо далеко разбредшихся оленей, чем чаще всего и хотел заниматься Хылу. Но бабушка всегда ворчала и ограничивала его территорией стойбища, и давала мелочные задания, не присущие мужчине.

После завтрака у него не сходило с языка:

– Дедушка, скоро поедем?

Ему всё казалось, что дедушка очень медленно собирается, и он, чем мог, помогал. Сбегал в чум, принёс узелок с хлебом и солью. Принёс своё маленькое новое весло, которое высохло на солнце до пушиного веса.

Когда садились в облас, бабушка пришла провожать и давала им совсем ненужные советы и наставления. Хылу со счастливой и немного смущённой улыбкой, наклонив голову, исподлобья провожал взглядом её, стойбище и остающийся берег. Конечно, ему немного было жаль оставлять бабушку одну на целый день, но от поездки к дальним мордам он не мог отказаться.

Весло его то опускалось, то поднималось над водой, сверкая на солнце своей мокрой, глянцевою лопастью. О борт обласа тихо плескалась волна. Рядом на воде оставались жёлтые лепестки речных кувшинок, и не просто оставались, а плавно и быстро уплывали назад. Ласковый ветерок играл в волосах и на лице мальчика. Дедушка мурлыкал под нос песню.

Вопросам и восклицаниям Хылу не было конца. Его удивляло всё: почему лес издали кажется синим, а подъедешь ближе, и становится зелёным? Почему некоторые озёра тёмные, а некоторые светлые? Почему утки плавают возле берега, а не на середине?

Дедушка терпеливо отвечал, но мысли его были заняты иным. Он думал о том, что через месяц начало учебного года и придётся отвезти внука в посёлок, потому что нынче он должен пойти в первый класс. Он вспоминал своих сыновей и думал о том, что школа научит и его внука любить город, не таёжную, не кочевую жизнь, что внук, вероятно, тоже забудет аромат родного леса, стойбища, запах дымокура, вкус оленьего мяса и рыбы на свежем воздухе, когда лицо ласкает прохладный ветерок с озера...

Облас прощуршал по траве и ткнулся в берег. Была уже полуденная жара, и комаров почти не было. Они выволокли из воды морду и стали вынимать из неё толстых окуней и упругих как пружина длиннотелых щурогаек. Хылу взял в обе руки щуку. Под пальцами он чувствовал слизистую оболочку, но мелкая шершавость чешуи не давала рыбе выскользнуть. Малыш радовался ей. Он смеялся и приговаривал:

– Вот приедем в чум, и я из тебя сделаю сочную и вкусную подавшуку. Накормлю твоим белым мягким мясом своего оленёнка, чтобы он скорее вырос и покатал меня.

Щука извивалась в руках мальчика, словно понимала его слова, и хотела выскользнуть обратно в реку. Солнце тысячами искр переливалось на чешуе рыбы, словно та была

вышита мелким бисером. И в этот миг торжественно-радостный смех мальчика заглушал все звуки вокруг..

Они возвращались поздно. Озеро пылало ярким огнём заката, из-за которого даже с близкого расстояния не было видно чума. Ветерок утих, и вечер был душным, насыщенным ароматом прибрежных трав и цветов. На берегу их ждала собака. Присев на задние лапы и повиливая хвостом, она зевала. Рыбаки ступили на берег, и собака, поочередно обнюхав их, радостно запрыгала, повизгивая.

Они направились к чуму усталые и довольные уловом. По всему телу мальчика сочилась приятная усталость, гордость и ещё какое-то неведомое ему до сих пор ощущение – ощущение жизни. Он ещё не вдумывался, он ещё не мог этого осознать, но где-то подсознательно чувствовал, что он – жив. Что его жизнь, его сознание и окружающая жизнь – это одно целое. Что этот мир не может существовать без него, так же, как не родился бы на свет он, если бы не было его деда, если бы не было его тайги.

Только вошли в чум, Хылу забрался в полог к бабушке, ткнулся носом в тёплую подушку и счастливый стал засыпать. Последнее, что он слышал сквозь сон, это тяжелые шаги деда, который поправлял на ночь дымокур, мерный цокот копыт уходящих на пастбище оленей и поскуливание собаки, которую донимали комары...

Хылу сидел за столом рядом с такими же, как он, парнями и девушками и внимательно слушал слова седого преподавателя.

После того ясного утра прошло двенадцать лет. Он все эти годы часто бывал у дедушки, слушал его рассказы о своей трудной юности, о том, как часто гибли олени от неведомых болезней. И он давно решил: как только окончит школу, поступит в зооветинститут в большом шумном городе, чтобы по окончании его уехать в олени стада. И вот он студент.

Хылу любил свой край, стойбище, оленей, дедушку и бабушку. Он всегда помнил, что они его ждут. Юноша часто вспоминал, как по утрам садились завтракать на берегу, как перед глазами сверкала вода множеством живых искр, и в лицо дул прохладный ветерок с озера.

1970 год.

НАЕДИНЕ

– Ширк... ширк... – нашёптывали лыжи.

Солнце повисло над лесом, зацепившись за огненный край тучи. Чуть-чуть мела позёмка, и Хылуко подумал, что к вечеру будет буран. А идти ещё далеко.

– Ширк... ширк... – нашёптывали лыжи.

– Пцик... пцик... – запищал ремешок ружья по влажной от пота и инея малице.

«Начинается, – подумал охотник, снимая с плеча ружьё и перекладывая на другое. – Никак не соберусь заменить кожаный ремешок на брезентовый. Вон вчера крался к лосю и спугнул его этим писком...».

– Ширк... Ширк... – нашёптывали лыжи.

– Пцик... Пцик... – пищал ремешок ружья.

– Звень... Звень...

«Что это? Да это ж деньги! Не забыть бы передать Аношке, чтоб купил сахару. Он на днях собирался ехать в посёлок. Застать бы его в чуме. Мне нужна упряжка оленей», – так думал Хылуко, не убыстряя и не замедляя шаг.

Узкая полоска солнца, словно свежая рана, затянулась равным краем дальней тучи, которая тотчас будто пропиталась

кровью. Ветер усилился, а соседний кедрач на краю болота нахмурился. Он словно хотел предостеречь:

– Эгей, ненец, торопись! Скоро буран будет, и ночь приближается.

Молодой охотник только краем глаза взглянул в ту сторону, но ни на полступни не прибавил шагу.

«Нельзя, – подумал он. – Буду спешить, не дойду до стойбища Аношки. А мне надо добраться именно сегодня, чтобы с утра, выпросив у него оленью упряжку, ехать обратно за напарником... Как он там? Шутка ли, почти до колена ошпарил ногу кипятком. Эх, Учато, Учато!...».

– Ширк... ширк... – нашёптывали лыжи.

– Пцик... пцик... – пищал ремешок ружья.

– Звень... звень... – звенели в кармане монеты.

– Ток... ток...

«Котелок в рюкзаке забрякал. Снегу бы растопить, попить бы... Ничего, потерплю. Ведь эдак я почти полчаса потеряю».

– Ток... ток...

«Надо его переложить в другое место, иначе будет дразнить», – решил Хылуко, снимая рюкзак. Плечи расслабились и почувствовали свободу. Он бодро помахал руками, поводит плечами и, переложив вещички, снова тронулся в путь.

«Если я засветло доберусь до переправы через реку Пылитяха, то дальше мне будет легче идти – там я выйду на оленью дорогу, по которой Аношка ездит из чума на рыбалку».

И Хылуко пошёл немного размашистее.

Чёрная туча быстро стала подниматься над горизонтом. Ветер стих. На небе появились первые звёзды. Ближний кедрач молча замер. Далеко впереди показалась зубчатая стенка высоких елей.

«Это пойма Пылитяхи, – угадал Хылуко. – Если в ближайшие годы будем промышлять здесь же, то одну из избышек можно построить прямо на берегу. Вдоль реки в тальниках и в

молодом пихтаче хорошо держится лось, а вон из того массива и соболёк заходит... Конечно, старики будут посмеиваться, мол, только ханты могут жить в деревянных избушках, что истинный ненец может себя чувствовать хорошо только в чуме».

– Ширк... ширк...

– Пцик... пцик...

– Звень... звень...

Именно в тот момент, когда ночь опустилась на лесотундру, охотник вышел к реке, отыскивал оленью дорогу, переправу и только здесь, под уже нарастающий шум ветра в вершинах елей, сбавил шаг до нормального.

«Ну, теперь дойду. Тут мне всё знакомо – хоть с закрытыми глазами... И дорога есть. Мой напарник сейчас ещё не спит. Учато, наверное, читает недавно привезённую из посёлка книгу Юрия Рытхэу. Увлекательный роман, может, отвлечёт его от боли. Керосин для лампы у него есть, дров хватит, воды тоже», – думал он, равномерно, накатом передвигая лыжи. Голова немного ныла от перегрева, и пот осторожными капельками держался на висках. Однако капюшон малицы охотник снимать не стал, потому что мокрые волосы моментально схватит корочкой льда.

«Эх, был бы у меня снегоход!.. Сколько раз на профсоюзных собраниях, на сессиях сельсовета слушали начальников госпромхоза, чтоб каждое звено рыбаков и охотников было бы с транспортом, было бы с рациями. Наши отцы обходились только оленями, но они на охоту и рыбалку ездили не очень широко. Теперь же нефтяные и газовые месторождения и дороги на эти месторождения заняли, вытоптали все ближние доступные уголья, перекопали основные оленьи пастбища – бора-ягельники и сосновые гривы вдоль рек. А сами реки и озёра нефтью залили. Вон что делается на реке Ватьёгане или на Покачёвском бору! А ведь ещё совсем недавно там паслись тысячные

колхозные стада домашних оленей. Дядя-то мой в пятидесятых годах в Москве на сельскохозяйственной выставке делился опытом с другими оленеводами. Значит, было чем делиться? А теперь что делается! С каждым годом всё меньше остаётся возможностей держать оленей. Да и упитанность тех оленей, которые ещё есть, низка... Правда, есть теперь надёжная машина – снегоход «Буран», но только руководители считают, что невыгодно хозяйству покупать для каждого охотника такую мотонарту. Хорошо – пусть не на каждого – а на звено, на бригаду. Ведь три машины наш госпромхоз в последние годы получил, почему на них не ездят охотники? У кого они? Ведь сейчас снегоход или рация очень быгодились».

И Хылуко представил себя едущим на снегоходе. На таком «Буране» он несколько раз видел своего начальника в прошлую зиму. Начальник ездил на очередную побывку к жене, работавшей на базе ОРСа в соседнем посёлке нефтяников. Каждый раз молодой охотник с завистью смотрел вслед проносившейся мимо него машине. Он давно мечтал приобрести такую машину, но пугала цена, она была недосыгаемой.

– Ширк... Ширк...

– Пцик... Пцик...

– Звень... Звень...

За поймой реки дорога снова вывела на открытое болото. Метель уже вовсю завывала, заметая хвостом дорогу. Стало совсем темно, и впереди ничего не было видно.

«Эге, – задумался охотник, – так можно и не туда прийти. Надо срубить палку и продвигаться, ощупывая дорогу».

Он так и сделал. С первых же шагов Хылуко понял, что теперь придётся идти медленнее.

– Ширк... ширк...

– Пцик... Пцик...

– Звень... Звень...

«Так о чём я думал? Ага, о снегоходах. Вообще-то, кое-чего мы добились. На будущий год обещали нашему отделению выделить две мотонарты специально для охотников госпромхоза. Надо подобрать людей для будущей бригады, построить базовую избушку и завезти на угожья горючее. Будем пробовать охотиться бригадой... Стоп! Я, вроде, сбился с пути...». Палка, которой Хылуко нащупывал дорогу, ушла глубоко в рыхлый сугроб. Он ткнул влево, ткнул вправо. Когда нащупал твёрдую дорогу, снова направил лыжи вдоль санного следа. Кругом завывала вьюга, было темно. Редко-редко можно было разглядеть возле дороги отдельные деревца, окружённые бушующей лесотундрой. После речки Пылитяхи колючки снега хлестали сбоку, а тут начали подталкивать сзади.

«Так, так... Здесь дорога не должна сворачивать, значит, сменился ветер. Это хорошо. Буран будет недолгим. Мой дед говорил, если ветер неустойчив, то прояснение одолеет непогоду – должно распогодиться. Но только это случится ближе к утру. Завтра ехать будет легко – плотно надутый ветром снег лучше подмёрзнет, и олени на болоте не будут проваливаться в сугробы, – так решил Хылуко. – Сколько же сейчас времени?».

Он глянул на часы, но положение стрелок не рассмотрел. Вынул спички, чиркнул. Огонёк вспыхнул на долю секунды и тут же погас. Стрелки на часах он не успел увидеть, а себя ослепил. После вспышки не мог разглядеть даже собственной ладони перед лицом. Минут пять он стоял не шевелясь, возвращая себе зрение.

«От речки я шёл примерно часа два, значит, скоро будет развилка. Одна дорога на посёлок – туда далеко, а вторая – к чуму Аношки. Если он уехал в посёлок, то на развилке будет знак – наклонённая в ту сторону вешка. От развилки останется ещё столько же... Ага, вижу силуэт лыжи, можно, значит, идти».

Хылуко почувствовал, что ногу начало тереть креплением лыжи.

«Эх, надо было вчера перед сном зашить надорвавшееся крепление. Наспех завязанный узел кожаного ремешка разотрёт ногу. Надо бы немного ослабить ремешок, – подумал он и неуверенно возразил себе: – Наверное, можно и попозже?».

– Сейчас... сейчас... – подсказывала мозоль.

– Ну хорошо! – вслух ответил он и присел на колено. Когда расслабились мышцы, в ноге появилась дрожь.

«Ничего, – успокоил себя охотник, – я ещё не сильно устал».

– Ширк... ширк...

– Пцик... пцик...

– Звень... звень...

Вдруг палка провалилась в пустоту. Хылуко не успел оставить лыжи, и они понесли куда-то вперёд и вниз. Он потерял равновесие и ухнул в сугроб. С минуту лежал неподвижно. По телу от подбородка до груди, освежая, текла холодная, колючая струйка.

«Что это за яма?»... Так, так... Да это же не яма, а берег! Это же берег озера! Ну конечно!... Вот эта кривая сосёнка обычно стоит на самом спуске. Значит, я пошёл не той дорогой. Сейчас надо вернуться немного назад, и там должна быть развилка».

Было хорошо лежать на снегу. Усталость приятно растекалась по жилам и мышцам. Вспотевшее тело ощущало блаженный холодок.

– Вставай, нельзя расслабляться, надо идти. Надо, надо... – шептал себе охотник, но измученное тело протестовало.

Хылуко не без труда встал и, опираясь на палку, пошёл в гору. Идти обратно, зная, что идёшь обратно, было тяжело.

– Ширк... ширк...

– Пцик... пцик...

– Звень... звень...

– Сейчас... сейчас...

– Надо... надо...

«А что это «сейчас»? А что это «надо»?... Ах, крепление лыжи!

Да-да, надо... Нет, ничего уже не надо. Я же ослабил ремешок. Он ещё немного трёт ногу, но теперь уже лучше не сделаешь».

А буран бесился.

«Старики говорят, что если на охоте упустишь подранка-лося, обязательно буран начнётся, что Природа не может спокойно видеть пролитую кровь, поэтому скорее замечает её. Наверное, сегодня кто-то упустил подранка, поэтому и буран поднялся».

Иногда палка охотника проваливалась в рыхлый снег. Он начинал тыкаться влево, вправо, потом наконец отыскивал дорогу, становился на неё и шёл дальше. Сквозь ненастную ночную мглу он видел перед собой только носки своих лыж. И каждый раз, когда появлялась левая лыжа, он перекидывал тяжесть тела на левую ногу, а когда появлялась правая – на правую.

Левая – влево, правая – вправо... – так и шёл.

Ветер подгонял в спину, но от этого шаг его не прибавлялся. В темноте Хылуко наткнулся на надутые сегодняшним ветром бугорки-заструги, чуть не падал. Он не мог определить, сколько времени идёт, но почти всегда точно представлял невидимую вокруг местность. От напряжения ныли ноги, немного поламывало поясницу, рюкзак выворачивал ремнями грудь, а плечо онемело от тяжести двустволки.

«Справа должен быть сосновый остров посреди болота. Если так, то мне осталось идти около пяти километров. Это уже немного, – думал Хылуко, перекладывая с одного плеча на другое ружьё. – Мой напарник Учато сейчас, наверное, перед сном чаёк пьёт... Горячий, свежий!... Вот бы и мне...».

Он представил перед глазами чайник и журчащую в кружку красноватую струйку. Он ясно увидел лёгкий парок, вьющийся над блюдцем. Ощутил душистый запах чая и почувствовал на губах его вкус. Хылуко провёл языком по обветренным губам, но на них была только соль, соль пота.

«Надо думать о чём-то другом, о чае нельзя. О чём же?... Ветер, ветер... снег, снег... лес, лес... жизнь, жизнь... Что-то в этом есть...».

А вокруг холодный снег...
А вокруг ранимый лес...
А вокруг хрупкая жизнь...

Как будто стихи складываются... А дальше?

Разве птицы не хотят жить?
Разве звери не хотят жить?
Разве Земля жить не хочет?
Разве я не хочу жить?

«Не слишком ли много вопросов?... Многовато, но зато они заставляют задуматься. А ну-ка дальше...», – так шёл усталый Хылуко, нащёптывая рождающиеся строки. А может, слова песни? Вокруг бушевала стихия, а в голове, словно жаркие языки пламени, метались мысли и слова. Они помогли идти. Перед глазами, словно медленные колебания маятника часов, появлялись носки лыж. И они словно вели, словно тянули за собой...

Левая – влево... правая – вправо...

Когда он приостанавливался, опирался на палку и стоял, зажмурив глаза, сквозь вой ветра и шуршание снежных крупинок по капюшону малицы слышались частые удары сердца.

– Скоро, скоро... – шептал внутренний голос. – Вон, в том леске должен стоять чум Аношки.

– В каком лесу? Того же леса ещё не видно!

– Ну и что же? Всё равно недалеко. Если бы не буран да не ночь, видно было бы... Хватит стоять. Надо идти, надо!..

– Ширк... ширк...

– Пцик... пцик...

– Звень... звень...

– Скоро... скоро...

Сначала он услышал гул. Он понял, что это лес, долгожданный лес, который надвигался на молодого ненца шумом,

свистом, треском деревьев... И ему почудился лай собаки... Нет, не почудился! С каждым шагом лай приближался, охотник словно уже слышал звон цепи... Близость жилья, близкий конец пути отнимали последние силы.

- Левая – влево... правая – вправо... – вели за собой лыжи.
- Ширк... ширк... – нащёптывали они.
- Пцик... пцик... – пищал ремешок ружья.
- Звень... звень... – звенели в кармане монеты.
- Скоро... скоро...
- Сейчас... сейчас...

Хылуко представлял, как румянощёкая и круглолицая жена Аношки снимает с жарко натопленной железной печки фыркающий, клопочущий, свистящий чайник с ароматным чаем. Он ясно увидел, как дети Аношки окружили низенький столик и с весёлым любопытством следят за движениями матери. Он уже слышал сквозь стены чума их дружное галдение...

А обессилевшие ноги охотника делали последние шаги к жилью.

1977 год.

О ЧЁМ КУКУЕТ КУКУШКА

Сказка бабушки Ненги

Был знойный день. А в такой день у комаров «отсыхают» крылья, и поэтому они не кружили, не пищали надоедливо над самым ухом. Оленей возле чума не было. Они ушли пасть к озёрам – там вольно и прохладно. Из-за речки доносилось жалобное кукование кукушки, словно она кого-то к себе звала или о чём-то просила, умоляла.

Хылу сидел на остро пахнувшей свежими хрустящими кедровыми и нежно-мягкими берёзовыми стружками дедовой минльхме² и из отходов дедовой нарты мастерил ножками деда всякие нужные детали. Уже были готовы ножки и поперечины будущей нарточки и даже один полоз. Он спешил. Хылу хотел к приезду деда непременно закончить нарточку.

Бабушка сидела на своём любимом месте в тени густой раскидистой сосны и шила для внука новые кисы³. Возле бабушки, вытянувшись на боку, дремала собака. С озера сквозь редкие стволы сосен веял лёгкий ветерок. Само озеро переливалось и искрилось серебряной чешуёй, словно огромная живая рыба. А из кустов из-за речки слышались и слышались зовущие, чуть-чуть с хрипотцой, кукования лесной кукушки, как вчера, как завтра, как много зим назад, как во многие лета вперёд...

– Хылу, сынок⁴, во рту пересыхает, принеси попить.

– Ага..., – не поднимая головы, откликнулся внук, старательно ковыряя острым концом узкого ножа дырку в будущем полوزه нарты. Из-под взерошенных его волос на виски высывались две струйки грязно-мутного пота, и на ступеньке маленького круглого носа блестели мелкие, прозрачные, словно бисеринки, капельки. Один рукав рубахи был аккуратно закатан почти до плеча, а второй свисал до локтя. Над его шевелюрой жужжал кругами бронзово-жёлтый овод, словно не решаясь сесть на подвижные острые плечи мальчика, обтянутые тоненькой влажной тряпицей.

– Сынок, игла меня не слушается, жажда томит, сбегай за водой.

² Минльхме (ненец.) – место, где человек строгаёт, изготавливает что-то из дерева, нечто вроде мастерской под открытым небом. Получается целая куча стружек, на которых тепло, сухо и чисто сидеть и мастерить.

³ Зимняя обувь из оленьих шкур.

⁴ У лесных ненцев нет отдельного обращения к внуку. К внуку обращаются так же, как к сыну, к внучке – как к дочери.

– Ага, сейчас, – отозвался Хылу и, наклонив набок голову, внимательно вглядывался в дырку, в которой ловко работал острый нож.

Бабушка отложила шитьё, провела ладонью по аккуратно причёсанному белому, как молодой ягель, волосам, прижатым к голове прочной ниткой с нанизанными крупными цветными бусинками, и, опустив тяжёлые ладони на колени, сказала⁵:

– У кого глаза зоркие, у кого уши чуткие, у кого руки ловкие, у кого ноги быстрые? Кто бы сел возле меня, чтоб слушать сказку, которую сказывала давным-давно моя бабушка?

– Я, бабушка! Подожди, бабушка! Бегу, бабушка!

Хылу отбросил недоделанный полоз для нарточки, отложил дедовский нож, вскочил, прощуршав босыми ногами по пересохшей древесной стружке, поддёрнул одной рукой штанишки, другой ловко и быстро махнул под носом, громко швыркнув, и с разбега плюхнулся возле бабушки на нагретый знойным днём кусок брезента.

Бабушка медленно перебирала пальцами узор на подоле и глядела куда-то вдаль за озеро. В морщинистых уголках её губ ютилась неприметная глазу, ощутимая только чутьём лукавая хитринка. На миг она представила, что когда-то и сама была такой же бойкой маленькой девочкой. Потом она улыбнулась какой-то другой мысли и начала:

– Давным-давно, в жаркий день, такой же жаркий, как сегодня, на берегу нашего живуна, только далеко-далеко в верховье, жила в берестяном чуме ленивая девочка с красивой мамой.

– А они пасли оленей?

– У них, конечно, как и у нас, наверное, были олени, но сказка не об этом. Слушай!.. Итак, был знойный, как сегодня, день. Девочка качала в берестяной люльке тряпичную куклу и напевала усыпительную песенку. Мать была занята шитьём.

⁵ Начало сказки было опубликовано в газете «Ленинское знамя» от 25 августа 1984 года. В книге «Ветерок с озера» оно было опущено. Далее текст печатается по публикации в книге.

На коленях у неё лежал недошитый тьянт⁶ для дочери, а на том тьянтку – доска, на которой она острым ножичком вырезала из меха нарядный орнамент «заячьи ушки». Умелые руки женщины работали ловко, а крайний палец прижимал к соседнему безымянному проворную иголку с жилкой.

Но вдруг стала распалиться в маме жажда.

– Доченька, во рту пересыхает, принеси попить.

– Ага... – не подняв головы, отозвалась дочь, но продолжала заниматься своим делом.

– Доченька, игла меня не слушается, жажда томит, сбегай за водой.

– Ага, сейчас... – откликнулась ленивая дочь, но опять не сдвинулась с места. И вдруг что-то странное и непонятное стало твориться с мамой.

– Доченька, руки твои проворны, ноги твои быстры, а я не могу тьянтку отложить, – хвоинки к нему пристанут, пылью покроется, – принеси речной воды, что-то горло моё сужается, что-то руки мои укорачиваются.

– Погоди, мамочка...

– Доченька, что-то туловище моё сжимается, что-то лицо моё уменьшается, что-то ноги мои тонкими становятся, что-то язык мой колотья стал, как бы мне в птицу не превратиться, принеси мне любой воды, хоть из речки, хоть из озера.

Бабушка вздохнула, достала костяную табакерку, ловко сунула за губу указательным пальцем порцию крепкого табаку, неторопливо вытерла сначала ладонью, а потом пальцем уголки губ, стряхнула с подола обронённые крупички и продолжала:

– А непослушная девочка на просьбу матери молча перепелёвывала тряпичную куклу, которая не умела плакать, которая никогда не хотела есть, которая никогда не просила пить.

– Доченька, что-то руки мои пухом покрываются, что-то тело моё лёгким становится, что-то голос мой по-птичьи

⁶ Тьянт – женская зимняя меховая одежда. Тьянтку – уменьшительно-ласкательное от тьянт.

хочет звучать, а губы мои в клюв превращаются, хкук... что-то в мыслях я на дерево хочу взлететь, хкук-ку!.. В последний раз прошу: принеси водицы, очень пить хочется.

– Ну погоди, мамочка... Дай в люльке куклу зашнурую.

Не дождалась мама ленивую дочь и взлетела птицей на нижний сосновый сук, а недошитый тянтку упал на землю в серую пыль. И запела с дерева уже не красивая женщина, а неприглядная маленькая серая кукушка:

– Хкук-ку! Хкук-ку! Нет у меня любимой дочери. Хкук-ку! Хкук-ку! Не для кого мне шить нарядный тянт. Хкук-ку! Хкук-ку! Некому для меня воды принести. Хкук-ку! Хкук-ку! Полечу я в берёзовый лес напиться прозрачной росы. Хкук-ку! Хкук-ку! Хкук-ку!

И полетела кукушка.

Оглянулась девочка, вскочила на ноги, отбросила в сторону ненужную тряпичную куклу и побежала следом за мамой:

– Мамочка, мамочка, не улетай, я тебе пить принесу. – Она схватила берестяное ведёрко, зачерпнула из живуна прохладной воды и, выплескивая её на свои босые ноги, побежала в лес за кукушкой. А впереди неё звенело, постепенно удаляясь, жалобное:

– Хкук-ку! Хкук-ку! Хкук-ку!..

Потом это кукование перенеслось на болото и всё дальше и дальше. Долго бежала плачущая девочка, перепрыгивая с кочки на кочку. Потом она остановилась, прислушалась, но кукование уже раздавалось со всех сторон, и вдалеке, и вблизи. Села девочка на болотную кочку и горько зарыдала. Туловище её стало сужаться и превратилось в стебелёк; вздрагивавшие плечи её превратились в крупные зелёные листья; а голова её превратилась в тяжёлую ягоду, лежащую на лепестках-ладонях. Так стала ленивая девочка болотной морошкой...

Бабушка вздохнула и провела языком по высохшим губам:
– Ёх-хо-хо-хов!.. Видно, старая стала, разговорилась тут с тобой и делом не занимаюсь. А солнце-то как печёт! Даже язык к небу присыхать стал...

– А я тебе пить принесу!

Хылу вскочил, снова одной рукой поддёрнул вверх непослушные штанишки, махнув другой под носом, и побежал к очагу-кострицу, возле которого под навесом хранилась вся хозяйственная посуда.

– Только, сынок, не из озера набери воды, – там она сопре-ла на солнце, а из речки – бодрой и живой.

Бабушка с улыбкой смотрела вслед внуку, а из-за речки, из кустов прибрежного тальника плакала и плакала охрипшая кукушка, как много-много лет назад, как на многие лета вперёд:

– Хкук-ку! Хкук-ку! Хкук-ку!..

1979 год.

У ЗАБРОШЕННЫХ ГНЕЗДОВИЙ

На вершине небольшой, но крепкой сосны виднелось крупное гнездо, из которого торчала голова птенца. А над озером и над двумя людьми парила пара величественных орланов-белохвостов – редкость даже для здешних глухих мест.

Под орлиным гнездом на соседних кустах, берёзках, сосёнках, на кочках, под выворотнями, под валежинами, прямо в траве, на некотором расстоянии от берега и совсем у воды было множество различных по величине и по форме птичьих жилищ. И не случайно мелкие птахи выбрали себе гнездовье

здесь. Когда орланы, защищая своего птенца, нападают на врага, приблизившегося к гнезду, этим самым они защищают всё птичье гнездовье.

Вокруг раздавались пёстрые звуки ярких птичьих голосов.

Саня собрал сухих сучьев, развёл костёр и повесил над ним чайник. Комары липли к его рукам, лицу, шее, и он вынужден был достать флакончик «Дэты». Из-под ладони Саня вглядывался в дальний берег озера, высматривая товарища, который расставлял рыбацкие сети.

Вдруг, он даже вздрогнул от неожиданности, где-то рядом, на соседней болотине, громко, звучно, словно торжествуя, затрубил журавль. Песнь его ещё не кончилась – её подхватил откуда-то второй, третий... И уже в следующий миг невозможно было определить, сколько их участвовало в оркестре. Великая птичья мелодия поднималась всё выше и выше, разносилась по широкому простору лесотундры, затопляя собой дальние её уголки. И в какое-то мгновение было не различить, то ли журавли ещё трубили, то ли уже эхо отзывалось.

Звуки песни оборвались так же внезапно, как и начались. Вокруг стало тихо-тихо, словно мир был оглушён. И в этой тишине, блеснув последний раз по молодой листве, по лазурной траве, по теперь уже не белым, а огненным цветам кривой рябины, погас последний луч уплывшего за горизонт солнца. Музыка, дополненная светом! Световая гамма на закате солнца, дополненная звуковой гаммой птичьих голосов! Что может быть сладостнее гармонии звука и света, отразившейся в человеческом сердце!

И понял Саня, не понял, а почувствовал чем-то изнутри, что эта музыка природы раздаётся здесь каждый вечер, что так величественные птицы провожают солнце на ночлег. Ему захотелось услышать эту песню ещё раз. Подождал немного, но она не повторялась. Тогда он сложил руки рупором, набрал побольше воздуха в лёгкие и заорал во всю мочь:

– Э-ге-ге-гей, журавли-и! Давай ещё!..

«Щё... щё... щё...» – отозвалось эхо, и голос его показался Сане каким-то нелепым и беспомощным. Вскоре подъехал к берегу Ава-Хылу.

– Чего кричишь, как мальчик? Не вспугни удачу. – И, вставая из облака, молодой ненец добавил: – Вари уху. Пока расставлял сети, Тот-Кто послал трёх карасей.

– Кто? – не понял Саня.

– Да тот, кто создал этот мир. По-русски значит – Бог или Матушка-природа. – И, подмигнув товарищу, Ава-Хылу выдернул из воды осиновою долблёнку. На дне её неподвижно лежали толстые рыбины, чуть заметно открывая и закрывая жаберные крышки.

– Ого, какие красавцы!

– Здесь вся рыба такая. Я же писал, что озеро понравится. Уже столько лет прошло, как отслужили воинскую службу, сколько раз ты в письмах обещал, а только сейчас надумал.

– В следующий раз приеду с женой и сыном.

– Буду рад...

В вечерней прохладе висел запах свежей ухи и дыма. Ночь была тихой, и каждый карась, попадавший в сети, оповещал о себе сильным всплеском. Такие всплески были частыми. Погода обещала хорошие рыбацкие деньки.

Низко над водой, возле самого берега, стелился сизый туман, и невозможно было различить, то ли он чистый, то ли с примесью дымка. На ночь птички в гнёздах умолкли, притихли, лишь иногда доходил до чуткого слуха чей-то неосторожный шорох. На сосне, на фоне неба, виднелась орлица, в центре гнезда ласкающая орлёнка, и возвышался рядом орёл, внимательно вглядывающийся в окрестность. Была эта попахивающая костром и ухой ночь неотъемлемой частью озера – озера, которое было бы, наверное, неполноценным без присутствия человека...

Прошёл год. Те же люди на плоскодонной «казанке» ехали на то же карасиное озеро. Погода была такая же или почти такая. Только рядом с Саней в дюралевой лодке сидел

белобрысый мальчуган и щурился от яркого солнца, которое словно летело над светящимися волнами.

Саня, стараясь перекричать мощный гул быстроходного лодочного мотора «Вихрь», громко спросил, оглянувшись через плечо на кормового:

– Успеем?

Ава-Хылу, внимательно следивший за поворотами речки, не глядя на друга, кивнул головой.

– А погода будет хорошая?

Молодой ненец мельком глянул на далёкий горизонт, на снижающееся солнце и, сложив ладонь в кулак, показал поднятый торчком большой палец.

Вскоре они были на месте. Как и в прошлом году, после того как причалили лодку, в ушах продолжал звенеть стальной моторный гул. Где-то вдали за леском слышался глухой, хлопающий, громоподобный звук гружёного вертолётa, наверное, пролетевшего куда-то на нефтяное месторождение. Но ощущался ещё какой-то посторонний, тяжёлый звук, и, наверное, поэтому Саня не услышал ожидаемого хора птичьих голосов. Он на всякий случай поковырял мизинцем в ушах. Что-то вокруг изменилось. Даже комары налетели не сразу.

Рыбаки прошли сквозь маленькую гривку леса и вышли на карасиное озеро. Картина, которую они увидели, поразила всех.

На противоположной стороне, прямо на берегу, высоко в небо торчала нефтяная вышка. Рядом с ней медленно снижался огромный вертолёт «Ми-6» со стальными трубами на подвеске. И вздрагивала не только земля, но и воздух, и далёкие, тонкие огненные облака и, казалось, даже предзакатное солнце. С озера дул ветерок, и прямо перед людьми в траве покачивалась на волнах пустая железная бочка из-под «Масла индустриального» с налипшими на боках жирными пятнами глины. Вокруг бочки на воде переливалась безобидная на вид радужная плёнка.

Ава-Хылу нехорошо, чисто по-русски выругался и сплюнул себе под ноги.

Молча, тяжёлым взглядом глядел Саня на противоположный берег. В глазах его были бессилие и ненависть к возвышавшейся железной конструкции.

Только у белобрысого мальчика – восьмилетнего сына Сани – был восторженный взгляд. Он вспомнил рассказ учителя о покорителях Самотлора, о тяжёлом героическом труде нефтяников Сибири. Он мысленно представил, как, приехав в Свердловск, будет рассказывать друзьям об увиденной своими глазами работающей буровой вышке, о большом вертолёте, перевозящем на тросах тяжёлые грузы, и он чувствовал, как друзья будут смотреть на него с завистью, так же как завидовал он Кольке из своего подъезда, отец которого работал под Уренгоем бурильщиком, куда Колька во время каникул однажды ездил.

Сын Сани внимательно вглядывался в копошившихся возле вышки людей, и ему хотелось туда. Он ощущал приятный запах выхлопных газов и зовущее притяжение трудяги-великана.

Ава-Хылу расставил сети, но за всю ночь в них не попало и трёх карасиков. Бесполезно Саня ждал на закате солнца журавлиных голосов. Они не откликнулись на его мысленную просьбу и на восходе. То ли потому, что журавли боялись привлечь к своим гнездовьям людей, работавших на буровой, то ли их вообще поблизости уже не было.

Прохладной белой ночью бывший хозяин здешних мест молча сидел спиной к костру и грустно глядел на пустое, полуразвалившееся, не отремонтированное нынче гнездо орланов на вершине сосны. У него было такое ощущение, словно ему подрубили крылья, словно теперь в своё родовое гнездо ему уже никогда не ступить.

А с того берега озера доносился мощный гул: это всемогущий бур грыз землю, которую создал для разумной жизни Тот-Кто.

ШАЙ-ИКИ

*«Сейчас Аринэ моя жена, ей посвящая
свой маленький рассказ»*

(Рассказчик)

Сосны бежали по обе стороны дороги, как сказочные олени, цепляющие рогами небо. Раздавалась звонкая песня полозьев в морозной стыни. Клубы пара вырывались из ноздрей оленей, и он словно белое облако стелился над дорогой. Звенел в воздухе стук копыт и окрик человека, погоняющего упряжку.

Мы ехали на водораздел охотиться за песцом, за белкой и за диким оленем. Водораздел – это «Спина Земли», так говорят наши старики, это граница тундры и тайги, это начало рек, текущих в разные стороны.

Дорога длинная. По ней в старину ездили ненцы и ханты за продуктами и за порохом к сургутским купцам. По этой дороге ездили друг к другу жители двух округов, и в пути рождались ненецкие и хантыйские песни и сказки. Эта дорога всегда была многолюдной, накатанной. Но чаще всех ездит здесь Шай-ики. Потому что его моховая изба – жилище из колотых досок, утеплённое мхом, – стоит возле самой дороги.

Шай – по-хантыйски и по-ненецки – чай, а ики – мужик. Прозвали его так за то, что он любит пить очень крепкий чай. Если кто-нибудь, едущий на водораздел или обратно, заглянет к нему, то не уедет, не отведав крепкого душистого чая, не отведав копчёной рыбы – пинтэра, острой мороженой брусники и клюквы, пока не выслушает множество сказок и песен. Говорят, много знает Шай-ики хантыйских и ненецких загадок и головоломок. Проезжающим он устраивает интересные состязания для ума.

Три ночи мы провели под звёздным небом, бросив под себя на кучу лапника оленьи шкуры и укрывшись поверх кумышей морозным эхом. Шесть раз вспыхивал наш походный костёр, подогревая нам завтрак и ужин. Три раза мы распрягали оленей и три раза вновь запрягали их в дорогу. И вот к концу четвёртого дня наши олени почуяли запах стойбища и ускорили шаг. Впереди послышался лай собак.

Жильё Шай-ики, огороженное оградой из жердей – коралем, куда по утрам загоняют оленей, стояло в густом сосняке. Сам моховый дом казался снежным холмом среди высоких сосен, а позади возвышался на четырёх ножках с зарубинами большой крепкий лабаз. Возле зимовья ровными рядами стояли нарты, каждая из которых имеет своё название и назначение.

С краю поставлена мужская повседневная рабочая нарта. Следующая за ней – для выезда в гости, в посёлок сдавать пушнину или для участия в состязаниях. Упряжь её отделана резными костяными украшениями. Она стройная, высокая, аккуратная. Носы её были капризно вздёрнуты, но в фигуре нарты чувствовалась достаточная прочность, чтобы при сильных раскатах выдерживать боковые удары. В её очертаниях словно звучала весёлая праздничная песня рыбака-охотника и звучные крики погони на соревнованиях. И я чувствовал голос нарты: «Садись, прокачу!».

С другого края стояли две женские нарты. Сделаны они попроще, но обе прочные, устойчивые и ходкие. Но когда взглянул на следующую, тоже женскую, я чуть не ахнул. Два передка её – словно пара первых весенних лебедей, тревожно глядящихся в снежную круговерть капризного северного мая. Четырнадцать ножек из прочной берёзы – тонкие, стройные, похожие на ножки молоденьких оленят. Впереди две поперечины – выгнутые спины двух соболей. Мне захотелось подойти и погладить их ладонью. Нарта была застелена

белой, как туман, оленьей шкурой. На ней должна сидеть только красавица. И тогда, кажется, не нужно будет впрягать в нарту оленей, кажется, она сама способна сорваться с места и унести в лесотундру вслед за вьюгой. Попробуй, догони!

Рядом с девичьей нартой хозяйственные: шипу, нгутту, пайкан выглядели убогими и неуклюжими.

Над моховой избой высоко в небо столбом поднимался дым и летели искры. Мы распрягли оленей и вошли в жильё. Чай уже готов. Нас сажат за стол, и начинается обычный традиционный разговор:

– Как там народ поживает?

– Да ничего, помаленьку живут.

– Пусть будет полным их счастье! А как люди в низовье реки?

– Да вроде плохой вести не слышно было.

– А что нового в магазине?

– Печки жестяные привезли на самолёте, очень удобные для кочевья, маленькие охотничьи топоры, которые заказывали прошлой осенью, кожу-юфть для оленьих упряжей и для пошива осенней обуви. А ещё привезли нарядные женские шали...

– Надо бы навеститься в посёлок, давно там не гостили. Пора пополнить запасы продуктов...

Семья Шай-ики большая, но с родителями жила только одна дочь Аринэ. В прошлом году, говорят, приезжали к ним сваты, но она не уехала, то ли по собственной воле, то ли из-за родителей. Я глянул в левый дальний угол за чувалом и встретился с её глазами. Щёки её вспыхнули, как две спелые клюквины. Сердце не по моей воле часто забилося...

Прежде чем кушать, наш бригадир сходил на улицу к нартам, принёс бутылку спирта, продукты магазинские и пригласил к столу хозяев. Согласно обычаю бутылку раскупорили, развели водой, принесённой из живуна, налили немного в стаканы и всё это добавили к общему столу.

Шай-ики стал говорить тихо, ровно, сначала как бы неуверенно, потом всё твёрже. Лицо его светлело. Он смотрел на

закопчённую икону в изголовье нарт, но обращался не к ней, а к кому-то позади неё:

– Э-э-э! Тот, который в новорождённого вдыхает Душу и Жизнь, а оступившемуся прибавляет мужества и силы!

– Э-э-э! Тот, который под лыжами путника создаёт бодрое скольжение, а охотника-рыбака не обделяет Удачей!

– Э-э-э! Тот, который в тёплом дупле кедра для Красной Белки создаёт благоприятные условия вскармливать бельчат!...

– Наши гости поставили на Твой стол гостинице!..

– Крючки-закорючки Судьбы пусть не цепляются за их руки-ноги!

– Пусть сами они, и дети их, и дети их детей не разучатся поддерживать Огонь Жизни в их жилищах!

– Пусть оленьята их никогда не будут голодными возле ног своих матерей!..

Лица моих друзей раздумялись, стали весёлыми от выпитого, от тепла, на них играли блики пламени огня чувала – хантыйского очага. Шай-ики взбодрился, начал шутить. Жена его, крепкая подвижная женщина, освобождала от чешуи очередную щуку для строганины. Лёгкие руки Аринэ разливали по чашкам горячий душистый чай, подкладывали ровные ломти хлеба, которые впитали в себя жаркий дух глиняной печки. Я представлял, я видел, как её проворные пальцы собирали эту клюкву, которая искрилась сейчас и алела в белой эмалированной миске. Я выбрал самую крупную ягоду и долго катал, грел её между губами...

Уставшие после долгой дороги мои товарищи быстро заснули. Шай-ики долго, негромко, протяжно пел песни. Жена немного ворчала на его характер. Они изредка переговаривались между словами песен охотника. Разговор не мешал песне, точно так же, как песня не мешала беседе:

– Эй, Имей, завтра наши гости будут, наверное, отдыхать у нас, у них олени устали, – говорил хозяин.

– Ну, конечно, куда им спешить, успеют ещё доехать, пока посильный снег для оленей.

– Сколько у нас мяса осталось?

– Мало, Икей, всего на один мало-мальский обед.

– Которого бы оленя нам забить?

– Ну, конечно, сына Бурундучихи, – уверенно отвечала хозяйка.

– Эй, Имей, жадность в роду твоих родителей всегда презиралась. У третьего сына Турпанихи и мясо мягче, и жирку побольше.

– Смотри, Икей, ты хозяин, тебе и решать. Только не говори потом, что тебе ездить на дальние угодья не на чем. Ведь сын Турпанихи уже начал ходить в упряжке...

– Ничего, у нас пока ещё хватит, чтобы ездить каждый день на отдохнувших оленях... Когда ещё к нам гости приедут!...

И он снова запел песню. В ней говорилось о чёрном вороне, который выклевал быку глаза, о шуке, которая обманула человека, и о животастом Чудище Семиязыком, поскользнувшемся на мокрой от слизи доске, на которой разделявали рыбу...

Я засыпал. Моё тело, измученное непривычной дорогой, отдыхало в тепле. Было бездумно, но хотелось чего-то ещё. Как-то не мог понять, чего же это мне не хватало? Эта мысль кружила где-то рядом. Она завладевала мной и отступила, не зацепившись. Так я и заснул.

Ночью проснулся от холода. Сквозь окно на потолке на меня ласково смотрели звёзды, словно тихо, но настойчиво говоря: «Спи, спи, спи...», а сами невидимыми колюче-холодными пальцами прощупывали мои ноги и всё тело. Возле ног у меня лежал женский лебяжий тянт. Я натянул его на себя и уткнулся носом в выдровый воротник. Мне стало уютно и тепло. В голове шевельнулась догадка: «Наверное, она положила». И я снова провалился в сон...

А назавтра новый день радовал душу охотника. За ночь выпала тонкая плёнка снежной пороши, которая нетронутой свежестью лежала на нартах, на подволоках – лыжах, подклеенных шкурой, кажется, лошади, – на наших вчерашних следах. Страхнув с верхней жердины ограды снег, взлетела на ветку ближайшей сосны звонкая сорока. Над стойбищем клубился белый, словно живой, пар и садился на ближние ветви пушистым инеем.

Но одна нарта, рабочая нарта Шай-ики, была выдернута из общего ряда и ярким контрастом выделялась среди других присыпанных. Снег с неё был сметён, а упряжь лежала на снегу, ожидая оленей. От нарты в лес тянулась свежая лыжня, поверх которой виднелся тоненький непрерывающийся след. Это сзади оленевода волочился юркий кончик тынзьяна – хозяин ушёл за оленями на пастбище – каем.

С появлением оленей зимний лес словно ожил. Словно всё вокруг – изба, ограда и деревья – пришло в движение. С ближайшей от кораля сосны пёстрая сорока перелетела на пенёк на окраине стойбища, куда садилась и раньше, и, наверное, не раз, согнав с этого пенька кедровку. Кедровка отлетела на нижний сухой сук соседней сосны и обиженно оттуда затрещала...

Хозяйка вышла из двери с мешочком и стала кормить оленей крошеной сушёной рыбой. Олени сразу окружили её со всех сторон. Она приговаривала:

– Эй, Бурундучиха, я ж тебя покормила, отойди, дай место другим. А ты, Сын Ветра, чего стоишь в сторонке? Подойди, не стесняйся. Как у тебя, Железный Пень, голова? Не болит? Эх ты, потерял вчера рог, давай скорей стряхивай и второй. А это кто такой нахальный? Ах, это ты, Нямпалата. Ну, на тебе кусочек повкуснее. Скоро хозяин будет приучать тебя ходить в упряжке. Наверное, впервые он тебя впряжёт между твоей матерью и Железным Пнём. С ним тебе будет легко

привыкать к работе. На тебе ещё кусочек. А ты, ушастый Чудище Семязыкий, что не подходишь? Да не будем мы сегодня на тебе дрова возить. Есть у нас ещё дрова...

Следом за последним оленем вошёл в кораль Шай-ики. На цепи за изгородью весело прыгали собаки, оглашая лес звонким лаем. В дальнем углу, за нартами, сцепились рогами две сильных важенки. Это местная самка выясняла отношения с гостьей. Спор был недолгим, гостья уступила. Хозяйка пастбища, местная олениха, гордо прошагала сквозь стадо грациозной походкой, показывая нашим и местным оленям, кто здесь самый сильный и самый красивый.

Старик с утра был в весёлом настроении. Он бросил подволоки на нарту и задорно объявил:

– А ну-ка, молодёжь, чья рука тверда и чей тынзьян лучше расправляется? Кто мне поймает сына Турпанихи? Вон он виднеется из-за спины вашей пёстрой важенки.

Мы посмотрели туда, куда указал Шай-ики. На нас были устремлены пугливые зоркие глаза и вздрагивали насторожённо торчавшие из-под гладких, отполированных рогов чуткие уши. Олень словно понял слова хозяина, и каждая мышца на теле готова была к сопротивлению.

Из двери с большой деревянной чашкой в руках вышла Аринэ. Она слышала последние слова отца и с какой-то лукавой хитринкой зыркнула на нас из-под нарядной шали. Но молча глядела жена старого охотника. На её лице была написана жалость к животному и ещё что-то, без чего не может жить испытавшая трудную кочевую охотничью долю, умудрённая опытом оленеводческой жизни женщина.

За коралем весело лаяли собаки. Они словно смеялись над нашими промахами. Шай-ики подтрунивал, сидя на нарте:

– Я знал ненца, который произвёл на свет хозяина того тынзьяна, что лёг, как повязочка для штанов, на жирный зад оленя. Конечно, тот ненец не промахнулся бы. О его твёрдой

и точной руке знали не только его сородичи-ненцы, но добрые слухи о нём ходили и среди моей родни – среди охотников-ханты. Юноши нашего времени сейчас бы уже сидели возле пылающего чувала и насыщались тёплой, как молоко женщины, кровью молодого хора. А с вами, наверное, мне придётся порядком голодать.

Некоторые наши броски были такими неуклюжими, что Шай-ики валился от смеха на спину. Нам, молодым, после интерната жившим и работавшим в посёлке, а потом служившим в армии, потомкам оленеводов и охотников, но только лишь когда-то в детстве игравшим с оленятами, нам, людям, только что вернувшимся к древнему, пока ещё нужному занятию наших предков, конечно, надо много времени, чтобы научиться не только искусству метания тынзяна, но и другим житейским навыкам...

Это было красивое зрелище! Шай-ики смотал свой аркан, сбросил с головы капюшон малицы, зачем-то поправил на поясе ножны, а когда мимо него пробежали олени, насторожился, вытянулся, даже чуть-чуть взлетел и резким движением руки и всего тела сделал бросок. На какую-то долю секунды петля словно замерла над мечущимся стадом, а потом выхватила из самой гущи именно того оленя, которого мы целое утро пытались поймать.

Я кинул теперь уже ненужный тынзян на свою нарту. Пожилая женщина, втянув голову в плечи, ушла в дом. Перед входом в сених слышно было, как Аринэ брякала ведрами и кастрюлями. Шай-ики повёл упирающегося оленя за жилище к святой стене...

Мы помогали старику. И вскоре из вспоротого нутра животного к морозному небу поднялся тёплый терпкий ароматный пар – возможно, это и есть священный дух только что жившего оленя, душу которого старец перед самым забоем отправил в упряжку Хозяину Тайги – покровителю охотника.

Шай-ики вынул из брюшины и бросил на снег тяжёлую печень. Она лежала багровым пятном на холодной скатерти и всё ещё пульсировала.

Мы только заканчивали разделку туши, а в моховой избе над жарким пламенем чувала висел большой чугунок, над которым колдовали тонкие, но сильные, всё умеющие руки Аринэ – трудолюбивые руки будущей жены охотника, будущей чум-хозяйки, обработчицы пушнины, мастерицы по пошиву тёплой и нарядной меховой одежды. Я мысленно представил, как эти нежные пальцы ласково лягут на голову шустрого мальчугана, готового в любой миг весёлым вихрем ворваться в самую гущу оленьего стада, мальчугана – будущего сына охотника – её сына. И мне так захотелось, чтобы этот несуществующий ещё мальчик был моим сыном...

В этот день я несколько раз чувствовал на себе то лукавый, то весёлый, то нежный, то задумчивый взгляд девушки. От её взглядов мне становилось жарко и прибавлялись силы, за моими плечами словно вырастали крылья, я готов был лететь над стойбищем, над стадом оленей, над лесом.

Так было и тогда, когда после обеда Шай-ики устроил нам на улице что-то похожее на состязания. Он просовывал тынзян сквозь мою малицу из одного рукава в другой, а я через его плечо видел в приоткрытую дверь моховой избы краешек любопытной цветной шали. Когда холодная плетёная кожа коснулась под одеждой моего тела, я вздрогнул – она словно прошла меня насквозь. На удивление всем, я быстро разобрался в этой национальной головоломке оленеводов. Но я-то знал, что без молчаливой помощи Аринэ ещё долго бы мне пришлось путаться на конце непослушного тынзяна.

А потом мы состязались в точности и дальности метания тынзяна, в ловкости и силе. Мы прыгали через нарты, пытались стоять на одной руке, исполняли всевозможные акробатические трюки, и Шай-ики не только объяснял, как это делается, но и сам во всём участвовал. Он словно помолодел, стал

выше ростом и шире в плечах. Он не уступал нам ни в силе, ни в ловкости, а в чём-то даже превосходил.

Вдруг собаки тревожно залаяли. Лес замер. Олени настожились. Хозяин прислушался. Где-то вдали на юге слышался гул. Глаза Шай-ики искали объяснения тревоги на наших лицах...

Это был вездеход. Он, словно стальной паук, подполз к самой ограде и заглушил все звуки. Олени испуганной кучкой прижались к дальнему углу загона. Остро запахло гарью выхлопных газов.

Ещё летом по открытой воде пришли по реке катера, и рядом с нашим посёлком выгрузилась сейсмопартия. Часто возле посёлка в тайге можно было встретить группу людей с замысловатыми приборами или вездеходную машину. Но в такую глушь они ещё ни разу не забирались.

Они направлялись к истокам. Спросили о прочности льда на речках и озёрах, много шутили. Поблагодарили хозяев за поданный к обеду жареный олений язык и мозги, за рыбный пинтэр, и уехали. А мы уже не могли продолжить прерванных игр. С чего бы мы ни начинали, наши разговоры возвращались к проехавшим геологам...

На закате подморозило. Ярко сияли крупные звёзды, но звучно, словно выстрелы, трещали деревья, – погода обещала потепление, снегопад и, возможно, метель.

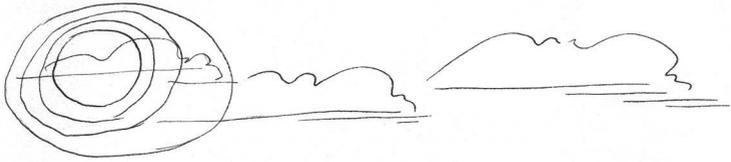
Перед сном Шай-ики снял со стены старенький, потёртый нинг-юх и протяжно пел песни, мягко задевая смычком струны-жилы. В мелодиях, издаваемых хантыйским музыкальным инструментом, слышались то нудные завывания вьюги в длинной северной ночи; то звучные песни молодых лебедей на закате весеннего солнца; то скрип оленьей нарты в морозной стыни; то бормотание скупой старухи. То казалось, как за стенами жилища раздаётся тревожный зов важеньки заблудившегося оленёнка. Пел нинг-юх, пел старик, пела его моховая изба, пела зимняя долгая ночь. На потолке, на стенах, словно

сполохи полярного сияния, играли блики пламени огня, догоравшего в чувале. И в какое-то мгновение было непонятно – то ли ещё старик пел, то ли уже в моём теле отзывался голос моих далёких предков...

Утром я случайно заметил, как Аринэ украдкой подошла к моей нарте, быстро огляделась, сунула под оленью шкуру свёрток и убежала. Когда мы отъехали от стойбища, я развернул его. Это был качин – поясная сумочка для охотника. Она была расшита ярким орнаментом, который среди мастериц называется «Ветка молодой берёзки». Говорят, этот орнамент должен нести весть о любви. Конечно, такому подарку позавидует любой мужчина. Внутри качина я нашёл спички, иголку с ниткой и совсем маленький отрезанный уголок девичьей шали. Сердце моё ликовало: «Ах ты, радость моя, Аринэ, Аринэ! Ах ты, песня моя, Аринэ, Аринэ!..».

Отдохнувшие олени весело бежали, выбрасывая из-под копыт комья снега. Впереди на лёгкой нарте ехал Шай-ики. Он вызвался проводить нас. У меня было чудесное настроение. Я еле сдерживал желание обогнать товарищей. Олени чувствовали моё состояние и бодро перебирали ногами, поигрывая между собой.

Вчерашний вездеход уехал в этом же направлении. Иногда он шёл прямо по оленьей дороге, подминая и разбивая её стальными гусеницами. Многие деревца, стоявшие вдоль зимника, он подмял под себя, и теперь они, обломанные, израненные, без сучьев, с ободранной корой, торчали из машинного следа. По такой колее нарты шли тяжело. Они переваливались с одной гусеничной борозды на другую. Мои товарищи переругивались, используя русские выражения в смеси с ненецкими и хантыйскими. Случалось, какая-нибудь нарта с вещами опрокидывалась. Мы ставили её на дорогу, перевязывали вещи и снова ехали дальше. Шай-ики терпеливо молчал, но потом и он начал ворчать.

Иногда он даже корил себя за то, что поехал не на рабочей, более устойчивой нарте.

На крутом спуске возле реки Вампуты нарта нашего Шай-ики ударилась о свежий сломанный пенёк. Старик улетел в сугроб. Олени испугались, рванули в сторону. Нарту кинуло во вторую и там, зацепившись за сломанную мёрзлую берёзу, с хрустом выдрало с одной стороны две задние ножки.

Старый охотник, выбравшись на дорогу, растерянный, стоял у повреждённой нарты. Он даже попытался посмеяться над своей неловкостью, но это не получилось. Шай-ики перебирал в руках обломки ножек и тихо и беззлобно, как самому себе, говорил вдогонку стальной машине:

– Неужели человек, работающий в ыспичиции, не мог сообразить, что мне по разбитой им дороге будет тяжело ехать? Неужели он не мог пустить свою железную нарту стороной, чтоб не ломать санный след? Неужели теперь так всегда и будет?

Шай-ики, сторбившись, присел на корточки и бесполезно примеривал обломки на место, в морщинах под глазами блестя две капли, которые жгли и меня...

Прошло несколько лет.

В один из последних мартовских дней мы – актив промохототделения – заседали в просторном кабинете управляющего. Подводили итоги закончившегося охотничьего сезона и намечали план завтрашнего праздника – районного слёта рыбаков, охотников и оленеводов.

Пока мои товарищи обсуждали, как и чем премировать лучших промысловиков, я заглянул в отчёт молодого, недавно работающего у нас охотоведа. И вот что там вычитал:

«...За три дня полётов на вертолёте вдоль водораздела и прилегающей местности в районе новых нефтяных место-

рождений мною обнаружено всего одно стадо диких северных оленей, насчитывающее семь голов. Из них четыре особи женского пола. В этом районе никто из местных жителей давно уже не живёт, поэтому я исключаю возможность нахождения здесь домашних оленей...».

Рядом со мной сидел пожилой ненец-охотник Аули. Когда заседание закончилось, я показал ему отчёт молодого охотоведа.

– Однажды, помнишь, мы охотились на вершинах рек Ватьёгана, Вампуты и Вынгапура, – заговорил Аули. – Там, на болоте, посреди чистой тундры, лежащей на самой Спине Земли, на наших глазах соединились два стада диких оленей. В каждом из них было голов по триста. Мне не хочется верить, что из этих оленей осталось всего семь. Ты же знаешь, что диких оленей наши предки называли Добычей Для Счастья. О какой же добыче теперь нам мечтать?..

В это время на крыльце конторы, шуря глаза от яркого весеннего солнца, сидел совершенно седой, но с бронзовым от загара лицом старик и что-то весёлое рассказывал окружившим его молодым охотникам, собравшимся на свой традиционный слёт. А на коленях у старика беспокойно крутился бойкий узкоглазый мальчуган – мой младшой. Запрокинув голову, разинув рот, он преданно глядел в лицо деда снизу вверх...

В последние годы старому охотнику было непросто. Под его родовыми угодьями открыли новое месторождение нефти, и оказалось, что проектировщики сначала одну из буровых, а потом вахтовый посёлок запланировали как раз в той точке, где находилась его моховая изба. Старик долго отказывался уезжать... Но это уже другой рассказ. Хочу только добавить, что сейчас он живет в посёлке, в благоустроенном доме, построенном шефами-нефтяниками. Но каждой осенью, когда выпадает первый снег, старый охотник подолгу молча стоит лицом на север и глядит... глядит в сторону

своих родных угодий. Все знают, что в этот миг к нему подходить нельзя.

Ты, читатель, конечно, догадался, что этот седой старик и есть... мой тесть. Мне так захотелось назвать его именем героя моего рассказа, но... Шай-ики мной выдуман, человека с именем Шай-ики нет. Конечно, жаль, что нет человека с таким именем. Но меня всегда окружали люди с похожими именами: Чачи-ики, Кошпи-ики, Пахки-ики, Ньюрох-ики, Андри-ики... И я благодарю судьбу за то, что вокруг меня и сейчас живут люди, чьи поступки, черты характера, чьи мысли и эпизоды жизни составляют вместе одно целое – моего Шай-ики. Немного грустно, что этого человека нет. Но когда я разговариваю со своими земляками, я говорю со своим Шай-ики – человеком старшего поколения, у которого я учусь житейским навыкам, трудолюбию, искренности, веселью, щедрости души, любви к родной земле.

И есть у меня просьба к тебе, читатель. Можно сказать, личная просьба. Жизнь моих земляков-сородичей резко изменилась с началом нефтяных разработок. Оленеводы и охотники лишились многих ягельных пастбищ и охотничьих угодий. Погибают водоёмы-живуны и задыхается рыба. Горький вопрос: «Неужели теперь так всегда и будет?» – я не раз слышал от своих земляков. И хочется верить, что вы, приехавшие осваивать Север, не забудете о том, что здесь всегда жили и живут коренные обитатели – люди, жизнь которых зависит от целостности и благополучия окружающей среды.

1981 год.

СКАЗКА ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ, РАССКАЗАННАЯ В ПОДМОСКОВНОМ ЛЕСУ

В ясную тихую ночь на берегу Клязьмы горел костёр, двое сидели возле костра, а сзади чернел большой сосновый бор, если можно назвать бором полуухоженный парк, в котором расположен санаторий. Над лугом, справа от реки, стелился густой туман, и сквозь его пелену громко трещали степные птицы кобчики. Их стрекотание не было надоедливым, потому что здесь оно было естественным и вписывалось в фон так называемой тишины.

В сторону Фрязино проковыляла ночная электричка, пролязгав по мосту, и снова всё стихло.

– В эту самую короткую ночь у нас в Латгалии никто не спит, все выходят на Лиго – праздник летнего солнца, праздник будущего урожая.

– А Латгалия – это ваше село?

– Нет, Латгалия – это район в Латвии, происхождение которого в далёкой древности.

– Лиго празднуют только в этом районе?

– Конечно, нет! Лиго украшает всю Латвию! Собираются земледельцы возле костров, молодые латыши и латышки с венками на головах устраивают пляски, поют песни, в основном песни о добром урожае. Иногда костры разводят на плотках и пускают в реку. Если кто-то в эту ночь не выходит к людям и запирается дома, то всё равно ему не дают спать. Стучат к нему в ставни, поют под его окнами песни. Но самое главное, если в эту ночь приснится девушке парень, так значит он – её судьба. Так что девушки в эту ночь загадывают себе сны.

– Ну и как? Сбываются эти сны?

– Конечно, сбываются, ведь это же Лиго! А у вас как празднуют этот день?

– У нас не празднуют эту самую короткую ночь. Но у нас есть сказка, которая родилась в самый жаркий летний день, после тяжёлой ночной рыбалки. Если хочешь, расскажу.

– Расскажи.

– Слушай! Жил в далёком стойбище добычливый охотник – ненец.

– Так его звали?

– Нет, ненец – это его национальность. А звали – Талё.

– А стойбище – это куда ставят на ночь оленей?

– Ну что ты?! Олени живут на воле. А стойбище – это селение ненцев, где живёт много семей, где стоит много чумов. Чум – знаешь что такое?

– Да, чум, яранга, юрта – это я представляю.

– Была у Талё жена и много-много любимых детей. Уезжая на охоту или рыбалку, он никогда не возвращался пустым. Добычи всегда хватало не только его семье, но и на всё стойбище, на весь их большой род. Не только его семья жила в достатке, все были счастливы, имея в своем роду такого добычлика.

Однажды в середине лета, когда самая короткая ночь не успевает выспаться, когда полуденное солнце загоняет тень дерева под самый его ствол, поехал Талё на рыбалку к дальним озёрам в верховье реки Пящиты.

– А эта река широкая?

– Нет, такая же, как вот эта Клязьма, только повороты круче, только течение стремительнее, только вода чище, а прямо над рекой свисают с обоих берегов берёзы, тальники и сосны. Но это в верховье. А ближе к устью, там, где она устремляется на слияние с другой, более крупной рекой Аган, прозрачная Пящита вырывается на широкий простор – пойму, заросшую густыми травами и отдельными шапками кустов тальника. И вот на этом просторе она вдруг натывается на большой сосновый остров и раздваивается. На том острове такие же сосны, как те, что стоят сейчас позади нас. Называется он в народе остров Порнэ. Порнэ – это что-то вроде русской ведьмы.

Она может быть красивой молодой женщиной и одновременно старухой. Говорят, жила она в самом нижнем конце острова в густых зарослях молодого сосняка. Многие смельчаки пытались в одиночку переночевать на этом острове, но до полуночи не выдерживали, запрыгивали в лодку и уезжали.

– А ты?

– И я как-то в юности пытался высидеть ночь на острове, но... Там ночью очень-очень жуткая тишина, до того жуткая, что начинаешь ясно слышать свои мысли, как человеческую речь со стороны.

Встречи с самой Порнэ никогда добром не заканчивались. Мне бабушка показывала ненца, который якобы видел её. Этот ненец был пугливый, рассеянный, он внимательно вглядывался в лица прохожих и всегда будто что-то или кого-то искал.

Но сейчас Порнэ нет. Наши деды пришли на остров, весь обшарили, отловили эту женщину и сожгли на костре. Умирая, она выкрикнула:

– Люди! Вы лишили меня возможности вселяться в ваши души! Но, сжигая, вы не избавитесь от меня! Мой пепел всегда и везде будет преследовать вас!

И взметнулись над костром яркие искры, которые разлетелись в разные концы, превращаясь в комаров и мошек. И стали они пить кровь из людей... Но это уже другая сказка, а сейчас пока слушай про охотника Талё.

Итак, Талё уехал на рыбалку. Всего одну ночь он прорыбачил на озёрах, а наловил полный облас рыбы. Рано утром собрался домой, чтоб до полдневого солнцепёка успеть доехать и довести до хозяек стойбища живую рыбу. Жирные язи, окуни и щуки заполняли до краёв облас рыбака.

– А облас – это лодка?

– Да. У меня дед – большой мастер по долблению обласа. Он и меня этому научил. Кстати, свой первый облас я выдолбил на острове Порнэ семнадцать лет назад. Я в тот год впервые рыбачил там в составе звена колхозных рыбаков...

– А много в ваших реках рыбы живёт?

– Когда-то было много, но сейчас мало. Улов нашего колхоза за последние двадцать лет сократился втрое.

– Это, наверное, потому, что молодёжь уезжает в города и не желает продолжать промысел дедов?

– И так, и не совсем так. Недавно на заседании Совета по охране природы мы слушали директора крупного нефтедобывающего предприятия – его объединение работает на наших охотничьих местах, на наших оленьих пастбищах. На них в Совете собралось много жалоб от местных жителей. Там речку завалили, там нефть разлили, там лес вырубил, там пожары и аварии. Проверяющие такие случаи рассказали! Совсем народ испортился. Длинный рубль испортил людей. План прижимает, жадность к большому заработку подгоняет – и пожалуйста: забыли, что кроме нефти в наших краях есть ещё леса со зверями и птицами, что кроме нефти и газа есть озёра и реки, в которых живёт рыба. Забыли о самом главном – что здесь всегда жили и живут люди: рыбаки, охотники, оленеводы. У этих людей нет огородов с овощами или садовых участков. Часто у местного жителя нет даже дома ни в одном населённом пункте. Куда приехал на охоту или рыбалку, куда пригнал оленьё стадо – там ему и дом. И питается он тем, что добыл, что ему подарила природа. А природа сегодня ему даёт провонявшего нефтью окуня и промазученного глухаря...

Костёр освещал его лицо, сдвинутые брови и глаза. Над головой сверкали звёзды, словно наполненные влагой глаза. Костёр глядел на мир сверкающими глазами. И, наверное, сверху вся земля, вся ночная земля казалась глазами, полными слёз.

– Помню, ещё в школе учитель мой, Михаил Фёдорович, говорил: срубишь дерево – не станет леса, не будет леса – исчезнут звери и птицы, не станет зверей – не станет охотника. А чувствует ли это душой каждый живущий на земле?

Ты думаешь, рыба зимой в лютые морозы за счёт чего выживает? – И сам себе ответил: – А потому что наши озёра пи-

таются неприметными ручьями-живунами. Но многие либо не знают этого, либо не хотят об этом думать. Им удобнее не интересоваться этим, им удобнее не знать, не задавать себе таких вопросов, им удобнее не усложнять себе работы. И потому, прокладывая дороги и трубопроводы на месторождения, они заваливают эти живуны, а потом реки без живунов замерзают и рыба от недостатка кислорода задыхается... Или вот ещё: ты думаешь, болото – это что?

– Ну, болото – это болото и есть. Это что-то сырое, мрачное, гиблое.

– Вот-вот, и многие считают, что болото – это гиблое, это мёртвое. А ведь на самом деле болото – это живой организм. Любое болото – оно живёт, оно дышит, оно движется, оно течёт в определённом направлении. Но, прокладывая дороги через болото, человек не задумывается о том, что дорога – это плотина, встающая на пути у болота, что этой плотиной он сдавливает глотку организму болота. И получается такая картина: с одной стороны дороги начинает подниматься уровень болота, затопляются корневища растений. Хрупкий тундровый лес начинает гибнуть. Гибнут кусты, травы, мхи. А с другой стороны дороги, наоборот, происходит резкое осушение...

Но придёт время, болото отомстит человеку. Сегодня государство ещё бросает большие деньги на освоение Севера, поэтому человек имеет возможность каждый год ремонтировать дороги. А что будет завтра? Представь себе: с одной стороны дороги уровень всё выше и выше, болото начинает затоплять дорогу, но человек пригнал всесильную технику, делает отсыпку, поднимает полотно дороги ещё выше. Получается ступенька, справа болото выше, чем слева. Сначала перепад небольшой – двадцать сантиметров, полметра. Потом – метр, два... Трубы, которые кладут поперёк под дорогой, не снимают давления болота, потому что движение болота – это не только движение воды, это же движение торфяных масс...

– Ты что ж, против дорог через болота?

– Конечно, нет. Но тут главное, нужен другой способ. Например: дорожное полотно на сваях, чтоб болото могло свободно жить под дорогой. Или, может, плавающие дороги...

– Но это ж очень дорого!

– Это ещё надо подсчитать, может быть, ежегодные ремонты обходятся государству гораздо дороже... – После некоторой паузы он продолжал: – До твоего слуха, наверное, доходили такие названия, как Самотлор, Нефтеюганск, Надым, Вынгапур, Уренгой?

– Да, большинство.

– Так это всё на моей земле, на земле моих предков.

Он подбросил дров в костёр и ждал, когда пламя, разгоревшись, осветит ближние кусты. Словно споря из-за самого удобного места на лугу, переговаривались невидимые в ночи степные кобчики. Среди них можно было расслышать голос старшего. Он отличался и был ворчливее всех.

– Продолжай сказку.

– Хорошо, но только на чём же я остановился?

– А там, где Талё возвращался с рыбалки.

– Итак, Талё с полным обласом рыбы возвращался домой. Проезжая мимо острова Порнэ, он увидел на вершине отдельно стоящей сосны красивую молодую женщину. Цепочка бус на её груди горела в лучах восходящего солнца. Пригнув самую макушку дерева и свесив босые ноги, она глядела на охотника пристальным взглядом. Это дерево стоит над рекой до сих пор, и если когда-нибудь приедешь в наши края, обязательно покажу.

– Так значит то, что ты мне рассказываешь, было в действительности?

– Нет, это сказка.

– Но ведь сказки – это выдумка народа, это красивая неправда. А ты мне назвал уже точное место, существующий

остров на существующей реке, и собираешься показать дерево, на котором сидела ведьма. Тебе для полной достоверности остаётся назвать только дату.

– Если через мой возраст прикинуть возраст того человека, которого мне показывала бабушка, если прикинуть возраст сосны, то можно бы определить дату. Но всё-таки это сказка, а не быль. Но то, что невозможно отличить в наших сказках ложь от правды, это действительно так, в этом их особенность. Я даже слышал сказки, которые мне рассказывали от первого лица, то есть рассказчик участвует в событиях сказки. А когда ссылаются на твоего знакомого – это сплошь и рядом. Тем и хороши наши сказки – постоянное ощущение несказочной действительности... Слушай дальше.

– Кто ты? – спросил Талё незнакомую женщину.

– А ты причаль к берегу свой быстрый облас, помоги мне спуститься с неудобного дерева, тогда и скажу тебе, кто я.

Не испытывая особого желания задерживаться, ведь рыба в летнюю жару быстро пропадёт, но недолго колеблясь, ненец стал причаливать лодку к берегу. И, конечно, если бы в этот миг он глянул вверх, то, может быть, увидел бы на лице незнакомки лукавинку. Но охотник был занят лодкой, ведь она была до краёв загружена рыбой, и если не причалить хорошо, то быстрое течение реки может её опрокинуть.

Талё вышел на берег, а женщина в это время мягко спрыгнула на землю. Только теперь охотник заметил, что на берегу возле леса горел костёр, над костром в чугунном котелке вкусно булькала уха, а неподалёку от костра колыхался на ветру наполовину прикрытый берестяным навесом белый, как туман, тряпичный полог. Ненец почувствовал голод и усталость. Он глянул в лицо таинственной незнакомке – и что-то знакомое увидел в её взгляде. Ему показалось – то ли она чем-то похожа на его старуху мать, то ли на его старшую, а больше на самую младшую дочь. То вдруг почудилось, что он сам похож на неё.

– Нямэ-э, ты устал, проголодался. Поешь со мной ухи – успеешь ещё до полудня доехать до своего стойбища.

– Ты мне ещё не сказала, как тебя зовут, – старался держать себя бодро охотник.

– Хомане, – непонятно где сделав ударение, ответила незнакомка со знакомыми чертами лица, и эхо из-за речки повторило:

– Хо-ма-не!..

Потом на деревьях запели птички на разные голоса:

– Хо-ма-не!.. Хоо-ма-не!.. Хома-Анне!

Потом ветер прошелестел по берёзовым листьям:

– Хо-о.. Ма-а.. Не-е..!

– Наверное, это имя что-то обозначает?

– «Хорошая, прекрасная девушка» – это дословный перевод. Так называли многих девушек в нашем роду.

Это имя перекликается с ещё одним распространённым именем, именем моей матери, – добрая Анне..

Талё пил уху, и ему казалось, что он чувствует на губах вкус болотной морошки, которая растёт в верховьях Пящиты, настоящей на берёзовом соку, и одновременно вкус смородины с низовий Агана, когда в берестяную куженьку чёрной смородины добавляют для аромата малиновые глаза сладкой ягоды неженики. Солнце к этому времени уже оторвалось от кромки леса и стало пригревать. И разморило охотника, и навалилась на него непреодолимая сонливость. Что-то невнятное пробормотал Талё, на что знакомая незнакомка ответила:

– Нямэ-э, ты отдохни немного. Вон полог. Солнце ещё невысоко. Успеешь доехать. Нямэ-э, я тебе ягод насобираю.

Он подумал: «Какие могут быть в это время ягоды? Ведь они ещё не созрели. Ну и пусть! Ах, всё равно!..».

– Что такое «нямэ»?

– Нямэ-э – это обращение к мужчине жены или возлюбленной. Так в наших сказках Порнэ обычно обращается к избраннику,

к своей жертве: «Нямэ-э, позволь сесть с тобой в нарту. Нямэ-э, возьми меня младшей, более любимой женой».

– А как обращается к любимой мужчина?

– Хома-а! Хома – «хорошая», «прекрасная», «любимая». Слышишь, как нежно и напевно звучит это слово: хома-а! Оно словно нарочно приспособлено для произнесения шёпотом в тишине. Хома-а!..

– Расскажи дальше про Талё.

– Да, слушай! И снилось охотнику Талё: будто он белый оленёнок, будто бежит он в детстве по краю тёплого песчаного озера нагишом, расплёскивая босыми ногами веер брызг, будто перед ним солнце расстилается разноцветной радугой, и сквозь эту радугу улыбается ему навстречу мать-олениха, которая, расставив крепкие ноги и вонзив чёрные, словно лакированные, копыта в белый озёрный песок, расчёсывает костяным гребнем мокрые, только что вымытые прозрачные волосы. Озеро отражалось не только в её счастливых глазах, но и в каждой капле воды на её теле. Словно она сама была уже не только озером, а безграничным, огромным миром.

Когда он открыл глаза, солнце всюю припекало и было жарко. За пологом чирикали ласточки-береговушки, посвистывали трясогузки, стрекотали кузнечики, неумолчно куковала кукушка и шебаршил листвою лес. Рядом спала таинственная незнакомка. Он приподнялся на локте, взгляделся. Она была прозрачной – словно прозрачной. И всё пристальнее всматриваясь, он понял, почему Хомане показалась ему знакомой. Она была похожа на его жену. Нет, она не была похожей, – возле Талё спала его жена такой, какой он познал её впервые семнадцать лет назад. Ниже правой ключицы вздрагивала до боли знакомая маленькая родинка, и два рыжих пятючка робко глядели с белых выпуклых грудей на охотника, как два удивлённых глаза, словно спрашивая: «Ты что, не узнаёшь нас?». Талё не удержался и осторожно прижал пальцем левый сосок,

так, как делал это тысячи раз. Она вздрогнула, глаза открыла, и несчастный охотник растворился...

– Ты так рассказываешь, словно всё это видел сам, словно всё это случилось с тобой.

– Какая тебе разница! Не перебивай!.. Всё стойбище, весь род стал беспокоиться, когда Талё не вернулся ни на третий, ни на пятый день. Но когда облас добычливого охотника не показался в конце речного плеса и через неделю, собрались старики, поговорили и решили ехать на поиски.

Приближаясь к острову Порнэ, они увидели возле берега причаленный облас товарища, полный протухшей рыбы... Тебе не приходилось видеть много протухшей рыбы?

– Нет.

– А мне приходилось. Прошлым летом наш начальник не смог вовремя организовать вывозку рыбы на приёмный пункт, и у нас испортилась вся суточная добыча. Полторы тонны – это не один облас рыбы!

Целый месяц стояла над рекой вонища.

– Наказали его?

– Кого? Начальника, что ли? На него где сядешь, там и слезь! Единственный работник нашего хозяйства, имеющий «Жигули», – так это он... А мы, его рыбаки, за ту рыбалку не получили ни копейки... – Рассказчик вздохнул, поворошил палочкой в костре, подняв в ночное небо сноп искр, и продолжал обречённым голосом:

– Над обласом охотника гудела стая зелёно-фиолетовых мух, а из-под жаберных крышек язей и шук выползали жёлтые вонючие черви. На берегу возле костра сидел исхудавший, за несколько дней поседевший Талё. На зов товарищей он не оглянулся. Продолжая что-то чертить палочкой на земле, разговаривал сам с собой, с дурацко-счастливой улыбкой глядя на ту сторону тлеющего костра. Возле костра, кроме него, никого не было...

Рассказчик умолк. По мосту в обратную сторону из Фрязино прогрохотала электричка, и снова стало тихо. Только возле ивовых кустов на лугу о чём-то спорили до хрипоты неутомные степные кобчики:

– Кррвак-кррвак! Кррвок-кррвок! Кррвик-кррвик! Куррк-рвок-вокрх!..

Костёр постепенно гас. Им не хотелось подниматься и идти за дровами в мрачный лес. Небо светлело. Над горизонтом за Клязьмой, над сосновым бором обозначились контуры двух шестнадцатизэтажек. Трава вымокла от росы, и стало прохладно. Они сидели, прижавшись спинами, затылок к затылку, лопатки к лопаткам, и вместе с теплом собеседника, проникавшим сквозь тонкую одежду, каждый из них впервые слушал свои мысли вперемешку с мыслями друга. Они молчали. Может быть, им было о чём молчать?..

1984 год.

СКАЗАНИЕ О ЛЮБВИ

Тринтих

Жа тироне

Если из Нумто выйдешь пешком прямо на полуденное солнце, отыщешь людьми исхоженную тропу – значит, верно идёшь. Закончится бор, в тундру выйдешь. По вечным мерзлотам, вокруг озёр тропа тебя поведёт. – Иди!

Выйдешь на речке к рыбацкому запору с мордушкой, оглядись, где-то там должен быть котелок, сделай привал, отдохни, завари себе чайку.

Увидишь за рекой рослого мужчину, навстречу тебе идущего, окрикну его: «Чайник вскипел! Прошу к чаю!». Он в ответ: «О, кто-то здесь есть! Действительно, жажда томит. Ну, угощай своим чаем!».

Легко, мимоходом из морды достанет шуку. Разделает и на костре испечёт. Так в этот день попробуешь подавушку. И если во время чаепития он загадает тебе загадку, знай, тебе повстречался тот самый Татва.

У любви

Я видел однажды парочку влюблённых ненцев в аэропорту: они на виду у всех обнимались, целовались, он громко клялся ей в любви, говорил, что всю жизнь искал только её, счастлив, что наконец-то нашёл. Их брак был недолгим. Через неделю они разбежались. А погода вокруг как была безразличной, такой и оставалась.

У Татвы с Аллой всё было совсем не так. Мы тоже несколько дней сидели на вертолётке Новоаганска в ожидании геологического борта, чтобы улететь к родителям Аллы на стойбище. Нашими попутчиками была телевизионная группа из Голландии. Они снимали фильм о коренных жителях нефтяной Сибири. Зал ожидания то наполнялся людьми с рюкзаками, то опустошался, а мы всё сидели. Оператор-голландец от нечего делать иногда распаковывал свой огромный аппарат и поднимал с треноги про запас. Моя бытовая видеокамера тоже была наготове, я снимал сегодняшнюю жизнь для архива.

Татва с Аллой сидели рядышком в конце гулкого зала и молчали. Он могучий, она хрупкая. Они чувствовали себя неуютно под взглядом объектива. Но камеры упаковывались, они расслаблялись. Перед ними стоял стол, поэтому рук не было видно.

Во время очередного заполнения зала людьми с рюкзаками мне не хватило места, и я сел на пол в противоположном конце помещения прямо напротив Татвы с Аллой и увидел из-под стола их руки. Татва всеми пальцами поочередно осторожно огибал и прощупывал пальцы Аллы...

Во времена интернатской юности мы сидели с Тобой в пустом полутёмном зале маленького колхозного клуба в Агане на самом последнем ряду кресел. Было кино, все ушли, и никто не заметил, что мы остались. Моя рука лежала на Твоей руке. Когда мой указательный палец трепетно со страхом продвигался вдоль Твоих пальцев с тыльной стороны ладони, огибая каждый сустав, каждый ноготок, рот мой предательски наполнялся слюной. Я боялся глотнуть, ибо глоток, мне казалось, раздавался громом на весь зал.

Когда я переворачивал Твою ладонь, и средний палец мой с дрожью продвигался вдоль Твоей ладони с внутренней стороны, немел затылок и холодела спина.

Когда же мой грешный средний палец лицом к лицу совмещался с Твоим средним пальцем, Твой игриво сопротивлялся или обречённо сдавался, моё бедное тело вспышкой пронзал огонь, который потом медленно гас где-то под брюшным прессом...

Зал ожидания вертолётки был переполнен. Люди с рюкзаками сновали туда-сюда. За стенами грохотали приземляющиеся и улетающие вертолёты. Уголки губ Татвы еле заметно шевелились. Концы ресниц Аллы неприметно подрагивали...

Недавно мы вчетвером должны были ехать в Тарту по приглашению Эстонского государственного музея: Алла с Татвой и мы с Тобой. Цель поездки – вопросы этнографии. Но перед самым отъездом, когда уже были готовы паспорта, визы, Алла

почувствовала лёгкое недомогание, и врач посоветовал ей в связи с беременностью отказаться от дальней поездки. Каждодневно ощущался недостаток в нашей маленькой группе Аллы.

Проездом через Москву мы были в Кремле. Я попросил смотрителя-милиционера разрешить Татве ощупать Царь-Пушку и Царь-Колокол. Сколько было восторга! И почти через каждую фразу: «Ах, я один это видел! Этого не увидела Алла!». В Тарту, прогуливаясь по парку возле древнего Собора, мы нечаянно наткнулись на каменное изваяние Монарха. Татва достал рукой только до башмака, но этого для него оказалось достаточно: «Ах, этого не увидела Алла!». В Музее ему позволялось трогать руками экспонаты и снова: «Как жаль, что этого не увидит Алла!»...

Последние люди с рюкзаками ушли к вертолёту, вертолёт погромыхал за окнами и затих вдали. Мы снова остались одни в гулком помещении. Татва лёг на скамью и голову склонил на колени Аллы. Я передвинулся в другой конец зала и сел на скамью так, чтоб видеть лицо Татвы. Алла запустила пальцы в его волосы. Тихо-тихо их губы шевелились...

Я прибежал с улицы в чум, забросив ребячьи шалости, и почти насильно совал голову на колени к Бабушке. Она тёплыми пальцами распутывала мои непослушные волосы, а я постепенно терял обиды, полученные там, в ребячьей толпе. Она делала вид, что находила в моей шевелюре букашек, ногтями издавала щелчки, приговаривая: «Вот он! Вот он! У него топор есть, у него нож есть, он малицу поясом подпоясал!». А я полностью расслаблялся, я был счастлив, и в этот миг для меня, лично для меня, Природа посылала самую прекрасную погоду.

Потом Бабушка медленно, с остановками, продвигала пальцы к центру головы, и далее кругом, и снова к центру; средний палец впереди, а указательный и безымянный чуть-чуть сзади,

как аккорд из трёх гармоничных звуков, трёх чувств, трёх Вселенных; и спазмы сковывали мои губы, горло, дыхание; и бедный мой язык никогда не мог, и сейчас не может выразить то, что и как я тогда ощущал, что и как я сейчас чувствую...

Пальцы Аллы медленно перебирали волосы Татвы по краю шевелюры от затылка к уху, а потом ещё медленнее к центру головы. В уголке глаза Татвы блеснула слезинка. Ресницы Аллы были прикрыты и еле заметно колебались, словно тёплый весенний ветер пробежал по ним. На улице Солнце то во все глаза заглядывало в окна, то стыдливо прикрывалось лёгким облаком. Оператор-голландец снимал.

Ах, видел ли он то, что в этот миг видел я!

Реликвия

Вдоль озера по самой кромке воды уверенным шагом шёл молодой крепкий ненец. Лёгкий сентябрьский ветер колыхал подол тряпичной малицы. Солнце тёплыми пальцами шарило в непослушной шевелюре. Под босыми ступнями хрустел крупнозернистый песок. Он улыбался и пел песню:

Есть два озера, а между ними река.
На берегу реки стойбище,
А в реке запор с мордушкой.
Это место люди называют Порсавар.
Так тому и быть!
Я, Татва из рода Логаны,
Здесь родился,
И дочь моя жить здесь будет.
За озером слопцы,
Я добуду глухаря.
Жена моя Алла отеребит птицу.

Так тому и быть!
А вечером
Под звук магнитофонной песни,
Которую я вчера записал
На соседнем стойбище у Пийтамы,
Дочь моя будет пить
Глухариный бульон.
Так тому и быть!

Вдруг он остановился. Пальцы ног нащупали странный камень. Здесь часто встречались камешки-плитки с рисунками, но этот сильно отличался от тех. Этот внешне, на ощупь, был похож на Топор, но только Каменный. Вот оно, свершилось! Он уже несколько лет ждал Чуда, чувствовал, что оно рядом, вот-вот должен был быть Знак – знак удачи. Татва был доволен находкой. Он бережно засунул Реликвию за пазуху и снова запел:

Древний предок,
Ты оставил мне свой топор,
Чтобы я не разучился
Строить себе добротный Дом.
Так тому и быть!
Будь спокоен,
Я получил твой подарок!
И умению обжить свой Дом
Научу своих потомков.
Так тому и быть.

ОЖИДАНИЕ

Из Канинской тетради

Завтра... Значит, завтра ты приезжаешь. Значит, завтра наконец-то я тебя увижу. Завтра!

Двадцать четыре года... Двадцать четыре года я ожидал тебя. Двадцать четыре года – это немалый срок для ожидания. Двадцать четыре года! Значит, завтра ты приезжаешь!...

Правда, не все двадцать четыре года я просидел на крыльце дома, как сегодня, в ожидании тебя. Если б не тундра, если б не жизнь в оленьем стаде, конечно, эти двадцать четыре года стали бы настоящей мукой.

Трудно было в самый первый год. Там, в стаде, мне каждый день казалось, что сейчас, в эту минуту, ты приехала в село. Ты приехала, а меня нет. Ты приехала ко мне, а я здесь, вдали, на суровом Канине. И не доехать мне до тебя ни водой, ни воздухом, ни по тундре...

Бригадир говорил по рации с председателем колхоза, а я стоял рядом и с жадностью ловил каждое слово. Я всё надеялся услышать весть о тебе. Но они говорили о продуктах, о медикаментах, о кинопередвижке, о стоимости вертолёта, о повышении зарплаты чумработницам, об оленях. И ни слова о тебе! Словно тебя не было в мире. Словно для села ты исчезла или вообще никогда не существовала.

Писем ты не писала. Да и я не писал. Кто я для тебя? Ровесник-одноклассник, и всё? Несколько раз проводил домой, да в сельском клубе во время кино выбирал место позади тебя на следующем ряду. Глядел в затылок, но разве вы, современные девушки, умеете чувствовать взгляд в затылок?...

Но однажды я всё-таки услышал о тебе. Это был пятый год, как ты уехала.

В тот день в тундре хлестал мокрый снег. Олени спасались от холода в движении. Они ни на миг не останавливались на

месте. И не просто кружились вокруг наших чумов, а словно полноводный поток стекали и перекатывались с холма, для того чтоб через минуту выскочить на другой, остановиться, оглядеться и снова устремиться в низину. То они появлялись возле самого жилья, то исчезали в дальней хмари. Но бегали олени, наверное, не только от холода. Они радовались ещё перемене погоды. Потому что через день-два наступят заморозки, а там уж и зима.

В тот день, мокрый насквозь, я носился со стадом или просто находился вблизи его. Но ко времени радиосвязи ноги сами привели меня в чум бригадира. В это время почти все собирались у рации, и поэтому то, что за пять лет я не пропустил ни одного сеанса, ни у кого не вызывало подозрения.

Войдя в чум, я снял с малицы брезентовую верхнюю, повесил над печкой, а внутреннюю, меховую, стряхнув подол от дождя, бросил у входа на дрова. Первую половину разговора я привык не слушать. Матрёна, жена нашего бригадира, налила мне чай. И я уже сидел, шумно обжигаясь кипятком. В чуме было тепло. Дети старались сидеть тихо ровно настолько, насколько это у них получалось. А получалось у них всегда шумно. Матрёна вполголоса для меня пересказывала пропущенную часть разговора. Я её не слушал. Мне было хорошо у огня. Я ждал традиционного вопроса: «А какие новости в селе?».

– Да какие у нас новости? – ответили на другом конце. – Сменили председателя рыбкоопа. Новый-то, похоже, не лучше старого. Не даёт кирпича для пекарни. Говорит, пусть колхоз печь ремонтирует... Сын родился, у Васьки-то, Пронькиного... Соседка письмо получила, что Аннушка замуж вышла. Как – какая? Ну, зоотехнички-то нашей дочь. Ну та, что пять лет назад уехала в педучилище. Да-да! В Киеве... Муж, говорит, учитель. На большой перемене, наверное, в учительской познакомились. Ха-ха-ха! С соседями-то из колхоза «Северный полюс» встречались?

Дальше я уже ничего не слышал. Как надел малицу и вышел из чума, не помню. Очнулся на берегу моря.

В грудь упирается тугой ветер и раскачивает меня. Лицо залепляет мокрый снег. Солёные брызги прибоя долетают сюда, наверх. Словно раненый зверь, ревёт Баренцево море. Олени прибежали следом и стояли позади меня, глядя вдаль.

Сколько я так стоял? Час, два, полдня, неделю или вечность? И сколько ещё буду так стоять? Может быть, ещё до сих пор стою там, на берегу студёного моря...

А потом женился. Сейчас у нас четверо детей. А месяц назад родился внук, и назвали его в честь моего прадеда Ане-том. Хорошая у меня жена. Особенно последние годы мы научились понимать друг друга без слов. Я и сейчас знаю, о чём она думает, глядя через открытую дверь в мой затылок. И всё же завтра ты приезжаешь! Завтра я увижу тебя. Какая ты?

ПОГОВОРИ СО МНОЙ

*Изрекали Старцы издревле:
«Мысленное Слово, произнесённое с уверенностью,
как слово, произнесённое вслух!»*

Посреди тундры встретились две упряжки...

С протянутой ладони твоей скатилось мысленное Слово:

– Ах! Я как зазевавшаяся на солнцепёке лиса, так близко увидевшая ружьё охотника! Не слишком-то тревожь моё сердце! Хочу бежать от твоего взгляда, да руки-ноги мои онемели!

А в душе твоей отразившаяся мысль его такова:

– Взгляд твой затронул мою душу! Словно от спячки проснулся я! Словно рыба, на истоке реки обсохшая, сердце моё испуганно хвостом о песок бьётся! Вот и какую-то ерунду сказал! Одновременно хочу прикоснуться к тебе или убежать!

Это была ваша первая мысленная встреча.

Олени одной упряжки, свесив мокрые языки, внимательно всматривались в оленей другой упряжки...

А вслух вы говорили вот что:

– Здравствуй!

– Здравствуй!...

– Как зовут тебя?

– Настей именуюсь...

– Мать-отец твои живы?

– И мать у меня есть. И отец...

– А есть ли у матери-отца другие дети?

– Брата старше себя имею и сестрёнку...

– Кроме рукоделия и работы чем занимаешься?

– В институте учусь. Первый год... А ты?...

– Да оленивод я! К оленям сейчас спешу!...

Словно одну ладонь надвое разорвало, метель-вихрь меж вас всю планету вывернул наизнанку!

Ты – в сторону Города!

Он в Тундру к истокам рек умчался!

Олени и той и другой упряжек не оглядывались назад...

А через несколько дней вы говорили мысленно так:

– Ещё раз здравствуй! – Это из лабиринта Города шёпот твой. Глядя на тебя, прохожие улыбались.

– Здравствуй и ты! – так мысленно кричал он с окраины пастбища, и олени внимательно смотрели на него.

– Почему, когда мы встретились, так мало беседовали? Я о многом спросить хотела!

– Так ведь сейчас мы разговариваем! Спрашивай!

- Я не просто хочу говорить! Я петь хочу!
- Так пой!
- А ты?...
- Каждодневно из оленьего стада к тебе взываю! Оказыва-
ется, ты всё это слышала?
- Да, вот так же, как сейчас!
- Что-то со мной происходит! Я этого не ожидал! Одновре-
менно и смел, и робок...
- И я!...
- Так хочется прикоснуться хотя бы к кончику твоего пальца!
- Так протяни свою ладонь!..

НАИВЫСШАЯ ФОРМА ГАРМОНИИ

Побывальщина

Сидят вечером на стойбище у чувала творческие люди и вслух рассуждают о жизни. Пьют уху ершовую, чай, кофе, морс клюквенный, а кто-то просто пиво в банке.

ЕРЕМЕЙ А. (писатель, депутат):

– Наивысшая форма гармонии?

ЮРИЙ Б. (художник):

– Да, для тебя лично, твоя наивысшая форма гармонии?

ЮРИЙ В. (оленовод, поэт) с хитринкой в глазах:

– Вот именно, как ты это для себя чувствуешь?

ЕРЕМЕЙ А.:

– Литература и политика. Любовь и ненависть...

ВЛАДИМИР М. (поэт), в тон ему:

– Весна и осень?

ЮРИЙ Б.:

– Свет и тьма?

ЕРЕМЕЙ А.:

– Да, да!.. Жизнь и смерть!

ГЕННАДИЙ Р. (художник), глядя куда-то далеко:

– Значит, «Война и мир»...

ЕРЕМЕЙ А.:

– Точно!

ЮРИЙ Б.:

– А у меня всё начинается с точки, с точки на белом холсте.

ВЛАДИМИР М.:

– Конечно, любовь, но не ненависть. Вечная Любовь и вечная Весна.

ЕРЕМЕЙ А.:

– И любовь к ближнему? И любовь к врагу?

НАТАЛЬЯ А. (офтальмолог), словно возражая и словно соглашаясь:

– Любовь к пациенту, любовь к профессии...

ЮРИЙ Ш. (старший автоинспектор):

– Когда водитель трезвый, машина исправна, дорога сухая, инспектор ГИБДД мурлычет песенку – разве это не гармония?

ТАТВА Л. (сказитель, певец):

– Если ненец не вспомнил или не угадал ни одной загадки, о какой гармонии может идти речь...

ГЕННАДИЙ Р.:

– А творческие муки – разве это не форма наивысшей гармонии? Вот не пишется, и всё тут. Мучаешься, мучаешься, и ничего не идёт, и, кажется, – никогда не придёт... И вдруг, как солнце после ненастья! Сам к тебе в гости и «Егор Большой», и «Егор Маленький»...

НИКОЛАЙ Г. (фотограф), вспышка его аппарата то ли выхватила одного Геннадия Р., то ли всех сразу:

– А удачный кадр!..

ЕЛЕНА М. (преподаватель университета):

– Будто я на весенней стоянке, из низкого окна выглядываю, как в кораль заходят олени и оленята, обходят кругом кедр, стоящий в центре коралья, улыбаются мне; и со мной мои студенты, и что-то самое главное им говорю в этот миг. Пока не знаю что, но вот-вот узнаю...

ТАТЬЯНА Ю. (редактор газеты, поэт):

– Лететь, лететь хочу, как в снах далёких детства,

Когда доступно всё – и мудрость, и грехи...

Раскинул руки – и полетел!.. И не важно, от чего оттолкнуться: от асфальта, от травы, от песка, от воды...

ЮРИЙ В.:

– Если бы я был художником, то это была бы картина. Нет, триптих. В левой части Круг – форма бесконечности. Мой мозг отказывается воспринимать прямую, уходящую в бесконечность, или арифметическую прогрессию. Мне всё кажется,

что где-то там конец должен быть. А круг – вот он, я его вижу, осознаю, что это одна из форм бесконечности... В правой части триптиха – Хаос. Как его изобразить, в какой форме – не знаю. Но всё заканчивается Хаосом и всё начинается с Хаоса. В средней части триптиха я изобразил бы Дворец бракосочетания, перед дворцом толпа свадебная, и над толпой в центре возвышается голова Невесты. Невеста выше всех на целую голову!..

ЕЛЕНА В. (жена Юрия В.), на секунду прервав шитьё:
– Выходишь в дорогу, и дождь начинается – значит, к удаче. Хорошо!

НЕНГИ В. (бабушка Юрия В.), улыбаясь в морщины:
– А если шнурок на обуви развязался – ещё более к удаче...

И бабушка Ненги стала рассказывать сказку о девушке, у которой в пути развязался шнурок, а завязать его по условиям сказки нельзя было. У русских похожая сказка есть – «Морозко», а у скандинавских народов – «Снежная королева». Через верхнее окно в избушку заглядывали звёзды, в чувале трещал огонь, голос бабушки Ненги рисовал в сознании слушателей одну картину за другой. Кое-кто стал засыпать, превращая эти картины в сон, а ближе к концу сказки уснули все.

Бабушка Ненги поднялась, тихо сходила на улицу, накормила на ночь собак, вернулась. Все спали, в чувале догорал уголёк.

НЕНГИ В., тихо самой себе:
– Когда в одной избушке безмятежно спят и политик, и художник, и врач, и оленевод, и учёный, разве может быть что-то выше такой гармонии!

ТВОЯ РОДИНА

*«Смотрю на апрельскую улицу через окно,
и вдруг так ясно и отчётливо вспоминаю твою Родину –
полуостров Канин.
Ты – и твоя Земля.
Ты – и твоя Родина.*

Человек воспринимается полно только на своей Родине...»

(Строки из письма)

Вы шли по тундре. Продирались сквозь кусты карликового ивового ерника, выбирая, где тропинка посуше. Из-под ног с шумом взлетал взъерошенный испуганный выводок куропаток. Ты вздрагивала и прижималась к его плечу.

Он и теперь помнит каждый камень под твоей ступнёй. Он и теперь помнит каждое корневище тальника-ерника, на которое ты ступала, чтобы не попасть ногой в лужицу. Он и теперь помнит каждый след оленя, который ты накрывала своей ступнёй. Если поискать, где-то и сейчас ещё видны ваши следы. Глянуть бы на них сейчас. Дотронуться пальцами засохших глиняных краёв ваших следов, прикрыть бы их ладонью от дождей.

У тропинки на прошлогодней стоянке оленеводов вы нашли резиновые сапоги. Они болтались на ногах, но в них тебе было сухо. А кроссовки твои перекачовали в его сумку. Вы шли. Вы были одни на всю тундру. Никого в это время не было между вами. Вы были одни...

А помнишь, как он хлебнул из ручья на устье реки Жемчужной солёной морской воды из зоны прилива? Он привык на своей родине пить воду из любого ручья, потому что его родина находится далеко от морского побережья.

А помнишь, как шли вы потом по затопляемой приливом речной долине? Он чуть-чуть впереди, ты – сзади. Ты с опаской приостанавливалась, когда ноги вязли в морском иле. Он

тянул тебя за руку и приговаривал: «Не стой на месте, иди равномерно, иначе засосёт в ил сапоги, останешься без сапог и пойдёшь босой». Помнишь ли ты, что ответила тогда?..

Потом вы карабкались на четвереньках по гребню на обрывистый склон холма. Теперь ему часто снится этот склон. Однажды он ясно вспомнил, что уже бывал здесь, на гребне этой горы. Во сне ли, наяву ли, а на эту гору он уже несколько раз взбирался. Это было ещё до встречи с тобой. Это было ещё до того, как он побывал на твоей родине. Словно на эту гору он взбирается всю жизнь с самого рождения. И ещё долго, наверное, до самой смерти, будет взбираться и взбираться на её вершину. Взбираться и оступаться, цепляясь за кусты и камни. Взбираться и оступаться, срывая ногти и больно сшибая колени. Пусть это никогда не кончается, пусть! Пусть он всегда на пальцах и ладонях будет чувствовать холодные скользкие камни этой горы...

И в первый день вы были на горе – на другой горе. Старики говорят, что это у ненца заложено в крови. Увидит гору вдали и обязательно спешит посетить её.

С горы, на противоположные стороны, под вами, виднелись чумы. Одни ближе – те, откуда вы пришли, а вторые – в дымке, вдали. И оттуда, от дальнего стойбища, двигались упряжки оленей. Всё ближе и ближе. Мют-аргиш извивался, взбирался на холм и спускался в долины. А вы сидели на самой вершине, ждали аргиш, и весь мир был под вами. Была ли счастлива ты тогда?

На той вершине вы оставили две монетки – таков обычай. Они, монетки, как два сильных магнита, притянут вас когда-нибудь к себе. Они призовут вас в один и тот же день, в один и тот же час. Пусть через них вы будете всегда тянуться друг к другу. Пусть сила этого притяжения между вами никогда не иссякнет, пусть! Так призрачное ночное северное сияние не может оторваться от своего полюса, как бы оно

ни вспыхивало, как бы оно ни металось, как бы далеко на юг ни рассеивалось. Может быть, это то единственное место на этом свете, где вы могли бы быть свободны от предрассудков человеческого мира. Хочешь ли ты такого счастья? Мечтаешь ли ты о такой свободе?

Мысленно перенесись сейчас туда. Вершина горы обдувается ветрами, и даже зимой на ней нет снега. Сегодняшнее апрельское солнце растопило снежинки и льдинки, забившиеся между камнями и расщелинами. И лежат сейчас рядом две ваших монеты, как два страждущих глаза. Глядят в высокое безоблачное небо и ждут, и ждут вас, зывая к вам: «Не пора ли?».

А потом упряжки окружили вас. Это были весёлые, добрые люди. Они разговаривали с тобой, с ним, между собой. То ли ваше настроение передалось им, то ли теперь, уже много времени спустя, через лица тех людей он восстанавливает в памяти те свои чувства. Были счастливы вы – стали счастливыми они. Или наоборот?

Они посадили вас на свои нарты и повезли. Нет, они не разлучили вас тогда, не разъединили вас тем, что рассадили на разных нартах, на разных упряжках. Вы продолжали быть вместе, потому что ехали в одном аргише, в одном мюте, в одном направлении.

Бежали олени по тундре. Скользили нарты по мхам и травам, подпрыгивая иногда на камнях. Он впитывал в свою душу твою родину, твою землю. И всё, что тогда впитал, сегодня живёт в нём, и заставляет снова и снова переживать, страдать, восхищаться...

Солнце круглые сутки. Для его мест это непривычно. То ли ночь, то ли день? Рука в руке, глаза в глаза... И между вами и в душах ваших то ли ночь, то ли день! А может, всё вместе, сразу? От прикосновений к тебе вспыхивает в сердце яркий день! От прикосновений к тебе вспыхивает в сердце белая ночь! И нет, и никогда не будет на бедном человеческом языке тех слов, которые могли бы передать полноту этих чувств.

И не надо, наверное, таких слов. Об этом сердце должно говорить сердцу своим языком, своими знаками. Пусть эти знаки и сейчас, через большие расстояния, доходят до тебя! Сегодня знаки твоего сердца он ощущает каждую минуту. Спасибо, что ты есть на этом свете! Спасибо, что ты нашла путь своим знакам к его сердцу!..

Помнишь Авку – оленёнка-сироту? Он стоял одиноко на соседнем с чумами бугре. Стоял неподвижно и глядел вдаль. Что он видел там? Что он мог видеть там? Бескрайнюю тундру? Мать? Стаю волков, окружающих его мать? Другой такой же бугор, где на вершине и сейчас лежит обломок-огрызок рога оленихи, который не смогли одолеть хищники? Тёплый ветер суровой земли несёт лёгкие облака. Они касаются вершины горы. Они ласкают камни и колышут травы. Они запускают свои пальцы в непричёсанную шевелюру сироты... Родина – это земля, где покоится прах предков. Оленёнок впитывает свою родину, чтобы стать оленем? Может быть, этот Авка, ставший уже взрослым, и сейчас, через много времени, стоит на том бугре? Только теперь уже крупный, гордый, красивый, но такой же одинокий, беззащитный и хрупкий, как тот мир, который его окружает...

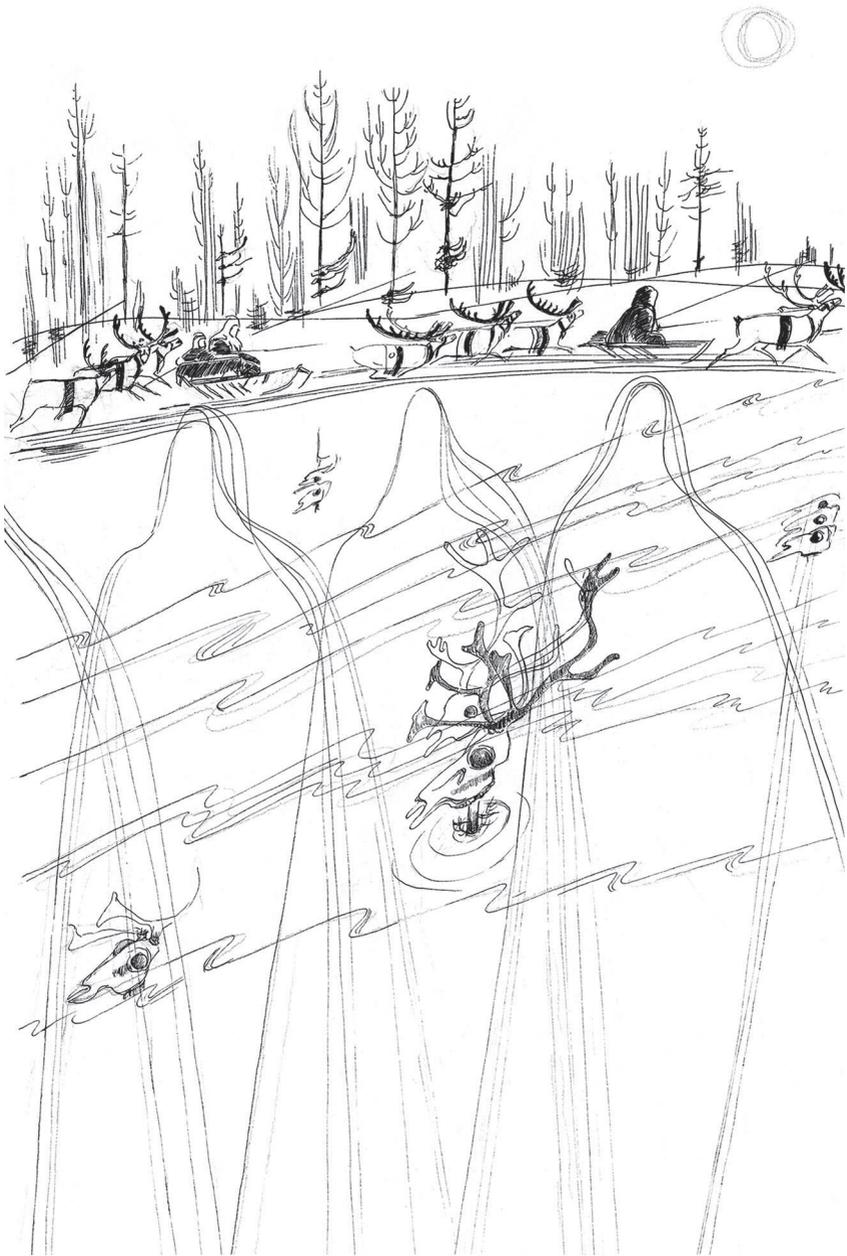
Лежал огромный камень на поверхности тундры, лежал себе веками, и вокруг него была жизнь:

румяная морошка, бойко подбоченясь и наклонив голову, оглядывала камень, как бы прицениваясь к его высоте;

стебель травы-пырея, вытянувшись во всю длину, кисточкой щекотал холодный бок камня;

молоденький глупый птенец трясогузки важно вышагивал по камню, как бы измеряя его поверхность, ставил свои метки, чтобы весной, вернувшись на родину, не перепутать с другим.

А в это время орёл парил над мирной тундрой, озирая одновременно и оленьё стадо у озера в низине, и детей, строящих новый чум, и одинокого Авку на бугре, и голубенького пушистого птенца трясогузки на сером камне.

Но стоит перевернуть камень, и закричит надломленный стебель травы-пырея, разольётся слезой раздавленный глаз морошки, а трясогузка, не найдя своих меток, улетит умирать на чужбину. А на том месте, где лежал веками камень, вытает в вечной мерзлоте огромная чёрная дыра. Со временем края ямы зарастут травой и ерником, но гниlostная пустота её долго будет зиять незаживающей раной...

Сегодня и Я, как тот оленёнок, ясно вспоминаю повернутый к солнцу тундровый бугор, говорливый ручей по оврагу и огромную чёрную яму, заросшую травой и тальником-ерником.

Ты рассказывала, как в детстве во время кочевья вы с матерью вместе с нартой опрокинулись в эту яму, как было страшно тебе глядеть на мир из её тёмного нутра, словно из могилы, что до сих пор чувствуешь запах и сырость той дыры, тяжесть земли, нависшей над краями.

Много в человеческой жизни встречается таких ям. Не все удаётся успешно объехать. Падают люди, больно ударяясь головой об землю. Часто боль от таких падений не заживает до самой смерти. Боль душевная – это совсем не то, что боль телесная. Душевная боль живёт в человеке и после смерти – она передаётся по наследству.

Сегодня в полузаброшенной деревне – чья-то Мать среди чужих людей – полуслепая, полуглухая, полупарализованная; брошенная оленеводческим колхозом, который она когда-то спасала; брошенная детьми, которых когда-то кормила грудью. Ещё энергичная в собственных мечтах, но калека – в глазах соседей. Сама она не чувствует своих ран, но они так больно режут мою душу...

Рубцы от ран на сердце у каждого человека. Рубцы большие, рубцы маленькие. Сколько таких рубцов на сердце носила твоя бабушка? Сколько таких рубцов на сердце носит сей-

час твоя мать? Всегда ли вы, дети, понимаете своих матерей? Сколько больших и маленьких рубцов наносит сам человек каждый день своим друзьям, любимым, близким, родным? Сколько таких рубцов на сердце будете носить и вы?

Родина – это не только земля, где покоится прах предков. Человек жив, пока счастлив. Человек жив, пока чувствует на душе боль. Душевная боль передаётся по наследству. Наследственная боль – это и есть та нить, которая связывает человека с родиной. Перестанет болеть душа, значит, нет твоей Родины.

СТАРЫЙ ЛАБАЗ

... – Конечно, видели. А чего на него смотреть-то, мы его вместе с лесом бульдозером туда в болотину столкнули. Ребята тут малость пошалили – вскрыли ящик, а там тряпьё, остатки шкур и кости. Череп хорошо сохранился. Они им Машку-повариху пугали. Ха-ха! Она чуть в обморок не свалилась, когда ей...

– Прекратите!

– А что я? Я к нему не прикасался...

– Ну что упираешься? Места там такие же, и ягель для оленей, и речки рыбные, и дом тебе срубят.

– Не твоё дело! Я сам знаю... имею я право или нет покидать землю, которую мне оставили отец с дедом. Они всегда говорили, что земля без хозяина становится скупой, бедной.

– А что ты здесь будешь делать? Соболя почти нет, узкие гривки леса, в которых когда-то был ягель, разрыли под автомобильные трассы. Тут перекопали, там сожгли. Где будешь пасти оленей? Буровые сейчас ставят там, где надо, не обращая внимания ни на болота, ни на озёра, ни на реки. Добыча будет – это тебе не разведка. А на новом месте болота ягельные ничем не хуже, чем у тебя. Зато там сейсмоки прошли и сказали, что нефти не должно быть.

– Ты молод, и потому забываешь такую простую вещь, что на той территории, которую ты мне вместе со своими нефтяниками и властями предлагаешь, уже живёт шесть семей. Неужели ты хочешь, чтобы я их потеснил? Неужели ты хочешь, чтобы я отнял у них долю добычи? Или ты мне предложишь дома сидеть и чай, купленный на пенсию, пить? – И, ехидно улыбнувшись, добавил: – Или ты меня будешь кормить?

– Почему бы и нет? Тебе вообще можно подумать об отдыхе. Я неплохим человеком считаюсь и неплохо получаю.

– Ну, спасибо, осчастливил! – и Шай-ики демонстративно поклонился низко-низко, зачерпнув верхним краем капюшона малицы снег. Потом отряхнулся и добавил: «Вот скажут люди – старый одурел, на иждивении сына решил на старости лет пожить. Сам ещё может кулаком оленя забить или полную морду жирных язей выволочь на берег из воды, а жизнь хочет доживать за чужой счёт...».

Он сидел перед моховой избой на нарте, прикрыв глаза и подставив лицо весеннему солнцу. Он любил так сидеть, но выбирал

для этого только такой день, как сегодня. Вчерашний день, хоть и был тёплым, но для этого не годился. Вчера ещё снег был сухим, ярким и отражал очень много света. Вчерашнее тепло шло прямо от солнца. А сегодняшнее тепло – отовсюду. Снег почернел и уже не слепил глаза. Почернели и стали уродливыми шапки снега на выворотнях, на высоких пнях за коралем, на лабазе.

– Интересно, кто же сегодня ко мне пожалует, – подумал вслух Шай-ики, перебирая в уме лица непрошенных гостей нынешней зимы. – Уже несколько раз был начальник буровиков, длинный, как мой хорей, Налимов. Видно, род его питался только тощими налимами, поэтому он так высок и худощав. Лучше б ты продолжал довольствоваться своими налимами! Ишь, земли ему моей захотелось, мало ему стало заработка с земли рода Казамкиных! Во что он превратил ту землю! Там, где был Бор Пёстрога Яра, теперь болото с вонючим жирным озером посередине. Речки, впадавшей в Большую Старицу, вообще не стало. В прошлом году, говорят, в той старице поймали рогатую щуку с четырьмя ноздрями. Зять-то мой, грамотный, говорит, что в книжках о двухголовых людях читал. Мол, двумя головами им легче дышать отравленным воздухом. А рога-то щуке для чего? Чтоб из-под воды их высовывать и определять, есть ли на поверхности нефть? Ёх-хо-хо-хов! Может, и у меня скоро дополнительные ноздри прорежутся – вон как несёт ветром гарь с Повховского месторождения?

Шай-ики ощупал пальцем нос, около носа и, словно убедившись в том, что, слава богу, новые ноздри у него не прорезались, ехидно улыбнулся:

– Хе-хе! А этот-то, этот-то! Словно хвостик-кончик тынзьяна среди буровиков вилял! Ишь ты, пустая ворона, каркающая над разграбленным гнездом, променял стойбище матери на каменный дом и трещишь теперь мне на ухо, как глухому безумцу: «Дом тебе поставят, хочешь – деревянный, хочешь –

каменный». Ишь ты, ещё не забыл своего языка. Да лучше б ты его не помнил, лучше б ты его растерял на городских улицах, в городских домах! Пер-р-реводчик!

Но вдруг он с горечью вспомнил, что некоторые окончания слов сын его уже произносил с искажением, с инородным оттенком.

Вдали послышался хлопающий гул вертолѐта. Шай-ики прислушался и безошибочно определил:

– Этот пройдёт мимо. Если не изменит направление, то пройдёт по краю Ханы-сэхэ, на Бор Нэхэли. Там, на вершине Щечи-тяхи они уже много домиков собрали, говорят, основное стойбище их будет там, оттуда и будут прокладывать дороги, строить новые буровые.

Интересно, что они сделают с могилой покойного Нэхэли? Мы же его как раз там похоронили. Откуда он, бедняга, мог знать, что это место кому-то ещё понравится?

Старик зажмурил глаза, и думы его вернулись в прошлое.

Они были ещё молоды и прекрасны. Закончилась война, но дальние перекочѐвки их с подготовленной к забою частью оленьего стада не прекратились. Везде был голод, и от их колхоза требовали мяса.

Оставив семьи с основным стадом, в котором оставались только стельные важенки, Шай-ики с лучшим другом Нэхэли погнали оленей, отсортированных для забоя, ближе к Сургуту. Чтоб не мясо и шкуры перевозить на упряжках, а чтоб это мясо само пришло на центральную базу Рыбакколхозсоюза вместе с кровью, вместе с потрохами.

Все вокруг удивлялись, как это два разнородных оленевода так близко сдружились? Было забавно наблюдать со стороны, как каждый из них говорил только на своём языке: Шай-ики –

на хантыйском, Нэхэли – на ненецком, и они прекрасно друг друга понимали без переводчика.

В ту зиму возле самого Сургута ночью в наскоро поставленном чуме скрутило беднягу Нэхэли острой болью в правом боку. Шай-ики прижал свою ладонь к горячему телу товарища, пытаясь снять часть боли. Нэхэли стонал, нехорошо ругался, иногда пытался шутить. Он обещал другу, что это до утра пройдёт, что так у него как-то было, что завтра он ещё покажет, чей тынзын точнее ложится на оленьи рога, но боль не проходила.

Утром Шай-ики запряг в нарту оленей и стал помогать другу одеваться. Но когда Нэхэли сел в нарту, и нарта осторожно тронулась, острая боль пронзила оленевода:

– О-хо-хо-хов! Нет, ехать я с тобой не смогу. Чего ты меня зря будешь мучить? Я же знаю, это скоро пройдёт, ты зря беспокоишься. Если уж очень хочешь, езжай один, пусть городской лекарь с тобой сюда приедет, если у него есть время. Если лекарь – женщина, скажи, что ненец очень хочет её видеть. О-хо-хо-хов! Только в дороге не позволяй себе лишнего. О-хо-хо-хов! Знаю я тебя!

Лекарем действительно оказалась женщина. Хрупкая такая, мужские кисы на её ногах свободно болтались, и она постоянно неумело их подтягивала, высоко задирая подол малицы.

Чум был холоден и зловеще молчал. Нэхэли, скорчившись в неудобной позе, лежал на смятой постели. Лекарь ему уже не требовался. Женщина в чём-то упрекала Шай-ики, а ему вспомнилось, как Нэхэли однажды сказал: «Если умру я раньше тебя, похорони меня на южном мысу ягельного бора, что на самой вершине Щечи-тяхи. Такой красивый бор, а названия не имеет! Ты же знаешь, что мы, ненцы, называем лесные бора именами тех, кто на них захоронен. Пусть люди после моей смерти называют его моим именем. Я ж в этом бору большую часть жизни прожил». И увёз Шай-ики тело друга

в стойбище, и похоронили они его на том ягельном мысу, и стали люди называть это место Бор Нэхэли.

А теперь на Бору Нэхэли будет вахтовый посёлок нефтяников нового Вампутинского месторождения. Много было споров об этой земле.

Когда из министерства получили добро на разработку новой площади, Генеральный Директор послал начальника НГДУ Налимова в райисполком оформить одну маленькую формальность: выписать документ на землепользование. Налимов сам не поехал, а послал заместителя.

Никто этому не придавал значения: билет всегда выписывался; приходила техника на новое место и распоряжалась по-своему – индустриалистически; взывало, гудело, гремело, горело, дымело; речки, если таковые там имелись, превращались в грязные, мутные нефтяные стоки; там, где был бор, появлялись озёра, вдоль болот прокладывали твёрдые дороги; ни реки, ни озёра, ни топкие незамерзающие болота не останавливали пришлого человека, поставившего перед собой цель: любой ценой покорить, получить, заслужить.

Ханты и ненцы, когда-то в древности облюбовавшие эти места, вынуждены были уступать, уходить, тесниться.

Но всё меньше и меньше становилось свободной от техники земли. Стало не хватать оленьих пастбищ, охотничьих уголков. Последний уцелевший уголок – это как раз та территория, где будет разрабатываться новое месторождение...

В этот раз райисполком словно подменили, билет выписан не был. Налимов позвонил председателю райисполкома:

– Василь Семёнович, там что-то твои работнички не ладили с моим замом?

– Я знаю. Так и должно быть.

– Что-то случилось? Мы вас чем-то обидели?

Председатель подошёл к подоконнику и налил из горячего кофейника кипятку, попытался глотнуть – обжёгся. Поставил чашку на подоконник.

– Много жалоб от местных жителей, жить не даёте.

– Ну, знаешь... Лес рубят!.. Может, мы им один бамовский дом? На шефских началах...

– Подачкой хочешь отделаться?

– Ну, знаете!.. В конце концов, это не мне лично надо, вы лучше меня знаете, что это государственное задание, наше с вами партийное поручение...

– Знаю...

С Генеральным Директором разговор получился более конкретным:

– Что предлагаешь?

– Надо ехать на место, в национальное село, в госпромхоз. Там народ хороший, поговорим, поймёт. Послушать людей надо.

– Оно, конечно, надо бы... – Генеральный Директор молча подышал в трубку, Председатель не торопил его, – так и быть, хоть немного от дел отдохну, беру зама по капстроительству, он в дальнейшем будет заниматься Вампутинкой, и Налимова. Если тебя устраивает, заказываю на завтра вертолёт?..

– Хорошо. Сейчас позвоню туда в сельский совет, чтоб готовили сход.

– Ты свою Ларису берёшь с собой?

– Ещё не знаю.

– А моя наверняка потащится. Хочу, говорит, кисы тёплые на ноги, хочу соболей на шапку. Соседки ей все уши прожужжали.

– Ну, готовься. До завтра!

... В маленьком деревянном клубе собралось много народу...

Недавно я был в старом лабазе моего деда. Чего тут только нет! Справки и квитанции тридцатых годов. Грамоты шестидесятых. Паевая кооперативная книжка. Пачка облигаций сороковых-пятидесятых годов, перевязанная тряпочкой. Накладная на мешок сахара от ОРСа нефтяников восьмидесятых годов. Есть тут одежда, которую ещё можно надеть, а есть и на выброс.

Давно с двери сорван замок. Что ещё можно было использовать в сегодняшней жизни, дяди мои увезли. Но то, что в лабазе ещё осталось, мне дорого и всегда напоминает деда и моё детство...

АПОКАЛИПСИС

Былички

Школа, ФЗУ, «гаубица»

В Варьёгане была начальная школа, и дети охотников, оленеводов и рыбаков после окончания четвёртого класса при желании учиться дальше уезжали в райцентр Сургут. Власти для этого к первому сентября предоставляли катер – Мотолодку.

Аатан добрался до деревни со стойбища на один день позже других. Катер с учениками уже ушёл на Сургут, а он опоздал. Он заявил отцу, что на обласе поплывёт следом за товарищами по Агану. Даже Мотолодка до Сургута добиралась за 4–5 дней, а на обласе, даже если едешь вниз по течению, – не меньше недели. Отец и другие родственники отговаривали

его, но он настоял на своём. Раньше, после окончания четвёртого класса, человек признавался взрослым, и он мог самостоятельно решать свою судьбу.

Так Аатан на маленькой долблёнке уплыл в Сургут и окончил там семилетку.

После семилетки он учился в ФЗУ (фабрично-заводское училище) и получил специальность рулевого-моториста для речных судов. Потом призвали в армию. Думал, попадёт во флот, но служил артиллеристом. Говорил, что обслуживал гаубицу: «Как стрельнешь из неё, так вокруг – Апокалипсис! – катастрофа для всех врагов».

Уже тогда в его лексиконе появилось незнакомое слово «Апокалипсис!», но первую кличку он себе заработал другую.

Хор коровы

Сразу как только Аатан пришёл из армии, за ним прочно закрепилась кличка «Хор Коровы». У нас, у оленеводов, самца-производителя называют хор, а кастрата – быком, хотя по-русски бык это самец-производитель.

Будучи солдатом, он прислал письмо отцу, и в письме том была фраза: «Здоров, как бык!». Отец его, бывший оленевод, впоследствии ставший одним из лучших звероводов по выращиванию чернобурок (мех в то время был валютой), говорил только на ненецком языке, русского не знал. И письмо от сына читал и переводил ему мой дядя Щээна – «избач» – работник Избы-читальни, так тогда называли библиотеки. Переводить он старался очень подробно. И когда дошла очередь до этой фразы, он перевёл: «Здоровье у меня, как у хора коровы!». И стойбище, услышавшее эту фразу, весело смеялось, передавая из уст в уста:

– «Как хор коровы!»...

– Вы слышали, «как хор коровы!».

Апокалипсис

Через несколько лет после армии к Аатану пристала новая кличка – «Апокалипсис!». Я тогда ещё в начальной школе учился.

Бывало, сбегу с уроков, и к Аатану. Дом его в деревне рядом с домиком моей бабушки Ненги был. Летом он плавал на колхозной Мотолодке, а зимой на оленях возил сено для колхозных коров и лошадей. А я, конечно, просился взять меня с собой.

Сяду к нему за спину на оленью нарту, и счастлив я. Олени бегут вперёд, лес проносится назад, на озёрах нарта подпрыгивает на снежных заносах-заstrугах. Иногда Аатан давал мне вожжу и хорей, и я управлял вдоль накатанной оленьей дороги приткой упряжкой.

Там, на Янчином озере, загружаем на нарту сено, забираемся наверх и едем обратно. Он мне рассказывает ненецкие древние истории попеременно с армейскими случаями. В этих историях он довольно-таки часто употреблял незнакомое мне слово «Апокалипсис!», каждый раз произнося его с оттенком великой значимости, так, словно это слово иначе, без восклицания, произнести нельзя. Я не знал, что оно обозначает, но чувствовал, что за этим словом кроется что-то очень важное, способное кардинально повлиять на мою жизнь.

Однажды он протянул мне пачку папирос «Байкал» и спросил:

– Курить будешь?

Я нехотя вытолкнул из себя:

– Не-а!.. – но руку протянул и вынул одну папироску.

Когда я почти уже прикуривал, он через плечо бросил:

– Осторожно, если под нами вспыхнет сено, будет настоящий Апокалипсис!

Я мгновенно погасил спичку, потому что очень ясно себе представил, что будет, если действительно вспыхнет сено, на

котором мы сидели. Мне сейчас кажется, именно тогда, а не позже, наиболее полно почувствовал я, что означает это ёмкое слово – «Апокалипсис!».

Фёдор – охотник

Рассказ Аатана

– Говорят, ты музей создаёшь?

– Что-то в этом роде...

– Строясь со стойбищ свозишь в деревню?

– Свою.

– А лабаз покойного Казамкина Фёдора ты не привёз?

– Нет ещё.

– Сейчас я тебе такую историю расскажу! Попробуй только сказать, что это не Апокалипсис!..

– Во времена войны с Гитлером охотников и рыбаков в Сибири берегли. Только кто не умел промышлять, на войну забирали. Те, кто потом с войны возвратились, – кто без руки, кто без ноги, – говорят, на войне тяжело было, – там – Апокалипсис! Те же, кто здесь оставались, говорили, что лучше бы на войну отправили, что настоящий Апокалипсис был именно здесь. Здесь требовали пушнину добывать, рыбу-мясо; здесь надо и семью-детей кормить, а как? – ведь только ершей можно было себе оставлять – остальное для Фронта.

Так мы, военное поколение детей, выросли на ершах. Поэтому, наверное, ничего я более вкусного, чем ершова уха, до сих пор и не знаю?

Казамкин Фёдор в наших краях лучшим охотником был. Говорят, за пушнину имел орден. За соболями ходил на урочище Аганский Увал, в бассейн реки Ван-ёган.

До того места, где последние ягельники, добирался на оленях со всей семьёй. Там ставили основной чум. Дальше в

глубь Увала завозили маленький чум для Фёдора, и жена уводила оленей обратно на ягельники. Охотник в тайге оставался один на длительное время.

Правило есть охотничье: перед охотой заготовь впрок дров как можно больше. Чтоб в чуме по обе стороны от входа, где яхтып, дрова были, и снаружи – с запасом.

Во время охоты провалился он в полынью реки вместе с лыжами. Лыжи ушли под лёд, а сам он, кое-как выкарабкавшись, добрался-таки до своего чума. Только ноги обморозил.

На другой день поднялась температура. Через шесть дней обмороженные суставы стали гнить. Началась гангрена.

Ножом он соскабливал омертвевшие куски с ног. А когда остались только кости, он и их спилил ножовкой...

Дрова надо было экономить до приезда жены. Себе он приговаривал вслух: «Хорошо, что когда ты, Фёдор, был здоров, много дров заготовил». Когда жена к нему приехала, у Фёдора осталась только одна растопка...

Отпиленные ноги он засушил, схоронил в лабазе и просил своих родственников: «Умру, мои ноги положите в гроб, чтоб при мне были, – не хочу после жизни мучиться в поисках своих конечностей»...

Помню один эпизод из своего детства: подъезжает к колхозному магазину оленья упряжка, сползает с нарты безногий человек с орденом на малице, и на коленях передвигается к высокому крыльцу магазина, упираясь руками в маленькую нарточку, которую всегда возил с собой, вместо костылей. А потом, оставив возле крыльца нарточку, карабкается на высокое крыльцо и скрывается за крашеной дверью магазина. Возле крыльца остаётся без присмотра маленькая нарточка его. Я помню, какой огромный соблазн был у меня – взять нарточку и скатиться с горки, что была рядом с магазином. Но страх перед убогим человеком, у которого на малице сверкал орден, побеждал меня.

СОВРЕМЕННЫЙ АПОКАЛИПСИС РАЗНОЛИКИЙ

Триптих

*Как прикажете называть,
или «Апокалипсис по-сибирски»*

Рассказ Аатана

А он действительно, наверное, счастливей меня? Ведь он не переживает, не болеет за опустошённый лес, за перерытый бульдозером бор, за заваленную дорогой речку. У него душа чиста, ему всё «до лампочки». Он с лёгкостью будет выполнять любую работу, какую ему укажет его начальник, лишь бы только вовремя получать свой «длинный рубль» и ежемесячно откладывать энную сумму на «жигуль».

Он ещё два-три года проработает и уедет. А мне после него всю жизнь жить здесь на перерытой, перетоптанной земле, с переломанными деревьями и с замазученными озёрами и реками. Мне уже негде будет добывать пушнину и мясо, негде вылавливать рыбу на строганину, негде пасти оленей. Разве это не Апокалипсис?..

А он в это время будет гнать на солидной скорости легковой автомобиль по Ялтинскому шоссе, рядом с ним будет сидеть счастливая жена и уже в который раз будет слушать, раскрыв рот от восхищения, его рассказ о том, как на зимнике Новооганск – Бахилы он догонял и давил колёсами своего «Урала» песцов.

Как-то он задавил на дороге соболя, и после этого товарищи-шофёры прозвали его Шоболятником...

Когда он заезжает ко мне на стойбище, и когда наш разговор заходит слишком далеко, он меня в лицо называет лесным диким человеком. А как мне прикажете его называть?

От шаманства до сектантства –
один шаг,

или «Апокалипсис по-ненецки»

Из беседы двух соседей

– У нас в Русскинских секта появилась – «пятидесятники» – стойбищных людей в новую веру обращают. Мол, ваши боги – это вчерашний день, их надо «вон из ваших чумов, вон из вашей жизни!». Мол, только наша вера самая истинная.

– И у нас в Варьёгане объявилось «братство» – то ли баптисты, то ли ещё какая разновидность сектантская. Тоже удобно устраиваются в сознании коренных жителей. Мол, если кто не с нами, того ждёт Апокалипсис – конец света.

– Ну, если говорить о конце света, то далеко ходить не надо. Яллу, наш родственник – в техникуме когда-то обучался – грамотный, пришёл к местному шаману: «Чтоб дети и внуки мои оленями занимались, хочу справить жертвоприношение. К какому богу мне обратиться?».

– А у вас ещё есть такие, кто за бубен берётся?

– Конечно. Жизнь-то идёт. Как без этого! Они никогда и не переводились. Было время, они тайком это делали. Да и сейчас публично бьют в бубен только те, кого нельзя воспринимать всерьёз.

– У нас каждый праздник кто-нибудь с бубном в Доме Культуры на сцену выходит...

– И посоветовал шаман нашему Яллу справить жертвоприношение богу Тяпту-кахе – покровителю оленят, покровителю оленевода.

– Говорят, он весной в гусином обличии в гусиной стае над новорождёнными оленятами кружит.

– Купил Яллу у своего родственника белую сырицу для жертвы, привёз к себе на стойбище. Да нечаянно сосед его, проездом, предположил, что олениха-сырица, возможно, беременная.

- Вероятно, это было во второй половине зимы?
- Конечно.
- Во второй половине зимы опытный оленевод невооружённым взглядом отличает стельную важенку от яловой...
- И решил наш Яллу не забивать этого оленя, а дожждаться весны и вырастить оленёнка. Родился в мае красивый оленёнок. Но у Яллу начались проблемы с артериальным давлением. Слёг в больницу. А ночью, когда олени его были на привязи, набрёл на стойбище медведь и задрал животных вместе с оленятами.
- Я слышал, два оленя выжило?
- Да, у одного кастрата и у старой важенки верёвки оказались гнилыми, они сбежали.
- Выходит, бог Тяпту-кахе всё-таки забрал свою жертву?
- У нас говорят, не человек выбирает оленя для жертвоприношения, а сам бог в это время управляет сознанием человека. Поэтому такого оленя нельзя даже поменять. А Яллу ради оленёнка отказался от ритуала, который сам же задумал справить.
- Значит, он обманул своего бога?
- Себя обманул! Ушастый Животастый Апокалипсис Семязыкий его умишком заправлял...
- Ёх-хо-хо-хов!
- Но на этом история не закончилась. Теперь он ходит в религиозную секту – так называемое «братство», они там, говорят, песни распевают.
- Поменял своих оленей на чужие песни?
- Пиманс-кучахку! Вот и скажи, что это не Конец Света!..

Герой нашего времени,
или «Апокалипсис по-русски»

Рассказ Аатана

Встретил сегодня Крупнова Николая – когда-то мы с ним вместе охотились:

– Ездил на родину в Подмоскowie. Вчера приехал. Лучше б я туда не ездил. Паренёк соседский отслужил в Чечне. Весь изранен. Пока служил, семью его выселили из квартиры за неуплату коммунальных. Негде прописаться. Калёку на работу не берут. Бомжи, как могли, собирали для него пропитание по мусорным бакам. На груди в два ряда дырки от пропитых медалей. По рынкам его возили, там он получал подавания за фальшивые песни, за настоящие слёзы. А вечерами – дешёвая водка до потери сознания. Три дня назад умер – отмучился. Теперь некому оплатить для него... место на кладбище...

И лежит который день непохороненный.

КАК УПОЛНОМОЧЕННЫЙ УЧИЛ РЫБАКОВ РЫБАЧИТЬ

Рассказ Аатана

– А ты знаешь историю о том, как Уполномоченный учил рыбачить местных ненецких и хантыйских рыбаков? Сплошной Апокалипсис! Вот как мне рассказывал об этом твой дедушка Хопли:

«Сразу после войны, в конце лета 45-го года, был я бригадиром комсомольского звена колхозных рыбаков. Варовая

рыбалка шла к исходу, но мы ещё на устье реки Варьёган у острова Порнэ держали жальный заповор. Нигде в других водоёмах ещё не ловилась рыба, которая должна была хлынуть на зимовья, а здесь всё-таки за сутки мы ловили по одному-два центнера. Вода уже была холодная, резиновых сапог не было, и мы босые заводили свой неводишко перед заповором, чтобы зачерпнуть несколько килограмм подошедшей к заповору рыбы. Потом грузили невод на лодку для нового заброса и шли скорее к костру греть ноги и обсушивать намокшие штаны. После двух-трёхчасового затишья снова закидывали невод.

И вот, когда мы после очередной тони сидели возле костра и обжигались кипятком, заявился к нам из деревни Уполномоченный в сопровождении комсомольского секретаря.

– Ах, бездельники-лодыри, страна от вас ждёт рыбы, а вы!..

В то время спорить с Уполномоченным не принято было. Тем не менее я как старший среди рыбаков попытался объяснить, что мы только что заводили невод, что надо немного подождать, чтоб рыба подошла, что слишком часто закидывать невод – хуже – рыба не сможет подойти к заповору...

Но мои слова взбесили Уполномоченного. Он выхватил трясущейся рукой револьвер из кожаной поясной сумки, второй рукой сгрёб меня за капюшон малицы, а дуло револьвера упёр мне в лоб и что есть силы вдавливал в меня, отрывисто выкрикивая слова:

– Молчать! Смирно! Марш! Заводи невод!

Я вырвался из его рук и кинулся к неводу, остальные за мной. Но когда мы вытянули из воды пустой невод, Уполномоченный взбесился ещё больше:

– Саботаж! Вы специально закинули невод так, чтобы ни одной рыбы не попало. Враги народа! Я вас научу рыбачить! Заводи ещё!..

И Уполномоченный заставлял нас пять или шесть раз подряд закидывать невод, пока мы случайно не зачерпнули одного язя.

К вечеру Уполномоченный прибежал в колхозную контору и там ещё устроил разнос председателю колхоза, пообещав и его научить рыбалке.

Всю ночь Уполномоченный с комсоргом разрабатывали новый метод рыбалки. Поведал комсомольский секретарь гостю об озере Магилор. Мол, озеро мелкое и песчаное; мол, рыбы там много и она местная; никто там не рыбачит, потому что нет метода, как взять её из этого озера; мол, никуда с озера не уходит рыба и ниоткуда не приходит; что уровень воды на 4–5 метров выше уровня воды в реке Аган; что всего триста метров соснового бора отделяет озеро от речной старицы; что если прорыть канал и выгнать воду из озера, то останется только ходить пешком по осушенному дну и собирать в мешки рыбу.

Утром кликнули в колхозную контору всех жителей деревни. И после краткого митинга погнал Уполномоченный всех к озеру Магилор, что в десяти километрах от Варьёгана. Впереди коммунисты и комсомольцы с плакатами. Собрали в деревне все лопаты и каждому под расписку выдали пустой мешок для рыбы. И вся эта живая масса людей, состоящая из стариков, из мужиков и баб, из молодёжи и из детей, двинулась осваивать новый метод рыбалки. Охотнее всех на эту рыбалку шли дети.

Перекапывать полностью весь бор не пришлось. Прокопали ров только до середины, а дальше вода сама пошла, только кое-где подправляли лопатами. Пока мы расширяли новую речку, Уполномоченный воткнул в озеро палочку с зарубкой, чтоб не прозевать, когда вода пойдёт на убыль.

По его распоряжению разожгли костёр:

– Ну, теперь можно и чайку попить.

Заварили кипятку в ожидании, когда вода из озера уйдёт.

Мужики возле костра заворачивали лица в капюшоны малиц, чтоб беззвучно посмеяться. Ведь в открытую смеяться нельзя было.

До вечера ни на миллиметр не убыла вода в озере. Ведь озеро является частью огромного болота.

Вечером Уполномоченный отправил основное население в деревню, а нас, рыбаков, на прерванную рыбалку. У озера оставил дежурных. Целую неделю дежурили комсомольцы, но вода в озере не убыла нисколько...».

– Ну, ты бываешь в Новоаганске. Так эта рукотворная речка, прокопанная под руководством Уполномоченного, просуществовала до конца семидесятых годов и протекала мимо сегодняшней аптеки, сбербанка и рынка. В конце семидесятых председателем поссовета в Новоаганске был Устименко Александр Иванович. И во время строительства конторы для администрации очень ему мешала эта канава, он хотел её засыпать, но боялся, что будет наводнение – катастрофа, Апокалипсис местного значения! И когда у нас в Варьёгане ему рассказали, что раньше этой речки не было, что это совсем не влияет на уровень воды в озере, поведали ему историю с Уполномоченным, – только после этого он смело завалил эту речку бульдозером. Сегодня фрагмент этой канавы можно увидеть возле аптеки под большими соснами...

Я недавно там стоял. Закрыв глаза, и мне казалось, слышал приглушённые голоса и Фёдора-охотника, и Старого Усти, повелительный рык Уполномоченного, видел лица смеющихся в капюшон ненецких и хантыйских рыбаков. А в это время в спину мне, с центральной улицы Новоаганского городского поселения кричали глаза того непохороненного «чеченца». И мурашки по спине, и было страшно оглянуться, потому что в этот миг, казалось, сзади надо мною, как грозовая туча, угрожающе навис, расправив волосатые пальцы, корявые и хваткие, Ушастый Животастый Апокалипсис Семиязыкий.

P.S.

14–15 июня в Новоаганске, что рядом с Варьёганом, Нижневартовский район праздновал свой юбилей – восьмидесяти-

летие. После праздников 18 июня мне позвонили на стойбище по телефону из Варьёгана, что на кладбище нашли непохороненный труп неизвестного мужчины. На нём были сильно потёртые нестиранные джинсы и «неопределённого цвета бывшая армейская «х/б» – курточка с полоской дырочек на груди. Говорят, приехала милиция и увезла труп неизвестного в морг.

19 июня 2008 года.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Жертвоприношение – духовная потребность оленевода.

Став хозяином оленя, ты ещё этого не знаешь, но душа твоя испытывает потребность в жертвоприношении. И эту потребность рано или поздно надо справиться.

Потому что без этого ты не будешь ощущать себя истинным Человеком.

Не только мы, язычники, совершаем жертвоприношение. Приходит христианин в церковь, покупает свечку и сжигает её. Это тоже жертвоприношение. Христианин покупает икону, освящает и помещает в почётный угол. Мы покупаем или выращиваем оленя, освящаем его, потом душу отправляем богам, мясо раздаём, а шкуру вешаем на священное дерево на святом месте.

И главное ведь не во внешних действиях человека, а во внутреннем духовном стремлении.

Говорят, во время жертвоприношения боги особенно чутко чувствуют пожелания и помыслы человека – хозяина оленя.

Говорят, после жертвоприношения человек некоторое время не способен на преступление, на обман.

Говорят, после жертвоприношения человеку открывается любовь в наиболее чистых и первозданных её проявлениях.

ПРОСТО ЭМОЦИИ

Диптих

Случайные встречи

В начале 80-х, ещё до перестройки, я побывал в Магадане на семинаре молодых литераторов-северян. Там я познакомился с Татьяной Уркачан, которая в списке участников числилась собирателем фольклора из Камчатской области, на самом же деле неформально нам её представили как действующую корякскую шаманку.

Я помню один из её сеансов. По просьбе организаторов мероприятия они с дочерью исполняли ритуал. Действия их затронули мои эмоции, хотя движения исполнителей мне показались довольно-таки простыми и однообразными. И я подумал: «Хорошо, что они недолго Это совершали...». Но когда я взглянул на часы, оказывается, прошло более часа времени, а мне показалось, что Это длилось не более десяти минут. Словно произошёл некий временной сдвиг, или я на некоторое время выпал из временного пространства.

После таких сеансов она сильно уставала. Но по вечерам в гостинице её донимали журналисты, и чтобы от них отвязаться, она просила меня поиграть роль её жениха: «Дайте хоть вечером нам побыть наедине!».

Через несколько лет я приехал в Новосибирский Академгородок на мероприятие «Дети Севера – вчера, сегодня, завтра». В списке участников я увидел имя Татьяны Уркачан. Стал искать глазами, но не нашел её. Тогда я попросил организаторов показать мне Татьяну. Меня подвели к совершенно незнакомой женщине. Я спросил: «Вы – Татьяна Уркачан?» – «Да». – «Та самая?» – «Да, та самая...» – «Вы меня помните?» – «Я Вас вижу впервые...» – «Я играл роль Вашего жениха в Магадане...» – «Я никогда не была в Магадане...» – «Неужели Вы действительно та самая?..».

Позже в Якутске я точно так же встретил ещё одну незнакомую мне Татьяну Уркачан.

Потом мне кто-то из литераторов Камчатки сообщил, что Уркачан умерла. Но до сегодняшнего дня у меня такое ощущение, что однажды я снова встречу с Татьяной Уркачан.

В начале 90-х годов, во время работы в издательстве «Северный дом» над макетом книги «Белые крики», почти одновременно мне в руки попали две рукописи. Набранные на пишущей машинке загадки, собранные на Югане Раидой Ермаковой, и записанные от руки в школьной тетрадке «в клеточку» Любовью Айпиной с Агана.

Почти в это же самое время ко мне на стойбище прибыли на попутном вертолёте геологов два немецких студента из Берлина, изучающих сургутский диалект хантыйского языка. Штефан Дудек и Каролин Гросс теорию языка изучали в Берлинском университете, а попрактиковаться решили у нас в России, в Ханты-Мансийском округе.

Мы стали работать над хантыйскими загадками. Я отобрал из общей массы те загадки, которые мы будем обрабатывать, делал переводы на русский, Штефан переводил прямо с хантыйского на немецкий, а Каролин мы предложили попробовать переводить на английский язык. Когда встречались трудные слова, мы обращались за консультацией к Айпину Виктору Романовичу или к Казамкину Егору Степановичу. Эту работу мы делали с удовольствием, потому что она вселяла в нас положительные эмоции.

А немного раньше в Варьёган на практику приезжали три студентки – будущие дизайнеры, модельеры одежды. В то лето рыбачил я на устье реки Варьёган у острова Порнэ бригадиром в варовом звене рыбаков. Мы там держали, как и мой дед Хопли в 40–50-х, жальный запор. И там, на этом запоре, вечерами мы говорили о творчестве, об искусстве, о возможностях человеческого интеллекта, там, у рыбацкого костра, я рассказал о своих встречах с корякской шаманкой Татьяной Уркачан.

И одну из студенток, Наталью Волик, этот рассказ подтолкнул на создание серии чёрно-белых эскизов «Утренняя Уркачан».

Позже в Нижневартовске мы ещё раз встретились с Натальей Волик (теперь уже по мужу Цыбина), я ей показал хантыйские загадки – работу с немецкими студентами, и она, под впечатлением уже от загадок, выразила свои эмоции в серии цветных работ «Солнечная Татьяна Уркачан».

Так из нескольких случайных встреч родилась книга «Загадка моя!».

Сегодня, когда я набирал на компьютере эти строки, меня срочно пригласили в Музей. Точно помню: уходя, тот фрагмент текста, который у меня был уже набран, я сохранил. Но когда я вернулся и решил продолжить прерванную работу, то набранного текста в своём компьютере не нашёл, и вынужден был всё начать сначала. Не послание ли это ещё одно от Татьяны Уркачан?..

Автопортрет

Недавно в газете «Тюменская область СЕГОДНЯ» (№ 13, 26.01.2007) я прочитал изречение Сэмюэля Батлера: «Любое человеческое творение, будь то литература, музыка или живопись, – это всегда автопортрет». И оглянулся вокруг себя глазами Батлера на тех, кого я близко знаю, знаю, мне кажется, и их творческое лицо, и их лицо бытовое.

Читатели мне иногда задают вопросы о литературе Ю. Шесталова и Е. Айпина. Я отвечаю обычно: «Если хотите познать творческий портрет писателя, то не ищите с ним личных встреч, а читайте его произведения, читайте отзывы о его творчестве и сравнивайте со своим личным восприятием, со своими личными эмоциями от прочитанного». Потому что

ваше личное общение может исказить творческий облик писателя, творца, его автопортрет. Ведь писатель, как и любой человек, он разный. Он меняется от личного настроения, от настроения окружающих, даже от политических течений и от природных аномалий. Вот попадёте при личной встрече под плохое настроение, и на всю жизнь у вас будет искажённое представление о творчестве талантливого творца.

До того времени, пока лично не познакомился с художником Г. Райшевым, для меня его автопортретом служила его графическая работа «Егор Большой». Потом я увидел работу «Автопортрет», познакомился с автором, пообщался с ним, почитал его философские размышления о мастерстве, стал сравнивать моё представление о художнике и его личные рассуждения о себе, и стал я ещё более утверждаться во мнении, что творческим автопортретом Г. Райшева всё-таки в моей душе остаётся «Егор Большой». Внешнее сходство автора и его «Автопортрета», конечно, есть, но внутренний, творческий, духовный стержень Художника всё-таки в работе «Егор Большой».

Неужели я ошибаюсь? Или мнение самого автора о себе ошибочно? А может быть, и то и другое верно, просто эти две работы надо сложить вместе в один диптих?..

А для себя я даже сочинил несуществующую работу Г. Райшева «Егор Маленький». Эта работа и сейчас у меня перед глазами: юный мальчик, плывущий на обласке по Салыму, по Агану, по Югану, а вокруг него мир сказочный; но этот сказочный мир, такое ощущение, что он более реален, нежели реальный, более настоящий, этот придуманный Г. Райшевым (или мной?) волшебный мир...

И мысленно ещё раз перемыв косточки своим друзьям, этими же глазами оглянулся я на себя.

В своих книгах: «Вести из стойбища», «Белые крики», «Азбука оленевода» и «Поговори со мной» я, автор, молодой ненец, почти что юн и поэтому искренен, порой до наивности, до юношеского максимализма.

В книгах «Триптихи», «Путём Хозяйки Агана» и в поэме на два голоса с Т. Юргенсон «Охота на лебедей», мне кажется, я – незримый автор, стал уже более зрелым, хотя выше среднего возраста всё-таки не перевалил.

Это так я вижу себя – автора – свой автопортрет. А на самом деле, может быть, всё как раз и наоборот?

Давайте заглянем на последнюю страницу «Азбуки оленевода». Там с фотоиллюстрации смотрит на нас глава оленеводческого рода, почти старик, в выжженной на солнце и побитой дождями и ветрами тряпичной малице, с хитрыми кошачьими глазами. Он прожил много лет и, вероятно, досконально разобрался в человеческом и особенно в детском мировоззрении.

У нас, ненцев, есть определитель возраста: «Он дожил до времени, когда возвращаются в детство», т.е. старец начинает играть с детьми. С внуками и с правнуками играет в их игры. Не старик диктует детям «давайте поиграем в это или в это», а сами дети выбирают себе игры, а он становится их соучастником и идёт у них (кажется) на поводу.

Любой педагог скажет, что главный характер человека формируется в самом детстве. Поэтому умудрённый старец, понимая, что в своё время он не совсем правильно воспитал своих детей, теперь хотел бы попытаться исправить эти пробелы во внуках и правнуках, попытаться заложить самые основы в раннем детстве.

И поэтому, может быть, эта фотография и есть настоящий автопортрет автора книг: «Азбука оленевода», «Белые крики», «Поговори со мной»? И тогда начинаешь понимать, что никакой он не юнец. Он только на первый взгляд таковым кажется. Что на самом деле он мудрый старец, сумевший спрятаться за юного шалунишку Котофея...

Разве не таким я сотворил образ о себе (авторе) в своих произведениях, а фотографу осталось только щёлкнуть аппаратом?..

...Но после дождя раздвинутся серые тучи, выглянет солнце, с окраины стойбища поднимутся комары и мошки, и с болота, по краю озера на бор, к дымокуру потянутся олени; и в этот момент начинаю понимать, что я – юный чумазый мальчик в оленеводческой семье, а многие истории, попавшие в эту книгу, вовсе случились не со мной, а слышал их вечерами возле огня на стойбище в чуме или в деревенской избушке от своей бабушки Ненги.

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Рассказы
Повесть «Дари огонь»

АН-24

Было это ранним летним утром. Андрей шёл по лесу, размахивая веточкой и насвистывая весёлую песенку. Ему словно вторили птицы. Изредка из-под ног взлетали черногрудые трясогузки. Где-то в стороне куковала кукушка. Над головой, потрясая окружающий лес гулом моторов, низко пролетел ЛИ-2. Андрей понял, что близко аэродром. Он прибавил шагу и направился в сторону исчезнувшего самолёта⁷.

Вдруг между стволов деревьев вдали показалось голубое небо и ровное полотно земли. Андрей с ликующим восторгом побежал навстречу полю, обильно залитому солнцем.

На краю леса он остановился. Это был аэродром. Посреди аэродрома виднелась белая полоса взлётной площадки. По краям она была словно усыпана яркими цветами. Возле Андрея о чём-то перешёптывались листья берёзок. На аэродроме стояло четыре белобоких ЛИ-2. В стороне тесной толпой стояли вертолёты.

В небе послышался гул. Андрей устремил свой взгляд в сторону возникшего звука. Высоко над посёлком летел похожий на белокрылую чайку воздушный лайнер АН-24. Солнце ослепительной вспышкой отразилось от крыльев, чуть подавшихся назад. Он гордо пронёсся над аэродромом и исчез за дальней полосой леса.

⁷ Одна из первых публикаций ученика 9 класса Юрия Айваседы в газете Сургутского района «К победе коммунизма» от 4 июля 1965 года.

Андрей с напряжением ждал появления самолёта. И вот из-за леса, словно ястреб, догоняющий свою добычу, вынырнул лайнер и пошёл на посадку. Его белые крылья были чуть согнуты вниз, шасси уже опущены. С еле слышным гулом он летел навстречу посадочному полотну. Сблизившись с землёй, самолёт как бы прибавил скорость и коснулся площадки всеми тремя парами колёс возле посадочного знака «Т». Затем чуть заметно качнулся и беззвучно покатил по ровной ленте поля, обдавая пылью траву, цветы.

Лайнер давно уже расположился на своей стоянке, но Андрей ещё долго смотрел на его чуть поблёскивающий белый бок. АН-24 пробыл на аэродроме целый час, и за это время поражённый юноша никуда не уходил.

И снова взревели моторы, и белокрылый самолёт пошёл на взлётную полосу. Сначала он двигался медленно, потом прибавил скорость и, как бы оттолкнувшись от земли, стал медленно подниматься. В воздухе он слегка качнулся из стороны в сторону, последний раз блеснул на солнце и исчез в голубом небе, как будто его и не было. Андрей помахал ему фуражкой и нехотя покинул аэродром.

В лесу всё так же посвистывали птички. Кукушка всё ещё отсчитывала кому-то долгие годы жизни. Над головой проносились вертолёты и самолёты, но Андрею было не до них. Перед его глазами стоял белокрылый лайнер АН-24, с чуть подавшимися назад крыльями.

О ГРЕХЕ

Дедушка-Вэлл приехал с рыбалки. Котофей крутился возле бабушки и украл рыбу. Танни-Внук стал ругать его. Кот, бессовестный, даже головы не поднял. Притворился, словно ругательные слова адресованы не к нему...

По-настоящему грешен не тот, кто согрешил, признал свой грех и искренне повiniлся, а тот, кто тщательно скрывает свой грех.

ЧЕЛОВЕЧНЫЙ–БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ МИР

Когда я был честен – меня обманывали.

Когда я был предан – меня предавали.

Когда я пел – меня пытались заткнуть.

А если замолчу?..

ИЗ СТУДЕНЧЕСКИХ ЗАПИСОК

...Оказывается, жизнь человеческая не обходится и даже без «ежа». А как же без ежа? Оказывается, ёж – это и душа, это и природа, всё живое, что окружает тебя, это и ты сам вместе со своей совестью.

...У Ювана Шесталова хочется взять слитность со своим народом, глубокие корни устного народного творчества.

...Что мне хочется взять у Егора Исаева? – способность создавать из простых понятий: ежа, костра, косы, возов, трактора, лошади, – огромный мир. Ибо Огромность мира – это мы, с нашими повседневными мелочами.

...Что значит: «Пусть же от верхов до устья / Не убывает памятью народ»? И ответ ясен: сохранить в памяти народной горькую, горячую слезу.

...Сама жизнь задаёт нам такие вопросы, на которые приходится отвечать. Надо отвечать. Словом ли, поступком ли – а надо!

О ДЕДУШКЕ

Дед мой во времена своей молодости, по необразованности своей и по политической неграмотности, вместе со своим родом бегал и от красных, и от белых. В этих бегах он, скрывая своё настоящее имя, менял название рода, то есть фамилию. Почти такая же история случилась и со вторым моим дедом. И поэтому к первой переписи населения, которая проводилась на нашей земле в тридцатых годах, они из рода Вэлла и рода Тётт стали Айваседами.

Помню рассказ младшего деда Хопли из рода Тётт:

«Однажды в наше стойбище приехали на загнанной упряжке два белых офицера. Они, может, и не были офицерами, но тогда все военные в шинелях и с винтовкой нам казались офицерами. Они приказали запрячь для них лучших оленей в две упряжки и везти в Сургут для соединения со своими. Там в это время белые били красных. Старый Анет, так звали моего отца, поручил везти непрошенных гостей мне и моему другу Кисамы.

Олени бежали ходко по накатанной дороге. В те времена дорога до Сургута всегда была бойкой и накатанной, потому что мы, ненцы с водораздела и ханты с Агана и Тром-Ёгана, постоянно торговали с сургутскими купцами. Я цепко сидел на нарте и всю спиной чувствовал ненавистного мне седока. Ненавидел я его не потому, что он белый (какие тогда у меня могли быть политические взгляды), а потому, что в любое время он мог застрелить меня из своей винтовки и сбросить в снег. Поминай как звали. Я ощущал это каждой своей мышцей, всем своим охотничьим нутром.

Так мы ехали несколько дней. Где-то уже недалеко от Сургута, возле маленькой речки Мох, мы кормили оленей ягелем, не выпрягая их из упряжи. Все четверо мы сидели у костра и, словно братья, уплетали наш нехитрый ужин. Наши седоки уже привыкли к нам и потеряли бдительность. Я поднялся от

костра и пошёл к упряжке, чтоб передвинуть оленей на свежий, невытоптаный снег, где под толщей сугроба схоронен вкусный тёплый ягель. Беляки даже головы не повернули ко мне, ибо так было на каждой остановке. Незаметный знак, одними бровями, я сделал товарищу. Когда и Кисамы отвязал от нарты вожжи, я запрыгнул в упряжку и всю пустил оленей в сторону родного стойбища. Винтовки наших обманутых седоков лежали на нартах, и поэтому вслед мы слышали только отчаянные крики, но не прозвучало ни единого выстрела.

Так мы оставили двух белых офицеров в одних шинелях наедине с тайгой. На их несчастье поднялась пурга, метель замела все дороги. Проезжая через стойбища, мы оповестили о случившемся всех, кто жил вдоль зимника. После ненастья люди проложили другую дорогу в Сургут и стали объезжать это место. Говорили позже, что эти белогвардейцы никогда больше не вышли к людям.

Винтовки мы выкинули в снег – вдруг искать станут? И притом оружие, осквернённое на войне, не годится для охоты. Приехав в стойбище, мы сняли чумы и ушли на новое место.

Душу мою часто терзает наш поступок. Ведь эти люди нуждались в помощи, доверили нам себя, а мы их бросили на погибель. Это ты сейчас можешь сказать точно, кто враг, а кто настоящий друг. Но, как бы в оправдание, другой случай тогда не выходил из головы. Однажды Альчота из соседнего стойбища также повёз красных. По дороге они повстречали белых. Белых, говорят, было больше. И Альчота к своей семье так и не вернулся. Тревожное было время, и никто не знал, то ли он сегодня оступится, то ли завтра...».

Через несколько лет после случая с белогвардейцами дед срубил на берегу Агана, возле устья богатой рыбной речки Варьёган, бревенчатый дом, чтоб не мёрзнуть больше в чуме. Потом переселились сюда остальные наши родственники: его братья, племянники, дети сестёр, – так было основано наше стойбище, которое сейчас называется Варьёганом.

С высокого песчаного яра, на котором мы, дети, любили играть, хорошо просматривалось каменистое дно реки. Старики это место не любили, – водилась за ним дурная слава, но дед мой обосновал свой выбор тем, что отсюда было близко не только до соболиного урочища, но и до тундровых оленьих пастбищ; на этот яр раз в году приезжал русский купец с товарами. Правда, после того его уже никто никогда не видел, только как воспоминание о нём долго стоял одиноко на берегу чёрный бревенчатый сарай.

Сам дед продолжал кочевать с бабушкой по тайге, по тундре, а огромная семья его стала жить осёдло. Стойбище разрослось, потому что сюда стали съезжаться другие семьи – ненцы, ханты; и в конце тридцатых годов здесь был организован колхоз с ясноокой голубоглазой школой, с тёплым магазином, за прилавком которого улыбался добрый продавец Данилин, вместо старого купеческого сарая, возле скрипучих ворот которого, словно настоroje, всегда стоял чёрный деревянный идол.

Лик деревянного идола, продолжавшего сторожить теперь уже кооперативный склад с продуктами, навевал страх не только на нас, детей, взглядом своим предостерегая: «Не подходи, не пушу в сарай! Твои воровалища-загребалища сделаю деревянными! Твои убегалища-перебиралища сделаю деревянными!». Нужно ли было держать такого сторожа у ворот вместо собаки на цепи, вместо амбарного замка на кованом железном запоре? Наверное, да! Ведь наши-то лабазы с вещами и продуктами, те, которые в тайге, и те, которые в селении, тоже не имели замков!..

Во время Великой Отечественной войны дед возглавлял комсомольское звено рыбаков, а зимой промышлял ещё и пушнину. Потом, спасая колхозное стадо оленей, был покалечен медведем.

Сразу же после войны в центре селения, на самом высоком месте, был установлен ветряк, питавший энергией телеграф и радиотрансляционную линию. Всей этой техникой руководила маленькая смешливая ненка Макуути. С весёлым загаром на

лице, она машет рукой и что-то кричит вниз, нам, с недостижимой высоты голубого ветряка – такой из моего детства она навсегда запомнилась мне.

Одним из первых слушателей радиоузла стал мой дед. А когда завезли в наш магазин транзисторные приёмники, дед поручил бабушке сшить из оленьей шкуры специальный чехол для говорящего друга, «чтоб он горло не простудил», и во время кочевья возил его с собой на нарте, предохраняя от дождя, от снега, от ударов...

«НЕ ЗАБЫВАЙ О СВОИХ ОЛЕНЯХ...»

Совет, который я получил когда-то от деда, и теперь адресую тебе, ненецкий студент:

Учись! Учись всегда! Учись на любую специальность! Познай технику добычи нефти и природного газа. Попытайся стать торговцем золота, автомобилей и вооружения. Узнай, как вырастить хороший урожай хлеба. Научись ориентироваться в море-океане и в космосе, в человеческой психике и в юриспруденции, влезь в Политику и во Власть... Но никогда не забывай о своих оленях. Если наступит день, когда весь мир отвернётся от тебя – олень примет тебя, каким бы ты ни стал. Он умеет прощать всё. Он тебя вывезет!

АВТОБИОГРАФИЯ

Между Варьёганом и Новоаганском есть шоссеиный мост. Если от моста пройти четыреста метров на северо-запад, можно найти старые, замшелые, но высокие пеньки – здесь

было зимнее стойбище ненца Айваседы (Вэллы) Кыли, на этом месте 12 марта 1948 года я родился...

Бабушка моя Ненги после смерти мужа Вэллы Калы, бросив чум и оленей, вернулась вместе с детьми на стойбище родителей, которые жили недалеко от Ватьёгана вокруг озера Сеттэй и вдоль речки Хыпитосты.

Во времена Международного Покраснения, в поисках Колхозного Счастья, полупешком, пришли они вместе с родом Айваседы под деревню Варьёган, и здесь в 1951 году съели последнюю личную важенку.

Я, как и многие северные дети, прошёл через детский сад (помню смерть Сталина), через интернат (помню космический полёт Первого Спутника и Юрия Гагарина).

Лучшими собеседниками во времена юности у меня были старики: братья Епаркины, Василий и Антон, Айпин Ефим. Да и повзрослев, я всегда опирался на людей старшего поколения: Иуси Кули, Аули и Ойсю, Казамкина Андрея. Но, думаю, основной мой характер сложили два человека: мать моего отца – бабушка Ненги и отец моей матери – дедушка Хопли. Бабушка Ненги была хорошей рассказчицей, а дедушка Хопли умел работать руками.

Будучи государственным охотником, одновременно заочно грыз я программу Литературного института А. М. Горького, и в 1988 году защитил дипломную работу (а это книга «Вести из стойбища») на «отлично».

Я и сейчас одновременно делаю два дела: пасу оленей и фиксирую фольклор – зеркало сегодняшнего культурного уровня моего народа, чтобы в это зеркало мог заглянуть любой.

В 2000 году меня приняли в Союз писателей России. Всякое было в моей жизни: издал пять книг, создал два музея, две школы, один сельсовет; несколько лет был лучшим охотником промхоза; в своё время написал заявление добровольца во Вьетнам, но из-за плоскостопия служил военным строителем. Категорически против любых военных действий в Чечне, и этому посвящена поэма «Охота на лебедей», написанная совместно с

Татьяной Юргенсон. По четырём статьям был под следствием по ложному доносу работников ЛУКОЙЛа. Три дела выиграл, а по четвёртому – моё заявление лежит в Европейском суде.

Погорел в 1992 году, и до сих пор не могу выкарабкаться из бытовой нищеты – мой гардероб на 90 процентов состоит из подарков друзей, а мебель в квартире на 50 процентов из моего родного интерната. Сегодня заканчиваю работу по восстановлению сгоревшей рукописи книги прозы «Ветерок с озера», подготовил к изданию эту книжку для ненецкого студента, ищу спонсоров по изданию, работаю над топонимическим словарём, рабочее название которого «Река Аган со притоками».

Сегодня Судьба придумала для меня новое испытание: с октября лежу я по больницам, перенёс три операции, хотя дело идёт к развязке, но есть ещё сложности. И если бы не поддержка друзей...

В окружении друзей я чувствую себя счастливейшим человеком нашей Планеты!

*12 марта 2003 года, хирургическое отделение,
г. Нижневартовск⁸*

ЩЕЕВ-ЧИМЯ

Сказка лесных ненцев

На берегу маленькой болотной речки, в небольшом ягельном бору, в котором давно уже не паслись олени, в обветшавшем берестяном чуме жила маленькая старуха с двумя внуками. Младшего звали Ныруй-Пена, а старшего – Щеев-Чимя. Ката⁹ – бабушка – была очень стара. Ей давно было пора помереть, но жила только потому, что её внуки ещё не определились в жизни.

⁸ Имеется в виду Нижневартовская окружная клиническая больница.

⁹ Обращение к бабушке.

Щеев-Чимья был уже взрослый парень. В его возрасте уже пора иметь и свою семью, и своё стадо оленей, ходить на охоту и быть добычливым. Но если б было так, то не было бы этой сказки. Потому что про нормальных людей сказки не сказывают.

В нашем стойбище иногда можно услышать: «Он – настоящий Щеев-Чимья...» или «Ну, Щеев-Чимья, доберусь до тебя!». Это всё равно что у русских «Мели, Емеля, твоя неделя!». У него имя-то Щеев-Чимья – семь сажен. В нём дури на семь сажен, он ленив на семь сажен, он беден на семь сажен, у него хитрости на семь сажен, у него изворотливости на семь сажен...

Первая приделка Щеев-Чимья

Итак, они жили на берегу маленькой болотной речки, на которой давным-давно то ли дед, то ли прадед смастерил запор и всунул в него морду¹⁰. Когда-то в неё попадалось много рыбы. Но с годами, то ли потому, что речка обеднела, то ли потому, что запор обветшал, стало еле-еле хватать на пропитание.

Щеев-Чимья, завернувшись в старенький, облезший, на несколько слоёв залатанный гагарий тьянт, целыми днями спал у огня. Когда бабушка посылала его за дровами или за водой, ввук, который был ленив на семь сажен, отвечал:

– Не мешайте мне думу думать о том, как нам избавиться от нужды.

И всю работу делал младший, Ныруй-Пена. Он ходил рубить дрова единственным топором, который имелся в семье, он носил воду в берестяной посуде, он выволакивал на берег заросшую тиной тяжёлую морду со скудным уловом, он варил рыбную похлёбку в единственном чугунном котелке с отколотым краем...

Бабушка могла помогать только советами, потому что старость всё сильнее тянула её к постели. Она очень редко выходила за порог чума.

¹⁰ Рыболовная снасть.

Вот наступила сырая холодная осень. По небу с прощальными криками, с грустными песнями проносились большие стаи птиц. Вокруг, как обильный снегопад, покружившись на ветру, ложились на землю рыжие листья осин вперемежку с жёлтыми, под цвет свежееотколотой щепки сосны, сухими листьями берёз и с огненными рябиновыми, похожими на раскрытую ладонь.

Однажды утром Щеев-Чимя сказал:

– Я видел сон о том, что скоро умру. Если это случится, то похороните меня на высоком берегу реки, возле нашего запора, и положите в мой пэмват¹¹ топор и чугунок.

Сказал и умер. Ныруй-Пена с бабушкой поплакали над умершим и похоронили там, где он велел. Они положили в гроб единственные в семье топор и чугунок, ибо последнее желание покойного свято.

Так они остались одни. Паренёк по-прежнему ходил собирать дрова, носил воду в берестяной посуде и проверял морду. Только после смерти брата почему-то совсем перестала ловиться рыба. Каждый раз мальчику доставался всего один тощий налим. Но в эту пору в лесу было много ягод, и Ныруй-Пена начал запасаться ими на зиму.

Однажды рано утром он пришёл к запору и обратил внимание, что земля возле берега мокрая, а в траве много рыбной чешуи, словно кто-то только что выволакивал из воды полную рыбы морду. Утром был сильный заморозок, и поэтому на мёрзлом мху, покрытом белым пушистым инеем, были хорошо видны следы человека. Они тянулись к могиле Щеев-Чими. Ныруй-Пена глянул в ту сторону, и между лопаток у него неприятно похолодело. В лучах восходящего солнца в щели между досками гроба он словно увидел раскрытый хохочущий рот человека и, кажется, даже разглядел на белых здоровых зубах красные зёрна рыбных икринок. Мальчик побежал к бабушке и рассказал об увиденном. Старуха поняла, в чём дело. Она сказала:

¹¹ Пэмват – гроб. Лесные ненцы гроб с покойником не закапывали в землю, а ставили на землю на лёжках и крышку придавливали от зверей бревном.

– Ныруй-Пена, иди собирать бруснику. Пройди возле самой могилы брата. Если снова увидишь то, что видел сейчас, то беги к чуму с криками: «Ката, к могиле Щеев-Чими приближается голодный медведь! Ката, он хочет разобрать пэмват брата! Наш Щеев-Чимья никого не боялся на этом свете так, как голодного медведя!». А сама подумала: «Ах ты, Щеев-Чимья, безумный проказник, похоже, что ты нас обманул».

Паренёк ушёл собирать ягоды. Он ходил недалеко от могилы брата Щеев-Чими, и когда приблизился, нагнулся и вгляделся в щель между досками. Ныруй-Пена снова, как накануне, увидел в щели между досками на давно немытом грязном лице покойника живой смеющийся жирный рот.

Мальчик испугался, бросил берестяной туесок с ягодами и, спотыкаясь, побежал к чуму, не забывая при этом выкрикивать слова бабушки:

– Ката, Ката, к могиле покойного брата Щеев-Чими приближается страшный медведь, голодный медведь! Он хочет разодрать пэмват...

Вдруг крышка гроба откинулась, выскочил живой и невредимый Щеев-Чимья. Крепко сжимая в здоровой руке топор и испуганно тараща глаза по сторонам, он закричал:

– Ныруй-Пена, где твой медведь – страшный медведь? Ныруй-Пена, где твой медведь – голодный медведь?

Но увидев, что никакого медведя нет, что тайна его раскрыта, ленивый ненец, у которого дури на семь сажень, сконфуженно почесал затылок и, прихватив котелок с ещё несъеденной рыбой, поплёлся вслед за Ныруй-Пеной в свой чум, навстречу ворчливым ругательствам бабушки.

28 мая 1983 г. («Ленинское знамя»)

ОЛЕНЕВОД

Когда-то мне бабушка говорила:

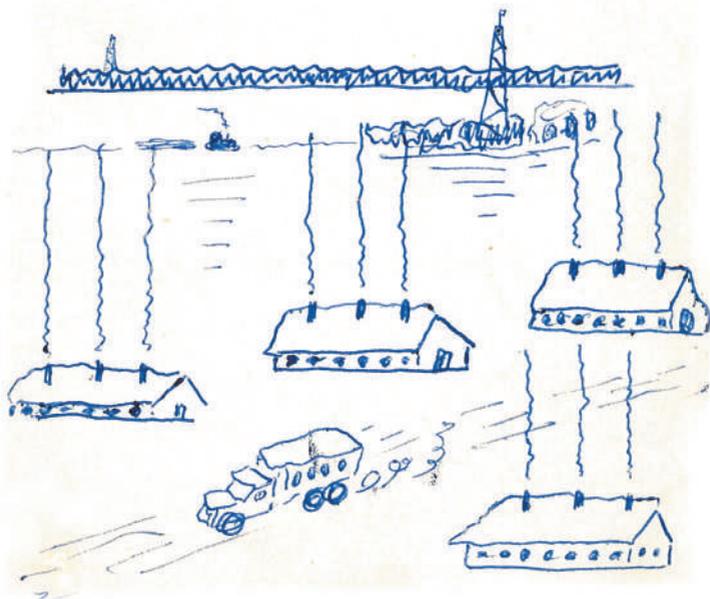
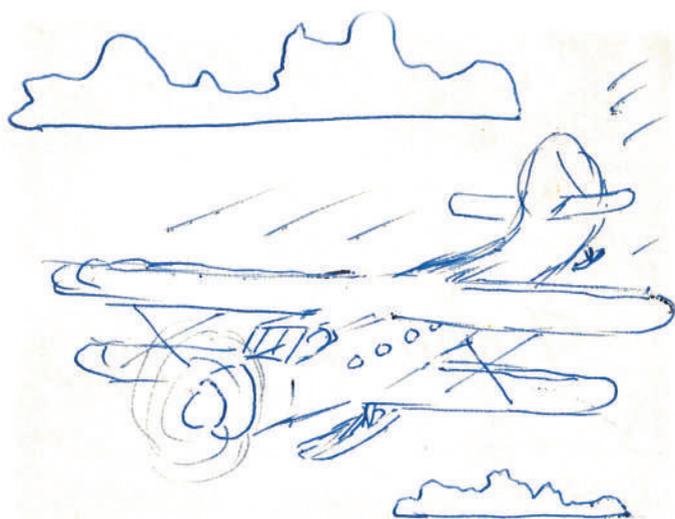
– Думаешь, это ты главный оленевод? Нет, это пока только твои ноги за оленями ходят. Суши обувь и тем самым береги свои ноги, иначе завтра не сможешь идти за оленями.

Думаешь, это ты слышишь за лесом голоса оленят? Нет, это твои уши прислушиваются к лесным шорохам. Береги свои уши, мой и чисти их каждый день, иначе завтра ничего не услышишь.

Думаешь, это ты вглядываешься за дальнее озеро, не отстали ли оленята от стада? Нет, это твои глазки всевидящие. Береги глаза свои и мойся утром с мылом, иначе оленей за озером не увидишь.

Но однажды, когда в Городе на занятиях в Университете в какую-то секунду ты будешь точно знать, что делают твои олени, если ясно из Города будешь слышать голоса оленят, если спиной будешь чувствовать не шумы Города, а дыхание стада – значит, только теперь ты начинаешь становиться настоящим оленеводом.

1981 год.

Дари огонь

очерк

ОТ АВТОРА

В 1968 году осенью мы участвовали на областном смотре агитбригад в Тюмени. Там нас спросили: «Это вы ездите по маршруту Новоаганск — Варь-Ель — Густоборск — Лейково? Смышляи!»

В основе очерка этот маршрут, вернее гасит маршрут, житием дорогого моему сердцу Севера. Не шлите здесь своих знакомых. Все имена мной выдуманы, но герои очерка — живые люди.

Из архива администрации Нижневартовского района

Фонд 38. Опись 1. Дело 4. Листы 18-19.

Рукопись очерка «Дари огонь»

*...Дари огонь, как Прометей,
И для людей ты не жалея
Огня души своей...*

Жас восемь. Под нами нефть¹²

Натужно гудел мотор сибирского труженика (так у нас называют самолёт Ан-2). Нас плавно покачивало на воздушных ямах. Холодное зимнее солнце, просунувшись в иллюминаторы, сверкало на заиндевелых ресницах, волосах и воротниках моих товарищей, а потом весёлым блеском падало на струны гитары и крышку баяна. Несмотря на мороз, в самолёте царил оживление.

Володя Макаров – добродушный очкарик, вечно улыбающийся завклубом наш худрук. Он хлопал Лёшу по плечу, рассказывая что-то, и смеялся.

Струнов Лёша – противоположность Володи. Его редкая улыбка бывает скупой. На все вопросы отвечает: да или нет, а то и вообще молчит. Но при своей молчаливости обладает хорошим голосом. Он у нас единственный хороший солист.

Валя Камарина – молодой медик, весёлая и жизнерадостная, хороший друг, заместитель секретаря комсомольской организации. О таких говорят: «Всегда с огоньком!». Она руководитель агитбригады – вся наша власть.

¹² Фрагменты из повести «Дари огонь» в виде очерка были опубликованы в газете Сургутского района «К победе коммунизма» от 9 декабря 1971 года, повесть без сокращений публикуется впервые.

Толя Васильев – двухметровый верзила, демобилизовался в прошлом году, женился. Молодожёны приехали работать к нам. Умён (или старается показать себя умным).

Инна и Надя – выпускницы пединститута, работают первый год. Инна – весёлая стрекоза, участница всех споров, независимо от того, о чём идёт речь. Надя же похожа на Лёшу, но её редкая улыбка бывает милой.

Самая молодая участница нашей агитбригады – Светланка. Ей семнадцать лет. Глаза – два василька.

Итак, нас восемь человек – семь комсомольцев (кроме Володи, который в конце нашей поездки будет жалеть, что не вступил раньше, и будет проситься у Камариной в комсомол, но... ему 28 лет)... Самолёт круто забрал набок и пошёл на снижение.

– Толик, держи меня, я падаю, – смеясь, кричала Инна, цепляясь за его плечо.

– А что скажет моя жена, если самолёт разобьётся, и нас найдут под обломками в объятиях?

– Дурак!.. – и она отворачивается к иллюминатору, продолжая всё-таки держаться за его плечо.

– Ой, смотрите, Новооганск! Какие маленькие домики! А вон белый-белый дым!

– Не дым, а пар. Не забывай, Инка, что снаружи около сорока градусов.

– А почему ты говоришь: «снаружи»? Думаю, что здесь, в самолёте, ненамного меньше. – И она выпустила изо рта огромный клуб пара.

Напротив меня Володя, Светланка и Валя тоже прильнули к застывшим стёклам, прогревая дыханием отверстие для обзора.

– Какая красота! Кругом озёра, болота, урманы, а внутри них домики, люди. Представьте, что когда-нибудь здесь будет город, красивый город, город из стекла и пластика, а на берегу вон того озера будет чудесный пляж, и не будет летом ни одного комарика.

– А может, всё-таки, этого не будет?

– Будет! – невозмутимо ответила Володе Валя Камарина. – Обязательно будет! Ведь под нами нефть, и её, предполагают геологи, даже больше, чем на Самотлорском месторождении...

Самолёт мягко коснулся снега и побежал, выбрасывая из-под лыж белый вихрь. Сделали мы посадку как раз на том озере, на котором Валя наметила свой пляж...

Мы высыпали наружу. В горло ударил сухой, крепкий морозец. В ушах звенело, то ли от только что заглушённого двигателя, то ли от мороза.

– Валя, придёт-нет за нами машина?

– Должна прийти. Но ждать её, думаю, не стоит. Пойдёмте пешком, здесь всего три километра.

Я сфотографировал всю группу на фоне самолёта и копошащихся возле него лётчиков. От озера в лес уходила хорошо укатанная тракторами и машинами дорога. Мы ступили на неё. Впереди наше первое знакомство с геологами, первое наше выступление. Мороз был зол.

Под нами нефть. Я представил, как на мои уже мёрзнущие пальцы льётся тёплая струя нефти...

Сегодня в отповод

Впереди показалась, подпрыгивая на ухабах, маленькая коробка.

– Девочки, за нами автобус!

Автобус-то автобус, но почти все окна заделаны разноцветными кусками фанеры. Казалось, толкни, – и коробочка развалится. Из неё высунулся мужчина с заиндевевшей бородкой, в шубе и меховой шапке с опущенным козырьком.

– Вы из рыбучастка?

– А Вы за нами?

– Ждём вас...

В автобусе было не теплее, чем снаружи, и поэтому, наверное, несколько уцелевших стёкол были прозрачны.

– Как доехали?

– Хорошо. Только здесь холоднее, чем у нас.

– Это вам только кажется. Какая может быть разница в расстоянии каких-то двести километров?..

Автобус бренчал, скрипели дощатые скамейки, на которых мы сидели. Прямо в лесу наткнулись на строящийся двухэтажный дом.

– Это будет общежитие. А там дальше Дом культуры; а это детсад «Ёлочка», его недавно открыли. Вон там «Снежинка» – будущее кафе; за ним школа-десятилетка. Улица, по которой мы едем, называется Молодёжная, это центральная улица. А вот и наша временная столовая, она же и клуб.

Мы вышли из машины. Перед нами низенький барак, из окон которого валил густой пар. Над входом располагалась вывеска «Столовая», а ниже по обе стороны двери разной величины плакаты, объявления и совсем маленькие квадратики листков из ученической тетради:

«РАБОЧИЕ НОВОАГАНСКОЙ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ
ПАРТИИ!

ВЫПОЛНИМ ПЛАН ПЯТИЛЕТКИ ЗА ЧЕТЫРЕ

С ПОЛОВИНОЙ ГОДА!

ДАДИМ В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ПЕРВУЮ СКВАЖИНУ НЕФТИ».

...И дали! Летом в районной газете была заметка.

«СЕГОДНЯ В СТОЛОВОЙ КИНО
(КАКОЕ ПРИВЕЗЁТ КИНОМЕХАНИК).
НАЧАЛО В СЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА».

«ПРОДАЁТСЯ ЛОДОЧНЫЙ МОТОР «ВИХРЬ».
ОБРАЩАТЬСЯ: УЛИЦА СЕЙСМИКОВ,
БАЛОК НОМЕР 31 (ЗА ГАРАЖОМ)».

«НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ В ЛЕСУ НЕЗАТУШЕННЫХ КОСТРОВ!
ЛЕС – НАРОДНОЕ БОГАТСТВО!».

«В МАГАЗИН ТРЕБУЕТСЯ ТЕХНИЧКА».

«СЕГОДНЯ В СТОЛОВОЙ ВЕЧЕР ОТДЫХА. В ПРОГРАММЕ:
1. КОНЦЕРТ АГИТБРИГАДЫ «ПРОМЕТЕЙ»

... Это, конечно, о нас.

2. ТАНЦЫ И ИГРЫ.

НАЧАЛО В СЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

ПРИХОДИТЕ СО СВОИМИ СТУЛЬЯМИ.

(КОМИТЕТ ВЛКСМ)».

– Пойдёмте в столовую. Попробуете, как наши девушки готовят.

– А мы только что дома пообедали.

– Ну, согреетесь, ознакомитесь с обстановкой. А потом я вас отведу в общежитие, там для вас комнату освободили. Сейчас в столовой посетителей нет, все на работе.

– Сколько же сегодня градусов?

– А у нас и в пятидесятиградусный мороз работают...

В столовой было тепло и вкусно пахло. Прямо над окном выдачи висел небольшой белый киноэкран. Наш сопровождающий сбросил с себя шубу, и мы только тут увидели, что он молод, статен и красив. Даже бородачка украшала его. Он просунулся в окно:

– Девочки! Где вы там, девочки? Дайте что-нибудь повкуснее, угостите артистов.

И пошло...

– Артисты приехали!..

– Артисты!.. Где?!..

– Шура, неси для артистов блинов и сметаны не забудь.

– Варя, а где у нас виноградный сок? Артисты любят, наверно?

Мы немного испугались. Какие же из нас артисты? Ведь

здесь живут в основном образованные люди из больших городов. А мы?..

Парень подошёл к нам:

– Давайте, раздевайтесь, садитесь за стол. Будем знакомиться. Меня зовут Игорь, Игорь Лукьянов. Я секретарь комсомольской организации. По всем вопросам обращайтесь ко мне...

И так гостеприимно, по-дружески заулыбался.

Надя читает стихи

В столовую набилось много народу. Оставили нам под киноэкраном только узкую полоску, «сцену», отгородив её занавеской из скатертей. Кулисы нам тоже соорудили из них же. Мы волновались. Инна крутилась среди нас и тараторила:

– Девочки, где же программа? За кем мой выход?..

Спокоен был лишь Володя – ему не впервые выходить на сцену. Он открыл занавес и объявил:

– Дорогие друзья! Я приветствую вас от имени всех «прометеевцев»...

«Зал» грохнул аплодисментами.

– Стихи Людмилы Калмыковой читает Надежда Смирнова.

«Не верьте...»

Волнуясь, начала Надя, но потом уже уверенней продолжала. Она читала недавно найденное в газете стихотворение:

А где-то в глуши проспектов,
Смеясь нагло и дерзко,
Моё повзрослевшее детство
Бредёт, спотыкаясь о Невский...
И хочется крикнуть в лица
Всех тех, кто бормочет устало
О жизни, как небылице,

О временности пьедесталов:
«Не верьте! Мечты остаются!
Любовь остаётся! Не верьте!
Поют на земле революции,
Как прежде, как прежде!
Не верьте! Уходят мальчишки
От серых асфальтов на Север,
Чтоб встали в тайге нефтёвышки.
И Север по-своему верит
В сонаты, сонеты и скерцо,
В дома-великаны, в машины.
По-прежнему слушают сердце
Седые от снега мужчины...

Это было здорово! Она читала так, как будто это было её стихотворение.

Под бурные аплодисменты она пулей влетела к нам за кулисы. Все бросились поздравлять, обнимать, девушку осыпали поцелуями. Она была румяная и счастливо улыбалась. Я её впервые видел такой улыбающейся.

Каким-то образом она очутилась возле меня, и я поцеловал её... в щёчку. Нет, она не обратила на это внимания. Поцелуи на неё сыпались градом, и потому этого, особенного, она не заметила. Эх, Надя, Надюша!..

Так началось наше первое выступление.

А Баян играет

С каждым номером мы вели концерт всё уверенней и уверенней, потому что нам здорово аплодировали. Многих вызывали по нескольку раз, особенно Лёшу и Володю, оттого наше выступление затянулось допоздна. Когда объявили конец, нас

очень благодарили и просили продлить ещё, но программа была исчерпана.

Игорь Лукьянов вышел к нам на «сцену» и под одобрительные улыбки и хлопки пожал нам руки со словами доброго рабочего спасибо. Потом он повернулся к «залу» и объявил:

– Товарищи, танцы! Василь, сходи за магнитофоном. А пока наши гости сыграют нам на баяне.

И уже войдя на середину «зала», размахивал руками:

– Товарищи, уберите стулья, а скамейки на улицу, на улицу... Нина, Саша, вы куда?

– Сейчас придём. Проведаем сына и придём, – ответили двое, видимо молодожёны.

– Только быстрее. И радиолу захватите. А за пластинками забегите к Захарычу. Скажите, я просил.

– Хорошо...

В столовой былолюдно, и среди разноцветных шуб, телогреек и пальто Игорь выглядел дирижёром.

Вскоре посреди столовой образовалась свободная площадка. Наш Володя взял в руки баян, широко улыбнулся и пустил пальцы по кнопочкам. В круг влетела девушка с озорными огоньками в глазах и ямочками у губ. Ударила дробь каблучков, и пошло:

Ах, весёлый гармонист –
Кудри завитые,
Поиграй под стужи свист
Песни удалые.

Чтобы жарко было мне,
Чтоб душа смеялась,
Чтобы девушки тебе
Мило улыбались...

А уже с другой стороны летели новые куплеты:

Меня милый пригласил
На Сибирь далёкую,
Чтобы нефть помочь найти
Под пушистой ёлкой...

Видит нефть в земле Антон
Самую глубокую,
Но меня не видит он,
Как за ним ни бегаю...

Мой милёнок тракторист –
Лучший в сейсмопартии.
По тайге он колесит
Как в кругосветном странствии...

Смотришь и удивляешься, откуда у людей столько огня. Целыми днями трудятся в лютый мороз, в любой буран, а тут ещё смеются и танцуют. Взять бы, да собрать весь этот огонь в один костёр, и не было бы никогда холодно...

Баян весело играл, дарились улыбки, танцы набирали силу. Здесь было всё: вальс и твист, танго и шейк, простая русская летка-енка. Было весело и жарко. А на улице ниже сорока...

Жовогаанек на Марсе

После танцев к нам подошли несколько девушек и парней.
– Пойдёмте с нами в общежитие. Посидим, песни попоём...
Мы высыпали на улицу. Здесь было чудесно! Удалой морозец пощипывал лица. Кто-то, смеясь, уже отряхивался от снега. Кто-то кому-то поднимал воротник пальто. А над домами и лесом сияло небо и падали звёзды...

– Говорят, на Марсе холодно. Наверно, так же, как здесь?
– Если как здесь, то нам можно строить города...

– А может, они уже построены?

– Мальчики, возьмите меня с собой на Марс. Я там хочу искать нефть и жить в таком же посёлке, как наш Новоаганск...

– Ребята, не залетайте слишком высоко, у Лариски нос побелел.

И все весело смеялись...

Дари огонь!

Мы шумно ввалились в одну из комнат барака-общежития. Посреди комнаты стоял празднично накрытый стол. Мы спешили.

– Нет! Теперь никуда не денетесь! Василь, закрой дверь и не выпускай никого. Ты, Олег, помоги гостям раздеться. Лариска, ты говорила, что у тебя где-то припасена бутылка коньяка? Неси, у нас только спирт. Мужчины обойдутся, а дамам коньяк. Жорик, сходи с Лариской, да смотри, чтоб у неё опять нос не побелел. – Игорь Лукьянов руководил и здесь. – Томка, подогрей кофе. Валя, чего стоите? Сади своих, будьте, как дома. Кому где угодно, там и садитесь...

Вскоре вернулись Лариса и Жора.

– Игорь, у нас вода есть? – спросил Жора, держа в руках две бутылки «виски» и перебирая по ним пальцами. – Эти кубки застыли и их надо отогреть.

Первый тост произносил Лукьянов:

– За здоровье наших гостей, за их будущее и удачу, за их счастье! Ура!

Потом Камарина предложила выпить за Новоаганск – город будущего, за светлый город из стекла и пластика с центральной улицей Молодёжной и чудесным пляжем на берегу озера...

А после пели песни, и наши общие голоса сливались в один стройный мотив:

...Дари огонь, как Прометей.
Дари огонь, как Прометей.
И для людей
ты не жалей
Огня души своей...

Рядом со мной Жора, положив руку на плечо Володи Макарова, говорил:

– Спасибо вам, ребята! Это здорово, что вы приехали к нам! Вот мы сегодня в тайге были, вели мелкое бурение, проводили сейсмографическую съёмку. Мороз! Пальцы сквозь рукавицы мёрзнут! А вот приехал в посёлок и на тебе – концерт. Как в городе! Приезжайте почаще. А потом и мы к вам приедем. Вот возьмём и приедем. У нас тоже есть свои таланты. Вон, послушай, как поют...

... А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги..., – пели Игорь и Лариса.

Надя

Напротив меня, подперев ладонью ровный овал подбородка, сидела Надя. Она не спеша чертила ложечкой в чашке кофе и изредка припадала к ней своими красивыми губами. В глубине глаз между двух длинных рядов ресниц таилась какая-то задумчивая грусть.

«Чего она такая грустная? Что за тоска в её глазах? О чём она думает?», – эти вопросы волновали, наверное, не только меня, потому что многие обращали на неё внимание и старались развеселить. Но Надя не обижалась на эти приставания, а мило улыбалась и спокойно отвечала:

– Со мной ничего не случилось. Я всегда такая, вы же знаете...

Да, мы знали, что она всегда такая. И даже когда готовились к этой поездке и позвали её с собой, она спокойно ответила: «Пожалуйста». В школе она была тихой учительницей, несмотря на свой возраст (ей всего 22 года).

Она смотрела на меня... Нет, не на меня, а куда-то сквозь меня и думала о чём-то о своём.

В начале лета я догадаюсь, о чём она думала. Она думала о курсанте высшего военно-командного училища Фёдоре Ерохине. Он, молодой лейтенант, приедет к нам и увезёт Надю на свою далёкую ракетную точку. Мы, члены агитбригады «Прометей», будем провожать их у речного теплохода. Тогда я вторично увижу её такой же счастливо улыбающейся, как сегодня после первого её выступления. Только сегодня её счастливая улыбка была минутной, а там ...

Мы будем наблюдать за счастливой парой молодожёнов до тех пор, пока теплоход не скроется за поворотом реки. И останется от неё в моём сердце какой-то маленький комочек грусти...

Пока об этом ещё никто не знал, и каждый из нас, наверное, продолжал думать: «Отчего она грустная? Что за тоска в её глазах? О чём она думает?».

А Надя смотрела на меня. Нет, не на меня, а куда-то сквозь меня, и спокойно чертила ложечкой в чашке кофе...

У Жовганцке от себе

Родился я и жил до недавних пор в Варьёгане. Это в двенадцати километрах отсюда. И туда мы завтра поедем на том же автобусе-коробочке. В Варьёгане живут промысловики-охотники, рыбаки и оленеводы. Однажды я бродил с ружьём вдоль болотистых речек и озёр в поисках ондатры и забрёл сюда. Велико же было моё удивление, когда вместо пушистого берега озера я увидел палатку и мирно вьющийся за ней дымок. Я обошёл жилище и увидел трёх обросших

щетиной молодых мужчин. Они, повернув лица к озеру, о чём-то неторопливо разговаривали, обедали.

На мой кашель один из них обернулся и удивлённо измерил меня взглядом с ног до головы. Он дружелюбно улыбнулся, обнажив на загорелом лице белые, как снег, зубы:

– Здорово, хозяин. Присаживайся с нами.

– Спасибо. Здравствуйте.

У них были только консервы.

– Давно живёшь здесь?

– С рождения.

– А мы только вчера приплыли. Лодка наша там, на реке. Нам понравилось здесь... Красота!.. В озере рыба есть?

– Только окуни и щуки.

– Жаль, что нам опять уезжать, а то половили бы...

Мы около часу разговаривали. Они сказали, что под нами должна быть нефть, и что на будущий год где-то здесь будут строить базу. Потом они собрали палатку, свои небогатые вещи, и отправились в сторону реки. На прощанье помахали мне рукой, и тот же парень, который первым поздоровался, крикнул:

– Хозяин, жди нас на будущий год. Будем строить новый город...

Я постоял немного, глядя им вслед, и отправился вокруг озера.

Когда я вернулся на то же место, костёр уже погас, и только в одном его уголке чуть-чуть вился дымок. Из свежего пня торчал позабытый людьми топор, словно оставили они его специально, и вот-вот должны вернуться. Одно из деревьев было затёсано кругом, а на нём были выжжены слова:

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЁН!»

Я тогда ещё не думал, что когда-нибудь буду писать о Новооганске, и очень жалею, что не запомнил их имён, не записал их фамилий...

Так, на моих глазах рождался Новооганск. Было это шесть лет назад.

Валя Камарина

На другой день мы снова влезли во вчерашний автобус-коробочку и поехали в Варьёган. Володя Макаров стоял на ногах, смеялся и кричал:

– Где моё коронное место? Я хочу смотреть на дорогу...

Возле дверки автобуса сидели Валя и Светланка. Камарина что-то объясняла девушке, показывая ей какую-то медицинскую книгу. Валя... Не скажешь, что она красива, мила, но красота её где-то внутри. И она не спрятана, а открыта для каждого. Камарина с первых дней заслужила уважение среди жителей нашего посёлка. Однажды, когда после окончания Ханты-Мансийского медучилища приехала работать к нам, с ней произошёл случай, который помог ей сдружиться с людьми. Было это осенью. По реке, сверкая на солнце и звеня, плыли льдинки. С дальнего промысла на моторной лодке приехал рыбак:

– Врач, врач, мой шина шивот полит. Репонок не ратит...

Валя кое-как разобрала, что где-то в юрте мается женщина в тяжёлых родах. Она собрала нужные медикаменты и прямо из медпункта, не заходя на квартиру, отправилась с рыбаком. Была она одета в лёгкие сапожки и демисезонное пальто. В небе тревожно курлыкали последние стаи перелётных птиц, под днищем лодки звенели льдинки...

В юрте, закутанная в оленьи шкуры, стонала роженица. Возле неё сидела маленькая старушка, мать рыбака. У неё тряслись руки. Кое-как находя общие слова, а где-то общаясь и просто жестами, молодая медичка и старушка-ханты ухаживали за женщиной. А на рассвете, когда солнце только выкатилось из-за леса, морозный воздух прорезал крик новорождённого.

Камарина вышла из юрты и села на крыльцо. Она почувствовала, что очень устала и хочется спать. По реке, толкаясь друг

в друга и упираясь в берега, плыли огромные льдины. Воздух был свежим, чистым и тугим. Валя подняла лицо и вдохнула его полной грудью. На губах заиграла улыбка, а из глаз выкатились две крупные, счастливые слезы. У неё кружилась голова, и какая-то горячая струя вливалась в кровь. Видимо, сказалась вчерашняя дорога по осенней реке в лёгком одеянии.

Целую неделю молодая медичка пролежала в юрте рыбака. У неё поднялась температура. Маленькая старушка ухаживала за молодой матерью с ребёнком и за Валею. И только когда можно стало переехать через речку на оленях, Камарина, одетая в национальную тёплую зимнюю одежду, села в нарту рыбака. Близким ей показался путь до посёлка...

С тех пор все её стали уважать. Для ханты она стала своей, и при встрече они тепло жали ей руку.

– Торово, врач Валя!..

А новорождённую дочь рыбак назвал её именем. Вот такая она, наша Валя Камарина.

*Жиконай обещает поката́ть
нас по тайге*

Автобус трясло и подкидывало на ухабах. Мы весело смеялись и пели:

... Не страшны тебе ни дождь, ни слякоть,
Резкий поворот и косогор,
Чтобы не пришлось любимой плакать,
Крепче за баранку держись, шофёр...

И шофёр держался. Улыбался и говорил:

– Весёлый вы народ! С вами хорошо! Можно ехать хоть на край света. Будь я моложе, пошёл бы к вам в бригаду. – И хрипловатым баском подпевал:

... А дорога серую лентою вьётся,
Залито дождём смотровое стекло...

– Сегодня утром я отвозил рабочих в тайгу. Разговоров было!.. Всё про вас. Молодцы, говорят. Едут и ваши песни поют. Вот эту вот, что-то там про огонь... И мы подхватили.

– Во-во-во! Поддали вы нам огня. Ведь вы у нас самые первые. Теперь, может, и сами начнём выступать. Сегодня уже некоторые об этом поговаривали...

Переехали узенькую, затерявшуюся среди кустов речку. С обеих сторон нависли над дорогой серебряные гирлянды заиндевевших веток берёз, словно разукрашенный тоннель.

– Красота-то какая! – воскликнула Валя. – Вот бы весь наш маршрут проехать вот так вот, на машине, чтобы увидеть земную красоту.

– Я бы с большим удовольствием взялся возить вас по тайге. Только пока вот в остальные посёлки нет дорог. Но скоро будут, обязательно будут! И тогда мы ещё поедем вместе...

– Вот и Варьёган. Куда вас подвезти?

– Прямо к клубу.

Мотор фыркнул несколько раз, и колёса остановились возле крыльца самого большого здания этого посёлка.

– Желаю вам удачи!.. Зовут меня Николай. Может, когда-нибудь вспомните: мол, был такой шофёр на старенькой коробушке, обещал покатать по тайге. А вообще-то чего я прощаюсь?.. Я ещё приеду за вами вечером. Не могу оставить вас здесь – пропадёте.

– Почему?

– Увидите сами... Ждите меня в десять-одиннадцать, – он захлопнул дверцу, весело улыбнулся сквозь стекло и покатил вдоль посёлка в ту сторону, откуда мы приехали.

Жизнь и план

Клуб оказался на замке и, видимо, давно не открывался. Мы в нерешительности постояли на дороге, решая, куда податься.

Посёлок насквозь простреливался взглядом до самого леса. Дома, не имевшие ни палисадников, ни оград, стояли на большом расстоянии друг от друга, и оттого, наверное, нам показалось, что здесь очень холодно. Нигде не видно ни одного человека. Варьёган казался вымершим. Мимо проехала оленья упряжка, и каюр одарил нас безразличным взглядом. Мы почувствовали себя одинокими и беспризорными. Наверное, макаренковские беспризорники, очутившись в незнакомом городе, вели себя уверенней, чем мы сейчас.

– Что нам делать? Куда податься? Неужели они ничего не знают о нашем приезде? – эти Валины вопросы повисли в морозном воздухе без ответа. Я впервые видел её в такой нерешительности.

Мы отправились вдоль улицы, наугад. Случайный встречный мальчик лет двенадцати ответил на наш вопрос:

– Татьяна Николаевна? А вот в том доме, что на самом краю. Видите белый дым? Вон там и живёт... – добавил, – только там злая собака...

Татьяна Николаевна, завклубом, только пожала плечами и удивлённо подняла свои красивые брови:

– А что я могу сделать, когда управляющий ПОХа дровами не может обеспечить наш клуб! Кинофильмы у них в конторе показывают, а вечеров отдыха и танцев вообще не бывает. Библиотека? Что же, вы думаете, библиотекарь в холодном помещении будет сидеть ждать посетителей? Сходите в контору, может, вам выделят помещение для концерта.

Всё это она выпалила в приоткрытую дверь, даже не пригласив нас погреться. В щель над её головой валил тёплый пар, а за её спиной был слышен весёлый щебет детей.

Мы вошли в контору и окружили пышущую паром железную печку-буржуйку.

– Разве здесь мало места? – рокотал басок управляющего промхотхозяйства товарища Заблуды – вон, киномеханик пристроился и кажет фильмы. А вам тем более можно.

– Конечно, один-то раз мы и здесь поставим концерт. А вот вашим охотникам, оленеводам, рыбакам разве не хочется отдохнуть в тёплом клубе, почитать журналы, газеты, взять в библиотеке книги? – не унималась Камарина. – Вы сами когда в последний раз брали в библиотеке книгу?

– Не до книжек мне – план выполнять надо...

– Что ж, мы можем выступить не только в конторе, но даже и на улице, было бы только для кого.

План, конечно, большое мероприятие. А жизнь, культурная жизнь?

Молодые старики

Мы оставили свои инструменты в конторе и отправились знакомиться с посёлком. Я повёл на звероферму, где выращивали серебристо-чёрных лисиц. Велико же было моё удивление, когда, придя на звероферму, я услышал тишину. Я не поверил своим ушам. Мне показалось, что я не туда попал. Ведь раньше здесь... Лет шесть назад я замещал ушедшего в отпуск зверовода. По утрам мы собирались в красном уголке. Здесь было всегда весело, сыпались шутки. Этот задорный смех слышен был, наверное, даже в самом посёлке, находящемся в километре. Потом весёлой гурьбой высыпали на улицу с вёдрами, шли к воротам ограды, чтобы накормить лисиц. Никакой мороз здесь не был морозом, никакой буран не был бураном. Здесь каждое сердце было костром, здесь старики становились молодыми...

Если обнаруживалось, что чья-то лиса вырвалась из клетки и гуляет в ограде, то тут-то и начиналось самое жаркое

веселье. Все становились румяные, мокрые от пота, осыпаны с ног до головы снегом, а на устах, ресницах и бровях был иней. А потом кто-нибудь торжественно, под общий смех и шутки вручал лису хозяину группы, держа её за хвост. Да, самый весёлый уголок Варьёгана был, наверняка, здесь.

Мы вошли в красный уголок, поздоровались. Нам ответили что-то непонятное – то ли приветствие, то ли нет. В большинстве здесь были те же звероводы, но я их не мог узнать.

– Что у вас здесь происходит? Вы после пьянки?

– Да нет. Просто мы постарели...

Постарели? Что-то не похоже. Вместо пятидесятилетней Саамы я вижу её внучку Олю, а вместо её мужа Вальчи – Толю Пяк – молодого выпускника зооветтехникума. И заведующий у вас, дорогие земляки, моложе прежнего на десять-пятнадцать лет. Так разве ж вы постарели? Вы ж, наоборот, помолодели. А вы говорите, те старики были моложе этих юнцов? Пожалуй, верно. Они, действительно были молоды, молоды сердцем и душой...

Дверь красного уголка распахнулась, и из клубов пара появился маленький, хромой, но ещё подвижный старичок. Это был прежний сторож.

– Ну так пойдём-нет в ограду лису ловить?

– Сейчас, дедушка Ханя, пойдём, – ответил за всех заведующий и обратился к звероводам: – Пойдёмте, чего сидеть, ведь никто за нас её не поймает.

– Я не пойду, это не моя лиса, – ответила одна из передовых звероводов Иуси Нюся.

– Я тоже. У меня все на месте.

Я удивлённо взглянул на Антона, моего прежнего соседа и приятеля. «Неужели это он сказал? Антоша, разве ты забыл прежние времена? Помнишь, как мы втроём гонялись за убежавшей в тайгу лисой, которая была совсем не из наших групп? Нам тогда начальство разрешило застрелить её, если

невозможно будет поймать. Однако, чтобы не соблазняться, мы даже ружья с собой не взяли. Гонялись за лисой целый день в пургу, и только поздно ночью принесли её на звероферму.

– Ты помнишь, как мы радовались, и радовались, наверное, даже больше хозяйки, когда через две недели лиса оценилась и принесла девять здоровых лисят? Это в ту весну был рекорд по всей звероферме.

А разве ты, Нюся, забыла? Ведь это была лиса из твоей группы. Эх вы, мои земляки! Как коротка ваша память! А прошло-то всего шесть лет»...

Это были мои мысли, а вслух я сказал:

– Нюся, Антон, Вася, пойдёмте ловить лису. Мне интересно вспомнить, как я здесь работал. Ну, пойдёмте, а? Заодно вы познакомите моих друзей с вашей зверофермой.

В глазах Антона появился на миг озорной огонёк, но тут же погас. Зато члены агитбригады загорелись:

– Давайте, пойдёмте.

– Мы вам поможем.

– Девочки, а я живой лисы ещё в глаза не видела. Для меня это очень интересно.

– Я тоже не видел... – наперебой заговорили они, хотя не представляли себе, как нужно ловить лису.

Тут Антон не выдержал:

– Идёмте, – и, улыбнувшись, встал первым. За ним пошли и остальные.

По дороге к воротам он объяснял Инне и Камариной:

– Если лиса будет пробегать возле вас, то падайте на неё, ловите за хвост, сразу подымайтесь и отрывайте её от земли.

– А почему за хвост?

– Это единственное место, куда не достают её зубы.

– А разве лиса кусается?

– Да ещё как! Может человека загрызть, – смеялся Антон. А рядом уже шла Нюся:

– Вот было у нас однажды...

...И все весело смеялись. А больше всех дедушка Ханя, Антон и Нюся. Наконец я увидел своих земляков прежними. Мы бегали по ограде и ловили лису. С нескольких деревьев, которые стояли между вольерами, падали хлопья снега. Это, наверное, от нашего весёлого крика и смеха.

Вскоре лиса была поймана, но уходить отсюда не хотелось, и мы долго ещё бродили между клетками.

– Вот это Венерка. Она в прошлом году принесла семь щенят. Они и сейчас все здоровы. А вот Берёзка, рядом с ней её мать Белка.

– Нюся, а где та лиса, которую мы ловили в лесу?

– А, Пальма? Вот она. Рекорд держится всё ещё за ней. Постарела уже. Нынче, наверное, в последний раз оставляю её на племя.

Рядом со мной стояли прежние мои друзья – звероводы Антон и Василий. Вот мы и снова все в сборе. Подумайте, ребята, о прошлом, хорошенько подумайте перед этой лисой. Не по вашей ли вине угасла весёлая жизнь вашей зверофермы, вашего посёлка? Вспомните «молодого» старика Вальчу и его жену Саввы. Вспомните, может, и вы под «старость» станете снова молодыми.

Будет ли гореть костёр на снегу?

– Как же я смогу собрать комсомольцев на собрание, когда большинство из них находится на промысле, в оленеводческих стадах? А те, которые живут в посёлке, ссылаются на свои семьи, а иные так нагло отвечают: «Мы постарели». – (Да, это выражение мы уже слышали).

– Разве нельзя их чем-нибудь заинтересовать?

– Чем же их заинтересуешь? Ведь у них на уме только водка.

– Ну, это ты зря. Не все же ведь?

– Большинство.

– Не кажется ли тебе, что эта злополучная водка стала их увлечением от плохой работы комитета? Часто ли ты бываешь на звероферме? Там у тебя хорошая молодёжь. Их надо только зажечь.

– Зажжёшь их!

– А ты попробуй. Мы тебе поможем. Вот возьмём, и прямо сегодня на концерте вызовем вашу организацию на соревнование.

– Что вы! Мы не сможем с вами соревноваться.

– Сможете, конечно, сможете! Конечно, вначале у вас будут неудачи, но зато вам будет на кого равняться, у ваших ребят появится заинтересованность. Они будут спрашивать себя: «Почему это наши соседи могут, а мы не можем? А что если мы сделаем такое, чего они никогда не делали?..». А как появится первый успех, то успевай только подкидывать дров.

– Нет, всё-таки наши комсомольцы откажутся принять ваше предложение.

– Ты не спеши заранее делать вывод, объявим, а там видно будет. Ведь ваши охотники разводят костры на снегу. Отчего бы и нам не попробовать общими усилиями? – так говорили между собой два секретаря, Валя Камарина и Зоя Степанюк.

Оленевод родился

Появилось немного свободного времени, и я решил заглянуть к некоторым моим друзьям-односельчанам. Я вышел на улицу и оглянулся по сторонам. «Вот в этом доме живёт Ничу Николай. Мы с ним три месяца работали в одной бригаде – вывозили на оленях сено с дальних озёр для промохотхозовских коров и лошадей. Нынче, говорят, он на охоте, и, наверное, его нет дома...»

В следующем доме живёт Вэлло Вася, оленевод. Он в прошлом году женился на моей однокласснице Лиде. Только сейчас они, наверное, в стадах. А жаль, забежал бы!..

А вот в том доме...

Постой-ка! В доме Василия кто-то есть: дверь в сенцы открыта, и дымок из трубы вьётся. Дай-ка зайду»...

Вася стоял перед шкафчиком с посудой и что-то искал.

– А, Юрка!.. Здорово!

В доме царил холостяцкий беспорядок.

– Да вот, жена в больнице, роды у ней, мать тоже там, а я дома один хозяйничаю... Да ты садись. Малицу со стула брось на койку... Значит, выступать приехали?.. Хорошо. А я вот только со стада приехал, Лиду ещё неделю назад привёз... Не могу я там один – беспокоюсь... Бригадир отпустил на несколько дней. Буду здесь, возле неё. А как у тебя семья?

– Хорошо. Ждём первенца.

– Я вот тоже жду, да только он не торопится. Был утром в больнице – мается. Вот уже четвёртый день проходит. А вот и мать идёт. Что скажет?..

В дверь вошла уже пожилая, но ещё проворная в движениях женщина. С её приходом дом словно ожил, словно всё вокруг пришло в движение.

– Ну как там?

– Что как? – на высокой ноте пропела она. – Родила...

– Как?!

– Как да как! – передразнила мать. – Как рожают, так и родила...

Василий только раскрыл рот, но ничего не сказал. На его лице смешались и испуг, и удивление, и радость.

– Большой такой, румяный... А крику! Весь в тебя.

– Сын?!

– Мальчик, мальчик.

Тут Вася пришёл в движение. Лицо его засияло. Видимо, весть, принесённая матерью, дошла до него только сейчас.

– Сын родился! Ты слышишь, Юрка, сын родился! Оленевод! Ты понимаешь? Человек! Забегай вечером, обязательно забегай...

Он нырнул в малицу, осмотрел себя и скинул. Надел пальто, но к нему не шли кисы, которые были на ногах у Василия. Он махнул рукой, снова натянул малицу и, не подпоясавшись, вышел.

Гудит железная печка-буржуйка

К назначенному времени всё чаще и чаще хлопали двери конторы. Общий зал словно растягивался: зрителей становилось всё больше и больше. Здесь были мужчины в малицах, пальто, телогрейках, в шубах и полушубках. Женщины были одеты гораздо разнообразней. Особенно пестрил национальный наряд. Разноцветные саки жён оленеводов, рыбаков и охотников были украшены меховыми воротниками и яркими орнаментами из бисера.

Места для нашего выступления осталось гораздо меньше, чем в Новоаганской столовой. Здесь мы были прижаты к углу и стояли все на виду. Никакого занавеса, а тем более кулис, соорудить было невозможно. Володя, наш конферансье, вёл программу, стоя с краю, никуда не выходя и никуда не удаляясь. А мы для того, чтобы петь или показать сценку, просто-напросто менялись местами. Тот, кто выступал, делал шаг вперёд, а тот, кто закончил, становился на его место. Прямо у наших ног начинался зрительный зал: передние полулежали на полу, а задние стояли на ногах, вплотную прижавшись друг к другу. Было жарко, душно, и вдобавок ещё гудела докрасна раскалённая железная печка-буржуйка...

Концерт наш шёл по заранее намеченной программе, и приняли его очень бурно. Оно и понятно, ведь люди давно не видели ничего подобного. Возможно, наш концерт был не очень хорош, но, во всяком случае, им он понравился.

Всё шло гладко. Однако в одном месте произошёл казус, но был он нам на пользу. А случилось это так:

– Дорогие друзья! – объявил Макаров. – Мы вам исполним сатирические куплеты на местную тему. Все вы, я думаю, любите критику, но только критику, обращённую не к вам. А сейчас, как бы вы ни отказывались, придётся нас выслушать. Мы их написали только что перед концертом и потому извиняемся заранее, что будем петь по бумажке. Итак, мы начинаем, а вы мотайте на ус. У кого нет усов, завяжите узелок на память...

Исполняли мы с Володей (слов я сейчас не помню, потому перескажу только содержание). Мы указывали на плохую работу комсомольской организации, культурных работников, на угасшую молодёжь, помянули «молодых» стариков зверофермы, задели работу профсоюза, управляющего ПОХа Заблуды...

Мы ещё не закончили, и вдруг погас свет. Что было! Народ загалдел, задвигался... Кто-то ругался солёными словами в адрес механика дизельной электростанции, который, кстати, тоже пришёл на концерт, так как дизельная находилась всего в ста метрах от конторы; кто-то ругался в адрес управляющего: мол, вот оно, его руководство; кто-то зачем-то упоминал бога...

Так эта непредвиденная короткая темнота невольно стала подтверждением для наших куплетов. Однако кое-кем она была воспринята как подзатыльник. Не буду описывать лицо управляющего, когда снова загорелся свет и мой взгляд упал на него. Скажу только, что наши слова и выкрики из темноты крепко задели его, не прошли бесследно. Весной этого года он будет докладывать на очередной сессии сельского совета о том, что построена новая баня, что заготовлено дров на будущую зиму больше, чем было запланировано, что проведён ремонт клуба и пополнен книжный фонд библиотеки. Я тогда буду присутствовать на сессии как депутат, и он после своего доклада многозначительно, с улыбкой взглянет на меня.

Итак, свет зажёгся, и снова воцарилась тишина. Все ждали продолжения куплетов, и в этой напряжённой тишине было

слышно гудение накалённой докрасна железной печки-буржуйки.

Было жарко, очень жарко!

Варьёган просыпается

После концерта, когда все зрители разошлись, я вышел на улицу посмотреть машину из Новоаганска. Автобуса ещё не было. Я стоял под звёздами и вдыхал морозный воздух моего детства. Во всех окнах домов горел электрический свет. Мой Варьёган ожил, словно после долгой спячки проснулся. Утреннего впечатления безлюдности как ни бывало. Я представил себе, как во всех домах обсуждается наш концерт, как комсомольцы обсуждают наш вызов на соревнование...

«Что, мои земляки, значит, нарушили мы вашу спокойную жизнь, значит, пробудили вас ото сна? Я буду рад, если вы примете наше предложение, если не загасите зажжённый нами маленький-маленький огонёк. Если жизнь ваша снова станет ЖИЗНЬЮ, то наша поездка выходит не пустой... Не спокойной ночи вам, мои земляки, горячего вам завтрашнего дня!» – так я думал, глядя на звёзды и всё не гаснувшие огни окон домов...

В самолёте о городах

С дальнего горизонта навстречу нам светило красное закатное солнце. Это неверно, что с горизонта. Горизонта там не было. Были наполовину румяное, но холодное небо, и далёкая земля с румяными озёрами и узкими полосками леса между ними. Там, где должен был быть горизонт, горело сплошное красное зарево в красном тумане, а в середине – холодное закатное солнце.

В самолёте было холодно, наверное, даже холоднее, чем тогда, когда мы летели в Новоанганск...

Новоанганск. Хороший посёлок, живописный! Стоит он в сосновом ягельном бору, на высоком песчаном берегу реки Аган. С тыловой стороны Новоанганска расположено красивое озеро с песчаным дном. Читатель, бывал ли ты в Академгородке под Новосибирском? Советую побывать. Это один из живописных уголков земного шара. Он стоит в сосновом бору на берегу обского моря. Дома там, словно после дождя выросшие грибы, аккуратные, свежие, живые. Всё строилось так, что ни одно дерево не было задето. И они своим шумом и весёлым говором пернатых украшают будни жителей. Там нет ни одной трубы, и потому воздух чистый, ядрёный.

Когда въезжаешь в этот городок, то становится как-то неудобно от того, что газы, выходящие из выхлопной трубы твоей машины, попадают в атмосферу Академгородка. А люди! Хорошие там живут люди. Молодые, весёлые, красивые, трудолюбивые, много знающие! Таков Академгородок под Новосибирском. Таким я представляю будущий город Новоанганск. Хорошие люди живут в Новоанганске, и потому я уверен, что город, построенный ими, будет красивым. Говорят, тот или иной город бывает таким, каковы его жители. Я тоже присоединяюсь к этому мнению.

А пока самолёт наш летел в следующую точку нашего маршрута – посёлок лесозаготовителей Чистоборск. Каков он? Каковы его жители? Как они встретят нас?..

Самолёт летел плавно, ровно гудел мотор сибирского труженика Ан-2. С дальнего горизонта навстречу нам светило красное закатное солнце. Нет, не с горизонта, а откуда-то из сплошного зарева в холодном красном тумане.

Чистоборск – красивое название

Самолёт опустился на площадку. Здорово! Чистоборск существует всего три года, а уже имеет наземный аэродром. Вероятно, раскорчевали вырубленную деляну. На площадке стояла избушка, из трубы которой вился сизый дымок. Войти в неё нам не пришлось, так как рядом нас ждал новенький автобус, возле которого стояло несколько парней и девушек.

– Долго же вы летели! Ещё час назад передали по радиации, что вы вылетели, а вас всё нет и нет. Мы уже хотели бросить ждать – вечереет. Садитесь, поехали.

Дорога была недолгой, однако пока доехали до посёлка, мы познакомились с хозяевами. Справа от меня Валя уже беседовала с секретарём комсомольской организации Лизой:

– У нас организация большая – шестьдесят комсомольцев – весёлый народ. Многие из них были в студенческих строительных отрядах. По окончании институтов приехали к нам на заготовку леса. Много молодых семей. Средний возраст жителей нашего посёлка – 25–30 лет...

Мельком оглянувшись, увидел на лице Володи Макарова улыбку и чуть подрагивающие очки на его носу. Он говорил с заведующей клубом Любой, которая, кстати, тоже была в очках.

Напротив сидел Слава и обращался то ко мне, то к Лёше, то к Светланке:

– Посёлок у вас большой? Молодёжи, наверное, много, да? Гитара у вас новая? А в магазинах гитары есть? Надо будет приехать, купить... А транзисторные приёмники?

– Чистоборск – красивое название!

– Мы сами его так назвали, по конкурсу – отвечал Инне водитель автобуса. На одном сиденье рядом сидели Надя и молодая учительница начальных классов Катя. Они неторопливо

перебрасывались словами и были даже чем-то похожи друг на дружку.

А вон и посёлок. Взору открылись ровные ряды одноэтажных стандартных домиков. Чистоборск казался нарисованным на белом листе ватмана. Нет, не нарисованным, а начерченным. Здесь было всё строго геометрично, красиво. Даже дым, выходящий из кирпичных труб, поднимался строго вверх. Лучи закатного солнца падали на крыши и чуть-чуть подрывали дома. В конце посёлка пытел и упирался трактор, волоча за собой длинный хвост брёвен-хлыстов...

Ребята семидесятой широты

Сосновый бор. Огни ночного посёлка. Новенький клуб, стоящий под звёздами, из которого доносится песня:

...А нам не страшен ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты.
Ведь мы – ребята, ведь мы ребята
Семидесятой широты...

Да, семидесятой! Хотя сама семидесятая параллель проходит чуточку севернее, они не перестают называть её своей, ибо морозы одинаковые, лес такой же. Солнце, которое перекатывается над горизонтом всего за пять часов в сутки – одно и то же. Вот только верхняя граница вечной мерзлоты здесь на несколько сантиметров глубже, чем там. Это, наверное, потому, что здесь живут люди с горячим сердцем.

– Слышите, как поют?

...Пусть метели бушуют рядом.
Надо будет – растопим льды...

Трещит мороз, мерцают звезды, а из новенького автобуса доносятся песни и летят над тайгой. И кажется слабее холод, ярче звёзды, светлее ночь.

Говорят ладони

После концерта мы танцевали в просторном фойе клуба лесорубов. Здесь было весело! Встав в круг и взявшись за руки, мы танцевали летку-енку. Казалось, что посередине круга горит костёр. А он и горел, костёр дружбы, жаркий костёр наших молодых сердец.

Мы держали в руках мозолистые сильные ладони девушек и парней, которые брали вчера и возьмут завтра в эти ладони топоры и бензопилы; которые врубались вчера и будут врубаться завтра в тайгу; которые слушали вчера и будут слушать завтра пение беспокойного сердца. Нам казалось, что уже завтра мы пойдём в тайгу вместе с ними. Мы возьмём топоры и бензопилы, вместе с ними будем врубаться в тайгу и слушать биение сердца...

А круг всё расширялся и расширялся. В общую цепочку вливались новые ладони. И они тоже говорили: «Завтра вы пойдёте с нами».

Потом внутри образовался новый круг. И снова говорили ладони:

- Возьми на память биение моего сердца.
- А ты моего...
- Возьми огня от моей души.
- А ты от моей...

Инна

Для ночлега директор леспромхоза предоставил нам свой кабинет в конторе. Мы расстелили постели в ряд прямо на полу. Спать не хотелось, и мы ещё долго разговаривали, рассказывали приключения из своей жизни и анекдоты. Много смеялись и шутили. Как всегда, заводилами были Володя и Инна.

В самый разгар веселья, когда Инна рассказывала о том, как она двенадцатилетней девчонкой влюбилась в своего учителя истории, Толя небрежно обронил:

– Ты и сейчас нисколько не изменилась. Я не удивлюсь, если ты скажешь, что влюблена в пятидесятилетнего профессора. Это у тебя в крови, влюбляться в тех, кто по положению выше тебя.

Инна вспыхнула, покраснела:

– Дурак! Столб телеграфный и то умней тебя, – сказала она, собрала свою постель и вышла. Потом слышно было сквозь тишину, как скрипнула дверь в соседний кабинет. Все молчали. Валя встала и уже от двери обернулась к Анатолию:

– Чего это ты её все время донимаешь? Будто она тебе мешает.

Через некоторое время Камарина вернулась.

– В том кабинете холодно, нет света, а она говорит, что будет спать там. Иди, Толя, извинись.

– Вот ещё! «Этого мне только не хватало...» – продекламировал он в ответ слова одной популярной песенки.

Сходила Надя, но тоже вернулась одна.

– Будьте спокойны, уж я-то её приведу, – сказал Володя, но через несколько минут он тоже вернулся мрачный. – Сходи, Толя, верни её.

Но виновник не пошёл, а пошёл я.

Там было действительно холоднее, чем в кабинете директора, но спать, тем более под ватным одеялом, можно.

– Чего вы все ходите за мной? Я же сказала, что не приду. И его извинений мне не надо.

– Стоило из-за этого обижаться? Тебе просто надо было всё перевести в шутку. Взяла бы да сказала: «Да, я профессора люблю»...

– А я его люблю.

– Его?

– Да. А он... Он даже не догадывается.

– И давно?

– С того дня, как они приехали.

– Ты, Инна, только не говори ему об этом. Зачем разрушать семью? Ведь они хорошо живут.

– А я надеюсь, надеюсь хотя бы на маленькую крупиночку счастья. Разве я не имею права на это?

– Да, ты имеешь право на счастье. Но на такое?

– А ты? Ты женат, а влюблён.

– С чего ты взяла?

– Помнишь, после концерта в Новоаганске у ребят в общезитии ты читал стихи? Там были слова: «Да, я люблю тебя, но я женат». Разве это не правда? Я даже догадываюсь, в кого. Ведь всё заметно.

– Неужели?

Мы молчали. За стеной было слышно, как разговаривают наши друзья. Мы сидели в темноте, и потому разговаривать было легко.

– Чего это ты в нём нашла особенного?

– Не знаю. Разве ты можешь ответить, чем Надя лучше твоей жены?

Разумеется, я не смог ответить на этот вопрос. Да и кто вообще может на него ответить?

– Что ж, мы с тобой в одном положении, и каждый из нас мечтает о маленькой ворованной крупинке счастья. А счастья ли?

Мы с ней долго разговаривали наедине. Нам было о чём говорить. За стеной уже стихли голоса, видимо, ребята спали.

В конце разговора она сказала:

– У меня к тебе просьба: не давай нам с Толей оставаться наедине. Пусть моё отношение к нему останется при мне. Может, само погаснет...

– И ты тоже.

– Хорошо.

– А ты всё-таки не пойдёшь туда?

– Нет. Буду спать здесь. Спокойной ночи!

– И тебе.

Ребята уже спали. Спали в ряд, придвинувшись вплотную друг к другу, как одна семья. Слева возле стены спал Толя, дальше Валя, Надя, Володя, Лёша и Светланка. Спокойной ночи вам, мои друзья! Пусть эта ночь надолго сохранит в вашей памяти тепло рядом лежащего друга!

Я взглянул на Надю, потом на Толю и подумал: «Вот спят два человека, и, вероятно, не догадываются, что рядом с ними стучат два сердца, которые влюблены в них. И пусть, пусть не знают. Так даже лучше»...

Я лёг возле Светланки с краю и долго ещё не мог заснуть. Я думал об Инне, о себе, о жене, которая через несколько месяцев должна родить первенца, о своих друзьях, дыхание которых я слышал в это время, о новоаганских ребятах, о варьёганской звероферме, о Чистоборске...

Первый житель

На следующий день мы ждали самолёт из Новоаганска, который должен был увезти нас домой. Ждали мы его в той самой избушке, в которую не успели заглянуть вчера.

Вокруг жестяной самодельной печки кроме нас сидело ещё пять человек.

– Вы часто так ездите?

– Пока впервые.

– Теперь будете постоянными нашими гостями?

– Постараемся.

– А где лучше: в Новооганске или здесь?

– Да как бы сказать? Одинаково.

Одинаково, ведь возраст ваших посёлков почти равный.

– Ну что вы?! Новооганск старше Чистоборска на целых два года. Он, наверно, гораздо больше, да?

– Немного.

Мой сосед вынул из кармана полушубка пачку «Беломора» и предложил мне:

– Курицкого? Это у нас редкость.

– А вы давно здесь живёте?

– С самого начала.

– И не собираетесь уезжать?

– Уезжать? Мне здесь ещё не надоело.

– А откуда вы приехали?

– Родом из-под Орла, а сюда приехал из Казахстана, с целины. Александром меня, Сашкой зовут. Зачем тебе фамилия? Нет, обо мне в газету нечего писать. Ты лучше вон о Гриньке с Машкой напиши. Их ребёнок – самый первый житель нашего посёлка, первый коренной лесоруб.

– Сколько же ему?

– Егорке-то? Три с половиной, столько же, сколько Чистоборску. А случилось это так. Тогда на месте нашего посёлка стояла дикая тайга. Мы приехали сюда на катере с красивым названием «Ландыш». Было это весной, как только река освободилась ото льда. Мы вышли на берег, и под деревьями увидели много-много подснежников. Мы стянули с баржи два балка и разместились в них по шесть человек в каждом. Вместе со мной и ещё тремя парнями жили Гринька и Машка. Это была единственная женщина среди нас. Тогда она уже ходила с животом. Мы просили её остаться в Сургуте, на базе, где у них была квартира, а она только смеялась: «Я хочу родить вам первого жителя посёлка». И родила. Через месяц у неё начались

схватки. Мы вызвали по радиации вертолёт, но он опоздал. Хорошо, что в это время стоял здесь катер, шедший в Новооганск, на нём были женщины.

Александр вынул из пачки уголёк и прикурил погасшую папиросу.

– А ты хотел обо мне. Ты о них напиши, о Гриньке с Машкой, о Егорке...

И снова артисты

Самолёт в этот день не прилетел, и мы вернулись в посёлок. Вечером приехала машина из Лейково, и нас попросили поставить у них концерт.

– Это недалеко, всего пятнадцать километров отсюда. Наши рабочие так просят!

Мы согласились. Камарина сбегала к радисту на дом и дала телеграмму в Новооганск: «НАХОДИМСЯ В ЛЕЙКОВО. ЖДЁМ САМОЛЁТ. ПРОМЕТЕЙ».

Лейково – маленький посёлок сейсмиков Новооганской геологоразведочной партии, состоявший всего из нескольких балков и трёх бревенчатых домов. В одном доме размещались контора и столовая, в другом общежитие, в третьем – ленинская комната и библиотека. Весь посёлок освещали всего две лампочки, висевшие на столбах. Сразу вниз обрывался высокий берег реки, а сзади примыкало маленькое озерко.

Встречающих было около тридцати человек (похоже, что это все жители). Мы вышли из машины, и тут началось то же самое, что и в Новооганске:

– Артисты приехали!

– Говорят, вчера в Чистоборске хороший концерт поставили.

– У нас будут выступать?

– Конечно. Сегодня все нажали на бригадира, мол, съезди, привези.

– Это хорошо, что артисты согласились. А то одни и те же кинофильмы надоело смотреть.

– А артисты-то молодые, наверное, студенты?

– Нет. Это комсомольцы из рыбучастка.

– Наши соседи?

– Да, соседи, если не считать расстояние в сто километров...

Мы вошли в ленинскую комнату. Здесь всё было приготовлено к нашему приезду. Вдоль одной из стен висел занавес и расставлены сиденья. В библиотеке теснились две койки и три раскладушки.

– Больше не вошло, – оправдывался мужчина, сопровождающий нас и представившийся бригадиром.

– Ну что вы, Борис Андреевич?! Мы поместимся.

– Во сколько будете начинать?

– Хоть сейчас.

– Через час устраивает?

– Конечно.

– Так и объявим.

«Возвращайся!»

И снова Макаров вёл программу:

– Дуэт. «Возвращайся». Исполняют Алексей Струнов и Светлана Скворцова.

И мы уже в который раз с замиранием сердца слушали их пение. У них были чудесные голоса, манера исполнения. Никого из них невозможно было заменить кем-то. Эта пара – неповторима. Светланка рядом с Лёшей выглядела нежным цветком, распустившимся поутру, а Лёша – великаном, отгоняющим тучи, которые пытаются загородить солнце от цветка. Зрители слушали внимательно. Мы видели по их глазам, что эта пара их захватила, они не могли оторвать глаз от неё. А песня всё лилась, и какой-то горьковатый комочек прокрался и к моему горлу...

... Возвращайся –
Я без тебя столько дней.
Возвращайся –
Трудно мне без любви твоей.
Возвращайся,
Кто бы ни встретился на пути,
Мимо счастья так легко пройти...

Каждый раз, когда я слышал эту песню, я вспоминал её по-новому, но каждый раз мне казалось, что эти слова обращены ко мне.

Да, эти слова были обращены ко мне. Я видел перед собой свою жену, я видел её глаза, руки, я слышал её голос. И мне действительно хотелось скорей возвратиться к ней...

А песня всё лилась и лилась. Мы и зрители были поглощены ею.

Греем друг друга

Потом Надя читала стихи, Валя и Толя показали юмористику, Инна и Володя исполнили танец. Мы, парни, пели сатирические куплеты, а девушки «Страдания». Зрители были довольны. Они вместе с нами смеялись, грустили, становились серьёзными... Они вливались в нас, а мы в них. Мы с ними становились одной общей душой, одним общим телом. Наше настроение стало их настроением, их – нашим. Ведь не будь нас – им не на кого было бы смотреть, некого слушать. А не будь их, нам не для кого было бы ставить концерт...

И пусть трещат морозы, метут метели, нам они не страшны, ибо мы греем друг друга.

Эпизод

Ноябрь 1969 года. Тюмень.

– Внимание! Подводим итоги юбилейного смотра агитбригад! Первое место завоевала бригада Берёзовского дома культуры. Ей вручается диплом первой степени...

И вдруг... Что такое, не ошибка ли? Нет, не ошибка:

– На втором месте агитбригада «Прометей» Сургутского района. Ей присваивается диплом второй степени. На третьем месте...

Мы смеялись, обнимались и целовали друг друга. А как же? Ведь это наша первая победа!

Вечером мы отмечали наш успех в ресторане «Сибирь». Я огляделся вокруг и увидел родные сияющие лица моих друзей, только мой взгляд не нашёл среди них ни Нади, ни Толи. Напротив меня сидела Инна. Она подняла бокал, взглянула на меня, как бы извиняясь, и тихо сказала:

– Выпьем за них, ведь это и их успех.

*1971 год,
г. Енисейск, Красноярский край.*

НИТИ РОДСТВА

Записки из Америки
2010

ПРОЛОГ

Когда я был ещё маленький, задал вопрос бабушке Ненги:
– Откуда появились люди на Земле – ненцы, ханты, русские, татары, американцы?..

Она ответила скоро и уверенно, как будто ответ этот был у неё припасён давно:

– Все люди, живущие на Земле, когда-то произошли от одной Мамы и от одного Папы.

– Значит, бабушка, все люди на Земле родственники?

– Конечно!

– И иностранцы?..

– Сначала у Мамы и Папы появились дети – мальчики и девочки. Потом у их детей появились свои дети. И так далее... Когда их стало много, им стало тесно жить на одном стойбище. И дети детей решили расселяться.

Одни пошли на север, другие пошли на юг, третьи – на восход, а четвёртые – на закат солнца. Когда заселили всю сушу, они стали строить большие лодки, чтобы переплывать через моря и океаны. Новые земли, согласно своей растительности, животного мира и погодных особенностей, подсказывали новые слова, новые фразы...

Вот мы – живём с оленями. Наш язык состоит из способов общения с оленем, из природных условий, окружающих оленя, из слов, связанных с рождением оленят. У человека, который живёт с коровами и лошадьми, другие условия для рождения языка... А тот, кто каждый день куёт железку, говорит на третьем языке... Тем, кто пришли на юг, солнце Эк-

ватора поджарило кожу. Их лица стали коричневыми. Те, кто пошёл на восход, от восходящего солнца стали желтокожими. А те, кто переплыли через Атлантику на закат, от закатного солнца стали краснокожими. Иная земля и иное дело рождали новые языки. Но все эти языки связаны между собой тонкими нитями – нитями родства. Потому что все мы когда-то произошли от одной Мамы и от одного Папы.

– Значит, бабушка, если внимательно вслушаться, если очень внимательно вдуматься, можно понять любой язык, можно общаться с любым человеком?..

– Правильно, внучек! Поэтому будь внимателен к собеседнику...

*21 мая 2010 года,
Стойбище-на-Тюитяхе*

Ворон

*Записки ненца,
побывавшего в Америке в гостях у индейцев*

Мой родственник Ханя, младший брат моей бабушки Ненги, со слов моей бабушки, «олений не пас, охотиться не умел, рыбачить не любил». Для ненцев и ханты реки Аган он был никчёмным человеком. Но отыскал он себе почётное место среди «Умных красных» – он депутатствовал. На нашем стойбище он был единственным, кто бывал в больших городах дальше Сургута и «Ханты-Мынчинпахански», его (с его слов) приглашали пить чай и произносить мудрые речи в «Золотые Царские Палаты» в самой «Москуй-Столице».

Возвращаясь из поездок, он смачно рассказывал о своих похождениях. О том, как он вырос от обычного «кумуниса» до «типуката».

За то, что он в своей жизни ничего полезного не сделал для стойбища, для семьи, для братьев и сестёр, для родителей, за то, что он имел страсть к странствиям, за то, что он избежал участия в войнах и, возможно, поэтому долго жил, к концу жизни его прозвали Вороном. А жил он от начала века до самой Перестройки. Он и внешне уже стал похож на ворона. Ссутулился, стал маленький ростом и ходил в чёрной, старенькой, выдавшей вида потрёпанной малице без верхницы...

Я подумал, как бы он рассказал о своей поездке в Штаты, если бы вместо меня сюда, в Америку, попал он:

...Прилетели мы в аэропорт Вашингтона, а чемоданы и сумки нашей маленькой группы в другой терминал ушли. Все пассажиры российского рейса уже уехали из аэропорта, а я служителя афроамериканца донимал: «Найди мой багаж!».

Пока сквозь аэропорт мы до выхода продвигались, несколько таможен проходили. Сумки наши и чемоданы заставляли несколько раз на ленту транспортёрную для антитеррористического досмотра ставить. И снова на каком-то этапе мы со своим багажом разошлись.

Теперь я обратился к служителю афроамериканке: «Найди мой багаж!». Нашла! Оказывается, наш багаж снова уехал в другой терминал аэропорта. В этот раз мы сами на метро-поезде уехали за своим багажом. Поэтому что, как объяснила служитель афроамериканка, на наших сумках и чемоданах приклеены бирки того терминала, это мы сами не на тот терминал попали. Что наш багаж каждый раз, когда мы будем ставить его на таможенную транспортёрную ленту, будет уходить в тот терминал, потому что на наших сумках-чемоданах и на наших билетах приклеены бирки того терминала.

Меня в Белый Дом звали, чай пить, умные речи говорить. Не пошёл я. Не поддался я. Да пошли они в туды-т твою, в растудыт-т!..

*Своих умных мыслей не имеете, так чужие умные мысли хотите при-
своить?*

Гостиница, в которой я ночевал, имеет эмблему «Два лебедя». В фойе маленький бассейн, а в бассейне том два лебедя плавают. Утром, когда завтракал, я попытался пообщаться с местными лебедями на языке наших сибирских кликунов. Лебедь-отец не реагировал на мой голос. Лебедь-мама на мои позывы скромно покочетничала, вставила свой голосок, но когда я увлёкся чересчур, она замолчала.

Вероятно, она поняла, что я – иностранец, что у нас в российской Сибири нет обилия законов о сексуальных домогательствах. Она пощадила меня, и чтобы окружающие не сочли мой поступок как домогательство её чести, в полугордой, полускромной позе медленно удалилась в дальний конец бассейна.

Стоял я на высоком крыльце Конгресса США, что на Капитолийском холме. Мимо меня колонна демонстрантов прошествовала. Монахи из Индии требовали себе самостоятельного государственного статуса.

Вероятно, требовать себе особого статуса легче в чужой стране, чем в своей?..

В Вашингтоне посетил я мемориальный Кеннеди-Центр. На маленькой сцене японские танцовщицы в национальной

одежде, готовясь к показу своей оперы, репетировали фрагмент своего танца. Та японочка, которая танцевала с краю, держа за веер подруги, кокетливо продемонстрировала для меня из-под подола кимоно свою пятку. Пятка её не походила на пятки наших ненецких женщин, она походила на пятки хантыек. А лицо её было нашим – ненецким.

– Здравствуй, родственница! И ты сюда, в Страну Свободы, добралась?

Когда мы стояли на балконе Кеннеди-Центра в ожидании нашего гида с машиной и смотрели на реку, по которой степенно проплывали: теплоходик прогулочный, гордая яхта, стремительная байдарка с двенадцатью гребцами, бултыхалась двухвёсельная плоскодоночка, – близко возле нас пролетела обычная серая кряква. Я поприветствовал её по-ненецки: «Найн толова, тямпавытямп!». А когда я хотел это же самое сделать по-хантыйски, то сразу хантыйского имени кряквы не мог вспомнить. Приеду домой, надо пообщаться с родственниками ханты, а то язык забывать стал...

Вечером перед сном вспомнил, что крякву по-хантыйски зовут «тшотш».

Проводником, гидом и водителем в Вашингтоне у нас был молодой якут Жоргал. Точнее сказать, бурято-якут, сын российского буряты и российской якутки, специалист по радиотелефонной связи. Внешне он больше похож на буряты, а характер – якутский.

Молодая якутка Вера после учебного заведения не смогла устроиться на работу по специальности. Тут на глаза в ин-

тернете попало объявление, что требуется молодой специалист... в Соединённые Штаты. Была не была, отправила копии документов. Среагировали, прислали анкету. Одним из решающих факторов было знание английского языка. Никто не обратил внимания на её цветное происхождение. Короче говоря, оформление загранпаспорта заняло больше времени, чем переписка с работодателем.

Через год её друг, Жоргал, взял отпуск, приехал в гости. Женились. Остался. В Штатах молодые специалисты на дороге не валяются.

Сейчас у них трое детей, учатся в американской школе. А в семье они общаются на русском и якутском языках.

Вечером, перед отлётом в город Santa Fe, что в Нью-Мексико, были в гостях у Маржори Мандельштам. Она – доктор наук по этнографии GEORGETOWN UNIVERSITY. Оказывается, мы с ней уже встречались раньше в Москве. Она меня признала, а я – не сразу. Только после того, как напомнила мне о нашем чаепитии с Галиной Старовойтовой в конце девяностых годов (у меня дома фотография о той встрече имеется), я стал припоминать Маржори.

Вокруг дома лесок, а в том лесочке зайчонок живёт. Он в тот вечер из кучи хвороста специально на нас поглядеть вылез. – Привет тебе, Косой! Американец-Косой! Любопытен ты, брат, однако, ушастый и глазастый. Не поворачивайся ко мне задом, по-ненецки это не принято, не показывай мне свой хвостик, прижми его к земле, – и заяц был вынужден сидеть, прижав зад к земле, хотя ему очень хотелось бежать.

В аэропорту DALLAS, где у нас была промежуточная пересадка, молодой индеец, одетый в европейскую одежду, задержал на мне свой взгляд, а потом чуть заметно кивнул. Узнал родственника! Я его тоже поприветствовал...

Почтенный индеец в мексиканской широкополой шляпе тоже улыбнулся мне в самолёте. Так что здесь, в Америке, я чувствую себя как местный житель, как представитель Первой Нации.

На первый ужин в городе Santa Fe, здесь, на родине предков племени PUEBLO, нас накормили супчиком (он оказался немного острым) и гуляшником с макаронами (я не уверен, что блюдо именно так называется). Но на столе совсем не было хлеба.

Я сидел лицом к окну на закат. Лежей заката на горизонте виднелась Мать-Гора – священная гора местных индейцев, и я мысленно дух нашей трапезы адресовал здешним богам, восседающим на этой горе, на то, чтобы здешняя земля на время нашего пребывания была бы к нам благосклонна.

Но после еды я всё-таки не выдержал и попросил хозяев, чтобы к следующей нашей трапезе на столе хлеб был, ибо (я объяснил им) хоть наши дальние предки и не знали хлеба, мы же, сегодняшние ненцы и ханты, без хлеба чувствуем себя тоскливо. Ведь сегодня мы живём в окружении русских, перенимаем (хоть и сопротивляемся) их образ жизни. А у наших русских главная поговорка: «Хлеб – всему голова».

Сегодня общался со студентами-индейцами университета «IAIA» и их преподавателями-профессорами. Больше говорили о моей земле, о моих родственниках, о наших ритуалах.

Мы подробно рассказали о хантыйском Медвежьем игрище как о примере драматического произведения, внутри которого есть сцены, как самостоятельные пьесы, в которых разрешается участвовать и нам, инородцам-ненцам. Мы говорили о Медвежьем игрище как об эпическом произведении, где повествуется о происхождении всего живого на земле. В конце нашей беседы они благодарили и славили меня, моих родственников и наших богов.

Здесь многие мероприятия начинались с молитв. Я мысленно отодвигался в сторону, чтобы не мешать им. По нашим обычаям, это надо делать на новолуние или на полнолуние. А сейчас луна в последней стадии убывания. Я своё обращение к местным богам проведу к концу нашей поездки, тогда новолуние начнётся.

На закате солнца одинокий чёрный ворон пролетел мимо нашей хижины вверх по склону горы, вероятно, на ночлег. Мне показался он знакомым. Это, наверное, тот подросток, который родился невдалеке от нашего стойбища, там, на Тюйтяхе, два года назад; который в прошлом году, пролетая надо мной, обронил мне на плечо то, чему обычно не радуются. Нет, я его тогда прекрасно понял, он не хотел оскорбить меня, он просто очень хотел, чтобы я его запомнил.

Он с тех пор часто меня сопровождает в дальних поездках. В начале зимы, когда я был в гостях у студентов и преподавателей Нарьян-Мара, мы совершили поездку на снегоходах к современному местному шаману. Так этот ворон тогда сел на макушку чума, подал голос и совершил такой же неблагоприятный поступок,

прицелившись в верхнее отверстие, в священную горловину чума, попав прямо на пышущую жаром печку. И когда печка в ответ зашипела недовольно, шаман успокоил всех, сказав, что это добрый знак. Но я-то знал тогда, что это шалости моего воронёнка, что таким образом он мне дал знак о себе...

– Привет тебе! Так ты и сюда добрался за мной?..

Сегодня утром рано встречал солнце. Оно появилось на вершинах гор за долиной, в которой расположен Santa Fe. И в это время два ворона спустились в долину, мимо меня, мимо нашей хижины. Задний – это мой воронёнок.

– Пройдоха! Успел! Нашёл себе подругу среди местных! Это, вероятно, она тебя повела на завтрак в город?

Университет для студентов-индейцев США «IAIA». В литературной группе преподавателя Сьюзен мы говорили о ценности родных языков в мировой поэзии...

Молодому поэту, пишущему на английском и игнорирующему свой язык, я сказал:

– 10 тысяч лет назад в человеческой цивилизации каждый, кто умел говорить складно, признавался гением. 5 тысяч лет назад каждый поэт был признан гением. Тысячу лет назад только каждый десятый поэт мог считать себя гениальным. Сегодня в литературах больших языков из тысячи поэтов трудно найти хотя бы одного настоящего гения. Потому что поэтические возможности больших языков почти исчерпаны. Труднее стало находить новый, свежий, не использованный ранее поэтический образ. Сегодня наши младописьменные языки способны

привнести в человечество свежие поэтические образы, свежее поэтическое мировоззрение, новое поэтическое Слово.

Во время обеда в студенческой столовой набрал еды и приготовился «расслабить брюхо». Но не тут-то было! Половину продуктов пришлось оставить: очень для меня острая пища оказалась. Может быть, и в других своих делах здешние жители так же остры и горячи?

Мой американский родственник-поэт Sherwin Bitsui читает вслух свои стихи. Продемонстрировал своё самое короткое стихотворение: семь раз произнёс на своём языке, языке племени NAVAJO, в столбик одно и то же слово:

to`
to`
to`
to`
to`
to`
to`

Затем он это слово повторил на государственном английском, и мы все узнали, что оно означает: «вода». Я мысленно это же самое семь наших священных раз выразил на своём ненецком языке:

ви`
ви`
ви`

ви`
ви`
ви`
ви`

Также я мысленно это произнёс по-русски. Мне стало очевидным, что на наших малых языках это более походит на капанье, журчание по камням и переливание ручья сквозь корневища деревьев.

Потом, в перерыве между занятий, встал я в позу автора и повторил это же вслух для себя на языке моей жены. Мне кажется, получился удачный дружеский шарж. Если будет подходящий момент – продемонстрирую моему родственнику-поэту...

Днём с юга, юго-востока дует резкий ветер, прохладно. Подумал: здесь же до Экватора рукой подать, со стороны Мексики жаркий воздух должен бы дуть. Спросил у местных. Оказывается, ровная долина, на которой расположен город Santa Fe, находится на высоте около 7 000 ft (приблизительно 2 500 метров). То-то, я подумал, чего это мне всё время хочется глубже вдохнуть воздуха? Мы в высокогорье, кислорода не хватает.

Чтобы местные микробы от меня шарахались, я каждый раз просил у официанта лимон к чаю. А так как не знаю языка, я выражал свою просьбу гримасой. Я старался изо всех сил, чтобы лицо очень точно выражало, словно мне в рот попал очень кислый лимон. Так как моя просьба всегда удовлетворялась, значит, лицо моё очень точно выражало тонкости языка чужеземного.

Вечером мы посетили ресторан на главной площади города Santa Fe «PLAZA». В ресторане я обратил внимание на некоторых посетителей, заказавших к ужину вино. Люди были веселы, но я не видел ни одного, выходящего из ресторана пьяной походкой.

Перед сном думал о своих родственниках, вспоминал времена, когда моих предков насильно переводили от кочевой жизни к оседлой, как весной, с открытием навигации, первая баржа приходила в деревню с водкой вместо муки и чая, как плакал я, когда не было в деревне ни одного трезвого родственника, и написал сегодня строки:

ПУТЬ ОТ КОЧЕВОЙ ЖИЗНИ К ОСЕДЛОЙ

1. На стойбище соседа:

Открою одну дверь –
Женщина протянет кусок рыбы.
Открою вторую дверь –
Женщина протянет кусок мяса.
В третьем доме для меня
Женщина согласится разделить трапезу.

2. На родном стойбище:

Открою одну дверь –
Женщина протянет кусок хлеба.
Открою вторую дверь –
Женщина протянет кусок пирога.
В третьем доме для меня
Женщина подоит дитя коровы.

3. В соседней деревне:

Открою одну дверь –
Женщина протянет кружку пива.
Открою вторую дверь –
Женщина предложит отведать водки.
В третьем доме для меня
Женщина в день рождения устроит попойку.

4. В родном селе:

Открою одну дверь –
Женщина предложит мне опохмелиться.
Открою вторую дверь –
Женщина предложит обмыть её новую покупку.
В третьем доме со мной
Женщина будет каждодневно пьянствовать.

5. Эпилог:

Сумею ли я
когда-нибудь
вернуться к началу пути?

Сегодня у меня брали интервью, и один из вопросов был о нитях родства между коренными народами Америки и российской Сибири. Генетическими поисками родства пусть учёные-генетики занимаются. Этнографы и лингвисты, сравнивая языки, часто запутываются в заимствованных словах. Мы, писатели, должны искать родство в Слове. Я думаю, что истинное родство среди разноязыких народов находится в Поэзии, в чувствах, побуждаемых Поэзией, не в отдельных словах и строках, а за словами или между строк, там, где поэт глубоко прячет своё сокровенное или чуть-чуть приоткрывает

своё нечто тайное и сакральное, доступное и понятное возвышенным душам любой национальности.

Давайте поговорим на этом уровне!

Вечер поэзии. Наперегонки с местными поэтами читали свои произведения в актовом зале университета IAIA для студентов, преподавателей и просто любителей поэзии города Santa Fe. Зал был полон. Когда очередь дошла до меня, я читал на своём языке, на русском, и один дружеский шарж на языке своей жены, по-хантыйски – шарж, посвящённый моему молодому американскому родственнику-поэту:

йиҗк
йиҗк
йиҗк
йиҗк
йиҗк
йиҗк
йиҗк

Зал дружно среагировал. Узнали! Молодой американский поэт-индеец пожал мне руку.

После поэтического вечера, перед сном, мысленно пообщался с Тобой... Обычно уже через три дня разлуки начинаю скучать. Тогда я обращаюсь к твоему языку и мысленно начинаю с тобой общаться на твоём языке. Помогает!

Впервые это случилось, когда я учился в Литинституте. На третий день нашей учебной сессии я впервые мысленно общался

с Тобой на твоём языке. Для этого не обязательно знать весь язык – достаточно одного слова.

Я ясно ощущал твои прикосновения... В ответ я коснулся твоего плеча, руки, кисти, и далее по пальцам, до самых кончиков... Здесь я всегда получаю от тебя нечто наподобие слабого электрического разряда. Потом снова: плечо, шея, средним пальцем затылок, а большим – мочку уха... Это только начало, а дальше...

В прошлый раз, когда мы встретились, Ты мне поведала, что на третий день после моего отъезда Ты тоже мысленно общалась со мной и, как во сне, ощущала мои тайные прикосновения...

Потом в нашей жизни это стало повторяться часто: на охоте, в командировках, в заграничных поездках... Особенно ярко это я ощущал в Канаде и здесь, в Santa Fe. Вероятно, на противоположных сторонах планеты при помощи магнитных полей воображаемые прикосновения можно чувствовать ярче. Вероятно, есть в окружающем мире такие каналы, такие волны, такие нити, по которым два человека могут не только без телефона общаться друг с другом, но способны даже совершать невидимые таинственные прикосновения. Это – не шаманство. Это – то родство, которое невидимо существует между любящими людьми любой национальности. Это – обычные способности, подаренные человеку Природой. Ведь возможности натуральных телесных прикосновений ограничены. Возможности мысленных, воображаемых прикосновений – безграничны. Они зависят от широты вашей фантазии.

Ночью мне приснился сон о том, что я удачно выменял конскую шкуру у местного индейца на лыжи-подволоки. Днём, когда проезжали через индейскую деревню, я видел несколько

лошадей. А действительно: дадут мне на таможах вывезти конскую шкуру для изготовления лыж-подволоок?

Директор школы в резервации JEMEZ PUEBLO рассказал, что он кое-что знает о Сибири. Когда был маленьким, его пугали советской Сибирью, говорили: «Будешь себя плохо вести – тебя в Сибирь отправят». Сейчас он мечтает повидать российскую Сибирь. Я ему сказал:

– Но для этого Вам надо всего-навсего себя плохо вести!

Ученики его школы дружно засмеялись. А сам директор от радости в ладоши хлопал.

У них, оказывается, много Президентов! Нынче за день здоровался с несколькими из них: с Президентом университета IAIA, с Президентом школы поэзии в Колледже и с Президентом деревни индейцев в резервации. Но во всех этих учреждениях имеются исполнительные должности для повседневной работы.

Хорошая должность Президента, почётная. Уважение изнутри от родственников-соплеменников, от подопечных студентов и учеников, а также почтение от внешнего мира, от гостей и деловых партнёров. Не надо напрягаться физическим трудом, только научиться читать молитвы и приветствия.

Приеду на своё стойбище, обращусь к родственникам, чтобы и меня тоже стали именовать Президентом своего рода.

Вождь местного племени всю лысину мне облобызал. Потом мне досталось ещё и от местных красавиц. Так что я здесь получаю солидную порцию почтения!

Сегодня местные повезли нас в Государственный природный парк. Это древние места жизни индейского племени WALATOWA, которое произошло якобы из-под земли. На въезде с нас должны были взять плату за посещение территории парка, за экскурсию. Мы уже раскошелились было, но служитель сказал, что сегодня въезд бесплатный. Ещё утром власти оповестили, что «в связи с приездом в Штаты представителей сибирских народов» на неделю въезд в парк за счёт государства. Молодец, Обама-леворукий, знает, кого надо уважать! Мы тебе не всякие там фигли-мигли! Если пожелаешь – на обратном пути через Вашингтон обязательно зайду чай попить. Я, признаюсь, тебя тоже зауважал.

В первый день наша хозяйка Беверли Моррис рассказывала, что ограда проволочная вокруг хижины – это в целях безопасности оленей, которые живут здесь в дикой природе и иногда заходят в город. Сегодня утром рано я ходил на прогулку за ограду к ручью. Вдоль ручья, действительно, вчера или позавчера, с горы вниз спускались два парнокопытных животных. А я (признаю свой грех) подумал, что хозяйка пошутила по поводу того, что здесь живут олени...

В СМИ прошло сообщение о том, что в Исландии проснулся вулкан, что большая часть Европы закрыта для авиаперелётов. Я вспомнил, что сюда мы летели через Исландию, через южную оконечность Гренландии. Неужели, пролетая над Исландией, наш боинг так сильно сотрясал пространство, что даже вулкан проснулся? Как же мы теперь обратно

полетим? Вечером перед сном думал о том, насколько влияет деятельность человека на окружающую среду. Всегда ли Стихия – не плод нечаянных человеческих поступков? Засухи и наводнения, торнадо и землетрясения – всегда ли они являются без человеческого участия? И неужели человек совсем уж неспособен предотвращать извержения вулканов и отводить метеоритные катастрофы?

Сегодня встретился с американско-русской семьёй: Эндрю – писатель, профессор университета, и Ольга – этнограф, общественный деятель. Они рассказали мне подробности трагедии киньяминского леса. Оказывается, муниципалитет Сургутского района и правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры продали весь киньяминский лес на корню иностранной лесопромышленной компании без полного и свободно осознанного согласия жителей киньяминских стойбищ на Югане. Это значит, лесопорубочная Компания вырубит весь лес и киньяминским ханты останется только жить среди пеньков, собирать ягоды между пеньков, охотиться и пасти оленей от пенька до пенька. А когда придёт время влюбляться – будут влюбляться под пеньками. Решение муниципалитета и правительства, оказывается, утверждено подписью губернатора Югры без согласования с коренными жителями. А о трагедии киньяминского леса узнал я не у себя в округе, а здесь, на американском континенте. А так как леса Западной Сибири являются лёгкими планеты, в наш сегодняшний нелёгкий век нефтегазового бума, когда очень тяжелы для здоровья Человечества углеводородные выбросы в атмосферу, наш Губернатор разве не должен был оповестить о своих намерениях хотя бы нас – жителей Югры?

В моей записной книжке появились новые строки. Это ещё не стихи, это только наброски:

Приход нефтяников
Уничтожает мои реки.
Приход нефтяников
Уничтожает мои озёра.
Приход нефтяников
Уничтожает мои леса.
Приход нефтяников
Уничтожает мои тундры.
Приход нефтяников
Отравляет сознание
Моих родственников.
Приход нефтяников
Уничтожает память
Моих родственников.

Они уже не желают охотиться.
Они уже не желают рыбачить.
Они уже не желают влюбляться.
Они уже не желают выживать,
Только бы хапнуть
КОМПЕНСАЦИЮ!

А всем, кто на Север идёт
За газом,
За нефтью,
За золотом,
За пушниной,
За древесиной –
Содействует сам Губернатор.

Неужели я должен их за это любить?
Ведь они уничтожают то,
Что люблю я...

Не перестарался ли я? Нет ли в моих строках оттенка ненависти? А кто сказал, что ненависть не может служить инструментом поэзии?

Наконец-то мы выкроили время и постояли на берегу местной реки Rio Grande.

Я опустил в реку монетку за себя, за то, что осмелился топтать здешнюю землю, корни растений, за то, что осмелился пить здешнюю воду, вдыхать здешний воздух.

Я опустил монетку за своих товарищей-родственников, которые здесь, вместе со мной, в Америке, и наши следы, наше влияние останутся.

Я опустил в реку монетку за близких, которые остались дома, на Тюйтяхе и в Варьёгане, потому что я всё время чувствую, что и они со мной здесь, что мысленно и они вместе со мной топчут здешнюю траву, трогают воду здешней реки и вдыхают высокогорный воздух здешней земли.

Я чувствую себя проводником между разными континентами.

Я чувствую себя проводником между полюсами нашей Планеты.

Я гляжу на здешнее Солнце, но чувствую тепло Солнца моей тундры.

Я моюсь прохладой здешней реки Rio Grande,
но чувствую в этот миг прохладу Тюттяхи и Оби.

Спасибо вам, Боги, за то, что я есть,
за то, что я чувствую окружающий Мир,
за то, что я способен ещё любить Жизнь!

Сегодня опять встал утром рано встречать Солнце. Опять мимо нашей хижины, играючи, со стороны горы в город пролетели два ворона.

– Не заигрался ли ты слишком, Пахшивец? Не пора ли заканчивать? Позабавился – и хватит, пора и честь знать! Ну, а если это Любовь? Так забирай её с собой, я не буду возражать. Правда, городские принцессы, возможно, более легкомысленные, чем лесотундровские, так что сам думай. Не ошибись!

...Когда мы учились в школе-интернате, директор наш, Виктор Яковлевич, имевший дефект речи, нас с Тобой называл «пахшивцами», вероятно, за то, что мы больше других шалили, больше, чем другие мальчишки, участвовали в интернатских происшествиях. Из уст директора эта кличка, данная нам с Тобой, не звучала оскорбительно. Наоборот, в его произношении, в его выражении лица мы с Тобой всегда чувствовали нечто, подобное отцовской скупой любви.

Отца я лишился очень рано, ещё до школьного возраста. Твой отец Тебя покинул хоть и в школьном возрасте, но тоже рано. И так мы, двое «безотцовщин», солёные словца, а иногда и тупые подзатыльники директора школы-интерната воспринимали как само собой разумеющееся, как отеческие. Он на время девяти учебных месяцев как бы заменял нам отца, жёсткого, но справедливого.

В пятом классе мы с Тобой влюбились в одну девочку, тоже жившую с нами в интернате, тоже в первом классе лишившуюся отца. Ты мне рассказывал каждый день, что Ты чувствовал, как Ты ощущал своё отношение к ней. Я – помалкивал. Уже с пятого класса мы с ней тайно встречались.

О Тебе я ей не говорил ничего. Я боялся, что если расскажу о Твоих чувствах к ней, она может перестать встречаться со мной. Ты сам перед ней тоже не открывался, и меня это устраивало. Ты узнал о нашей тайне только к восьмому классу. Ты тогда сильно обиделся на меня, почти месяц со мной не разговаривал, но к тому времени мы с ней уже не просто по-детски встречались тайком, – мы уже любили друг друга. И ничто, даже ссора с близким другом, не могло уже сломать наших взаимоотношений.

Вчера вечером она, моя жена, позвонила мне и сказала, что Тебя не стало. Инфаркт. Прости меня, что в тот момент, когда наши родственники провожают Тебя в последний путь, меня нет рядом. Прости меня за то, что когда-то я не уступил её Тебе. Хоть после восьмого класса ты перестал мне рассказывать о своих чувствах к ней, но я-то по Твоим глазам знал, как Ты к ней относился, что Ты чувствовал в душе, когда мы все вчетвером (с твоей и моей женой) чаевали по вечерам. А однажды, когда мы с Тобой охотились вместе, когда мы переехали на новый охотничий участок на земле моих предков, потому что надо было дать передышку тому лесу, где мы охотились до этого, участку, расположенному на земле Твоих предков, – мы целую неделю жили вчетвером в одной палатке и строили домик для будущей охоты. К тому времени я уже рассказал о Твоих чувствах к ней.

Я иногда замечал непростые взгляды между вами. Я ревновал. Я знал, что ваши взгляды были безгрешны и чисты, но я всё равно ревновал. Прости меня за это! И сейчас, глядя на моего ворона и назвав его нашей общей кличкой «Пахшивец», я думаю о Тебе, я вспоминаю Тебя, я прошу прощения

у Тебя за все неудобства, которые я создавал в Твоей жизни. Я не прощаюсь с тобой. Мы с Тобой однажды снова встретимся. А пока мой воронёнок, сопровождающий меня в дальних поездках, будет мне напоминать Тебя. И теперь, наверное, я буду звать его «Пахшивцем». Ему эта кличка идёт так же, как когда-то она подходила нам.

На обратном пути мы снова ночевали в «Двух лебедях». Ещё до того, как оформляться в гостиницу, я подал голос по-лебединому. Лебедь-мама отозвалась сразу.

Потом мы поехали на ужин в китайский ресторан. Попутно заехали в электронный магазин, и я купил компьютер, у которого батарея, со слов продавца, работает одиннадцать часов.

— Может, и не совсем так, дорогой продавец. Я понимаю, что тебе хочется, очень хочется, чтобы я вдруг не отказался от покупки. Но, увы, я не откажусь от покупки, даже если батарея способна работать лишь наполовину. Потому что в условиях стойбища я не могу себе позволить гонять портативную электростанцию круглосуточно.

Принёс китаец в китайском ресторане картофель сладкий, жареный. Глядя на картофель, вспомнил побасёнку про Яллу.

Ещё до войны с Гитлером Яллу учился в ФЗУ в городе «Ханты-Манчинпахански». В конце учебного года собрался на каникулы в стойбище родителей. Но как же ехать на стойбище без подарка? Днём, проходя по городу, видел Яллу, как мужики и бабы в огородах картофель в землю закапывают. Ночью забрался в огород и выкопал несколько картофелин.

Приехал Яллу на стойбище, чего мудрить, сварил картофель «в мундире». Старый дедушка Тяай первым отщипнул кусочек от «незнакомо́го продукта»:

– Ну-ка, Яллу! Ну-ка, Яллу! Ещё раз скажи, как этот незнако́мый продукт называется?

Яллу, как его учили ещё в школе, растягивая слово по слогам:

– Ка-а-аль – то-о-оп – ка!

– Однако, Яллу! Съедобный продукт ты привёз на стойбище, Яллу! С тех пор мои родственники этот «незнако́мый продукт», картофель, называют «кальтопка».

Ночью, сквозь сон, я слышал голос Лебедя-мамы. Она поняла вечером, что я снова приехал в её гостиницу, и поэтому звала. Даже жизнь в условиях каменно-стеклянного жилища не убила в тебе инстинкта природы. Сейчас в моих краях возвращаются на родину лебеди-кликуну, сейчас у них пора любви.

– Может, хватит тебе париться здесь в гостинице? Я понял, что тот, рядом с тобой, не Лебедь-отец, а, вероятно, твой несмышлёныш. Бросай всё, полетели на родину! Кклю... Клю...

Молодые лебеди у нас сейчас создают пары и готовят гнёзда для детей. Хватит томиться в гостиничной духоте, пора на весеннюю свободу! Зови своего сынка, присоединяйтесь к моему ворону. Полетели! Кклю! Клю-клю!..

На обратном пути провожал нас в Вашингтоне в аэропорту приветливый якут Жоргал.

– Что тут Обама делал без нас?

– Скучал, наверное, бедолага, – ответил он мне в тон.

– А может, твои олени не давали тебе скучать, Обама-левору-

кий? У нас лучшие оленеводы обязательно леворукие. Левше оленями управлять удобнее, чем правше.

– Ты имеешь в виду, олени-люди?

– Я имею в виду: олени-люди, олени-капиталы, олени-технические и экономические процессы... Да мало ли у настоящего оленевода настоящих оленеводческих проблем?

Вылетев из Вашингтона на родину, мы через несколько часов совершили вынужденную посадку в Атлантическом океане, на одном из Азорских островов. Спросонок я понял, что мы садимся на дозаправку на военной базе НАТО. Но Александр, наш литературовед и переводчик, доктор наук из МГУ, перевёл слова командира: «Незначительные неполадки в электросистеме. Надо сесть на ближайшем острове, чтобы местные специалисты провели исследование самолёта. Наша вынужденная посадка не связана с деятельностью вулкана в Исландии». И мы сели. Когда были пройдены все таможенные процедуры, нас поселили в счёт авиакомпании в четырёхзвёздочном отеле. Накормили в ресторане и отпустили в городок на прогулку...

Азорские острова были перевалочным пунктом для кораблей, везущих сокровища из обеих Америк и с Востока. На острове Санта Мария молился Колумб по возвращении из плавания, во время которого была открыта Америка. Мимо Азорских островов проплывали по пути в Америку и Есенин, и Маяковский, о чём они упоминали в своих произведениях.

На острове TERCEIRA, куда мы приземлились, есть древний городок, Angra do Heroísmo, с героической крепостью, которая

защищала город и порт от нападений корсаров. Городок является курортом для редких, для избранных посетителей. Он чем-то напоминает крымскую Ялту. Только в Ялте в глаза бросаются гостиничные корпуса, а здесь – древние храмы и крепость. И здешние улочки сохранили воздух прошлых столетий...

Я стоял перед церковью Святого Зачатия и молил, чтобы род мой не терял способности любить.

Возле Храма Милосердия, что стоит лицом к океану, я вымаливал облегчения всем страждущим на земле.

А когда стоял перед часовней женского монастыря Святого Гонсала, просил, чтобы окружающий мир не утратил в себе материнского начала, чтобы в лесах жили звери и птицы, чтобы в реках было вольготно рыбам, а в тундре чтобы свободно паслись олени, и чтобы их оленьята под ногами матерей всегда находили чистый ягель...

А ты, Ворон мой, ты, мой Пахшивец, ты не залетай сюда, ты лети прямо домой! Нам утром обещали другой самолёт. Уже завтра меня здесь не будет. Этот мир хорош, красив, но дома лучше.

В сумерках спустился я к океану попрощаться. В темноте среди береговых валунов слышны были шорохи океанских волн и возня прибрежных чаек. Атлантический океан сегодня очень спокоен, ласков, и ничто не напоминает о том, что в другом его конце на днях проснулся Исландский вулкан, на полмесяца перекрывший авиадвижение на большей части Европы...

Я приехал на стойбище. Завтра у оленей начинается отёл – время рождения новых оленят. Перед стойбищем, на макушке высокой сушины восседал чёрный ворон.

– Привет тебе, Пахшивец! Ты уже здесь? Добрался раньше меня? Не плутал? Может быть, по ночам теперь тебе будет сниться Америка и перелёт через весеннюю Атлантику?

Ворон взмахнул крыльями, поднялся высоко, потом, сложив крылья, перевернулся в воздухе, издав клёкот, и спокойно полетел в сторону летней стоянки, где когда-то он родился.

*11 апреля – 4 мая 2010 года,
Santa Fe – Стойбище-на-Тюйтяхе.*

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

*Рассказы Юрия Вэллы,
записанные М. Гнедовским
1996*

М. Гнедовский

РАССКАЗЫ ЮРИЯ ВЭЛЛЫ

Юрий Вэлла (1948–2013) был одним из самых удивительных людей, которых я когда-либо встречал. На первый взгляд он производил впечатление человека тихого и неспешного, но за этим скрывалась сильная и цельная натура. Сегодня о нём много пишут в интернете, говорят, что он был оленевод, поэт, шаман, гражданский активист, духовный лидер коренных народов Сибири и т.д. Он и в самом деле был человек необычайно талантливый и разносторонний; и одним из его главных талантов был, несомненно, талант рассказчика.

В 1993 году я был участником обской экспедиции и побывал в созданном им музее в посёлке Варьёган на реке Аган. Нас радушно принимали местные жители, но самого Вэллы тогда в посёлке не было.

Впервые я встретил его на Первой музейной биеннале в Красноярске в 1995 году. Его выставка участвовала в конкурсе и получила гран-при биеннале. У меня в памяти она осталась как экспозиция под открытым небом, хотя в действительности выставка располагалась в просторном подвале красноярского Музейного центра, на фоне установленных там гигантских промышленных кондиционеров. На ней всегда толпился народ, слушая бесконечные рассказы Юрия Вэллы.

В 1996 году мы встретились с ним в Москве. Я хотел взять у него интервью, и он согласился. Мы сидели у меня в квартире на кухне, пили чай и записывали наш разговор на кассетный магнитофон. Однако вскоре я понял, что это не совсем обычное интервью. Во-первых, ему не нужны были мои вопросы, они ему даже мешали, и я постепенно превратился из интервьюера в заинтересованного слушателя. Во-вторых, договариваясь об интервью, я собирался в основном выяснить подробности создания музея в Варьёгане, но то, что он говорил, было настолько глубже и интересней, что я окончательно отказался от своего первоначального замысла.

Мы разговаривали много часов подряд. Когда я потом сел расшифровывать запись, то обнаружил, что он говорит очень связно, и его речь легко ложится на бумагу. Ещё я заметил, что его речь естественно разбивается на очень короткие рассказы, своего рода притчи, которые, в свою очередь, группируются по нескольким темам; и в то же время всё вместе производит впечатление последовательного и цельного повествования. Я добавил заголовки, структуру, но постарался сохранить интонацию и ритмику его речи. Перечитывая сейчас этот текст, я ясно слышу его голос.

Этот текст был частично напечатан в 1996 году в журнале «Северные просторы», но публикация прошла незамеченной и быстро забылась. После этого мы несколько раз встречались во время его нечастых наездов в Москву. Однажды я помогал ему покупать бензопилу (нужнейшая вещь, если ты живёшь на стойбище) на одном из диких рынков, которые ещё встречались в Москве в конце 1990-х годов.

У него всегда было много проектов. Я вспоминаю одну встречу: мы идём с ним в Москве по Полянке, и он рассказывает о том, как нужно реформировать среднее образование в северных регионах, где живут коренные народы. Он считал, что советская практика отправлять детей в интернаты

разрушительна как для семьи, так и для культуры, и что её нужно повсеместно заменить практикой стойбищных школ, то есть приглашать учителей жить на стойбищах. Я с улыбкой заметил, что это напоминает мне систему домашнего образования, принятую в XIX веке в русских дворянских семьях. Он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Да, я прекрасно это понимаю». И было ясно, что он не видит в этом ничего смешного.

Юрий Вэлла был человек целеустремлённый; можно сказать, что у него в жизни была миссия, направлявшая практически все его дела и поступки. Он был беззаветно предан идее сохранения традиционной культуры и образа жизни коренных народов северной Сибири – ханты и лесных ненцев, – к которым он сам принадлежал по рождению. Он видел в этой культуре глубину и стремился уберечь её от разрушения и забвения – в особенности перед лицом наступавшей нефтедобывающей индустрии, которая, казалось, была готова сметать всё на своём пути. Вся его жизнь проходила на фоне столкновения этих двух, как он говорил, разных цивилизаций. Он выбрал свою роль в этой драме и играл её до конца, с полной самоотдачей. Это была роль сторонника «мягкой силы», хотя такого термина тогда ещё не было. Защищая интересы своего народа, он в качестве щита выбрал культуру, и все его проекты так или иначе вращались вокруг идеи «живого музея».

Музей, вообще-то, всегда был европейским институтом; поэтому такой формат защиты традиционных ценностей был понятен для тех, кто недавно прибыл на территорию, где жили ханты и лесные ненцы. Вместе с тем европейский институт создавался в совершенно ином культурном контексте. Вэлла сделал всё, чтобы музей был воспринят местными жителями, стал неотъемлемой частью местного культурного ландшафта и одновременно демонстрировал посетителям со стороны сложную, объёмную картину образа жизни и ценностей коренных народов. Однако, решая эти задачи, он фактически ре-

формировал само понятие музея и, талантливо балансируя на стыке двух культур, наполнил его новыми смыслами.

Как он это делал и какими руководствовался принципами, видно из его рассказов. Этот текст – единственное, что осталось у меня после его смерти в сентябре 2013 года. Перед нами – история жизни талантливого человека и одновременно сборник очень коротких рассказов, которые, кроме всего прочего, складываются в последовательную и самобытную музейную философию. Эти двадцать с чем-то страниц стоят, по-моему, многих томов академических изысканий, призванных ответить на вопрос, что такое музей и чем он может быть.

*Июль 2015 года,
Москва.*

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

1.

О СЕБЕ

Мой род

У меня по паспорту фамилия Айваседа, но все меня зовут Юрий Вэлла. И это не только литературный псевдоним, а настоящая фамилия нашего рода. После так называемого Казымского восстания – когда красные гнали на восток его участников и просто тех, кто попался им на пути, – ханты и лесные ненцы уходили с Казыма целыми семьями, и некоторые из них пришли на Аган. Казымских ханты здесь так и стали называть – Казымкины. А про моих родственников и другие ненецкие семьи я слышал от стариков такую историю.

Пришли они на Аган, остановились на стойбище у Айваседы – это был местный ненецкий род, – а тут как раз приходят другие красные – переписывать население. Переписчики спрашивают – «Как ваша фамилия?» – а наши сидят, опустив голову, молчат и думают – «Вот, мы попались, сейчас запишут, что мы участвовали в Казымском восстании, и поминай как звали». Они же не знали, для чего устроена перепись населения. А так как хозяин стойбища был человек местный, и любой мог подтвердить, что ни в каком восстании он не участвовал, то он сказал: «Я Айваседа, а это всё моя род-

ня». И всех подряд записали Айваседами. А когда мой отец женился на моей матери, то все, кто этой истории не знал, говорили: «Айваседа женится на Айваседе, не могли найти себе пару в другой семье». На самом деле, моя мать из рода Тётт, а отец – Вэлла.

Варьёган

На месте Варьёгана когда-то находилось стойбище, где жил человек по имени Ысчетка. Теперь про него уже ничего не известно – даже был ли он ханты или ненцем. Когда стали создавать колхозы, приехали русские, и на этом месте возникла деревня Варьёган. Первые документы, где она упоминается, относятся к 1928 году.

Я родился на стойбище неподалеку от Варьёгана. Если сейчас ехать по бетонке в сторону Новоаганска, то как раз на полпути, метров триста на север от дороги, стоял наш чум. Правда, ни дороги, ни Новоаганска тогда ещё не было. Недалеко от этого места была старица, которая образовалась перед самым моим рождением. Отец первым стал на ней рыбачить и назвал её в мою честь Юрина старица. Её до сих пор так называют.

Отец был колхозным оленеводом. Пастбище колхозного стада было как раз там, где теперь находится Новоаганск. Наше стойбище было так близко от Варьёгана, что можно сказать, я рос как деревенский житель. Здесь я прошёл через детский сад – это то же самое, что интернат, только для маленьких.

Помню смерть Сталина – мне тогда было пять лет. Воспитательницы плакали, а мы пальцем мочили глаза, но между собой смеялись. Нам было непонятно, как это можно расстраиваться, если умер человек, которого ты видел только на портрете. Я теперь думаю, что мы угадывали в плаче взрослых и некоторое притворство. Моя первая воспитательница

Марта Матвеевна была финка из Карелии, сосланная в Сибирь. После реабилитации она вернулась к себе на родину. Вряд ли она могла так горевать из-за смерти Сталина. Хотя, говорят, многие ссыльные тогда искренне верили в его непогрешимость.

Интернат

В интернате нам запрещали носить наши малицы и кисы, говорили: «Варвары, дебилы, тупицы, – вы только сюда таскаете вшей». Но малица была удобной: как только заканчивался урок, мы вылетали на улицу и сразу – в сугроб. А когда в малице ныряешь в сугроб, то снег никуда не попадает. Однако у нас всё время отнимали малицы и запирали их в чулан. Взамен мы получали «цивилизованную одежду» – суконную шапку, пальто, валенки. Всё это было страшно неудобно – шея открыта, в валенки набивается снег, а носки, к которым мы не привыкли, постоянно сбивались в гармошку, стаптывались под ступнёй. К тому же носки нам всегда выдавались большие, так что пятка находилась где-то около колена.

По солнцу

Портянки я тогда наматывать не умел – и даже потом, в армии, как следует этому не научился. Их ведь надо наматывать на одну ногу по часовой стрелке, а на другую – против. А я до сих пор наматываю на обе ноги в одном направлении, потому что нас всегда, с раннего детства, учили, что всё нужно делать в одну сторону – по солнцу. Мне сейчас любопытно: вот меня воспитывали – детский сад, интернат, армия, институт, комсомол. Я три раза писал заявление в Коммунистическую партию (правда, меня так и не приняли). Но есть вещи, заложенные в раннем

детстве, такие как эти портянки, – которые так и не удалось изменить. Причём с моей стороны – это не упрямство. Видимо, из таких мелочей и складывается национальный характер.

О самостеятельности

Я окончил четыре класса в Варьёганском интернате, до восьмого класса учился в Агане, затем – в Сургуте. Проучился в десятом классе только два месяца – и сбежал. Я тогда начал писать стихи, а учился плохо. Учительница мне говорила: «За что я тебе отметки буду ставить – за стихи, что ли?». И в очередной раз, когда она меня выгнала из класса, я, не раздумывая, уехал последним катером из Сургута домой в Варьёган.

В Варьёгане я, кажется, прошёл через всё, что можно было испытать в те годы. Был заведующим Красным чумом. Работал на звероферме, где разводили чернобурых лисиц. Плавал помощником капитана на маленьком катере по Агану. Возил на оленях сено для колхозных коров. Затем женился, переехал в Аган, стал там секретарём поселковой комсомольской организации и занимался вопросами идеологии и культуры. Это было до чрезвычайности убого, хотя я тогда этого и не понимал. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что в подсознании у меня было какое-то сопротивление, но я тогда не чувствовал его и гасил.

Только один случай заставил меня задуматься. Мы ездили с концертами вдоль Агана, и однажды в такой поездке я разговаривал с одним русским пареньком. И вдруг он мне говорит, что я живу не по правде, не откровенно, действую по указке сверху, как винтик в машине. Для меня это было неожиданно: я считал, что никто мною не управляет и я делаю только то, что я сам хочу. Пожалуй, я по-настоящему понял, что он хотел мне сказать, лишь много лет спустя, накануне перестройки, когда я стал председателем сельсовета, депутатом окружного совета. Тогда я стал различать, чего хочу я сам, а что мне навязывают другие.

В течение пятнадцати лет я работал охотником в Госпромхозе. Впервые я занялся этим даже не ради заработка, а потому что в этом было что-то захватывающее. Когда я в первый раз добыл соболя, мне даже стрельнуло в поясницу. То же самое было и с первым лосем. Нервное напряжение так сильно, что несколько секунд после этого невозможно пошевелиться. Затем боль потихоньку отпускает, а волнение, радость, гордость остаются ещё надолго. Потом это становится просто работой. В конце концов я оставил её без сожаления.

2.

МУЗЕЙ В ВАРЬЁГАНЕ

Я снова учусь

В начале восьмидесятых я поступил на заочное отделение Литературного института в Москве и, проучившись там шесть лет, окончил его в 1989 году. Стихи – в основном любовную лирику – я писал и раньше, но всё это было, конечно, любительское творчество. Я не мог относиться к себе критически, не умел отбирать удачные вещи, редактировать собственные тексты. Правда, я уже знал, что такое вдохновение, что значит написать стихотворение на одном дыхании, но образования мне явно не хватало.

В 1986 году в Варьёган приехал этнограф Гемуев. Ему нужен был проводник и переводчик, я вызвался ему помочь, и мы поехали по стойбищам. Однажды, на одном из брошенных стойбищ, он меня спрашивает: «Скажи, когда ты приходишь в такое место, ты что-нибудь ощущаешь?». Я отвечаю: «Конечно, я представляю себе людей, которые здесь жили, даже слы-

шу их голоса – и умерших, и живых. Я же всех знаю. И здесь, на стойбище, они меня посещают». Он говорит: «Вот видишь, это уже готовый музей. Правда, сюда не всякий может попасть. Но есть другой вариант: все эти вещи с брошенных стойбищ свезти в деревню, и тогда все родственники смогут туда приходить и общаться с ними – так же как ты сейчас». Вот так, в двух словах, он объяснил мне, что такое музей.

Учеба в Литинституте, общение с Гемуевым, перестройка – всё это сильно повлияло на мои взгляды. Я начал по-новому понимать, что такое культура и язык моего народа. Я слушал лекции в институте, и о чём бы ни шла речь, примеривал это к хантыйскому и ненецкому языкам. Я переводил для Гемуева с хантыйского на русский и поначалу удивлялся, когда он вдруг, на полуслове, говорил: «Стой, не торопись: здесь были другие слова». – «Как другие? Общий смысл был примерно такой». – «Не надо общий смысл. Давай подробно, каждое слово. А потом будем уже искать смысл, что-то добавлять, комментировать и так далее». Так я научился делать переводы.

Первый дом

Вслед за Гемуевым из Ханты-Мансийска приехал Эмилий Иванович Косполов. Я изложил ему замысел музея, а он говорит: «Давай начнём прямо сейчас». Мы прошлись по посёлку – нашли ещё человек пять-шесть энтузиастов.

Первый объект – дом Андрея Антоновича Казымкина – у меня уже был на примете. Мы сходили туда, посмотрели – машина пройдёт. Правда, в одном месте нужен трактор. А рядом как раз строили дорогу на Радужный. Нашли прораба, это оказалась женщина. Эмилий Иванович ей говорит: «Юрий Вэлла задумал хорошее дело, надо помочь, нельзя ли поговорить с рабочими?». Она отвечает: «Конечно, сейчас я соберу людей». Собрались человек пятнадцать, и я стал рассказывать.

Вижу, им действительно интересно – особенно когда речь зашла о местных обычаях. Я им показываю – там, за лесом – кладбище, вон там – лабазы, тут – сруб с медвежьими костями. Объяснил, почему и зачем это делается, рассказал про оленей, про ягель, прочитал два или три стихотворения. В конце Эмилий Иванович говорит – «Юрий Вэлла задумал строить музей – нам нужен ненадолго бульдозер». – «Какой разговор! Конечно, дадим». На следующий день взяли мы у геологов две машины, у дорожников бульдозер, срезали один обрывчик – машины смогли проехать – и забрали со стойбища дом.

Тропинки

Потом я постепенно собрал дом – люди мне помогали – и когда я залез на крышу, на самый конёк, чтобы класть доски, посмотрел вниз и вижу – прямо к крыльцу сходятся несколько тропинок. Как будто этот дом уже здесь стоял, и к нему ходили люди.

Как раз в это время к нам подошёл один из самых старых жителей Варьёгана, Иосиф Александрович Сардаков, и говорит: «Это неслучайно. Это – знак, что дом попал на правильное место, где его будут посещать люди». Он потом и освящал этот дом во время открытия музея в 1988 году. Ритуальная формула, которую он при этом произносил, звучала примерно так: «Пусть этот светлый двор будет всегда посещаем».

Окно

Что такое хантыйский дом? В отличие от европейского дома, здесь нет потолка. Стены переходят прямо в крышу, а в крыше есть одно маленькое окно. Раньше – до начала XX века – это было единственное окно в доме. Через него проходила связь

с внешним миром. Это как бы пуповина, соединяющая дом с космосом.

Когда в доме совершается ритуал, хозяин стоит под этим окном и обращается к домашним богам – к тем, которые находятся за священной стеной дома в специальном амбарчике-лабазе, и к Богу, полученному от русского царя, который находится здесь же в форме иконы, – и в этот момент его мысли и чувства передаются через окно в крыше к началу, которое – он уверен – существует там, выше всех богов.

Вот он стоит, говорит свою речь, и вся семья его стоит позади него – дети, внуки, правнуки. В этот момент происходит передача традиции. Он прекрасно понимает, что если он будет просить у богов еды, эта еда ему тут же на голову не свалится. Поэтому он просит погоды, чтобы могли народиться зверь, птица и рыба, а уже добыть семье пропитание – это его дело.

Музей

Когда мы перевозили в музей постройки, я всегда старался привлекать тех, кому они принадлежали, или их родственников. Поэтому здесь всякая вещь имеет не просто прежнего владельца. У неё есть настоящий хозяин, который и дальше не теряет с ней связь. В этом отношении наш музей не похож на другие.

Долгое время я не хотел называть то, что мы создали, музеем. До 1990 года я работал без зарплаты, и у нас не было никакого бюджета. Мы просто делали то, что хотели. Делали для себя. Больше всего я боялся, что, если мы официально зарегистрируем музей, он станет казённым домом. Люди перестанут приходить сюда как к себе домой. И не будут отдавать нам на хранение свои вещи.

Я долго думал, как быть, и однажды услышал по радио передачу. Женщина – музейный работник из Петербурга –

задала сама себе вопрос, что такое музей. Я даже замер, прислушался, и вот она говорит: «Всё-таки, музей – это прежде всего место, где собираются музы». То есть человек приходит в музей, встречается там с музами, они его вдохновляют, и он уходит окрылённый. Я подумал: если это так, можно назвать то, что мы создали в Варьёгане, музеем.

Шёл 1990 год. Я тогда как раз уволился из Госпромхоза. Прихожу в отдел культуры и соглашаюсь зарегистрировать музей. Они обрадовались, назначили меня директором, положили зарплату, а потом говорят – присылай план работы.

Я отвечаю: «Постойте, если мы начнём сейчас писать планы и отчёты, это убьёт на корню всю затею. Давайте обойдёмся без этого и попробуем сохранить в Варьёгане живой музей».

Я думаю, это было возможно. Надо было только, чтобы каждый житель села чувствовал, что это его музей, чтобы верил, что его личные вещи, которые там хранятся, не будут осквернены. И если бы я продолжал этим заниматься, то я постарался бы взять экспонат буквально от каждого человека. В этом случае музей был бы небезразличен для всех.

Нефтяники

В начале 1995 года я сделал выставку в музее Нижневартовска. Я хотел, чтобы жители этого города, которые в основном занимаются добычей нефти и ходят по нашей земле, – чтобы они знали, кто мы такие, понимали, что такое наша культура, наша цивилизация, и правильно относились к нашей жизни.

Что было на выставке? Я поставил там чум, поставил лабаз Архипа Михайловича Сардакова. В этом лабазе – лестница последнего варьёганского шамана, который в своё время был уничтожен НКВД. Ещё я поставил фрагмент оленьего коралля, внутри которого были хозяйственные вещи – всё самое

необходимое, что нужно для жизни на стойбище, в том числе наши, собственные вещи, которыми мы пользуемся. Я и моя семья находились там всё время и разговаривали с посетителями. И если моя жена и дочь что-то шили, то они делали действительно необходимые вещи, которые нам будут нужны. Мы просто жили в музее. И в то же время мы демонстрировали посетителям, как мы обычно живём.

Музей

(продолжение)

Для меня музей и поэзия – очень близкие вещи. Правда, стихотворение, написанное на бумаге, с течением времени не меняется, сохраняет мысль, заложенную в него автором, – хотя в какие-то эпохи оно проявляется более ярко, чем в другие. А в музее поэзия может присутствовать, но через какое-то время вдруг смотришь, а её уже нет. Вроде бы ничего не изменилось, а поэзия исчезла. Я хотел сохранить эту поэзию как можно дольше, ибо, наверное, навсегда удержать её невозможно.

Я занимался музеем так, как считал нужным. Старался избегать рутины, поддерживать свободный, вольный дух этого места. Я не сидел там каждый день. Наоборот, я обратил внимание: если зимой месяц никого не было в музее – ложится снег, все тропинки задувает, место становится чистым-чистым.

И несколько раз я проводил экскурсии по такой целине. Я говорил: «Представьте себе, что мы случайно забрели на летнюю стоянку. Зимой хозяин здесь не живёт. Всё покрыто снегом, но каждая вещь находится на своём месте и как будто ждёт хозяина...». Это производит огромное впечатление. Поэтому иногда лучше – ничего не делать. И если вчера прошла экскурсия и в музее натоптано, вы сегодня никого туда

не водите – впечатление будет совсем не то. Надо подождать, пока метель заметёт все следы.

Но если музей работает под руководством отдела культуры, им нужно количество посетителей. Поэтому сегодня там расчищают от снега дорожки. И проводят плановые мероприятия. Я так ничего и не смог с этим поделать. И даже перестал туда сам ходить. Обидно, но я сам виноват, что согласился придать музею официальный статус. Надо было сохранить его независимость.

3.

РАССКАЗЫ О ВЕЩАХ

Инструмент

Обычный музей просто хранит вещи. Они лежат под стеклом, а люди приходят и смотрят на них. Такой музей позволил бы показать нашу культуру для других – для горожан или для чужеземцев. Но для нас самих нужен был совсем другой музей. Мы строили музей для себя, для своих детей, для внуков – чтобы они понимали душу каждой вещи, знали, как с ней обращаться, и умели сделать её, если надо.

В музее нет безымянных вещей. Вот, например, инструмент для заготовки мха. Его хозяин умер в 1953 году. Казалось бы, этот экспонат должен лежать под стеклом или под замком, чтобы он сохранился для науки. Но мы используем его по назначению. Когда мы ставили этот дом, мы заготавливали этим инструментом мох – чтобы закладывать его в пазы между брёвнами.

Если он будет лежать, он сохранится, но умение будет утеряно. Для нас важно, чтобы экспонат работал, чтобы люди не

забыли, как им пользоваться, чтобы из поколения в поколение передавался сам этот навык. А если инструмент придёт в ветхость, тот, кто умеет им пользоваться, будет вынужден сделать новый. Таким образом мы сохраняем ещё и способ создания вещей.

Упряжь

Мы собирали вещи, которые говорят о том или ином роде. У каждого рода – свой почерк, своя манера шить одежду, делать орудия, строить дома. Опытный человек может по виду бревна узнать, из какого рода тот, кто его обтёсывал. Раньше как было: встречаются на дороге два старика, беседуют, и один из них говорит: «Вон там, на твоём среднем олене, эта деталь упряжи изготовлена не тобой». А тот отвечает: «Конечно, она мне досталась от прадеда». И они начинают обсуждать особенности изготовления упряжи.

Возьмём оленю упряжь. Обычный человек ничего про неё не скажет – ну, упряжь и упряжь. А знаток скажет: это женская упряжь. И не просто женская, а девичья. Количество украшений, их длина, цвет, ширина боковой доски, изготовленной из лосиной кости – всё это говорит о многом. Вот эта костяшка показывает, для каких оленей предназначена упряжь. По её углу можно определить, какие олени в стаде. Если угол острый, значит в стаде в основном молодняк. А раз молодняк, значит, стадо большое. Значит, эти люди шустрые, хорошие охотники. Острый угол делается для непослушных, темпераментных оленей. На таких оленях можно быстро доехать до дальнего стойбища. Если угол тупой, стало быть, у них в семье много старых оленей. Олени ручные, но их мало. Значит, это семья ниже среднего достатка. Но зато каждый олень – очень послушный. Ручной олень лучше распределяет свои силы на

дальних расстояниях. Вот так, по одной маленькой косточке можно судить о количестве оленей в семье.

Лабаз

Есть на территории музея лабаз. Он принадлежал Григорию Васильевичу Казымкину, но был построен его отцом, Василием Казымкиным, и их родственником Иваном Казымкиным. Сейчас живы их внуки – они уже немолодые люди. В своё время их деды построили на святом месте этот домик для родовых богов. Так он стоял довольно долго, а затем надо было переосвящать святое место и строить новый лабаз. А этот лабаз мог, по обычаю, забрать себе любой член рода, чтобы использовать для хозяйственных нужд. У каждого члена рода может таким образом быть память от святого места.

И вот, когда Григорий Васильевич Казымкин женился, он взял себе этот лабаз, и в нём семья хранила одежду и продукты. А когда прокладывали бетонку от Радужного до Новоаганска, то она прошла прямо через их стойбище. По одну сторону дороги остался навес для нарт, по другую – этот лабаз. Остальное было разрушено. Они переехали жить в посёлок. Я тогда попросил этот лабаз, оставшийся бесхозным, и Григорий Васильевич разрешил мне его забрать и перевезти в музей.

Долгое время лабаз стоял пустым. А затем он снова стал выполнять свое предназначение. В посёлке живут две старые женщины, и у них есть вещи, которые должны уйти с ними в могилу. Это – самые удобные и любимые вещи, которые человек долго носил. Их у нас не выкидывают, а хранят, чтобы положить поближе человеку, когда он умрёт, а то, как говорят, покойный будет их искать. Были такие вещи и у этих двух женщин, и поскольку им было негде их хранить, я предложил сложить их в этот лабаз в музее. Так и сделали. Я только предупредил, что если кто-нибудь из этнографов

захочет посмотреть эти вещи, то я буду показывать. Они согласились.

И вот одна старушка уже умерла, и её вещи положили с ней в могилу. А вчера заезжал её внук и сказал, мол, что-то забыли, и, наверное, она будет это искать. Взял эту забытую вещь и отвёз на кладбище. Мне не жалко этой вещи как экспоната. Мне важно, что молодые люди, которые хоронили старушку, соблюли полностью весь обычай. А раз они соблюдали его, они его сохраняют и в будущем. Значит, экспонат всё-таки сыграл свою роль для сохранения культуры нашего народа.

Сак

Когда мы собираем вещи для музея, мы стараемся взять хоть что-нибудь от каждого рода, каждой семьи. Иногда мы берём новые вещи, изготовленные сегодня. Но таких не очень много, потому что в них нет души человека, который пользовался вещью, а есть только душа того, кто её сделал. Хочется, чтобы в каждом экспонате было как можно больше имён – тот, кто сделал вещь, тот, кто ею пользовался, тот, кому она была передана или досталась по наследству, кто сломал эту вещь, кто её отремонтировал и т.д.

Вот меховой сак из ненецкого рода Иуси. Его шила ещё бабушка, которая умерла в пятидесятые годы. Этот сак принесли мне на хранение и сказали: мы тебе доверяем, знаем, что будешь обращаться с ним с уважением. Может быть, кто-то из посетителей или какой-нибудь этнограф захочет посмотреть, как он сделан. Или надо будет ехать с кем-то на снегоходе на стойбище, и там будет ребёнок, который захочет его надеть.

Мы готовы дать маленькому посетителю этот сак – пусть ребёнок прислушается к собственной душе, одетой в этот

наряд, и почувствует себя девочкой данной культуры, данного народа, данной семьи. Это важная информация для души.

Старики

Наш музей – не только для молодёжи, для детей, для внуков. Это ещё и поддержка для стариков. Как себя ощущает старик? Вокруг – другое поколение, на подступе – третье. У разных возрастов – разные интересы. И часто старик становится в своей семье чужим человеком, начинает чувствовать своё одиночество. Любая вещь, напоминающая о людях, которые когда-то его окружали – будь то ровесники или родители, – любая такая вещь ему в радость. Для него она – как живая. И ему зачастую легче общаться с ней, чем с живыми сегодняшними людьми.

Однажды, когда я ещё только начинал строить музей, шли мимо два старика – мужчина и женщина – очень старые, очень дряхлые. Увидели, что я в музее, подошли и говорят: мы слышали, что ты старинные вещи собираешь – можно посмотреть? Поставили возле двери свои посохи, вошли, я растопил чужал, и мы долго беседовали. Я вижу, у них глаза загорелись, ибо мы говорили о тех временах, когда они были молоды. Я задавал им вопросы, показывал вещи, причём не говорил, откуда они, а они сами мне говорили: вон та вещь из такой-то семьи. По почерку, по деталям он узнавал инструменты, а женщина узнавала, кем сшиты те или иные вещи, называла мастериц, которые уже давно умерли. И они настолько оживились, что, когда они уже ушли, а я вышел на крыльцо, смотрю, остался один посох. Я понял, что старик почувствовал себя помолодевшим и позабыл о своей немощи.

СТОЙБИЩЕ

Олень

В 1992 году я купил своих первых оленей и уехал жить на стойбище. Я теперь часто задаю себе вопрос, почему я это сделал. Мне кажется, главная причина – это олень, который жил у меня в душе с самого детства. И в конце концов он меня к себе привёл. Я теперь даже думаю, что олень – это не просто мой стержень, это – стержень всего Севера. Олень для человека – не только мясо, одежда, обувь, транспорт. Это ещё и его внутренний мир, его опора, его душа.

Олень также – воспитатель детей. Он больше доверяет детям, чем взрослым людям. Я его иногда ловлю, обучаю, объезжаю. Иногда я забиваю его товарища, и олень это знает. Поэтому я для него – не только хозяин, но и источник всяческих оленьих бед. А ребёнок безобиден. И он может общаться с оленем – как и олень с ребёнком – на уровне интуиции. Во время такого общения олень говорит ребёнку – как ему жить, каким быть. Под влиянием оленя у ребёнка вырабатываются определённые черты характера, навыки, походка, взгляд. Ребёнок как более свободное и непринуждённое существо перенимает у оленя очень важные вещи.

Онова музей

Я называю своё стойбище «Стойбище-на-Тюйтяхе» – это как Ростов-на-Дону или Франкфурт-на-Майне. Я давно знаю это место – когда-то я здесь охотился. Когда я купил своих первых оленей, я прикинул, что если устрою здесь стойбище,

то не буду мешать другим оленеводам. В оленеводстве это главный закон – не мешать соседям.

Если ты держишь оленей, они занимают твою жизнь целиком. Ни на что другое времени почти не остаётся. И всё-таки меня до сих пор не оставляет идея живого музея, родившаяся в Варьёгане. Я думаю о том, как сделать своё стойбище музеем – чтобы оно при этом не переставало быть нормальным стойбищем, где живёт моя семья. У него могут быть филиалы – стойбища моих соседей. Это, с одной стороны, очень традиционное ненецкое стойбище семьи Иуси, а с другой – хантыйское, где живёт Дмитрий Рускин.

Может быть и ещё один филиал – семья коренного жителя, который раньше держал оленей, но теперь живёт в городе. У городской семьи, когда-то жившей на стойбище, – совершенно особый мир, своя психология, философия, своя ностальгия. Представьте себе хотя бы взгляд человека, глядящего на рога оленя, которые висят у него на стене – последнего оленя из той, прошлой жизни.

Гости

Кто может быть посетителем или – мне больше нравится это слово – гостем такого музея? Во-первых, люди, связанные с наукой или культурой. Они могут общаться сами, задавать интересующие их вопросы, а я бы выступал в этом случае просто как проводник. Во-вторых, это могут быть люди менее сведущие – инженеры, коммерсанты, узкие специалисты, которым тем не менее захотелось понять, почувствовать эту культуру. В этом случае я могу выступать в более активной роли – задавать наводящие вопросы, чтобы возникала определённая картина.

Наверное, такой музей могли бы посещать также законодатели, которые разрабатывают законы для округа; учителя, которые работают с детьми коренных народов; нефтяники, работ-

ники культуры, представители администрации – где ещё все они смогут почувствовать особенности стойбищной жизни?

Сегодня, не покривив душой, я могу сказать, что такой музей существует. Его уже посещали – и зимой, и летом – люди разных национальностей и профессий – этнографы, фотографы, художники. Несколько дней жил у меня на стойбище заместитель директора американского предприятия Fibro Energy, которое сейчас работает вместе с нашей фирмой «Варьёганнефтегаз». Ещё был просто рядовой нефтяник-вахтовик, с которым мы случайно познакомились на скважине. Около месяца жили трое студентов из Нижневартовска. Часто бывает директор Мегионского музея. Целый год прожила аспирантка-этнограф из Москвы, которая одновременно была учительницей моих детей и внуков.

Приезжают детдомовцы из Новооганска. У них в моём стаде есть свой олень. Я считаю, что когда у тебя есть свой олень, ты лучше связан с миром стойбища. Даже если ты уехал, ты чувствуешь, что там осталась часть твоего «я». Ещё один олень принадлежит студентам Берлинского университета – Штефану Дудеку и его друзьям. Они купили белого оленя, попросили меня его пасти и сказали, что хотят однажды приехать и принести в жертву нашим богам.

Олень президента

У меня в стаде есть олень Президента России. В марте 1996 года, во время ритуального жертвоприношения на большом святом месте в Нумто я и моя жена, в присутствии большого числа людей, посвятили специально купленного оленя российскому президенту. Теперь это – собственный олень президента. Это не значит, что олень принадлежит лично Борису Николаевичу Ельцину. Если президент сменится, олень станет собственностью его преемника. Хотя, пока президент

у власти, он может распоряжаться этим оленем – может его забить, забрать из моего стада, передать другому пастуху. Или может пасти его сам.

Я не требую платы за то, что пасу президентского оленя. Но пока этот олень находится в моём стаде, он живёт согласно обычаям нашего рода. Прежде всего, у этого оленя есть шанс жить вечно. В стаде всегда идёт отбор, и может оказаться, что сегодня этого оленя нужно забить. Однако если президентский олень попадёт под отбор, я должен, по обычаю, заменить его другим оленем. Далее, если этот олень даёт потомство, то оно тоже принадлежит президенту. Мы посвятили президенту олениху, важенку, а нынче весной у неё родился оленёнок, мальчик. Так что сейчас в нашем стаде у президента уже два оленя. На потомство распространяются те же правила, что и на первого оленя, – хозяин может этих оленей забрать, и я должен их возместить, если они попадут под отбор.

Я объезжаю, приручаю президентского оленя, езжу на нём. Польза от этого – не только мне самому. От этого есть польза и оленю, и президенту. Его олень становится более ручным, а это значит, что он будет ближе держаться к стаду и к жилищу, и меньше вероятность, что он погибнет. Олень – хрупкое существо. Он может заболеть, погибнуть или исчезнуть. Если это произошло не по моей вине, я не возмещаю ущерба. И я не возмещаю ущерба, если оленя убил браконьер или задрала собака, прибежавшая с месторождения. И наконец, если моё пастбище попадает под месторождение, и я не могу дальше пасти своё стадо, то я забиваю всех оленей – своих и президентских. И в этом случае вина лежит не на мне. Скорее, это вина самого президента, который имеет возможность – и должен – создавать в своей стране благоприятные условия жизни – для разных людей и для своих оленей.

ДОРОГАМИ ПРЕДКОВ

Почтовый проект

Летом 1996 года я задумал – как всегда, для себя и для близких людей – путешествие по реке Аган, по старому почтовому пути. Раньше зимой почту возили на нартах, а летом на обласах, по реке. Был один почтальон в Варьёгане и один в посёлке Аган. Между ними три дня пути. Вот они плывут навстречу друг другу – один по течению, другой – против течения, и встречаются где-то на полпути. И, встретившись, решают: либо они передают друг другу почту и возвращаются по домам, либо каждый из них едет дальше – погостить в другой деревне.

Я ещё застал это время. В 1959 году я учился в интернате в Агане, и мать часто посылала мне с почтальоном письмо или посылочку. Я выходил на пристань и ждал, когда из-за поворота реки покажется почтальон. Однажды весной – уже прилетели лебеди – почтальон привёз мне из дома гостинец – варёное лебединое яйцо.

Экспедиция

И вот я стал обходить своих друзей и у каждого спрашивал: «Не хочешь проехать на обласах по Агану, посмотреть, что со старыми стоянками, вспомнить названия протоков, стариц, песков, яров? Будем ночевать на брошенных стойбищах, пить чай. В общем, вспомним, каким был Аган, и посмотрим, каким он стал сейчас». И многие сказали: «Конечно, хочу».

А в нашей экспедиции мы везли почту – около двенадцати писем, несколько бандеролей, две из них были адресованы на стойбища, остальные – в Аган. Для сравнения мы опустили

одно письмо в почтовый ящик. И хотя его доставляли всеми современными средствами – вертолётами, автомобилями и так далее, – оно всё равно пришло позднее.

Но нашей целью была, конечно, не только доставка почты. Мы хотели почувствовать реку – как она изменилась за те годы, что мы здесь живём. Ещё у нас была задача – нанести на карту традиционные названия и археологические памятники. По результатам экспедиции мы сейчас готовим альбом – с фотографиями, картами и с текстами на нескольких языках.

Культура

Я пришёл в районный отдел культуры просить денег на «Почтовый проект» – нужно было закупить продукты, организовать сопровождение на моторках и т.д. Однако для них культура – это только культурно-просветительные мероприятия. Для меня же культура – это и земля, и оленеводство, и охота, и рыбалка, и шитьё, и то, как тот или иной народ сопротивляется нашествию иной цивилизации, и деньги, и кусок мяса, и дорога – со всеми её удобствами и неудобствами.

Поэтому когда заведующий отделом культуры мне говорит, мол, денег нет и вообще я тут в администрации человек маленький, я ему отвечаю: «Хочешь быть маленьким – пожалуйста, но вообще-то начальству, наверное, можно объяснить, что культура – это вещь значительная. И на неё должны выделяться значительные суммы. Культура не может существовать без рыбалки, без охоты, без способов установки чума, без форм выкройки одежды, без приёмов приручения оленя. Это всё – вопросы культуры. И если вы здесь этого не поймёте и не сумеете объяснить своему начальству, стало быть, вы будете получать маленькую зарплату, никто с вами не будет считаться, и мне вас не жалко. Мне с вами не по пути».

Шаман

Что такое шаман? Я не знаю. То, о чём говорят учёные, меня не устраивает. Мне кажется, там что-то недосказано, или, наоборот, приукрашено. Иногда кажется, что это вовсе не о том.

Я видел последнего шамана, помню его лицо, походку, взгляд. Мне тогда было пять-шесть лет. У нас в музее есть несколько настоящих шаманских вещей. И вот, когда стоишь перед ними, в голову приходят разные мысли...

Самое трудное для человека – быть честным перед самим собой. Можно якобы откровенно говорить с соседом, якобы откровенно обращаться к правительству, якобы откровенно любить женщину, но обмануть самого себя невозможно. Если ты где-то сфальшивил, ты это знаешь. Но если ты будешь полностью откровенен с самим собой, то это и будет возрождением самой главной черты, существовавшей когда-то в шаманизме.

На священном месте

Когда я в последний раз был на священном месте, я подумал, что, кроме самого ритуала, есть и ещё один смысл в посещении таких мест. Это возможность почувствовать себя в данном обществе, в данном пространстве людей. Собирается вся семья, или весь род, и видно, в чём наша общность, и сколько нас осталось. И какие с прошлого раза произошли изменения. Тогда волей-неволей думаешь о своей жизни и о завтрашнем дне.

Я думаю, что если бы я не побывал в институте, я бы сейчас не жил на стойбище. Или жизнь на стойбище мне была бы не в радость, а в тягость. Может быть, и повело бы меня туда. Я бы всё попробовал, нигде бы ничего не получилось,

я вернулся бы к стойбищу, но ценности этой жизни так бы и не понял. Ходил бы вместе со всеми на святое место, и – под влиянием спиртного – либо смеялся, либо плакал. Но уж задумываться, вникать в смысл святого места, в смысл жизни, в смысл оленеводства – мне было бы ни к чему.

Золотая Баба

Есть известная легенда о Золотой Бабе. Как будто где-то в наших местах спрятано огромное золотое изваяние. И уже несколько веков все его ищут. Я думаю, что его никогда не найдут. Потому что золотая женщина всегда существовала только в сознании человека. Все ищут какой-то предмет, а как можно найти предмет, который находится в сознании, рисуется воображению? Такая форма хранения Бога – которого нельзя потрогать, нельзя осквернить, нельзя плюнуть ему в лицо, – является самой надёжной. Я всегда старался сохранить вещи, которые находятся в душе, в сознании нашего народа.

Мы не исчезнем с лица земли

Раньше я считал, что традиционная культура обречена, и что индустриальная цивилизация рано или поздно возьмёт верх. Теперь я так не думаю. Я уверен, что культура коренных жителей не исчезнет. Другое дело – она будет изменяться. Но она также повлияет на ту цивилизацию, которая сюда пришла, внесёт в неё свои коррективы. Потому что в этом регионе есть свои специфические условия, и они диктуют свои законы. Сюда нельзя просто прийти с европейскими законами. Они здесь не приживутся.

Если, к примеру, ты не начинаешь щадить ягель, то только от одних пожаров тебе здесь нечем будет дышать. Хочет этого

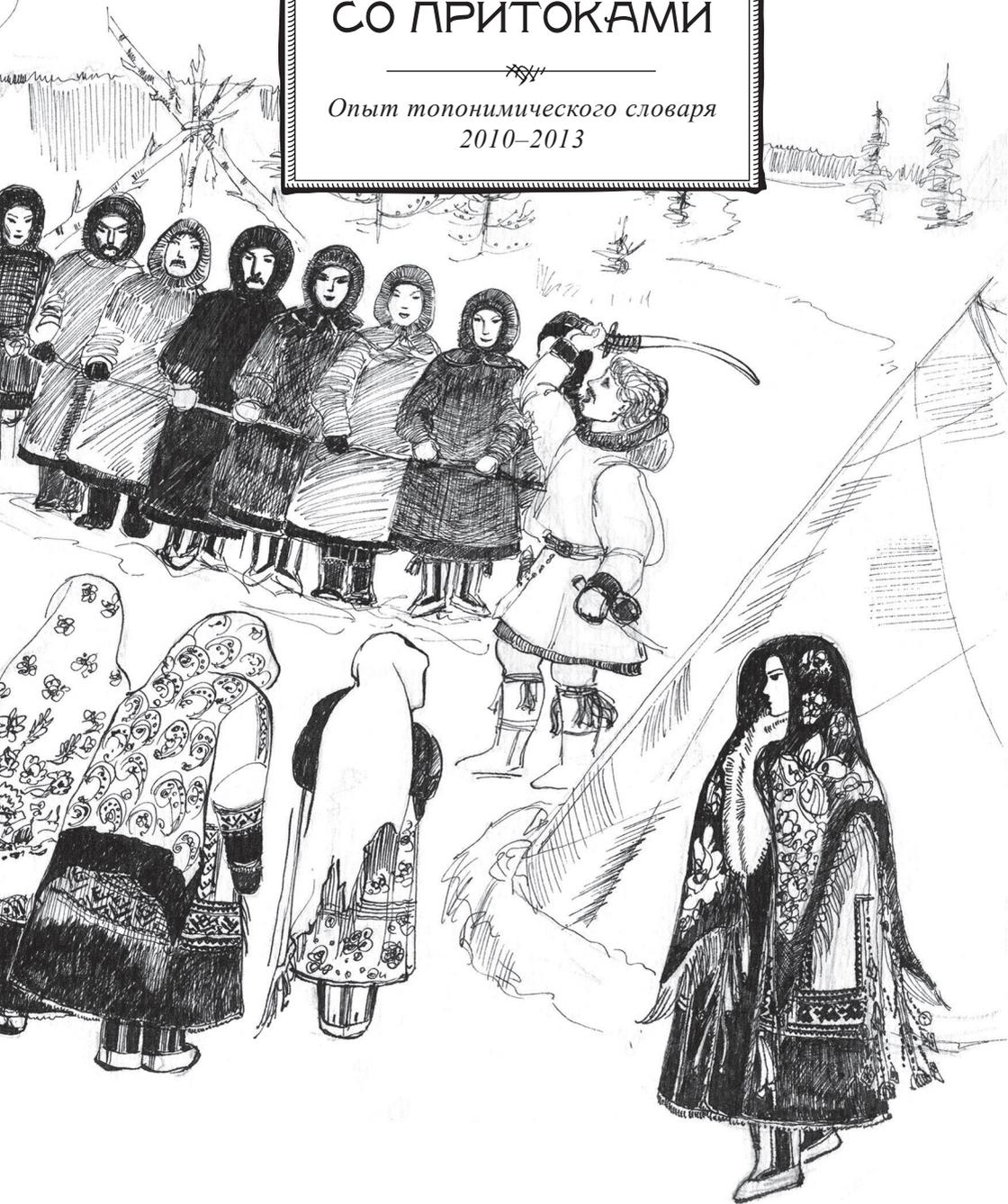
или не хочет цивилизация пришельцев, но ей придётся перенимать многие вещи у народов, ранее населявших эту землю. Этнографы говорят, что ханты и ненцы тоже здесь раньше не жили, что они откуда-то сюда пришли. Когда они жили в другом месте, то у них наверняка были и другие обычаи. Но, придя сюда, они должны были принять законы этого края. Иначе им здесь было просто не выжить. То же самое произойдёт – и уже происходит – с новой цивилизацией. Она должна будет принять эти законы, опираясь на опыт коренных жителей, которые однажды уже прошли этот путь.

И если вчера я ещё лез по этому поводу в драку, занимался политикой, пытался отстаивать свою точку зрения и интересы моих родственников, то теперь я уже успокоился. Или просто стал старше и мудрее. Недавно я проехал по Сургутскому району, по Казыму, был на Ямале и понял: мы не исчезнем с лица земли. Олень сохранится. Конечно, у него будет меньше пространства, но он приспособится к новым условиям. Думаю, что и чум не умрёт. Может быть, его будут делать из других материалов. А может, помыкаются-помыкаются – и вернутся обратно к оленьей шкуре.

РЕКА АГАН СО ПРИТОКАМИ

Опыт топонимического словаря
2010–2013

С. Луцкий

ЗАГЛЯНУТЬ В ГЛУБЬ ВРЕМЁН

Юрий Вэлла проделал большую исследовательскую работу. В книге «Река Аган со притоками» он изложил не только знания о топонимике родных ему мест, полученные из фольклора и личного опыта, но и включил свидетельства таких авторитетных исследователей Югры, как А. А. Дунин-Горкавич и Р. П. Митусова.

Подобный приём разнообразит стилистику «Реки Аган...», делает книгу дополнительно привлекательной для краеведов. Но это не всё. Отрывки из работ признанных исследователей позволяют заглянуть в глубь времён и выйти за пределы сугубо топонимических интересов.

Обращает внимание ещё одна особенность книги «Река Аган со притоками». Параллельно с текстом на русском языке в ней присутствуют тексты на ненецком и хантыйском языках. Думается, это серьёзное подспорье для специалистов, которые решат заняться собственными изысканиями, выдвинуть свои версии происхождения тех или иных топонимов. Не говорю уже о том, что тексты на языках коренных обитателей бассейна Агана служат для сохранения их культуры и её основы – языка, в том числе письменного.

Как литератор, не могу не сказать ещё об одном достоинстве этого труда Юрия Вэллы. То, что она написана литера-

турно одарённым человеком, делает «Реку Аган...», как говорится, читабельной и интересной не только для специалистов. Язык – живой, непринуждённый, зачастую образный. Сведения, таким языком изложенные, легко входят в память. По своей стилистике произведение – развёрнутое эссе с вкраплением точных деталей, поэтических преданий и легенд ханты и лесных ненцев. Чувствуется уважительное внимание автора к ранее жившим и ныне живущим на берегах Агана людям, их быту и образу жизни.

Эта книга – заметный вклад не только в науку, но и в культуру нашей малой родины.

*С*огласно обычаю ненцев и ханты – коренных жителей реки Аган – река начинается от устья и продвигается к верховью. Так, согласно легенде, реку открывала для себя и осваивала ненецкая Нахаң-Пелюмя'ча (Аган-Девственница) или хантыйская Сопырки-Вантшип Лолтшаң Ахын-Ими (Лягушколикая Аган-женищина), так я реку и буду пересказывать для Тебя, мой читатель.

Сначала мы проедем на обласе от устья до верховья вдоль русла реки, а потом я расскажу о притоках. И отправлюсь вокруг реки Аган – по солнцу, то есть по направлению часовой стрелки. Потом очень кратко поведаю о населённых пунктах и намекну о некоторых святилищах и аномальных местах.

Только не ищите здесь привычного алфавитного порядка, я буду стараться ходить вдоль реки вверх по течению и по солнцу, по солнцу. Если кому-то это доставит неудобства, прошу меня заранее простить, но я не хотел бы нарушать обычая моей реки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТОПОНИМИКА ВДОЛЬ РУСЛА РЕКИ АГАН

АГАН – река. Самый крупный приток Тромьёгана. Вдоль русла реки в основном жили ханты. Лесные ненцы населяли северные (правые) притоки.

Вот что писал в самом начале XX века исследователь Сибири А. А. Дунин-Горкавич:

«...Бассейнъ реки Агана я обследовалъ въ февралѣ 1900 года, пройдя до послѣдняго населеннаго пункта въ верховьяхъ этой рѣки. Обследование же самыхъ верховьевъ я произвелъ въ ноябрѣ того же года, пройдя на Вахъ. Всего въ обоихъ случаяхъ мною было сдѣлано 470 верстъ (370 + 100).

Вершина Агана вытекаетъ изъ озера; устье его, какъ сказано ранѣе, на Тромь-юганѣ. Протяженіе его – 250 верстъ, ширина – 120 саж. Берега Агана – высокіе, фарватеръ чистый, такъ что по этой рѣкѣ возможно движеніе пароходовъ. Аганъ имѣетъ до 15 притоковъ; почти всѣ они съ правой стороны...

По р. Агану въ 26 населенныхъ пунктахъ проживаетъ 41 хозяинъ; размѣщены они въ 29 юртахъ, имѣютъ 428 оленей, 57 собакъ, 40 неводовъ и 45 сѣтей...

При устьѣ Агана, съ лѣвой стороны расположенъ неводной песок «Неулисей»; верхний его конецъ – на Аганѣ, а нижній – на Тромь-Юганѣ. Это лучший песокъ по Агану и Тромь-Югану...».

НАХАН – Аган-Девственница во времена, когда ещё в девичестве у родителей Обь-Отца и Обь-Матери жила, свой лук со стрелами и свои лыжи имела и каждый день ходила на охоту. Тям-Неша – отец её – наставления давал: «Можешь везде

охотиться, но за чум наш в сторону священной стены Щиң никогда не ходи».

Долго исполняла наставления своего отца, всё вокруг исходила, но однажды задумалась: «Это что там Обь-Отец – отец мой от меня прячет в стороне Щиң? Может, пока мои родители дрова заготавливают, сбегая? Долго ли мне оббежать сторону Щиң чума родителей моих?».

Под подушкой в изголовье у отца пошарилась и нашла лук, с которым он в молодости ходил: «Вот куда Обь-Отец – отец мой свой лук Семимужскихсильный спрятал». Вышла из чума, натянула лук и на семь рек вокруг звери застонали – угрозу почувствовали. Встала на свои лыжи и отправилась по льду вдоль ей ещё неведомой реки в сторону Щиң.

Слева, на тундровой стороне, устье реки увидела и на самом мысу одинокую лиственницу: «Пусть эта река *Лиственничной* (Кату'та) называется, а по-хантыйски – Наңк явун». Дальше отправилась.

На устье следующей реки из живуна хвостом плеснул мохтик (елец), она подумала: «Пусть эта река *Мохтиковой* (Тету тяха) называется, а ханты пусть зовут Мавут явун или Мавтых Явун». На узком выходе старицы с тундровой стороны под семью берёзами у костра увидела она семь кәхе (луңк – божество) отдыхающих и решила: «Пусть эта старица называется *Старица семи божеств*».

Вдруг за несколько поворотов впереди она услышала отчаянные крики – призывы о помощи. Оказывается, ещё летом забрёл в реку одинокий осётр, на мелком плёсе сел на мель и до сих пор сидит, никто его не освободил. Сняла она его, бедолагу, с мели, пустила на глубину вниз по реке и посоветовала: «Чтоб больше никто из осетров в эту реку не поднимался, а плёс этот пусть люди так теперь и называют – *Плёс, где зывал о помощи одинокий осётр*».

На устье широкой реки играющих семь хантыйских детей-мальчиков встретила, они в метании тынзянов соревновались на

окраине стойбища, спросила их: «Как ваша река называется?». Они перемигнулись и пошутили, на ломаном ненецком ответили: «Тяпта тяха – *Тонкая река* называется». – «Ну, если вы хотите, чтоб широкая река называлась тонкой, пусть так оно и будет. А стойбище ваше пусть люди называют *Стойбище-семи-мужичков*, хотя одна из вас девочка». Посмотрели на себя мальчики и тут только заметили, что действительно, одна из них, Кыңлю – Айпина Анна Петровна, оказалась девочкой с мальчуковыми повадками.

Дальше отправилась Аган-Девственница. Опять слева, на тундровой стороне, увидела высокий песчаный яр, похожий на оленью печень. Вслух воскликнула: «Этот красивый яр, *Подобный печени*, – пусть так и называется!».

Взбежала на самую вершину яра, *Подобного печени*, скатилась по тёплому скользкому снегу обратно на реку, направив лыжи вдоль русла. Ещё несколько длинных, размашистых, враскат шагов сделала и встретила Мужчину, который наперерез ей из устья ручья, с правой, с таёжной стороны, на лёд скатился.

– Я, Петаља-Вя'ку – *Мужчина-Таёжной-Стороны*, кто бы ты ни была, что ты ищешь на моих угодьях?

– Я, дочь Обь-Отца и Обь-Матери, что я здесь ишу... Я пришла изведать сторону Щиң чума моих родителей, куда они мне пока не разрешали ходить. А ты, похоже, потягаться со мной хочешь, силу свою на мне опробовать? Так давай, на устье этого красивого ручья поборемся, кто кого?

И схватились они. Семь дней они боролись. Устал *Мужчина-Таёжной-Стороны*. Вот уже и сдавать начал. И решил пойти на хитрость – подножку подставить. Уж очень сильно обидно оказаться под женщиной! И наступил Петаља-Вя'ку на лыжу Аган-Девственницы! Споткнулась она!..

Победить-то победил *Мужчина-Таёжной-Стороны*, но, понимая свою несправедливость, предложил:

– Давай здесь на противоположных берегах жить будем, хозяйничать вместе, жители реки от устья до верховья, и по

притокам живущие, сюда для жертвоприношений приезжать будут, а главной реке твоё имя дадим...

Здесь она обрела несколько имён:

«Сопарки-вантшип лолтшау Ахын-Ими»;

«Кав сопарки... вах сопарки-корау Най-Аңки»;

«Кав сопарки лолтшау Аңки,

Вах сопарки лолтшау Аңки».

Есть среди моих родственников версия, что от *подножки* название реки пошло. Сравни: *футбол* лесные ненцы называют *уаханы мячи'к*, а реку – *Уахау*. Но, может, это вовсе и не так... Кстати, у нас в округе есть фамилия ненецкая Логаны, ненецкое произношение *Уаханы*, бытует версия, что Логаны когда-то выходцы с Агана.

АХЫН – (Оухэн). Хантыйский вариант легенды я знаю неуверенно. Сегодняшние информанты рассказывают по-разному. Эту информацию ты, мой читатель, и сам можешь услышать, проехав по Агану. Я перескажу то, что запомнил из интернатских воспоминаний.

«Ахын-Ими (Аган-Женщина) жила вместе с Младшим-Сыном-Торума (Торум-Ики-Ай-Пах), от Ас-Ики (Старца-Оби) вместе рука об руку дружно шли до самой развилки. И тут заспорили:

– Давай вместе по левой реке пойдём, она, вроде бы, прямоком к Озеру Торума-Отца (Нум То, Торум Лор) направляется – попросил Младший-Сын-Торума. Я (автор) напоминаю, что направление реки у нас определяется от устья к вершине, а не туда, куда течение идёт.

– Во-первых, до озера своего отца ты не дойдёшь, заплутаешь среди тундр и урманов. А я хочу вот эту правую реку, которая в сторону рассвета смотрит, изведать.

Не отпускает её руку Младший-Сын-Торума:

– Пойдём вместе, веселей будет. Детей вместе будем растить-воспитывать.

– Скучно вдвоём одну реку изведывать. А ты не беспокойся, дойдя до верховий рек, мы можем самые вершины ручьёв повернуть друг к другу, и опять вместе будем.

– Если ты сейчас мне не подчинишься, если ты сейчас в самостоятельный путь отправишься, мы больше никогда не встретимся.

– Тогда по-соседски будем жить и друг другу весточки – притоки-реки слать.

– Не будет по-твоему! – вскричал Младший-Сын-Торума и вцепился в подругу. Тут они начали бороться. Всё вокруг истоптали. Там, где их пятки упирались, образовались озёра. Здесь сейчас вокруг развилки рек Агана и Тромъёгана много озёрок, и у них одно общее название От-Пяток-Озёр-Вереница (связка, пучок, кучка, свалка) – по-хантыйски Кур Савуньч Лор Карат (название приблизительное, уточнить).

СУХМЭТ ЯВУН – (нёрым палык). Сухмэтаң явныли.

Перевод: (тундровая сторона) маленькая берёзовая речушка (ручей).

КОСАМЫ ТЯХА – *дословно:* река, имеющая берёзы.

ЛОНТ ЙИЃК – (вонт палык). Явун мылыңлај сортыңэт. Васых, лонт тыхлең явун.

Перевод: (таёжная сторона) – река щучьей заводи. Река является гнездовьем для уток и гусей.

ТАЙЛАКОВСКАЯ РЕЧКА (таёжная сторона) – на этой речке жил в 40–50-х годах XX века Тайлаков Фёдор (отец моей жены). Сюда он переселился из Юганской Оби вместе с семьёй.

ЛИСМАНОВСКИЙ ПЕСОК (тундровая сторона) – здесь в послевоенные годы рыбачили рыбаки Аганского рыбоучастка из рыбартели им. Первого Мая. Название песка, вероятно, фамилия бригадира.

Я (автор) весной 1967 г. работал на мотолодке с Айваседой Алексеем Вальчевичем (Аатан). И когда мы возвращались из Сургута, здесь было стойбище Покачева Егора Галактионовича, мы заночевали у него.

СТАХАНОВСКИЙ ПЕСОК (тундровая сторона) – в послевоенные годы на этом песке рыбачили варьёганские рыбаки из рыбартели им. С. М. Кирова. Летом 1949 г. мои (автора) родители были в составе варьёганской бригады, и меня, в возрасте чуть больше года, взяли с собой. Здесь Айваседа Мачили – рыбак Аганского рыбоучастка с соседнего Лисмановского песка – изготовил для меня из берёзы деревянную чашку с ложкой. Ложку я в детстве утратил, а чашка та сейчас находится в Варьёганском этнографическом музее.

Родина Айваседы Мачили – Нарма на Наньёгане (Наңк явун).

МОЧКАН ЁГАН – Мотшхэн явун?

Здесь что-то было покалечено? (Или кто-то?)

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Мочхонь-егана находится съ лѣвой стороны Агана, выше устья послѣдняго на 23 версты (17 песковъ). Рѣчка эта незначительна, протяженіе ея 15 версть. Берега ея покрыты лѣсомъ-кедровникомъ съ ельникомъ-островами. Водится здѣсь исключительно щука, которую промышляютъ мордами зимою».

МОТШХАН ЯВУН – гостевая («проездом») речка?

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь были: «Левкины юрты», «Мочаном-пугол», Покачевы. 2 юрты, кр. тѣсом, 1 окно, стол, стул, 1 лабаз. Всего население 8 человек с детьми».

ЖАРЕНЬИЙ КОМАРИК (таёжная сторона) – в первой половине 70-х годов XX века через реку Аган строился железнодорожный мост. Посёлок строителей располагался у моста

на левом берегу. На окраине посёлка под высокими кедррами была рабочая столовая с необычным названием «Харчевня ЖАРЕНЬИ КОМАРИК». Коренные жители так и стали называть посёлок строителей.

Сегодня посёлка строителей нет, а название на местности осталось.

ЛАСЬЁГАН – река выше по течению Жареного Комарика. Название от хантыйского Ласьявун. В конце 70-х – начале 80-х годов Покачев Николай Ефимович с Галиной Котевной здесь жил и здесь же и похоронен. От них осталась совместная дочь Покачева Варвара Николаевна, и живёт она сейчас в городе Покачи.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Лась-ёгана находится съ лѣвой стороны Агана, выше р. Мочхонь-егана на 2 версты (2 песка). Ширина Лась-ёгана равняется 5 саж., а протяженіе – 15 верстамъ. Берега рѣчки окаймлены гривами кедра и отчасти сосны; кедръ плодородный, годами въ немъ чистять орѣхъ. Здѣсь попадаетса щука, которую лѣтомъ неводятъ по ямамъ».

АЛЁШКИН УРИЙ – (таёжная сторона). Ас-ко Алексей – первый муж Евдокии Архиповны (Авыли Аңки): – «Все мои три мужа были шаманами».

ЯВУРЬЯВУН (ЯВУРЬЯХ) –

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Егарь-ёгана находится съ лѣвой стороны Агана, выше р. Лась-ёгана на 10 версть и ниже лѣтних юртъ на 1 версту (1 песокъ). Ширина ея – 4 саж., протяженіе – 15 версть. По лѣвую сторону отъ рѣчки идутъ кедровые острова, а по правую – сосновые бора... Изъ рыбъ въ рѣчкѣ водится окунь и небольшое количество щуки».

ТЫРЛИНСКАЯ РЕЧКА (таёжная сторона) – ещё одно название Тырлинка Большая (см. Явурьях и Рыбоучастковый Урий).

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Яур-яун-пугол – Семенко, юрты Тырлины. 2 юрты, сени, одна крыта тёмсом, по 2 окна, 4 лабаза. Всего население 18 человек с детьми».

КОЛМАҢ УРИ – название старицы связано с религиозными ритуалами. Сейчас здесь стойбище Айпина Афанасия Антоновича (Зять Тырлинский).

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье курьи Кольмань-урей находится съ лѣвой стороны Агана, выше лѣтнихъ юрты Сидоркиныхъ на одну версту».

ШАМАНСКИЙ ПЕСОК – в советское время в старице напротив этого песка местные жители низовой Агана справляли жертвоприношения местным богам тайком от властей. Слухи об этом просачивались. Люди говорили: «Там собираются подпольщики-шаманы». Даже были слухи о том, что якобы ханты здесь собирались по ночам, чтоб шаманить против советской власти. Конечно, это – совершеннейшая чушь.

Так, люди стали называть и старицу, и песок рыбачий напротив – Шаманскими.

Хантыйское название – Йимыҕ Ури Сый.

КАРАМСАҢ ЛЈОР КАРАТ – продолжение Епаркинской речки (рыбоучастковое рыбопромысловое название Карым-Сан). Сюда забрасывали на промысел бригаду рыбаков. Рыбу в 1960–1970-х гг. вывозили даже самолётами.

ЕПАРКИНСКИЙ ПЕСОК (тундровая сторона) – песок был расчищен во времена Гослова, и на нём неводом братья Епаркины Василий и Антон выполняли государственный план. Здесь каждое лето стоял плашкоут Аганского рыбоучастка и принимал для Сургутского рыбокомбината рыбу.

Я (автор), работая приёмщиком на плашкоуте, тоже стоял здесь летом 1973 г. Так же ко мне в первой половине лета возили

рыбу с соседнего Шаманского песка. Здесь, на стойбище, мы с женой и дочерью Тайной жили в избушке Епаркина Антона. Здесь, на этом стойбище, мы впервые стряпали пирог из потрохов щуки. До сих пор помню тот вкус. Нам было по 25 лет...

В середине лета, в разгар варовой путины, и на вторую половину лета на Шаманский песок был поставлен отдельный плашкоут.

В советское время здесь жили:

• Сортың-Ури-Ими;

её сыновья:

• Епаркин Василий Еремеевич (Пойтэк – Куропатка),

• Епаркин Антон Еремеевич,

• Епаркин Спиридон Еремеевич,

• Епаркин Никита Еремеевич – его задрал чернолицый;

его внуки:

• Епаркин Яков – приёмный сын Василия,

• Епаркин Анатолий Васильевич,

• Покачев Антон Николаевич – приёмный сын Антона,

• Епаркин Дмитрий Спиридонович.

Покачев Антон Николаевич, после того как стал самостоятельным, жил вблизи Луңк Ури Пухул – стойбища его отца.

НАДЫМСКИЙ ЯР (Сортың ури рӓп) – надымским стали называть после того, как здесь стоял строительный участок трубокладчиков нефтегазопровода на Надым.

СОРТЫҢ УРИ –

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье курьи Сартамы-урей лежитъ съ правой стороны Агана, противъ зимнихъ юрты; на 1 версту выше курьи расположены лѣтнія юрты Епаркины 2».

СОРТЫҢ УРИ ПУХУЛ –

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Сарт-урей-пугол», Еремея Покачеева юрты. 1 юрта, нарт нет, 1 окно,

2 лабаза. Весной во время разлива жил в лабазе. Всего жителей 5 человек с детьми».

ВАЧ УРИЙ (тундровая сторона) – с хантыйского названия Вотш Ури. Здесь когда-то было стойбище женщины с детьми. Муж, наверное, у неё погиб. И от детей этой женщины весь сегодняшний Покачевский род на реке Аган пошёл.

В 1968 г. я (автор) с бригадой рабочих рыбоучастка под руководством лесника Кашеева Тимофея Александровича участвовал в лесопосадочных мероприятиях на горелом бору, примыкающем к старице.

ЯВКЭҢ УРИ – *дословно*: окупёвый урий. Здесь сейчас школьная охотничье-рыболовная база.

АЙ НАҢК ЯВУН – *дословно*: малая лиственничная река.

ПЫКЕМ ЯВУН – *дословно*: гнилая река. Старое русло НАНЬЁГАНА. Впадает в широкий урий.

РУБЛЕНЬЙ ПЕСОК – песок был расчищен от топляков в начале 70-х годов после того, как наньёганский песок, который выше по течению, паводком испортило, появились косы. Первые годы бригадиром в рыбацком звене Покачев Константин Кириллович, а потом и другие. Однажды бригадиром был Суровцев Валерий. Рубленным называется потому, что якобы Айпина Авдотья (Убьём-Баба) здесь рубила землю топором (совершила заклятие). Есть ещё одна версия: Рубленный песок по форме крутой, обрывистый, словно обрубленный.

НАҢК ЯВУН ОҢ (тундровая сторона) –

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Наги-егана лежитъ выше лѣтнихъ юрты на ½ версты, а выше

предыдущей рѣчки Егарь-егана на 15 версть. Ширина ея 6 саж., глубина – $\frac{3}{4}$ арш., протяженіе – 30 версть. Рыба въ этой рѣчкѣ – мохтикъ, ершь, сорога. Рыбу промышляютъ только зимою».

НАНГЪЁГАН – от хантыйского Наңк Явун – листовничная река. Калвута – ненецкое название реки и тоже переводится – Имеющая листовничцы. На Агане некоторые притоки повторяются – два Егурьяха, два Сав Явуна, два Ай Вонт Явуна, два Мохтикъёгана, две Тырлинских речки, два Наңк Явуна и несколько речек с названием Пев. Хотя Пев, вероятно, можно отнести к типу речек, как определение.

Второй Нангъёган ищи на самой вершине Агана у озера.

РЫБОУЧАСТКОВЫЙ УРИЙ – в нижнем (по течению) конце села Аган находилась контора и обслуживающие объекты рыбоучастка. За рыбоучастком – старица, которую люди почему-то называют Рыбоучастковый Урий, хотя промышленного значения эта старица никогда не имела, только дети с удочками приходили сюда. Речушку, которая впадает в старицу и является основным её живуном, называют Тырлинской речкой (Покачев Константин Кириллович в 70-х годах неводом ловил тоннами мелкую рыбу, сорогу и окуня, потом старицу стали беспокоить поселковые «любители природы» и промысловая рыбалка прекратилась).

ЯВУНЛJI ЯХЫМ – Тырлинский бор.

АВУНЛJI УРИ – он же Пыхыр Махи, он же Рыбоучастковый Урий.

ТОРУМ КОТ ЛЕВК КОР (таёжная сторона) – Локосово контэх яхнэ Торум котхэ тойи. Ахын ях пан Пырыңу ях торум котнам яңкилты левк кор.

Толкование: Большая оленная дорога на Локосово, где в те времена была церковь, и многие ханты реки Аган были крещены местным батюшкой. Церковь ханты называли Торум Кот.

НАҢКЯВУН ОҢ СЫЙ –

Дополнительная информация:

Летом 1969 г. мы, бригада Суровцева Валерия из Аганского рыбоучастка, расчистили от топляков этот песок и стали на нём рыбачить. 25 августа мы утром приехали в деревню сдавать свой улов, и на берегу нас встретила фельдшер Сайгати-на Ефросинья Павловна и поздравила нашу бригаду с рождением моей первой дочери.

АГАНСКИЙ ПЕСОК – рыболовецкий песок напротив села Аган.

АГАН (село) (таёжная сторона) – поселение на левом берегу реки Аган. В 1956 г. биолог-охотовед Феликс Штильмарк, москвич, выпускник МПМИ (Московский пушно-меховой институт), получивший направление для работы в Сургутский район, в мемуарах писал: «На 5 октября в райисполкоме было намечено специальное обсуждение вопроса о «селении и оседании»...

Село было административным центром Сельсовета для всех населённых пунктов реки Аган. После, когда Радужный, Новоаганск и Варьёган получили официальные сельско-поселковые и городские статусы, Аган получил статус сельского поселения и стал заправлять делами населения только на территории своего посёлка.

Я (автор) с пятого по восьмой класс учился в Аганской восьмилетней школе, в 1967 г. женился на Тайлаковой Елене Фёдоровне – жительнице села Аган, два года (1983–1985) исполнял обязанности председателя исполкома Аганского сельсовета. Поэтому Аган – моя вторая родина.

Деревня Аган до 1956 г. находилась напротив устья Мохтикъёгана и называлась Интлетовы. До деревни здесь было летнее стойбище Покачевых с Мохтикъёгана, и называлось это поселение Мохтикъёганские юрты. В начале XX века жили здесь Покачев Пётр Семёнович и Покачев Иван Николаевич.

С образованием рыбартели имени Первого Мая, рыбоприёмного пункта, школы и сельсовета, юрты переросли в деревню, в село; население стало многонациональным, и тогда, вероятно, из двух модных, но привычных для того времени слов «интернационал» и «летник» родилось название Интлетовы.

По версии Покачева Тихона Ивановича, одним из первых председателей рыбартели был человек с Ваха по фамилии Интлетов, и якобы по его фамилии была названа деревня.

Но в записях А. А. Дунина-Горкавича ещё в 1900 г. здесь фигурировало название Интле (см. Мавут Явун Оң (Мавтых Явун Оң)).

К 1957 г. всё население было перевезено на новое место (там, где сейчас с. Аган), но дольше всех в Интлетовых оставался жилой дом семьи Кашеева Тимофея Александровича.

ЊАХАҢ' ЛАПКА – Понанта' Њаханкай' җисыых'т җалка җисы җайтаханта Интлетовы Њахаҗ лапкаҗә' патинлахааштомытуҗ. Чета Њахаҗ лапкамна' село Аган пателҗштума'.

Из дневника Аэлиты¹³:

«Перед деревней Аган на песке лежали коровы. В Агане нас не встретили. Причалили мы возле старой почты. Взяли обласа, понесли во двор к Кельминым, Мише и Свете.

Мы расселились по знакомым и родственникам. Мама с папой остались у Кельминых, я у Зои, Штефан с Каролин у Ефима Тылчина, Зоя с Толиком и Нэлли ушли к знакомой, Анне Васильевне, Егор Большой с Анисьей Ивановной – у своих.

Потом для нас устроили встречу в музее. Пили чай. Стряпанного много было. Сдали почту и экспонаты. Вечером ходили в баню.

10.08.96 г., суббота.

В пятом часу вечера прилетел за нами вертолёт, загрузились вместе с обласами. Улетели».

КАМЧАТКА – в верхнем конце села Аган мыс, упирающийся в старицу (ликуп), называли мы со школьных лет Камчаткой, сюда мы ходили со шпаргалками, когда готовились к выпуск-

¹³ В августе 1996 г. Ю. Вэлла организовал экспедицию на обласах по реке Аган, в которой его средняя дочь Аэлита вела дневник.

ным экзаменам, и, наверное, все школьники моего поколения здесь назначали свои первые свидания. Здесь было тихо, хорошо, таинственно. Тут в лесочке птицы строили себе весенние гнёзда, здесь было кладбище старинное наньёганское.

ОСТРОВ ВТОРОЙ – так судоводители называют следующий за Первым остров, если ехать вверх против течения. Хантыйское название – Кавккэң Мухут Пахрымтал.

ПАНКИН УРИЙ – урий назван в честь заготовителя пушнины Панкина Александра (старшего). Он часто закидывал здесь свой неводишко, чтоб поймать для ухи шурогаек.

СТАРИЦА СТАРЫЙ АГАН – ещё одно из названий Панкин Урий и Сортэң Мухута. Ещё в 60-х годах XX века по весне здесь насквозь проходил катер типа «Ярославец». Сейчас верхнее устье заросло, и даже весной по паводку здесь не бывает течения.

ОСТРОВ ПЕРВЫЙ – на лоцманской карте название острова на 95-м километре (см. Сортэң Мухут Пахрымтал).

МАВУТ ЯВУН ОҢ (МАВТЫХ ЯВУН ОҢ) –

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Могуть-егана лежитъ съ правой стороны Агана, противъ лѣтнихъ юртъ Могуть-еганскихъ, выше предыдущей рѣчки Наги-еганъ на 15 верстѣ. Ширина ея 4 саж., глубина $\frac{1}{2}$ – $1\frac{1}{2}$ арш., протяженіе – 20 верстѣ. Здѣсь водится рыба: мохтикъ, сорога и ершъ. Добываютъ ее мордами въ запорахъ...

Юрты Могуть-еганскія 1 или Тигилинка (Ив. Ѳедор. Покачевъ) расположены съ правой стороны и въ 3 верстахъ отъ Агана, по лѣвой сторонѣ отъ р. Могуть-егана, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ послѣдней...

Лѣтнія юрты Могуть-еганскія находятся на лѣвом берегу Агана, противъ юртъ зимнихъ 1 и противъ устья р. Могуть-егана...

Юрты Могуть-еганскія 2 или Интле (Сем. Өед. Покачевъ) расположены на 2 версты западнѣ первыхъ, съ правой стороны р. Могуть-егана, въ 1½ верст. отъ послѣдней...

Юрты Могуть-еганскія 3 или Сумъ-урей-пуголь расположены съ лѣвой стороны отъ Агана, въ бору, между лѣтними Тигилинка и зимними Наги-еганками 2».

ВОДОЗАБОР (тундровая сторона) – длительное время здесь был водозабор Покачевского нефтяного месторождения (ТПП «Покачевнефтегаз», ЛУКОЙЛ).

ИНТЛЕТОВЫ (таёжная сторона) – см. Аган (село) и Старый Аган.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Мавут-яун-пуголь», Покачевы. 5 юрт, 2 без окон, две с сенями, у 3-х крыши крыты тѣсом, одна юрта нежилая, 11 лабазов. Всего население 30 человек с детьми».

СТАРЫЙ АГАН – после того, как образовалось новое село, старое в просторечии сами жители Агана стали называть Старый Аган, а Интлетовы – осталось только в документах как официальное название. А ещё многие «недалёкие» жители Нижневартовского района Старым Аганом называют сегодняшний Аган, якобы «чтоб не путать с Новоаганском».

Из дневника Аэлиты:

«Причалили на том месте, где когда-то был Старый Аган. Здесь была школа, магазин, колхоз. Штефан с Каролин нашли музейный экспонат – железный проржавевший бидончик.

Анисья Ивановна говорит, что позже всех стоял здесь дом Кащеева Тимофея Александровича, последнего жителя деревни Интлетовы, и бидончик, наверное, остался от него».

ОССЭМ ПЭТЭ УРИ – Мавут явун ях пухулј оссэм пэтэны омысты ури – *дословно*: Мохтикъёганских людей в изголовье стойбища расположенный урий.

САВ ЯВУН (таёжная сторона) – 98-й км на лоцманской карте, называется по-русски Кохгуньёган (см. Кохгуньёган).

САВ ЯВУН ЯХЫМ (лтантың) – Сав Явун хын ку'тны яхым, чи яхымны Покачев Михаил Павлович пан Мария (Кузьма ай-аңки, Варя аңки) тулых кот тойхэн.

Дополнительная информация:

Этой речкой пользовались традиционно ханты. Покачев Михаил Павлович до 1975 г. имел здесь на реке Сав-явун охотничье стойбище. Весной и осенью по открытой воде рыбачил. Рыбачило всё стойбище, расположенное на Агане, напротив устья.

Сейчас здесь стойбище Покачевой Ольги Никитичны. Современные люди в просторечии Сав-явун-лор называют Гора-урий.

КОХГУНЬЁГАН – (название на карте), вероятно, от хантыйских слов Кох Вонт Явун – длинная таёжная река, такого названия здесь вблизи я не знаю. Но не исключаю, что один из притоков Сав Явуна мог так называться (см. Сав-Явун 1). Кроме того, я когда-то слышал, что один из притоков Сав Явуна назывался Варың Явун. Но на сто процентов я в этом не уверен.

ВОНТ ОЛЛЭҢ – во времена колхоза здесь на горе была звероферма, на которой работали Покачев Антон Степанович с женой Фёклой Захаровной. У них был сын Сергей. Кроме того, с ними жили осиротевшие племянники Пётр и Василий. Я (автор) с Василием в интернате в одном классе учился.

Летник МОХТИКЪЁГАНСКИЕ ЮРТЫ – здесь рыбоучасток ставил для приёмки рыбы плашкоут. Одно лето в качестве приёмщика и я (автор) здесь стоял с плашкоутом. В начале лета помощником у меня был Айваседа Андрей Маттелевич (Ма'чалю), во второй половине лета – моя жена Елена. Летник просуществовал до 1975 г.

Здесь я в свободное время ходил под парусом вверх по течению до летника Покачева.

Здесь я впервые самостоятельно изготовил облас.

ЯТНЭ ЧЕҢУТ СЫЙ (нёрым палык) – Ятнэ – чит мавутявунях ярхан воҥ.

Ваня'ко'ма:

Ятнэ – чике' не'шан. Патилавшта Тятна'ку. Тету-тяха нисыҥ капити' вий. Ја'пчамо'махатта чикен мала ҥайван хинтамэйтуҥ – *дословно*: Ятнэ – это мохтикьёганских ханты ненецкий зять. После смерти он на этом песке был похоронен. Имя его с ненецкого переводится – Шагающий.

КИЛСЕҢ УРИ – *дословно*: сорожъя старица, старица плотвы.

КИЛСЕҢ СЫЙ – *дословно*: песок старицы плотвы.

ПОТАЛЕҢ УҢЭЛ СЫЙ – Јуҥк ури ях сойпэҥ сый. Ма ый мыта јатнэ иминат рытнат ав юта мынты сахет тыт ый ат кулмэн.

Из дневника Аэлиты:

«Приехали на место последнего ночлега. До Агана осталось 15 км. Пьём чай. Уху хлебаем. Мама с папой ходили в лес, набрали много грибов. Варили грибной суп. Штефан плавал, стоя в обласе – и искупался.

9.08.96 г., пятница.

Встали пораньше. Ночью был туман. Влажно».

Летник ПОКАЧЕВА (таёжная сторона) – Покачев Илья Иванович,

- Покачев Александр Иванович (Охур ко),
- Покачев Николай Иванович (Вихты Ко),
- Покачев Архип Николаевич,
- Покачев Николай Александрович,
- Покачев Николай,

- Покачев Антон Николаевич,
- Покачев Максим Ильич?

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Тумуры-пугол», Покачевы и Ивана Сопыча юрта. 4 юрты, одна нежилая, 3 досчатые «уотль» (вотл), им. сени, крыты тёсом, у Ив. Сопыча крыльцо высотой 67 см, 4 лабаза, 2–3 окна. Всего население 13 человек вместе с детьми».

ВАЧЖАНЬЁГАН – название на лоцманской карте. Название ошибочно. Эта река у народа ханты называется Контшау Кулэп Явун. Вероятно, перепутано с названием реки на 124–125 км, которая называется Вотшан (см. Вотшан Явун).

КОЛЭҢ ОҢНЭҢ СЫЙ – *дословно*: песок с еловым началом.

ВОЧИ ПАХРЫМТАЛ – *дословно*: остров «города»?

СОЙПЭҢ УРИ – (вонт палык) – *дословно*: неводной урий (таёжная сторона).

ПЕВ ОҢ АЛЫМПИ СЫЙ – (вонт палык няхыл сый).

ПЕВ ОҢ – (нёрым палык).

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Пеу-егана лежитъ ниже лѣтнихъ юртъ на 2 версты. Ширина ея – 1 саж., глубина - ¼ арш., протяженіе – 5 версть».

ПЕВ ОҢ ЯХЫМ ВАНТЫҢ – Маки тыт волым ях йимыҥ пухлҥеҥ яхым вантыҥ.

Из дневника Аэлиты:

«Погода направилась. Выглянуло солнце, небо ясное, тепло! По берегу Агана встречаются рыбаки, один из них прошёл мимо нас на резиновой лодке.»

Проезжаем Покачёвский причал. Плыть уже тяжело. Раскисла, устала. Думаю об одном: «Скорее бы домой!».

КУТХИН УРИЙ – *дословно*: попутный (промежуточный) урий. Здесь было весеннее и осеннее стойбище Карамкиных:

- Тырлина Никиты Семёновича,
- Тырлина Егора Семёновича,
- Их матери Тали (Энэл Тали),
- Покачева Николая,
- и его матери Марии (Ай Тали).

Здесь весной принимали от Карамкиных мохтика (ельца) и прямо здесь вялили:

- Покачев Алексей Галактионович с женой Надеждой – до 1973 г.,
- Айваседа Юрий Кылевич с Еленой 1973–1975 гг.

КАРАМКИНЫТ НЁРЫМПАЛЫК УРИ – *дословно*: Карамкинский тундровой стороны урий.

КАРАМКИН ЛЮҢ ПУХУЛ – летник КАРАМКИНА (тундровая сторона).

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Карымкины юрты Тырлины: 4 юрты, одна юрта с железной печкой и 5 окнами, крыта тёсом, 6 лабазов».

КАРАМКИНЫТ ЛЮҢ КОТЫҢ СЫЙ – *дословно*: песок летнего стойбища Карамкиных (Неводной песок). Здесь на Агане рыбачили неводом. Но с первой половины 60-х годов по Агану стали ходить катера с баржами – подвозили грузы для геологов Новооганска и для нефтяников Радужного. Катера причаливали к стойбищам для приобретения рыбы, мяса, ягод, орехов, пушнины. Часто это обменивалось на водку. И в это время люди стали убегать с реки в старицы и на притоки. Тех, кто не успел убежать, сожрал Его Величество Алкоголь. Так и Карамкины – бежали с Агана в старицу напротив стой-

бища через Аган, а весной и осенью стали жить в старице в конце этого песка.

ПАҢКА РҖП ПАЙ (нёрым палык) – Паңка лонтэксэтэ кол энтэ вуй. Лонтэксэтэлнэ тохун: «Ый. Катхэн. Катхэн урыккы ый. Катхэн урыккы катхэн. Сарнам – ар, йемат ар!». Паңка ос ый нам той – Винчушка. Паңка – Карамкиныт ярхан воу – *дословно*: Паңка считать не умел. Когда была необходимость считать, он произносил: «Один. Два. Сверх двух – один. Сверх двух – два. Дальше – много, очень много!».

СОХ КОРЭМ КОРР – Сох – кул нам. Йисны ый мыта сох Аси Ахын кохет нокнам юв. Пан тэм корра сорым тахия ымыл. Пан чел вихта чуксымых: «Сорым ятшиха йихэм! Мант нохк выитыхов!».

Пересказ: Во времена легенд священный Осётр случайно забрёл в реку Аган. Здесь, на этом песке, он сел на мель. С лета до зимы сидел он на мели и криками своими взывал о помощи до тех пор, пока Хозяйка Агана не освободила его.

ЭНЭЛ СЫЙ – *дословно*: большой песок. Второе название Белый Яр.

БЕЛЫЙ ЯР (таёжная сторона) – здесь в начале 70-х уже не было стойбища. Здесь стояли гидрологи. Они изучали характер реки на этом участке под строительство моста. Но рыбоучасток продолжал ставить здесь плашкоут для приёмки рыбы от рыбаков: нижних – Карамкиных, и верхних – Айпных. Мы с Еленой стояли здесь два лета. До нас здесь стоял приёмщиком Покачев Алексей Галактионович с Надеждой.

Из дневника Аэлиты:

«Вначале я ехала на моторной лодке, а после «перекура» села на свой облас. В одном месте перетацили обласа через песок по протоке. Там Каролин набрала воды в облас и намокла. Когда варили чай ниже Покачёвского моста, она сушила задницу. На том месте было очень много вкусных ягод: черемухи, голубики. Здесь, говорят, раньше было стойбище

Айпиных. А до моего рождения папа с мамой работали на плашкоуте и принимали здесь от рыбаков рыбу».

ЭНЭЛ СЫЙ ОҢНЭҢ ПУХУЛ – Тем пухулнэ волэм ях: Айпин Семён Никифорович, Айпин Антон Семёнович, Айпин Александр Антонович и маленький Афоня (Айпин Афанасий Антонович). (Стойбище просуществовало до 1967 г.)

ВОР САП УРИ ОҢ (тундровая сторона) – Сойеп коран, ояң кулэп ури.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Вэрсо-пугол» Тырлины: 1 юрта, 2 окна, 2 лабаза».

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Лѣтнія юрты Варсь-урей-пуголь находятся на правомъ берегу Агана, ниже зимнихъ юртъ на 2½ версты (1½ песк.), а р. Варсь-урей – ниже лѣтнихъ юртъ на 1½ версты (½ песка)».

ПЫХТЫ ВОЙЕХ ЯВУН ОҢ КОРР – здесь на таёжной стороне одинокая могила, похоронен брат Айпина Семёна Никифоровича (Кошпи-ики).

Летник АЙПИНА – (таёжная сторона). Летник Айпина Ефима (Епи) Никифоровича. Здесь жила семья его сына, Айпина Ивана Никифоровича, а также внука, Айпина Дмитрия Ивановича. Кроме того, здесь жила семья Покачева Антона Николаевича.

КОШПИ-ИКИ РӀП – (нѣрым палык). Летник Айпина Семёна (Кошпи-Ики) Никифоровича.

Литературное отступление:

«Посвящаю Айпину Виктору Романовичу (зять Сардаковский) и Айпину Семёну Никифоровичу (Кошпи-Ики)»¹⁴.

¹⁴ См. рассказ «Однажды на стойбище». Т. 2, с. 12.

ЙИМЫҢ ПУХЛЈЕҢ ЛИКУП – *дословно*: Кладбищенская заводь. Здесь кладбище рода Айпиных.

ВАТЬЁГАН (ВАТЬ-ЁГАН) – (тундровая сторона). Самый крупный приток Агана.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Вать-егана лежитъ ниже лѣтнихъ юрть на 2 версты (2 песка), а выше предыдущей рѣчки Могуть-егань на 20 версть. Ширина Вать-егана 50 саж., глубина 3½ арш., протяженіе – 150 версть. Для промысла линияющихъ лебедей инородцы поднимаются по рѣкѣ три дня въ обласу; дальше идутъ лѣсныя заломы. Ширина рѣчки въ этомъ мѣстѣ – 20 саж. Течеть она примѣрно въ южномъ направленіи. Самая рѣчка глубока, а устье мелко и даже пересыхаетъ. Рыбу в рѣчкѣ не промышляютъ, а добываютъ ее въ урьѣ (Калинтышъ-урей). Въ рѣчкѣ водится щука, окунь и ершь; у рѣки есть озера, въ которыхъ водятся караси. Камня по рѣчкѣ нѣтъ; русло песчаное. Лѣсъ – бывшая гарь; мѣсто песчаное, боровое; растутъ береза и сосна до 4 вер.; встрѣчается единично и кедръ.

Въ вершинѣ Вать-егана живутъ самоѣды – два чума: Нака съ жены, семейство котораго состоитъ изъ двоихъ мальчиковъ и четырехъ дѣвочекъ, да казали съ сестры (Нака и Казали – двоюродные братья). Самоѣды добываютъ мордами мелкую щуку, окуня и ерша.

Рѣчка Вать-егань имѣетъ двѣ вершины: западную, подошедшую къ вершинѣ р. Инкъ-егана, и восточную, вытекающую изъ озера, расположеннаго у южной части водораздѣла между р.р. Пуромъ и Аганомъ. Разстояніе между этимъ озеромъ и Глазковскимъ проѣзжаютъ съ грузовъ въ 3 дня».

ПУХЛЈЕҢ РĂП – Тэм рăп охти Вачь явун оң пухулнэ 1980 олэтнэ Ленарт Мэри Эстонияхи ёвтэжлэх пупи евкты ях кинаха верта. Тылчин Вася пупи вэл. Чу кина нăмэл «Сыновья Торума».

Из дневника Аэлиты:

«Приехали к Тылчиным в 6 часов вечера 6.08.96. Здесь из Варьёганских находятся Герман Лейков и Тимошка Айпин. Здесь, на стойбище, все пьяные. Некоторые, говорят, уехали в Лангепас и Покачи. Звонили вечером в Аган тётке Ане с дядей Ефимом. У Тылчиных на стойбище есть постоянное электричество и телефон. Вечером ходили в баню. Шёл

дождь. Гремел гром. Спали в новом доме-срубe, который строит Лейков Сергей.

7.08.96. На улице влажно. Накрапывает дождик. Стирала в бане некоторые свои вещи – отдыхаем сегодня.

Утром звонила Света из Агана. Говорит, что ждут нас уже давно. Ленка каждое утро бежит на берег встречать нас.

Погода стала холодная, как осенняя.

Отдыхали у Айпина Дмитрия. Вручили ему бандероль из Варьёгана. Ходили в лесок, ели чернику, нашли один замечательный гриб. На рыбалку ездили папа, Виктор Романович и другие. Вечером разделывали рыбу. Ещё ходили в гости к Вере с Васей Тылчиным.

Приехал Владимир Талёвич. Говорит, в Варьёгане гроза, а здесь, оказывается, нет».

Летник ТЫЛЧИНСКИЙ (тундровая сторона) –

Из дневника Аэлиты:

«На стойбище проживают:

- Тылчин Спиридон Николаевич с семьёй.
- Тылчин Василий Антонович с семьёй.
- Тылчин Роман Антонович,
- Тылчин Степан Спиридонович,
- Айпин Василий Николаевич,
- Айпин Дмитрий Иванович с семьёй.
- Лейков Сергей Галактионович.

Проживали последние 30 лет:

- Покачев Григорий Иванович (мохтикьёганский) – умер,
- Тылчин Антон Захарович – умер,
- Тылчин Анатолий Антонович – умер,
- Тылчин Ефим Антонович – жил здесь до совершеннолетия, сейчас живёт в Ватьёгане».

ВАЧЬЯВУН ОҢ ЈАПЫТ КО СЫЙ – (вонт палык). На этом песке до 1957 г. был приёмный пункт. Приёмщиками были Найданов Иван Агафонович и Белкина Евдокия Александровна. Тут же было стойбище Тылчина Захара.

ЩЕ'ЕВ КАСАМАУТИҢ ҢИСЫ – Ңахаҗ кысумна тилина' Айпин' чуки җисыхыт тюлкмы'.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Ват-яун-пугол», Айпины: 2 юрты, одна с крыльцом в две ступени и полом, 3 лабаза. Население старше 14 лет – муж. 8, жен. 7; младше 14 лет – муж. 4, жен. 5. Итого 24 человека».

КУТЫП ПЫХЫР МАХИ – Ванны пыхыр махеи йихым махи. Ма номлем кирепыт махылти яҗкилым вэр. Лялҗ вӗлҗым пыхыр махехын пан Вачьявун оҗ йилҗып пыхыр махехын кутны омысты пыхыр махи.

Дополнительная информация:

До 1950 г. эта старица была ещё проточной, и внутри неё было стойбище, где проживали семьи:

- Тылчина Захара,
- Тылчина Николая,
- Тылчина Антона Захаровича,
- Айпина Григория Васильевича (Калс).

САХЭЛҖ КОТЭҢ УРИ ОҢ – *дословно*: урий ивового шалаша. Кто-то здесь бичевал, и шалаш его длительное время после него стоял. (Недавнее название).

ОНТЬЁГАН-ВЕТЛЕНЯ – (название на карте). Онтъёган – вероятно, от хантыйского Вонт Явун. Откуда появилась вторая половина названия Ветлениа, нынешним жителям реки Аган неизвестно.

ЛҖЛҖ ВӒЛЭМ ПЫХЭР МАХИ (вонт палык) – *дословно*: старица, где было побеждено войско врагов (тундровая сторона). (См. дополнительно: Капити' Катаҗа'ма Тиҗ'ку, что на Варьёгане).

АЙ ОЧЕҢ МАХИ МУХУТ – Топ энэҗ йиҗкнэ мухти авал.

Из дневника Аэлиты:

«Остановились обедать. Ольга ходила купаться. Мимо нас проехал катер, была сильная волна и уплыла Сашина лодка. Он её долго ловил. И поймал.

Когда отъезжали на шлюпке, мы: Женя Айтин, тётя Капа и я, сели на корягу. Столкнулись. Поехали. Те, кто едут на обласах, поехали через перетаску, а мы на моторных лодках кругом».

ЗАЯЧИЙ ОСТРОВ – название позднее. Жители Чистоборска весной во время паводка сюда ездили за зайчатинкой.

ЯВҢК ПУПИ МАХИ – поворот реки, где находится Лейков Рәп?

ЛЕЙКОВО (тундровая сторона) – здесь было летнее стойбище с оленьим домом для дымокура. Проживали:

- Лейков Иосиф с сыновьями:
- Лейков Галактион Иосифович,
- Лейков Леонид Иосифович,
- Лейков Яков Иосифович.

Кроме того, у Лейкова Иосифа было ещё несколько дочерей.

ЛЕЙКОВ СЫЙ (таёжная сторона) – Тем сыйнэ маки приёмный пункт вол. Ледниккың, холодильник камерахың, лапкахың. Приёмщик намыл ый мыталинэп тем нопэтнэ энтэ вули. Лейков Ощип пахлалнат тем сыйнэ сойпалых. Кутыл-пэ тем палыкнэ вол.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Лейковы юрты, Ивана Лейкова. 1 летняя, 1 осенняя «мых-кат», 2 лабаза».

ЛЕЙКОВ ПУХУЛҢ НУМПАЛЫК КОРР – Лейковыт йимың пухлэң корр.

Дополнительная информация:

На этом плёсе раньше было кладбище Лейковых, но с появлением в верхнем конце плёса посёлка лесозаготовителей Чистоборск кладбище родовое стало общепоселковым кладбищем.

ЧИСТОБОРСК (таёжная сторона) – посёлок лесозаготовителей. Лес заготавливали для нужд нефтепромыслов. Просуществовал до 1986–1987 гг. Здесь были: почта, начальная школа, магазин. В 70-х годах через Чистоборск проходил зимник Вынгапур – Новооганск – Мегион. Посёлок был в подчинении Аганского сельского Совета.

Из дневника Аэлиты:

«Заехали в брошенную деревню Чистоборск. Всё перевернуто вверх дном. Стоят развалины домов. Жутко. Наверное, тут много привидений. Раньше здесь леспромхоз был, а сейчас временно стоят люди с техникой из сейсмопартии.

Заезжали на шлюпке на Лейковское кладбище. Очень много мошки и комаров. Штефана укусила мошка в губу. Губа распухла...».

СТОЙБИЩЕ ЛЕЙКОВЫХ (тундровая сторона) – Лейковы после смерти отца яр свой оставили и переселились в старицу выше Чистоборска. Это стойбище просуществовало до 1974–1975 гг. Здесь жили:

- Лейков Галактион Иосифович,
- Лейков Леонид Иосифович,
- Лейков Яков Иосифович.

Эта старица на ханты языке называется: Пыхэр Махи, или ещё называют Лейковский Урий.

ЛОЛНЭ РÄП (нёрым палык) – *дословно*: Лягушкин яр, Яр-Лягушка.

АЙ РÄП ПЫХЭР МАХИ ЫЛПАЛЫК ОҢ – Тем пыхыр махи ылпалык оңэл лухкэн, чутат моторың ях махылти яңкиллүт. Ай рытың ях тохи талыксылыт.

Перевод: Эта проточная старица на нижнем устье имеет большой завал. Поэтому едущие на моторных лодках объезжают кругом по руслу Агана, а те, кто на обласах, перетаскивают обласа через озерцо на островной стороне.

Из дневника Аэлиты:

«Приехали на перетаску – завал. Попили чай. Обласа перенесли через озерко, а шлюпки поехали в обход. С мамой мы собирали листья смородины для чая. Смородины здесь очень много. Только ягоды сыроватые – не созрели. До завала я ехала на шлюпке, а дальше снова на обласе. Сегодня из Варьёгана с Валерой Айпиным приехал его брат Андриюшка.

После завала поехали к месту нового ночлега. На одном песке ехали по мелководью. Папа чуть-чуть не сел на мель. Несколько раз толкался. Виктор Романович здесь шёл пешком по воде рядом с обласом. Проехали устье святой речки. Бросили в речку мелочь (деньги).

Вечером режиссёр Ольга тренировалась ездить на обласе. Хочет плыть на обласе вместе со всеми по Агану. Папа ей не разрешает.

Штефан сегодня во время обеда на бывшем Айпинском приёмном пункте купался. Он сказал: «Ой, какое сильное течение в Агане!».

Сегодня папа с мамой поменялись обласами».

ЮККЭҢ ЯВУН ЯХ ПУХУЛҢ – Тэм пухулнэ волым ях:

- Айпин Василий Ефремович,
- Айпин Никита Васильевич,
- Айпин Андрей Алексеевич (Белый Андрей) с матерью (до 1972–1973 гг).

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Юхкон-яун-пугол Айпины». 3 юрты, одна на другом берегу Агана, одна «парт-кат» с тесовой крышей, 4 лабаза. Население старше 14 лет – муж. 6, жен. 7; младше 14 лет (дети) – муж. 4, жен. 2. Всего население 19 человек».

Летник АЙПИНСКИЕ (таёжная сторона) – здесь был приёмный пункт, и одним из приёмщиков была Суровцева Лидия.

ЮККЭҢ ЯВУН УРИ –

- Айпин Галактион Степанович (Кальчи) с семьёй,
- Айпин Михаил Прокопьевич с семьёй (до 1980–1981 гг).

ЮККЭҢ ЯВУН ОҢ (нёрым палык) – Айпин ях нёрым палык явун.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Лѣтнія юрты Юкконь-егань-пуголь находятся на лѣвомъ берегу Агана противъ юртъ зимнихъ и противъ устья р. Юкконь-егана.

Устье рѣчки Юкконь-егана лежитъ противъ лѣтнихъ юртъ, выше предыдущей р. Вать-егань на 28 верстъ. Ширина Юкконь-егана 10 саж., глубина – 1 арш., протяженіе – 7 верстъ. Рѣчка эта вытекаетъ изъ озера. Изъ рыбъ въ ней водится только мохтикъ».

АЙ РАӀП ПУХУЛ –

- Айпин Данила Романович – до 1995 г.
- Айпин Архип Васильевич – до 1972–1973 гг.
- Колодкины и Агафья...

Из дневника Аэлиты:

«Сегодня заехали на стойбище к Агафье Айпиной. Она живёт одна. У неё есть олени. Передали ей почту и помогли пересчитать деньги. Оказываются, ей в бандероли передали её пенсию.

На лодочном причале Агафьи целая деревня археологических памятников. Очень много комаров, поэтому не стали делать подробной схемы древних жилищ.

Сегодня были на старом Айпинском приёмном пункте. Егор Большой с Виктором Романовичем нашли грузило для невода. Сейчас такими не пользуются. Егор Большой сказал, что приёмщиком здесь работал Кудрявцев, что грузило, возможно, осталось от него.

Папа говорит, передадим в Аганский музей.

Едем дальше. У многих загорели лица, и у меня...».

ВАШАЛИ СУВЫС КОТ ВОЛЫ (нѣрым палык) – Айпин Василий Ефремович (до 1953–1955 гг).

ЙИС ЮККЭН ЯВУН ПУХУЛ ВОЛЫ (нѣрым палык) – Айпин Ефрем Петрович, Айпин Ефим Прокопьевич, Айпин Алексей – до 1950 года. Здесь был старый приёмный пункт, и приёмщиком был Кудрявцев. Чуть отдельно жил Айпин Прокопий Ефремович.

ЛОР ОН – здесь одно из Айпинских кладбищ.

ЭНЭЛ ПЕВ – нѣрым палык.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Айпины или Пеу-пуголь расположены съ правой стороны и въ 3 верстахъ отъ

Агана, съ лѣвой стороны р. Юкконь-егана, въ верстѣ отъ послѣдней. Эти юрты отстоятъ отъ ю. Юкконь-егань-пуголь въ 2 верстахъ (по зимней дорогѣ).

Лѣтнія юрты Айпины находятся на лѣвомъ берегу Агана, выше юртъ зимнихъ на 2 версты, противъ устья р. Пеу-егань.

Устье р. Пеу-егань лежитъ противъ лѣтнихъ юртъ Айпиныхъ. Ширина ея 1½ арш., протяженіе 3 версты».

По записямъ Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было «стойбище «Пеу-пуголь» Сидора Айпина юрта (одинокій). 1 юрта, 2 лабаза».

ПЕВ ОҢ КОРР – здесь на таёжной стороне похоронен Айпин Ефим Прокопьевич.

ЭНТЛЬ-ГУНЬЕГАН – название на карте (см. Энэл Вонт Явун ОҢ).

ПОМ НЁЧЧИ УРИ ОҢ – *дословно*: старица для заготовки соломы.

ЯВУНКО ПАХРЫМТАЈ – явунко переводится как речной мужик (мужичок реки). Кого так звали, сегодняшние жители этих мест не смогли вспомнить.

В бассейне реки Аган я знаю только одного человека с этим именем (см. Ще'ев Матој Пунсы' на Варьёгане). Но тот человек – ненец с реки Варьёган, и очень маловероятно, что имеет отношение к этим местам.

ЭНЭЛ УРИ ОҢ – (Сойеп Кораҗ Ойяҗ Кулэп Ури) – Айпин Виктор Романович кот волы, до 1978–1979 гг. Ит Айпин Семён (Семан) Александрович тыт кот тоял, с 1994 г. Ури пытихи утнам Сель Нёх мэн.

СЕЛЬ НЁХ – Тыт волым ях сель-кул вэрты вэр тоет.

Из дневника Аэлиты:

«Приехали на стоянку – 2-й ночлег. Здесь устье Энэл Ури (Большого урия). Варили чай. Владимир Талёвич с семьёй, Валера Айтин с Полиной Васильев-

ной уехали в Варьёган. Егор Большой, Виктор Романович и Ольга-режиссёр ездили на лодке ставить рыбацкие сети. Поймали сразу щуку на подавушку. Папа со Штефаном разбираются с картой. У меня пропадает голос. Сидим у костра с мамой и удивляемся, что Штефан курит сигареты. 5.08.96 г. Понедельник.

Утром встали в 8 часов. Спала лучше, чем прошлой ночью. Только вот холоднее было. Завтракаем с подавушкой. В сети попало много рыбы. Телеоператор Вася купался в Агане. Погода хорошая, безветренная. Плы-вём дальше!».

АЙСЫР КОТ ВОЛЫ – Айпин Николай Иванович – Айсыр, сын Ваньки (Ёр канса). Стойбище существовало до 1971–1973 гг.

ВОНТ ЯВУН ОҢ АЛЫМПАЛЫК СЫЙ – Сый оҗнэҗнэ Андри-ики кот волы. Айпин Андрей Петрович, стойбище до 1940–1943 гг.

АЙ ВОНТ ЯВУН ОҢ – Айпин ях вонт явун.

АЙ-ГУНЬЕГАН – название на карте. Урман-речка рода Айпиных.

ЫМЛЫҢ УРИ ОҢ ПАХРЫМТАЛ – Пахрымтал нум оҗнэҗнэ лук сасыхкыҗ сый оҗнэҗ.

Из дневника Аэлиты:

«Здесь экспедиция плыла группами по двум рекам. Тётю Капу укусила оса под левым глазом. Глаз опух».

ЫМЛЫЛ УРИ ОҢ – Сойеп кораҗ ури – *дословно:* илистый урий.

Здесь внутри старицы до 1950 г. было стойбище Айпина Андрея Петровича (Ыльпи) и Айпина Романа Дмитриевича (Пакитя'ай). Здесь в 1948 г. родился мой одноклассник Айпин Виктор Романович. Это нас директор школы-интерната Виктор Яковлевич называл «пахшивцами».

ТРИ АГАНА – здесь три протоки Пытшиң Рәп Пыхыр Махи, Сорт Павҗк Рәп Мухут И Сорт Павҗк Рәп Пыхыр Махи образуют сложный для судоходства шестикилометровый участок реки, и называется всё это Три Агана.

Из дневника Аэлиты:

«На пути нам предстояло проехать через круговорот воды. Это место называется «Три Агана». Было, конечно, страшновато. Но, слава Богу, проехали благополучно! Правда, меня чуть-чуть завернуло к берегу, и маму крутануло немного. Пристали к берегу отдохнуть. Мимо ехал катер с баржей. На круговороте врезался в берег. Выехал. Немного проехал. Ещё раз остановился. На этот раз сел на мель. Выехал. Поехал дальше. После круговорота на «Трёх Аганах» мы с Нэлли поехали на шлюпке: устали».

ЯР СЕДОГО (ЩИМКИН ЯР) – название недавнее. Здесь было стойбище Айпина Ефима Андреевича (Щимка, или Седой), жил с семьёй до 1983–1984 гг. Однажды, во второй половине 70-х годов, мы с Айпиным Виктором Романовичем на моторных лодках заехали на стойбище. Щимка добыл медведя, и с членами своей семьи играют Игрище. Мы присоединились и участвовали в некоторых сценах.

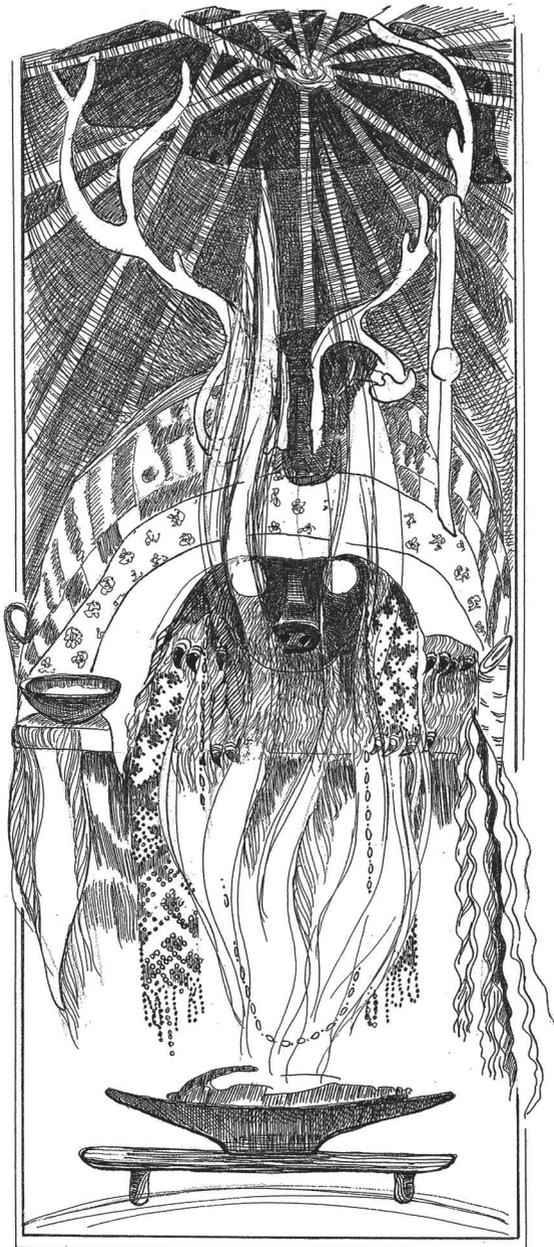
ПЫТШИҢ РӘП УРИ ОҢ – Ури оңнэ Андри-ики кот волы.
Перевод: Возле устья старицы было стойбище Айпина Андрея Петровича до 1950–1952 гг.

СОРТ ПАВҖК РӘП – Айпин ях йимың пухул.

Из дневника Аэлиты:

«Ходили на Айпинское кладбище. Здесь большой беспорядок. Многие могилы раскопаны. Кто копал? Одна могила находится в стороне от всех. Говорят, он ненец. Айпинский зять – муж сестры Романа и Николая. Он сам пожелал, чтобы его похоронили отдельно. Рядом с кладбищем есть археологические памятники».

МЫЛҖҢИ – в разное время здесь были стойбища: Айпина Виктора Романовича, Айваседы Антона (Аношки) Панкчевича,

Айпина Ефима Андреевича, Покачева Сергея Владимировича, Лисина.

Из дневника Аэлиты:

«Заехали по пути к Покачевым. Пообедали. Жарится подавушка из иуки. Стойбище ещё расстраивается. Строится 3 новых избушки: хозяев – Владика и Лисиных. Погода стала жаркая. У Каролин загорело лицо. Особенно сильно покраснел нос.

Папа, Виктор Романович, Штефан, Каролин и ребята с телевидения уехали смотреть археологические памятники. Заехала незнакомая шлюпка. На ней оказались ребята из п. Аган. Мы выехали со стойбища в четвёртом часу».

КОТ ПЫРЕҢ СЫЙ – сойеп коран сый. Айпин Дмитрий Петрович (Митри-ики) велји котыҥ пухул волы (до 1940 г.).

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Синко-пугол», Дмитрия Айпина юрта. 1 юрта «парт-кат».

СИҢКИ ПЫХЫР МАХИ – *дословно*: старица турпанов.

СИҢКИ ЯХЫМ ВАНТЫҢ – здесь стойбище Айпина Николая Дмитриевича (Нюр-ох), его сына Петрушки (Пётр Николаевич), племянника Айпина Виктора Романовича и недлительное время жил зять Николая Аношка (Айваседа Антон Панкчевич). Здесь много археологических памятников.

Брусничник Горельник – кого только сюда не несёт за брусничкой! Вообще-то издавна здесь Айпины собирали ягоду.

ЮХ ЧУККЫҢ СЫЙ ОХУТ – нёрым палык.

Из дневника Аэлиты:

«Впереди был большой поворот. Те, кто ехал впереди, – поехали кругом, а мы – оставшиеся, обогнали их, пройдя через перетаску.

Здесь было много княженики и голубики. Немного поели и поплыли дальше. Теперь наша группа едет впереди».

ЮХ ЧУККЫҢ СЫЙ – Юх чуккың сый лойек сойеп кораң.

Дополнительная информация:

Юх чуккың сый алымпалык улэк онтнэ Сиңк оң йис ях йи-мың пухул. (Древнее кладбище. Около XVIII века.) Здесь не-далеке в 60-х годах похоронен Айпин Дмитрий Романович.

ЛЈЕВ ЛИКУП – (водоворот).

ПОПЭЛХЭН УРИ ОҢ АЛЫМПАЛЫК СЫЙ – Авус-ики котың сый.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Сар-таковы юрты. 2 юрты, живут в чумах, 4 лабаза. Количество населе-ния: старше 14 лет – муж. 7, жен. 7; младше 14 лет – муж. 4, жен. 4. Всего 22 человека».

САРДАКОВСКИЙ ПРИЁМНЫЙ ПУНКТ – до 1963 г. здесь, прямо на стойбище Сардакова Василия (Ващи, Авус-Ики) был приёмный пункт. Кроме того что здесь принимали рыбу от рыбаков, сушили, солили и морозили рыбу, ещё здесь был ма-газин-ларёк, или пункт приобретения продуктов. Приёмщи-ками в разное время здесь работали Кугаевский Борис Васи-льевич и Суровцева Лидия Петровна.

Дополнительная информация:

Я был в Московском Кремле, в так называемом «рабочем ка-бинете» В. И. Ленина. На стене висит огромная карта. Экс-курсовод сказала, что Ленин довольно часто пользовался этой картой. Я переспросил, действительно ли это так. Она ответи-ла: «Да, действительно».

На этой карте в районе реки Аган было помечено только два населённых пункта: Варьёганская и Сардаковская.

ПОПЭЛХЭН СЫЙ – тем сый мухут тойял. Мухут нум оллэңнэ Седой (Щимка) ими кот волы. Стойбище Айпиной Елизаветы Михайловны с детьми, до 1984–1985 гг.

ЙЕМ ОҢНЭҢ УРИ – осеннее стойбище Сардаковых. Восстановлено в 1993–1994 гг. Сардаковым Антоном Васильевичем.

ПОТЫНЭ ПЫХЫР МАХИ ОҢ – Сардаков ях энэл пыхыр махи. Сойеп коран. Калкос латнэ ма тем пыхыр махии велжинат мäs-кот помыт илтым – *дословно*: Большой Сардаковский Урий. Тони для невода.

Во времена колхоза я из этой старицы на оленях возил сено для скотного двора.

ПОТЫНЭ РÄП – Тем рäпнэ Икыли кот волы (до 1950–1952 гг.).

- Сардаков Андрей,
- Сардаков Сидор,
- Сардаков Александр – уехал на Егурьях до рождения сына Михаила.

Здесь родовое Сардаковское кладбище.

ЯВУРЬЯХ ОҢ АЛЫМПАЛЫК РÄП ПУЛ – вонт палык.

Из дневника Аэлиты:

«Остановились на первый ночлег. Егор Большой мастерит куженьку. Штефан записывает загадки и старые слова, которые вспоминают Виктор Романович и Егор Большой. Оказывается, Штефан знает уже много хантыйских слов».

ЯВУРЬЯХ ОҢ – нёрым палык Сардаков ях явун.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рёчки Егурьяхъ лежитъ противъ зимнихъ юргъ, выше предыдущей р. Юк-конь-еганъ на 29 верстъ. Ширина Егурья-Яха 10 саж., глубина – 1–2 арш., протяженіе – 50 верстъ. Здѣсь водится рыба: язь, щука, окунь и налимь. Лѣсъ по рёчкѣ – сосна по бывшей гарии».

КОМЫТ УРИ СЫЙ – тем сый оңнэңнэ 1964–1965 олнэ Айпин Роман Дмитриевич (Пахи-ики) пан Сардаков Константин Сидорович (Ай-пулыли) волхэн.

БЫСТРАЯ – протока. Хантыйское название: Почаңпил Пыхыр Махи. Ненецкое название: Палутат.

МАХИ РÄП – ҢАЛКА НАЧЕ'ЕЙ.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Рэп-пугол» Прокопия Сартакова юрта. 1 юрта на болоте в 3 верстах от бер. Агана, 2 лабаза».

ВЕЧКИ-ИКИ КОТ ВОЛЫ – Айпина Фёдора Петровича стойбище до 1950–1953 гг. Здесь же семейное кладбище.

МАХИ ЛЈОР (МАГИЛОР) – Махи рäп тшомеккы нёрым поч-нэ кулэң лјор.

*Литературное отступление*¹⁵.

НОВОАГАНСК – посёлок геологов. Начал строиться в 1964–1965 гг.

АЙ РÄП – НЮЧА НАЧЕ'ЕЙ – *дословно*: малый яр – наче'ей чу'увняңи малхат то'тгай кав ня'куна Ане'т пэмват. Ане'т – мань немяй нешаң неша. Немяй нешаң немя то'тгай ними каван хинтамайтуң.

Из дневника Аэлиты:

«На Маленьком Яру хотели ещё раз перетащить по волоку, но впереди едущие проехали мимо, и все поплыли вкруговую. Говорят, тропинка во-лока сильно заросла».

ЯХЫМ КОНЫҢ НЁХ – Тэм нёх коныңнэ ма аңки чечемнат ай рыт юх авутмэн. Чечем намэҗ Хопли.

Перевод: Живун под бором – возле этого живуна мы с дедушкой по матери заготовляли осины для обласов. Дедушку звали Хопли.

¹⁵ См. рассказ «Как Уполномоченный учил рыбаков рыбачить». Т. 2, с. 120.

ЫСЧЕТКА КОТЫҢ МАХИ ОХУТ – 4–5 лет назад течением прорвало поворот, и теперь здесь ходят катера. А ещё в 1996 г. здесь мы на обласах ходили по волоку.

Из дневника Аэлиты:

«До первой перетаски ехали всего один час. Сейчас горит костёр. Варится чай. Телевидение из Сургута снимают фильм. Толик нашёл ягоду – княженику. Егор Большой мастерит весло для тёти Капы. Пьём чай. Хорошо! В 15 часов 15 минут едем дальше».

ЫСЧЕТКА КОТЫҢ МАХИ – Ысчетка лон кот волы (около 1900–1920 гг.) – *дословно:* место, где было летнее стойбище Ысчетки.

Дополнительная информация:

Вэлла Ысчетка – оленный ненец. Жил в районе устья реки Варьёган и в районе, где сейчас село Варьёган. Количество оленей у него было, со слов наших стариков, «мульон». У Ысчетки был брат малооленный (имя не установлено). Женат он был на сестре Айваседы Янчи – Ачапи. Говорили, что в отличие от Ысчетки, брат был «бедный» – у него было около семидесяти оленей. Жил брат в верховье Агана вблизи озера МАВҢК АВИ САВ ЭМТОР.

Об Ысчетке есть молва, что «его съела жадность». Когда умер Ысчеткин брат, Янча и Палачу вывезли свою сестру Ачапи сюда, на Варьёган, на родину, вместе с оленями, оставшимися от её мужа. Но Ысчетка отнял у неё этих оленей.

За этот поступок, говорят, боги наказали Ысчетку. Его семья полностью вымерла от тифа (около 1921 г.), и сегодня на Агане нет потомков Ысчетки.

Ачапи через несколько лет после смерти мужа вышла замуж за Иуси Акки. И сегодня в Варьёгане и Агане живут их потомки.

ЫСЧЕТКА КОТЫҢ СЫЙ – нёрым палык – *дословно с хантыйского:* песок жилища Ысчетки – тундровая сторона.

*Литературное отступление*¹⁶.

¹⁶ См. триптих «Ысчетка-шаманишка и другие», часть 1. Т. 2, с. 21.

ЫСЧЕТКА МАЛҔА – Пящитаҥ ня'ав ты'щи няҥи маҔа. МаҔаҥ ҥайвахана Ысчетаҥ таҥи ҥисыта татя ҥамай, ты' мя'самы – *дословно с ненецкого*: Песок Ысчетаки – на песке нижневарьёганском Ысчетаки летнее стойбище с оленьим домом (для дымокура).

ВАРЫҢ ЯВУН ОҢ АЛЫМПАЛЫК СЫЙ – вонт палык. Сый оҥуныҥ ай рапнэ Ысчетака сувыс кот волы.

Почти дословно: На маленьком яру, что в изголовье песка, Ысчетаки осеннее стойбище.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Вар-яун-пугол». 1 юрта, 2 лабаза, вымершие 2 года назад».

ВАРЫҢ ЯВУН ОҢ – Варыҥ явун оҥ кул кынччи ях тыхи плашкоутат омытлат.

Почти дословно: На устье Варьёгана для рыбаков гослова ставили плашкоут для приёмки рыбы.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Варь-егана лежит против зимняго чума, между лѣтными юртами и выше предыдущей рѣчки Егурь-Яхъ на 15 версть. Ширина Варь-егана равняется 7 саж., глубина 1–1½ арш., протяженіе до самоѣдовъ – 30 версть; здѣсь ширина рѣчки – 5 саж. Въ 6 чумахъ проживаетъ 16 дѣльныхъ работниковъ. По этой рѣчкѣ рыбу добываютъ только лѣтомъ запорами (шуку, язя, сорогу, окуня и налима). Лѣсъ здѣсь – мелкій болотный березнякъ».

ОКУ МАЛҔА (Ҧахаҥ маҔа) – (тундровая сторона). Понанта чикехена ҥисы ҥамай. Аки чикехена тилимай. Акиҥ нюча татямэмай. Окум ними'май, немянта ним Ачапи. Оку тамна нюча. Шеллта ҥанута татяҥамай. МаҔаҥ кавмана ҥинутолштомай. Кукаҥхена Оку тыхаҥ чеҥ лапяхаль. Нешатюҥ пугта манытеҥата: «Оков, нинюн ваптумэй!» Чикехет не'ша' чики маҔам Оку маҔамана пателштутуҥ.

Пересказ:

Когда-то здесь было стойбище ненца Аки. В 1930-е годы. У него был маленький сын Оку, мать его звали Ачапи. Хоть Оку и маленький ещё был, но имел свой облас. И вдоль песка по мелко-водью всегда плавал. Однажды Оку поплыл через реку на тот берег. Отец, вслед ему глядя: «Смотри, Оку, не опрокинься!». С тех пор ненцы называют этот песок Оку маја.

Иуси Аки жил на реке Варьёган в разных местах и возле устья. Ненцы его считали изобретателем. Однажды он изобрёл для лодки лопасти, видимо, как у пароходов, которые он видел в Сургуте. Лопасти приводил в действие педалями, которые он сам смастерил. Среди ненцев Аки самый первый приобрёл лодочный мотор. Некоторое время лодочные моторы в Варьёгане называли Аки-һану – лодка Аки. Кладбище родственников Аки находилось на берегу реки Варьёган, там, где сейчас шоссейный мост между Новоаганском и Варьёганом. Когда образовался Новоаганск и стала прокладываться дорога в Варьёган, жители Новоаганска из любопытства стали разорять могилы. Аки могилы родственников перевёл на новое место. Сейчас они находятся в километре восточнее общепоселкового кладбища.

Оку был секретарём комсомольской организации, потом секретарём партийной организации. В колхозе он занимал должности бригадира, мастера. Недлительное время охотился и рыбачил. Похоронен на Варьёганском кладбище. Аки и Оку имеют потомков в Варьёгане и в селе Аган. Родственник Аки и Оку Аули в молодости ездил на маленьком деревянном катере, именовавшемся в народе мотолодкой. Двигатель работал на нефти. Когда колхоз приобрёл новый катерок с металлическим корпусом, мотолодку списали, и течением её отнесло на Оку маја (см. Мотолодка ноптым лух).

ОКУ МАЈАҢ ВАЙТЯ'АЙ – капехена нимча Лјаймэҥ Рәп Корр – *дословно*: Оку речной косы плёс – хантыйское название Топориного яра плёс.

Мой комментарий: Речь идёт об одном и том же плёсе, длина которого около четырёх километров. Но названия на ненецком и на хантыйском разные. Ханты назвали плёс по названию яра, находящегося в одном конце плёса, а ненцы назвали по названию песка (речной косы) – в другом конце плёса.

НАЧЕ'ЕЙ МАЛ – *дословно:* окончечность яра. Здесь был причал УПТК треста «Варьёгантрубопроводстрой».

*Литературное отступление*¹⁷.

ТУ'ПКА НАТ (Ту'пка наче'ей) – (тундровая сторона). Понанта чуки натхана ма'ай' џисы џамай. Кука́хена' чу'увняџат џахаџ кысумна вентат шел хатям' тоџа'. Ванлкана тасамкапиџа' патинла хаштутуџ. Ёоп џалкампой вайсы'ку нат нит лјинту'куувтемта ня'ампё' џанохана минча' хатям' тет џымылја: «Талня'куџ тоџата', нена' конулкама', хайнолман ха'пта' хайнолјке'кма'.» Хатям' мунши' вентат шел ху'вянеџа', пы'татуџ тыт'юџа'. Чу'увна џайта џисы наче'ей тамтымпита, хомана ни џычу' шамян џаймята. Поџкнантуџ маншту': «Вайсы'ку талјам шей'џа, маханта няна нича татямэ'. џу'ка' џи'ни', мэмя'сни'. Тытлји' пухупи вайсы'кокулэ' џамыганта таньше' мэны». Талјам вентат шел ты'шиняџ хынклјуши' чахаџа'. Чаха'махатантуџ' џисыхына мэмы', вайсы'куџ камна' џашкиутили' немяна'туџ няџ џамай', џатан тямтатјт, кунјат. Касама' ма'кнантуџ тјакумай', кантя'ниша'...

Чета' Ту'пка нат нина Пяшита лапкам ними'ча џисы татја лусахана Варьёган ними'џа.

Краткий пересказ: Ту'пка нат переводится Топориный яр (Яр топора). Повернутый к солнцу обрывистый берег Агана. Легенда говорит, что когда-то на этом яру стояло стойбище. Однажды с верховий Агана появилась лодка с воинами. Их вроде называли «тасам капи». На стойбище мужчин не было, наверное, они промышляли. Были только дети со своими матерями, да один дряхлый старик. Взял в руки старик топорик

¹⁷ См. рассказ «Возвращение». Т. 1, с. 127.

и с высокого берега грозил воинам: «Куда вы спешите, подите сюда, ведь вы воевать хотите, давайте повоюем». Воины в лодке притихли и молча плыли мимо. Они между собой перешёптывались: «Наверняка старик не один, наверное, на стойбище у него много сынов-воинов, потому он так смел». После того как лодка с воинами скрылась за поворотом, люди собрали чумы и откочевали. Сейчас на этом яру расположен посёлок, который называется Варьёган.

ЛАЙМЫҢ РӀП – хантыйское название яра на Агане, который по-ненецки называется Ту'пка нат. Это дословный перевод с ненецкого языка. Но вполне возможно, что первичным был хантыйский вариант, а ненецкий является калькой, потому что в хантыйском варианте происхождения названия рассказывают одну и ту же легенду.

ВАРЬЁГАН (тундровая сторона) – село (см. Варьёган река). Здесь, наверное, и в разные времена жили люди, были стойбища (см. Тупка нат). На картах начала века появился населённый пункт приблизительно с 1920-х годов. В частности, в Московском Кремле, в так называемом рабочем кабинете Ленина в 1968 году висела огромная карта СССР. На той карте на реке Аган всего два населённых пункта: Варьёганская (283 км) и Сардаковская (243 км). Экскурсовод на мой вопрос: «Пользовался ли Ленин этой картой?» ответила: «Да».

АЙ МУХТЫЛИ – протока, где кладбище Варьёганское.

БЫСТРАЯ ПРОТОКА – хантыйское название Почаҥпил Пыхыр Махи, ненецкое – Палутат.

ПАЛУТАТ – Быстрая Протока – по-русски, Почаҥпил Пыхыр Махи – по-хантыйски.

ПОЧАҢПИЛ ПЫХЫР МАХИ – быстрая протока, Пајутат.

ТИХОЙ (Тихая) – ударение на втором слоге. Так русские переселенцы называют Комыт Ури – хантыйское название и Оку Неша Маје'ей – ненецкое название.

НЁХ ЛОҢКЫТ УРИ – (Ааны Маје'ей) – *дословно*: урий ло-
синых копыт.

ААНЫ МАЈЕ'ЕЙ – *дословно*: старица Анны. Кроме Пильки с матерью, на этой старице жила тётка Пильки, её звали Анна.

ПИЛЬКА МАЈЕ'ЕЙ – (Ааны Маје'ей) – Пилька немянта няҗ хылы мя'чь чуки малыҗ нат тилня выҗ тят ня'куна җола. Талям чуки маје'ей чики нимча наме'е.

Перевод: Казамкин Филипп (Пилька) с матерью напротив этой старицы на окраине бора имели зимнее стойбище. Поэтому эта старица так называется.

КАВАХЫН ОҢ КОРР – *дословно*: плёс устья Ампуты.

КАВАХЫН – кавэҗ Ахын – *дословно*: плавневый (болотистый) Аган.

ПИЛЬКА ВУЧҢИ КОТЫҢ СЫЙ – *дословно*: песок стойбища покойного Пильки.

МЅВҢККЫҢ РЅП (МЅВҢККЫН РЅП, МЅВҢК КОН РЅП) – Я слышал три версии названий этого яра: Яр, имеющий МЅвҢк (Чудище), Яр двух МЅвҢк, МЅвҢка Живота Яр. Которая версия наиболее правдива? На этот вопрос я ответить не могу. Поищи ответ на этот вопрос ты, может, тебе больше повезёт.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Менконоп-рѣп-пугол» (великан-большое-брюхо). Петра Касымкина

юрта. 1 юрта, 2 лабаза. Количество населения: 4 человека (муж с женой, мальчик и девочка)».

СЫККЫҢ ПАЙ ОҢ ПУХУЛ – тыт волым ях:

- Казамкин Антон,
- Казамкин Никита Антонович (Копан-Чан),
- Казамкин Алексей Антонович (Лэшта),
- Казамкин Андрей Антонович (Андри-Ики).

Лабаз Никиты с этого стойбища перевезён в Варьёганский музей.

АНДРИ-ИКИ КОТЫҢ СЫЙ – здесь жили:

- Казамкин Андрей Антонович.

Его сыновья:

- Казамкин Сергей Андреевич,
- Казамкин Егор Андреевич.

Дом Андрея Антоновича с этого стойбища перевезён в Варьёганский музей.

СУВЫС КОТЫҢ ОҢНЫҢ – здесь было осеннее стойбище Казамкина Галактиона Никитовича.

ЛАРЫКҢИ УРИ – *дословно*: урий ершовой реки. Здесь было стойбище Казамкина Тихона Михайловича.

ЛОРТЫМ УРИ – *дословно*: остриженный урий. Здесь были лесовырубки для нужд нефтяников.

ВОНТ ЯХ РӀП – *дословно*: яр таёжных людей. В 40–50-х годах на этом яру проживали с семьями:

- Казамкин Иосиф Иванович,
- Казамкин Михаил Иванович,
- Казамкин Фёдор Иванович (Кор-коныҥ-Ики).

Последнее время здесь живёт Казамкин Дмитрий Иосифович со своей семьёй и обитают у него братья:

- Казамкин Виктор (Пират),
- Казамкин Леонид Михайлович.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Онрях-рэп-пугол» Александра Касамкина юрты. 2 юрты, 3 сына живут на болоте и не выезжают на Аган. Количество населения: всего 26 человек вместе с детьми».

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Вонь-Яхь-Рапъ-пуголь 1 (Александръ Ивановъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны, въ 2 верстахъ отъ Агана. Эти юрты отстоятъ отъ юртъ Варь-еганскихъ въ 20 верстахъ (по зимней дорогѣ). Противъ юртъ ширина Агана 40 сажень, глубина – 1 саж., въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ – 1 арш. Подъемъ воды весною бываетъ до 3 сажень. Лѣтнія юрты Вонь-Яхь-Рапъ-пуголь находятся на правомъ берегу Агана на 1 версту выше юртъ зимнихъ 1».

ВОНТ ЯВУН ОҢ – *дословно*: устье урман-реки (таёжной реки). Внутри этой реки жили с семьями:

- Казамкин Аристарх Иванович,
- Казамкин Данил Аристархович,
- Казамкин Михаил Иванович.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Вонь-егана лежитъ выше лѣтнихъ юртъ 1 (Александра Казамкина) на 4 версты и выше предыдущей рѣчки Кавва-еганъ на 11 версть. Ширина Вонь-егана 10 саж., глубина – 1 саж., протяженіе – 30 вер. Лодкою проѣздъ возможенъ на протяженіи 25 вер., гдѣ ширина рѣчки 7 саж., далѣе идутъ заломы. По рѣчкѣ опушкой служить ель; встрѣчается годная и на постройку избы.

Изъ рыбъ здѣсь попадаются щука, язь, окунь, сорога и рѣдко налимы. Промышляютъ ее въ августѣ-сентябрѣ при помощи запора мордами».

САП УРИ – *дословно*: урий с живуном. Сап и нѣх – это разновидности живунов. Рыбный неводной урий. Здесь жили семьи:

- Казамкина Спиридона Фёдоровича,
- Казамкина Сидора Фёдоровича.

Сейчас здесь обитают «бичи».

СОРТЭҢ УРИ – (нёрым палык). Казамкин Ысчипанхэн пан Апынасахын сойпэҥ ури – *дословно*: щучья старица. Казамкиных Степана Ивановича и Афанасия Наумовича неводной урий (старица).

ПУХУЛ ОЛЛЭҢ ЯВУН ПУХУЛ – *дословно*: стойбище Реки, впадающей на окраину стойбища. Так называется стойбище Казамкина Степана и его детей:

- Казамкина Кузьмы Степановича,
- Казамкина Егора Степановича (Егор Большой),
- Казамкина Антона Степановича,
- Казамкина Иосифа Степановича,
- Казамкина Ефима Степановича (Епи).

Кроме семьи Казамкина Степана Ивановича, здесь жила семья:

- Казамкина Григория Ивановича (Яхым-Пул-Ики) – детей нет.
- Здесь же невдалеке жила семья Казамкина Афанасия, его сыновья:
- Казамкин Николай Афанасьевич,
 - Казамкин Олег Афанасьевич.

Здесь же жила семья Казамкина Романа Васильевича.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Ивана Касаткина юрты. Количество населения: от 14 лет возраста: муж. 5, жен. 3; до 14 лет (дети): муж. 6, жен 5; всего – 19».

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Пу-глонь-Егань-пуголь (Василий Ивановъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны и въ 5 верстахъ отъ Агана. Юрты эти отстоятъ отъ юрть Вонь-Яхъ-Рапъ-пуголь 1 въ 9 вер. (по зимней дорогѣ)».

ЛҖАХЫР ЯВУН ОҢ – *дословно*: устье кольчужной реки. В песке на обрывистых берегах этой реки иногда попадают обрывки кольчуг. Ненецкое название этой реки Веш Тю'ма – веш тую'ма – *дословно*: потеря (с нарт) металлических изделий (кольчуги и мечи). Якобы враги после поражения так торопливо удирали, что даже не успевали оглядываться. А в это время у них с нарт выпадали кольчуги и мечи.

ВЕШ ТЮ'МА – веш тюху'ма – Јахыр Явун.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г.: «Устье рѣчки Тагарь-егана находится выше р. Пуглонь-егана на 8 версть. Ширина первой равна 10 саж., глубина – $\frac{3}{4}$ арш., протяженіе – 40 версть. По рѣчкѣ лѣсъ – чашевая сосна. Рѣчка эта рыбная. Зимой добывают мордами при помощи загражденій главнымъ образомъ язя, загѣмъ щуку, окуня и налима».

ЈАХЫР ЯВУН ОҢ ПУХУЈ – *дословно*: стойбище устья кольчужной реки. Здесь было последнее стойбище матери Казамкина Егора Степановича. Город Радужный рядом организовал своё кладбище, и она вынуждена была отсюда уйти: «Я что, на кладбище, что ли, буду жить?».

КОШ-РАН-ПУГОЛ – от хантыйского Контшаң-Рәп-Пухул – *дословно*: стойбище пестрого яра. Иногда сокращённо называют это место КРП (кэ эр пэ). Здесь жила семья:

- Казамкина Василия (Чачи-Ики).

Его дети и внуки:

- Казамкин Илья Васильевич,
- Казамкин Григорий Васильевич (Масвуй-Ики),
- Казамкин Константин Васильевич (Калвос-Ох-ко),
- Казамкин Василий Васильевич (Ай-мони),
- Казамкин Александр Васильевич (Сащи),
- Казамкин Ефрем Ильич (Епи),
- Казамкин Семён Ильич (Семан),
- Казамкин Леонид Константинович.

Кроме того, у Казамкина Василия (Чачи-Ики) была дочь Арина (Аринэ).

Ещё у Казамкина Василия (Чачи-Ики) был побочный сын Казамкин Роман Васильевич, он жил с матерью. А став самостоятельным, жил на соседнем стойбище Пухул Оллэң Явун Пухул. Казамкин Григорий Васильевич последнее время перед переездом в село Варьёган жил на Ампуте недалеко от устья, и у него сын:

- Казамкин Роман Григорьевич – его стойбище возле Мавѳкыѳ Рӓп.

Казамкин Ефрем Ильич последнее время жил в селе и, женившись на моей матери, стал отцом моих братьев:

- Казамкина Алексея Ефремовича,
- Казамкина Владимира Ефремовича.

Некоторое время на этом красивом пѣстром яру была третья подбаза Мегионнефтегазгеологии. Сейчас здесь дачный посѣлок города Радужного.

АХЫРНАҢ ЯВУН ОҢ ПУХУЛ – здесь было весеннее стойбище семьи Казамкина Константина Васильевича.

РАДУЖНЫЙ – город нефтяников Варьѳганнефтегаза.

СЫМТУ ОҢ – кулѳу явун. Предполагаю, что название произошло от ненецкого сы'ынта'ма – протискивалась, толпилась (рыба). Последнее время здесь рыбачил Казамкин Егор Степанович.

ЛОЛНЭ ЯВУН ОҢ – Лолнэ Явун – *дословно*: река Лягушки. Здесь жила семья Казамкина Петра, его так и прозвали Лолнэ-явун-Ики.

СОПЫРКИ ЯВУН – Сопырки – иносказательное название Лягушкиной реки.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѳчки Сапоркинѳ-егана находится выше р. Тагарѳ-еганѳ на 26 версть. Рѳчка эта протяженіемъ около 30 версть».

МАВУТ ЯВУН ОҢ – Мавѳых Явун – *дословно*: мохѳиковая (ельцовая) река.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѳчки Мохѳокѳ-егана находится выше р. Сапоркинѳ-еганѳ на 23 версты. Длина этой рѳчки около 35 версть».

ПОЧАМПИЛ (НАЙ ЛИВЫМ) ЯВУН – моторнат Ахын тойнам яңкилмам латнэ тэм явун оңнэ шай йинчмэн Пиратнат (Казамкин Виктор Иосифович).

НАҢК ЯВУН – *дословно*: лиственничная река.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Нанкъ-егана находится выше р. Мохтокъ-егана на 13 версть. Рѣчка эта имѣеть протяженіе въ 30 версть».

МӒВҢК АВИ САВ ЭМТОР – *дословно*: Старца МӒвҢк дочери (семи) косичек озеро. В это озеро впадает семь рек и ручьѳв, они и являются косами дочери МӒвҢк-Ики.

Из этого озера вытекает река Аган.

СОРТЫҢ ЯВУН – один из притоков озера МӒвҢк Ави Сав Эмтор – *дословно*: щучья река.

оз. СОРТЭМТОР – (название на карте). Из этого озера вытекает река СортыҢ Явун.

ЭЛЛЕВАНЬЕГАН – один из притоков озера МӒвҢк Ави Сав Эмтор называется на карте Эллеваньѳган. Это явно ненецкое имя. Я предполагаю, что брата Вэллы Ысметки, который по рассказам наших стариков, жил возле озера, возможно, звали Эллева (Элява) и жил он, наверное, на этой реке.

Е. Тулуз

СИБИРЬ – ЭТО ЖИВОЕ МЕСТО, ГДЕ ЧЕЛОВЕК ПРИСУТСТВОВАЛ ВСЕГДА

Книга Юрия Вэллы «Топонимический словарь бассейна реки Аган» является уникальной, чрезвычайно ценной, которая может являться примером для других авторов, желающих составлять аналогическую топонимику.

Её ценность связана с двумя главными аспектами.

Первое – содержание. Данные, с которыми можно познакомиться благодаря этой книге, являются неписанной историей бассейна реки Аган. Для приезжих, носящих культуру другого типа, тайга и болота – как бы пустое место, однако это трагическая ошибка. Сибирское пространство – это живое место, где человек присутствует уже много столетий. Таёжная культура не выражается письменно и не строит постоянных монументов. Она остаётся в памяти и передаётся из поколения в поколение в песнях, преданиях, топонимах. Таёжные сообщества приспособлены к суровой природе этих регионов – люди не ограничены определёнными населёнными пунктами, они охватывают территорию в целом, не постоянно, но регулярно обеспечивая гармоническое слияние человека с местной природой. Лес и болото – не пустые, здесь обитают люди и духи. Но как может чужой человек знать об этом, если его не освещают такие произведения, как топонимический словарь Юрия Вэллы? Читая эту книгу, мы узнаём о духовном

богатстве обитателей этой земли, и «пустое» пространство оживает.

Второе – языковой аспект. Книга – трёхязычная. Коренные народы бассейна реки Аган – это сургутские ханты и лесные ненцы. У каждого из них есть свой язык, и пусть существует мало письменных памятников, но устная речь очень богата и тесно связана с окружающей средой. Каждое место, в зависимости от родов, которые там жили, имеет одно, два или три названия, и каждое из них передаёт духовную историю людей – носителей данного языка. Юрий Вэлла знает все местные языки, поэтому имеет возможность фиксировать, сохранять и развивать эти коренные культуры. Ведь таким образом память остаётся для будущих поколений, для народа, а также для учёных, изучающих эти края. Тем более фиксирование традиции на младописьменных языках позволит создать для этих языков новую традицию – письменную, и таким образом обогатит их и выведет на новый уровень развития.

Но сегодня пришлых, а также коренных жителей, потерявших свой родной язык, объединяет русский язык. Информативная часть книги богата и для носителей только русского языка. Он теряет лишь смысл непереводаемого – поэтику, краски оригинала. Иногда автор сразу пишет по-русски, иногда передаёт дословный перевод, иногда – краткий пересказ. Если кто-то хочет узнать больше, то он может познакомиться с местными языками лучше – эта книга оказывает бесценную помощь человеку, который изучает коренные языки, а также учёному-этнографу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТОПОНИМИКА ПРИТОКОВ РЕКИ АГАН

СУХМЭТ ЯВУН – Сухмэтаҥ явныли – *дословно*: берёзовая речушка (ручей).

КОСАМЫ ТЯХА – *дословно*: река, имеющая берёзы.

МОЛЈЈ (тундровая сторона) – Епаркинская речка.

МОЛЈЈ ЛЈОР – Епаркинское озеро.

КАРАМСАҢ ЛЈОР КАРАТ – продолжение Епаркинской речки. (Рыбоучастковое рыбопромысловое название Карым-Сан.) Сюда забрасывали на промысел бригаду рыбаков. Рыбу в 60–70-х годах вывозили даже самолётами.

АЙ НАҢК ЯВУН – *дословно*: малая лиственничная река. Здесь обитал Коска (Покачев Константин Кириллович), поэтому речку иногда называли Коска Наҥк Явун.

НОНГЪЁҢАН – название на карте от Наҥк Явун.

НАҢК ЯВУН ПУХУЛЈ –

- Покачев Иван Андреевич,
- Покачев Михаил Иванович,
- Покачев Иосиф Иванович,

- Покачев Еремей Васильевич,
- Покачев Геннадий Галактионович (Панковский).

КУНЕҢ-КО ЯХЭМ – бор называется от клички неизвестного человека древности. Его, похоже, звали Кунең-ко (Встающий с рассветом).

САҢКИ ЛЈОР ЯХЫМ ВАНТЫҢ – бывшее стойбище 1950–1970 гг.:

- Покачева Ивана Андреевича,
- Покачева Еремея Васильевича,
- Покачева Геннадия Галактионовича (Панковский).

ТАВТЫМ ЯВУН – Вшивая река, или Река Вшей. Почему так называется, сегодняшние жители реки не смогли объяснить.

КАВ-ИКИ – *дословно*: Старец-камень. По малой воде торчит посреди реки огромный камень-валун. Этот камень способен очень точно предсказывать погоду. Когда предвидится ясная погода, камень имеет цвет «сой мохк» (яйцо гоголя), голубоватый оттенок. Перед пасмурной погодой – это обычный серый камень. Жители реки Наңк явун здесь проводили жертвоприношения.

НЕВИ ЙИҢКЭП УРИ – урий питается из родников, поэтому здесь всегда чистая вода, и сюда на зимовку становится рыба.

МЫҢПАИМЛОР – озеро вблизи Нонгъёгана, название от хантыйского Мыхпаең-Лјор (земли куска озеро – озеро с островом или с островами). Вроде бы, это озеро является частью бассейна реки Наңк явуна.

ЛУК КОТ УРИ – Покачев Геннадий (Панковский) котың ури. Итпы тот волл (здесь было стойбище Покачева Геннадия, здесь теперь его могилка).

ПУТ ЯВУН – длительное время на берегу висел котелок. Кто его оставил – неизвестно.

ЛОПАРЁВСКИЙ РУЧЕЙ – здесь некоторое время жил (бичевал) Лопарёв Анатолий. Последнее время отбыл в неизвестном направлении.

НАРМА ЛОР – здесь родина Айваседы Мачили и его сыновей Ауча и Оччаль. Ауча здесь и похоронен. Ненецкое название Налтанлма – весновка, возле речки весновали с оленями, а к комарам откочёвывали к озеру, там продувается – меньше комаров и овода.

РЫЖИЙ РУЧЕЙ – здесь жил (бичевал) Лёха Рыжий по фамилии Любимов. Сейчас живёт в Варьёгане с Ритой (дочерью Пятяты).

КАНСАҢ УРИ – *дословно*: старица папиросы или курительной трубки.

ТИЛШТА'МА ТИҢ'КУ – Щича не'шаң, ытсахахың-кайкасахыхың пё'ма тя. (Борик, где два родных брата друг против друга совершали заклятия. В итоге их обоих не стало, и борик никому не достался).

МОХТИКЪЁГАН (Мохтикъёган) – название на карте (от хантыйского). Здесь ловили, вялили и вывозили на барже тоннами для сургутского рыбокомбината мохтика (елец, мегдым).

МОХТИКЪЁГАНСКИЕ ЮРТЫ – Мохтикъёганские весенние юрты. Здесь было три юрты:

- Покачева Павла Ивановича,
- Покачева Спиридона Ивановича,
- Покачева Григория Васильевича.

После их смерти здесь жил Покачев Пётр Степанович, а дальше всех Ольга Никитична – жена Спиридона.

МАВУТ ЯВУН ЯХ МЫЛЫҢ ПУХУЛ – Мохтикъёганские весенние юрты.

ПЕВ ОҢ ЯХЫМ – Покачёвский бор.

ПЕВ ОҢ ЯХЫМ ВАНТЫҢ – раньше здесь было кладбище Карамкиных (Тырлиных), теперь здесь промысловые объекты ТПП «Покачёвнефтегаз», ЛУКОЙЛ.

КУТХИН УРИ УЛЭК ЯХЫМ – здесь было весеннее стойбище Карамкиных, здесь проходил весенний отёл оленей, здесь Тырлины ловили мохтика для Сургутского рыбокомбината. В 1973–1974 гг. я с женой Леной принимал от них рыбу, вялил и по открытии навигации отправлял в рыбокомбинат. До меня несколько лет здесь принимал рыбу Покачев Алексей Галактионович с женой Надеждой.

Карамкины:

- Тырлин Никита Семёнович с семьёй,
- Тырлин Егор Семёнович с семьёй,
- Покачев Николай,
- Айпин Архип Васильевич с семьёй,
- Талли (Дарья) – мать Никиты и Егора, бабушка Николая, тёща Архипа,
- Ай-Талли (Мария) – мать Николая.

ПЕВ КОНЫҢ КУСҢАЛ – здесь стояли зимние юрты Карамкиных.

ЛЕВК КОРЫҢ КУСҢАЛ ВАНТЫҢ – здесь дорога с Покачёвского бора спускается в пойменный бор.

ПЕВ ТОЙ КОР – болото, откуда начинался Пев.

ВАТЬЁГАН – река. Самый крупный приток Агана.

А. К. Матвеев в своём кратком топонимическом словаре «Географические названия Тюменского Севера» (Екатеринбург, 1997) пишет: «Ватьёган, прав. пр. р. Аган, ХМАО. На картах иногда Ватьёган. Хантыйское вать – «узкий», ёхан – «река», т.е. «Узкая река». В диалекте лесных ненцев Дяпта дяха с тем же значением «Узкая река».

Я так же, как и А. К. Матвеев, среди тех людей, которые придумывали название этой реке, не сидел возле чувала в моховом жилище, не полулежал возле костра в берестяном чуме. Я так же, как мой соратник по топонимике, смею только предполагать. Но, в отличие от моего коллеги, я говорю на своём лесном ненецком, на языке жены сургутском хантыйском и немного на лесковско-ожеговском русском говоре. Поэтому тоже хотел бы на тему о Ватьёгане вслух порассуждать.

Наше аганское произношение на ханты языке вачь явун, где явун – «река» – бесспорно. Но вачь... – тут бы я не торопился с точным выводом. Пример:

- вачь таңыр – узкий проход, узкая щель,
- вачь явун – узкая река,
- вачь йинтып – тонкая игла,
- вачь сухум – тонкая нить.

Тогда как на ненецком моём:

- тытя сэхэ – узкий проход, узкая щель,
- тытя тяха – узкая река,
- тяпта хайтулавш – тонкая игла,
- тяпта тэн – тонкая нить.

Поэтому, исходя из вышеприведённого примера, я вижу такую сцену: встречаются группа ненцев с группой ханты и один из ханты, говорящий на ненецком, стал говорить про реку, которую только что пересекли. И не чувствуя разницы, по аналогии своего языка, вместо тытя тяха назвал реку тяпта тяха.

Ненцам такое определение облика реки понравилось, оно запоминающееся, оно подсказывает, что на реке, кроме ненцев, живут и ханты. И это определение закрепилось на ненецком языке как

название реки. Так что название Тяпта Тяха подарили ненцам ханты. И в дословном переводе: (тонкая речка, тоненькая река). Вы согласны со мной, Александр Константинович? (См. дополнительно «Капити' катала'ма тиг'ку»).

ЧОМЛЭҢ РҰП (яр с зарубкой) – верхний конец этого яра по форме напоминает огромные ступеньки, словно специально вырубленные.

ПАЕҢКЭЛЭМ ЯВУН – речка в верхней оконечности яра. Однажды мы с женой и дочерью Аэлитой (6 лет) здесь в начале апреля проводили свой отпуск. И вот в одно ясное утро возле нашей палатки появились следы медведей. Оказывается, мы свою палатку разместили возле берлоги.

Я отвёз своих на стойбище к Покачеву Кузьме Михайловичу. Кузьма сказал, что медведи будут беспокоить оленей, и мы поехали за ними. Оказалось, медведица с двумя медвежатами.

ПАЕҢКЭЛЭМ ЛОР – озеро, из которого вытекает речка ПАЕҢКЭЛЭМ ЯВУН.

ПЕТРУШКА ЯВУН – Петрушканэ кынмал пэтан тохун намти. Петрушка – Покачев Павел Иванович чечч-чечи.

ҢИСЫ МАЛ ТЯХА'КУ – *дословно*: река, впадающая в окраину стойбища.

СОЛЬНИК АЛЫМПИ СОЙПЭҢ СЫЙ – *дословно*: неводной песок напротив сольника.

КАТУ'ТА – (ненецкое) Еловая.

Дополнительная информация:

На Ватьёгане три главных святилища: верхнее, среднее (глав-

ное), нижнее. Нижнее – на Катуг'те. Среднее – ниже устья реки Кы'ымкана (там, где вахтовый посёлок нефтяников Повх). Верхнее – между устьями рек Тюйтяха и Тытынсамы тяха (Кедровая река).

АЙКАЁГАН (Айка-Ягун) – левый, самый крупный приток Ватьёгана. Возле устья в XX веке проживал род Айваседа: Усти Иванович (Ысчи), Котя Иванович (Коча), Пантали Иванович (Пантали), Нэгали (Нэхэли), Оттом (Хомтамы), Пенча Оттомович (Пенча). Кроме того, хантыйская семья, только со стороны русла Ватьёгана, Покачева Алексея Галактионовича. Сейчас здесь живут два сына Алексея и Айваседа Иосиф Котевич с семьёй. Возле реки – железнодорожный разъезд Вынгапур. Со второй половины XX века в верховьях живёт хантыйская семья Ермаковых. Коренные жители, жившие на Айкаёгане, имели небольшие стада домашних оленей. Последние дикие олени были в 1979 г. До 1980 г. здесь селился соболь. Плотность его была невысокой. Начало нефтяного освоения – приблизительно с 1972–1973 гг. Название от хантыйского Айкаявун. Хантыйское название, предположительно, от клички человека Ай-ко (малый мужчина, добрый малый, мужичок, молодой мужчина, молодец).

АЙКА ЯВУН – това-пэ контэко нәми мәнэм нәм. Айка явун – ёрхан нәмыл Џопу'тиңу'та.

Перевод: Хантыйское происхождение названия, вероятно, от человеческого имени. Айкаявун имеет ненецкое название – Џопу'тиңу'та.

ЏОПУ'ТИҢУ'ТА – Џопу'тиңу'та' талям ниме'е, ними кәвман-та' нуп номпюта тиңу'та.

Перевод: Џопу'тиңу'та – можно перевести как Единоборная (река). По-ненецки так называется потому, что вдоль реки по восточной стороне тянется один длинный, единый, цельный

ягельный бор. Только в нескольких местах его (бор) разрезают притоки. Этот бор был пригоден для пастьбы оленей, и часто ненцы здесь стояли с чумами, в том числе и мои прямые предки. Наша с Леной палатка полмесяца в 1976 г. стояла на окраине бора у устья реки Тлоктыёган.

САВУНЪЁГАН – я всегда знал от своих предков о том, что Хят Тяха (ненец.) и Сав-Явун (хант.) одна и та же река, находится она между Айкаёганом и Тлоктыёганом и впадает в Айкаёган. *Перевод:* Глиняная река. Это подтверждают информанты Русский Дмитрий (ханты) и Айваседа Семён (ненец). На карте речка, обозначенная Савунъёган, почему-то впадает в Тлоктыёган. Кроме того, ни у ненцев, ни у ханты в междуречье Айкаёгана и Тлоктыёгана нет реки под названием Ай-Айкаёган, а на карте такая река имеется, нет реки под названием Тлоктымъёган, а на карте такая река существует. В чём тут дело, я не разобрался. В этих краях я был всего два раза проездом на снегоходе. Поэтому эту загадку оставляю тебе, мой читатель. Может быть, это след моего родственника Хани? (см. Нюча-Котухтато).

ПОРЪЁГАН – река, приток Айкаёгана. Ищи между Айкаёганом и Тлоктыёганом. От хантыйского Пор-Явун (сверло-река).

ПЮЛЮ'КУ (Пюлю'ку) – Каляң пюнинлама тяха. Капи тяха тата Тя'пта тяха, чикехең помна һайта щича тяха'ку: Һалка Пюлю'ку – Капи тяханяңитём, Нюча Пюлю'ку – Тя'пта тяханяңитём. Ня'вач Тя'пта тяхахат һахаң. Һалкатём ты'шиняңи тяха, нючатём – чу'увняңи.

Краткий перевод: Река для нереста. Почти так, но с уменьшительно-ласкательным окончанием звучит на ненецком языке.

КАПИ ТЯХА – *дословно с ненецкого:* река ханты. Легенда говорит, что когда-то здесь среди ненцев жил Капи. Как его на

самом деле звали, сейчас установить не удалось. Здесь недалеко есть святилище, и его, говорят, в своё время открыл этот самый Капи.

ЭНЭЛ КОНТЭХКО ЯВУН – *дословно с хантыйского*: Большая Река Ханты-Мужчины.

АЙ КОНТЭХКО ЯВУН – *дословно с хантыйского*: Малая Река Ханты-Мужчины.

ТЕТУ-МАМОНТОТЯЙ озеро (Н) – из озера вытекает речка и впадает в Ватьёган (см. Ватьёган). Некоторые люди Ватьёганом и истоком Ватьёгана считают это озеро. Речка, вытекающая из озера, по-ненецки называется Хотялату'-тяха (см. Хотялату'-тяха). Название Тету-мамонтотяй – из ненецкого языка. Искажено. Правильно Титумо'ма то'тяай.

ТИТУМО'МА ТО'ТЯАЙ – вың нимкат каймы (см. Титумо'ма вың). Титумо'ма то'тяай – калясамы. То'тяай вың телн' ња, лаңкхананта пяхалтата тiku. То'тяайң шичняңи – кантялама вың. То'тяайң кавхана њотяай. Лампа њотяай ними'ња.

Краткий пересказ: Название озера пошло от названий тундры Титумо'ма вың. Возле озера есть остров Лампа њотяай (остров Лыжа), издали похожий на опрокинутую лыжу. На этом острове когда-то проводили жертвоприношения.

ТИТУМО'МА ВЫҢ – Титумо'ма – не'шаңкна мама – нэхэлмы. Хатям' телшкана чуки выңкна хайнолмай'. Катлю тасам-капехе'на. Не'шай' нэхэло'ма тя. Титумо'ма вың телня Лампа њотяайң камна њай шича њо татя: Апытю њотяай тата Мылы њотяай. Таңкамна нюча' њо'куша' чи' њайта', нимитуну тежелатян.

Краткий пересказ: Титумо'ма с ненецкого переводится как победа. Во время войн, вероятно, с тасам-капи, в этой тундре местные жители одержали победу. Посреди этой

тундры имеются два острова: Апытю' җотяай и Мылы җотяай. Апытю' җотяай переводится как остров Медведей. Говорят, на этом острове люди находили берлоги. Мылы җотяай переводится как остров Мылы. Мылы – бытовое имя человека, у которого основное имя было Хэша. Он из рода тех Айвасед, которые проживали между Ватьёганом и Хаплеутой, вокруг озера Сеттей, на реках Хыпитоссте, Кыымкане, Кыштыхе и на Туйтыхе. Хэша – отец Неңи, Неңи – мать Кыли. Кыли – мой (автор) отец. У Хэши были ещё дети. Один из них – Ханя (см. Нюча-Котухтато).

МЫЛЫ ҖОТЯАЙ – Титумо'ма в'иңкна җайта җо. Понанта җотяай наңыча нимча татяаңмай. Мылым ними'ча не'шам чикен хинта'махат ними'чата ним. Мылы – җалка нимча Хэша. Хэша – Неңиң неша. Неңи – Кылиң немя. Кыли – мань (автор) нешай. Мылы җотяайың кавхана, Титумо'маң выңкна Тет җычуншаң лохой ними'ча лохой татя.

Перевод: В древности у этого острова было другое название, пока на нём не похоронили ненца по-имени Мылы. Мылы – это кличка человека, а на самом деле его звали Хэша. Хэша был отцом Неңи. Неңи – мать Кыли. А Кыли – мой (автора) отец. Возле этого острова есть угол тундры, который называется Тет Җычуншаң Лохой.

ТЕТ ҖЫЧУНШАҢ ЛОХОЙ – Титумо'ма в'иң лохой. Чу'кушаң (тыха) кавхана җайта лохойтя'ай. Не'шай' кантялама лохой. Шантэхэ'т' не'ша' чикен җомштомай' кантямантуң мэт. Тэсамы – тэхэна тямтанай', тэшта – тяташ, кан'уймта ню'ш, тямтанай'. Мятуто' вың тятан, пя' каван та'калштомытуң. Чахат лохой малхат тилшай' танапёта' ту'ты'. Пили' җыну'та' кантяна' лохой шон хала'коттуң җэталты'. Чукан кантясотямы мынчихина ни тэ'тнан, тэтта җычуншаң пон нямпётҗата. Талям Тет җычуншаң лохой ними'җа.

Пересказ: Тет Нычуншау Лохой – дословно котелка дужки угол, т.е. угол тундры, именуемый дужкой котелка. Это хорошее место для охоты на дикого оленя. Сюда собиралось с округи много людей. Кто имел оленей, каслал на оленях, кто не имел оленей, каслал пешком, на нарточке, волоча за собой весь свой скарб. Чум они ставили на окраине леса. С другого конца тундры загонщики загоняли диких оленей, а лучшие стрелки на узком перешейке стреляли из луков добычу. Говорят, тот, кто сюда приезжал, не терпел бедствия от голода, он всегда «брался за дужку котелка», т.е. ему было что варить в котелке. Поэтому этот угол тундры так называется.

СТОЙБИЦЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ – стойбище нашей семьи, существует с 1993 года. С этого времени наша семья постоянно живёт здесь с оленями.

- Айваседа (Вэ'ла) Юрий Кылевич – это я,
- жена – Елена Фёдоровна,
- мать – Атени Соболевна (Хоплевна),
- брат – Казамкин Алексей (дядя Лёша).

Семья Карымовых:

- Эдуард Романович – зять,
- Тайна Юрьевна – дочь,
- Женя (Евгеша, Анет) – внук,
- Лена (Утулу) – внучка,
- Фёдор (Щётал) – внук,
- Слава (Майлю, Майлю) – сын Утулу, мой правнук.
- Саша Васильков – отец Славы.

Семья Лады:

- Айваседа Лада (Лату) Юрьевна – дочь,
- Иуси Кольчу Тимофеевич – внук,
- Иуси Антон (Тоша) – внук,
- Айваседа Николай (Хопли) – внук,
- Туркова Александра Петровна – внучка,
- Турков Макар (Макале'ей) – внук,
- Турков Пётр Евдеевич – зять.

Семья Аэлиты:

- Сафиулова Аэлита (Ымчи) Юрьевна – дочь,

- Эльвина (Неңи) Наилевна – внучка,
- Рамис (Лами, Ёайва-ламяки) Наилевич – внук,
- Данил (Тани) Наилевич – внук.

Семья Сёмы:

- Лялькина Сёма (Шомя) Юрьевна – дочь,
- Неттина Мария (Маня, Маруся, Катали) Андреевна – внучка,
- Лялькин Игорь – зять,
- Ликр (Альчи) Игоревич – внук,
- Атэй Игоревич – внук.

До этого здесь было охотничье угодье наше, и мы сюда приезжали на сезонную охоту.

Во второй половине XIX века здесь жил Вэ'ла Ваңкул'е'ей. В первой половине XX века здесь жила моя бабушка Неңи с родителями. Здесь похоронены её отец Хэша (Мылы), Ывы – её тётка и старший брат (имя не помнит никто).

Здесь с 1996 до 2009 года была стойбищная школа.

ФРАНЧЕСКИҢ ТЯХА – Нюча Тюйтяха Ёалка тота татя. Тюйтяхаң том ниме'е. Чикехет чу'уву в'иң кысумна щича тяха тюлкай'. Тя'пта тяханяңитём Тёты' тяхам ниме'е (Вэ'лаң Тёты' тяха), Вампу'таняңитём – Франческиң тяхам ниме'е. Юрий Игоревич Франчески – охотовед нянана' кантя'махай' каличалу'мета.

Пересказ: Когда мы рыбачили на этой реке, с нами был Франчески Юрий Игоревич – научный сотрудник лаборатории техники Всесоюзного научно-исследовательского института охоты и звероводства (ВНИИОЗ). После его отъезда Иуси Аули сказал: «Вот красивая река, но названия не имеет. Пусть называется Франческиң Тяха – Франческина река». Теперь так мы её и называем.

ВЭ'ЛАҢ ТЁТЫ' ТЯХА (ТЁТЫ' ТЯХА) – *дословно:* стойбищная (родовая) река Вэллы. Здесь моя первая летняя стоянка. Здесь вблизи около 150 лет назад жил Вэ'ла Ваңкул'е'ей. Здесь вблизи жил Айвасада Хэша (Мылы) – отец моей бабушки Неңи.

ЗМЕИНАЯ РЕЧКА – река искусственная. Мы в целях зарыбления соединили около десятка озёр, перекопав между ними перешейки. На одном из перешейков, когда мы копали, было на моховых кочках много змей. Сейчас у нас здесь рыболовный запор, и все этот участок реки называют Змеиной Речкой.

ОСУШЕННОЕ ОЗЕРО – озеро совсем не высохло, а сильно обмелело. Дно песчаное, озеро быстро на весеннем солнце прогревается и, вероятно, поэтому сюда на нерест теперь устремляется рыба по перекопанному руслу.

ОЗЕРО ТЁТИ ТАЙНЫ – так мои внуки называют озеро, на которое с ружьишком ходит охотиться на уток моя дочь Тайна.

ДЯДЯ-ЛЁШИНО ОЗЕРО – так мои внуки называют озеро, на которое с ружьишком ходит Дядя-Лёша – мой брат.

ТЯЛЯҢ ТАЛПУЛШАТ ТО – озеро на стойбище, из которого встаёт (просыпается) утреннее солнце.

ТЯЛЯҢ ҢАМТШАТ ТО – озеро на стойбище, куда садится вечернее солнце.

ТЯЛЯҢ ТЕЛҢНЯҢИ ТО – *дословно*: полуденное озеро.

ЫВЫҢ ТО – *дословно*: озеро Ывы. Здесь, на берегу этого озера, похоронена тётка моей бабушки Неңи – Ывы.

ХЫПИТОССТА (ХЫПИТОСС) – *дословно*: сушняковая (река). На самом нижнем озере жила семья моей бабушки Неңи в то время, когда её сосватал мой будущий дедушка Вэлла Калы.

КАЛҰМИ КАЙВЯ'ЧЕ'ЕЙ – *дословно*: озеро, вокруг которого кедровые сушняки. На этом озере моя бабушка Неңи охотилась с обласа на уток с луком и стрелами.

СЕТТЭЙ – от ненецкого слова Щече'ей. Тип мелкого песчаного озера с островами.

Оз. ИМНЛОР – бассейн реки Ватьёган. Я упоминал об этом озере в разделе Река Ватьёган, но кратко. Озеро в бассейне Агана значительное, я считаю, что о нём надо поговорить подробнее.

КАША ЛОК – якобы Некто здесь кашу варил.

ОГОРЕЛКОВ ЛОР – здесь охотился и погиб Огорелков – секретарь сельсовета.

ЧАКЕМ ЛОР – *дословно*: табачное озеро. На самом деле, это залив.

КУРЫК ОМЫСТЫ ВАНТЫҢ – *дословно*: мыс, где восседает орёл.

ПЫКЕМ ЯВУН – Маки рытнат яҗкилты ким явун вол, ит топ йиҗк сыр чорхэл.

Перевод: Когда-то русло было судоходным для лодок, обласов. Теперь здесь протиснуться невозможно. Хотя течение пробивается.

АЙ КАВЕҢ ЛОК – плавневый залив (малый).

КЫНЫМ ЯВУН ОХЭТНЭҢ – тоже копал Петрушка – Кузьмы Михайловича Покачева прапрадед.

СЫС ЛОР – самое близкое от Имнлора озеро, но вода, вроде бы, не протекает.

Лапыт лунк лор тем палыки йиҗка лаҗлыт, тум палыки отлыт пан ястылыт: «Сыс!». Тол сахет сарнам менлэт пан энэл лора лаҗлыт пан ит пэ воллэт. Чу лор яхнэ Йимыҗ Лорхэ Тойли.

СЫСЛОП – *дословно с хантыйского*: долгое озеро. Семь божеств через бор из старицы, играючи, бежали: «Давайте, в это озеро нырнём!». Прыгнули с разбега и под водой до того берега наперегонки, как рыбы, сиганули. Возле противоположного берега вынырнули: «Сыс!» – долгое, значит. Через перешеек перемахнули и в следующее большое озеро нырнули. До сих пор на том озере Йимың Лор эти семь божеств живут, каждый из них на своём отдельном мысу.

МАТЫЕККО ЛОР – Матыекко – чит ярханко нәм. Тем лор коньңнэ 1990 олнэ Айпин Сергей Прокопьевич войех-кул кынччи кот той.

Перевод: Матыекко – ненецкое имя. На берегу этого озера в 1990 году Айпин Сергей Прокопьевич имел домик для охоты-рыбалки.

ЯХЫМ ПАЙЕҢ ЛОР – тем лор коньңнэ Айпин Семан кот тойял.

Перевод: Возле этого озера зимнее стойбище Айпина Семёна Александровича.

КУРРЫК ТЫХЛЭҢ КОР – кор кит палыкнэ калкос пастукэт кот волат, лопасыт ит пэ омэслэт. Тавин велји мокыт омытты латнэ тыт волыт.

Перевод: Здесь вокруг подземной речки есть остатки жилищ колхозных оленеводов. Жили они здесь весной во время отёла.

ТАНИ КОТЫҢ ЯВУН – река названа в честь Айпина Данила Романовича, он на этой реке жил.

ТАНИ КОТЫҢ ЯХЫМ – тем яхым пайнэ Тани тулхин волты мых кот той. Чу мых кот пыри ит пэ омысл кор-явун коньңнэ.

ЭНЭЛ ПЕВ – (нёрым палык) – руч. Энтльпев.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Айпины или Пеу-пуголь расположены съ правой стороны и въ 3 верстахъ отъ Агана, съ лѣвой стороны р. Юкконъ-егана, въ верстѣ отъ послѣдней. Эти юрты отстоятъ отъ ю. Юкконъ-еганъ-пуголь въ 2 верстахъ (по зимней дорогѣ).

Лѣтнія юрты Айпины находятся на лѣвомъ берегу Агана, выше юрты зимнихъ на 2 версты, противъ устья р. Пеу-еганъ.

Устье р. Пеу-еганъ лежитъ противъ лѣтнихъ юрты Айпиныхъ. Ширина ея 1½ арш., протяженіе 3 версты».

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище «Пеу-пуголь»» Сидора Айпина юрта (одинокій). 1 юрта, 2 лабаза».

СЕЛЪ НЁХ – Тыт волым ях сель-кул вэрты вэр тоет – *дословно*: те, кто здесь жили, изготавливали сушёную рыбу сель.

ЯВУР ЯХ – Яврех явун – Кривая (извилистая) река.

НЕМЯ-ТЫ – *дословно с ненецкого*: мама-олень. Вероятно, ненец от ханты здешнего услышал искажённую ненецкую речь, и это искажённое слово стало названием реки.

ВЕЛЈИ КОТЫЃ ЯХЫМ – *дословно*: бор оленьего дома. Сардаков Константин (Ай Пулыли, Капи Пусску), Сардаков Демьян (Чими) и другие их родственники здесь в летнее время держали оленей под дымокурром.

КОЛЈИ ЛЈОР – *дословно*: озеро покойника. Бытует легенда о том, что во времена «энкавэдэ», чтобы не быть причисленным к «врагам народа», люди прятали и уничтожали вещи и предметы дореволюционной жизни. Так, со слов Сардакова Галактиона, отец его – Сардаков Степан (Капитаяй), сундучок свой с царскими монетами опустил в воду на середине озера, выехав на обласе вместе с сыном Галактионом.

Но «энкавэдэшного» наказания Капитяй (Степан) избежать всё-таки не смог. (Смотри Капитя'ай Тиу'ку на реке Варьёган. Дополнительную информацию о Капитяй можно найти на Ще'ев Матол Пунсы', что на реке Варьёган.)

КОЛJI ЛОР ЯВУН – *дословно*: река озера покойника.

АЙ-ЮХЪЕГАН – (табличка на мосту) – на самом деле, речка называется Коли Лор Явун.

ПАВУЛТЫ ЯВУН ЛОР – *дословно*: озеро реки, где рыбачат, используя приёмы искусственного загара.

ПУТТЫХЫЛТЫ НЁХ – сегодняшние жители Егурьяха не смогли объяснить толкование названия этой речушки. Я могу лишь попытаться истолковать: живун для приготовления пищи в котелке.

ВАРЫҢ РҰПЫТ – (колым рәп). Анчал (Сардаков Александр Никитович) пан Семан (Сардаков Семён Никитович) вели кот волы. Сейчас здесь автомобильный мост на Рославльское нефтяное месторождение.

ВОКИ ЛОР – *дословно*: озеро лисы. На берегу озера – родовое кладбище Сардаковых.

ВОКИ ЛОР ЯВУН – *дословно*: река озера лисы.

АЙ-ЯУН – (табличка на мосту) – на самом деле, речка называется Воки Лор Явун.

ТУ'ТЫ ЛОР – первая половина названия – ненецкая, вторая половина – хантыйская. В роду Сардаковых прабабушка была

ненка из рода Вэ'ла. Но это, похоже, не единственный случай родства Сардаковых с ненцами. Вокруг реки Егурьях и на самой реке много ненецких названий было. Просто сегодня нет ненецких информантов по этой реке. Вокруг этого озера всегда жили люди. Здесь много следов человеческих жилищ. В середине 70-х годов здесь весной во время паводка в палатке жил Сардаков Александр (Анчал) с женой Агафьей.

СОЛЛ ЯВУН – *дословно*: река кишков (рыбьих).

ТЯСАМЫТЯХА – (табличка на мосту) – на самом деле, речка называется Солл Явун.

ЛАВҢРЫҢ ЛҢОР – *дословно*: мышинное озеро.

ПОЙ ВАР – *дословно*: настовый запор (рыбацкий).

Тем явун коныҥнэ Мых-Пухус-Ими-Ави «мыш навлыҥ, кав навлыҥ» йилып кот (Вонт-Пухус-Ави).

КОЛЭЖ ЯВУН – *дословно*: река халея, чайки. Здесь Сардаков Андрей Егорович построил себе стойбище.

Напротив, на другом берегу Егурьяха, было стойбище его покойного отца, Сардакова Егора Иосифовича.

ЛУП ЯВУН – *дословно*: вёсельная река. Здесь последнее стойбище Сардакова Михаила Александровича. Сейчас здесь живёт средний сын Михаила, Константин (Коска), у него дефект речи – почти немой.

НЁРЫМ ЯТШИ ЯВУН – *дословно*: посредитундровая река.

ЯВУРЬЯХ ТОЙ ПУХУЛ – *дословно*: стойбище верховий Явурьяха. Здесь стойбище ныне покойного Сардакова Архипа –

старшего сына Михаила Александровича. Сейчас на этом стойбище живёт его последняя жена Ольга с племянниками. Выше этого стойбища на Егурьяхе живёт с оленями Айваседа Игорь Павлович со своей семьёй.

ВАРЬЁГАН – правый приток Агана, впадает в Аган на 278-м километре (см. лоцманскую карту). Река рыбная, нерестовая, имеет большое значение для бассейна реки Аган, потому что река связывает около 100–150 озёр. Сюда на нерест поднимается рыба даже с реки Обь. Варьёганский колхоз ежегодно добывал от 400 до 1200 тонн рыбы. Колхоз официально назывался «Рыбартель им. С. М. Кирова». Название села Варьёган пошло от этой реки.

По преданиям, в нижней части реки раньше жили ханты. В верхней части – ненцы. В XX столетии на реке Варьёган жили в основном ненцы. В начале столетия короткое время только одна семья, ханты Айпина Дмитрия Петровича, жила на небольшом озере, которое ненцы до сих пор называют Капити'ту'ты'. Я (автор) в детстве видел остатки деревянных строений этой стоянки. Сейчас на этом месте ничего не сохранилось, только стоят большие, высокие берёзы. Есть легенда о том, что вся река или часть реки была обменена между двумя родами ненцев (Айваседы и Иуси) за невесту, вместо калыма. До сегодняшних времён рекою пользуются и Иуси, и Айваседы, и Айваседы (Тётт) и Айваседы (Вэллы).

Название пошло от хантыйского Варың Явун.

Ненецкое название Пящита.

ВАРЫҢ-ЯВУН 1 – *дословно*: запорная река. Явун кохэт ар вар коры тоял, чутат контэх яхнэ тохун нәмти.

Перевод: Вдоль реки имелось много остатков рыболовецких запоров – вар, поэтому ханты так его назвали.

ВАРЬЦ-ЯВУН 3 – речка в бассейне Ватьёгана. Приток Ньюча-капи-тяхи. Речку так назвали сегодняшние жители: Русскина Евдокия, её второй муж Кечимов Константин, её сын от первого мужа Дмитрий Никитович, и зять Кечимов Иосиф Никитович. Предыдущие названия на ненецком и хантыйском языках установить среди сегодняшнего населения реки Агана не удалось.

ПЯЩИТА – Ма'ай понанта тяхан шича кав пяшта вың һамай. Тяхан кавхана тытлї куна-куна пяути' татя һамай'. Четы' һалка' пята'ай' ма'ай' ла'кхай' вачумы'.

Перевод: Говорят, в древности по обе стороны реки была безлесая тундра. Вдоль реки редко-редко кое-где были деревца. Стоящие сейчас вдоль поймы высокие деревья, говорят, выросли совсем недавно (см. Варьёган).

ПАЛНЫ НОТЯ'АЙ – *дословно:* остров Палны (Порнэ).

Здесь я несколько лет (1976–1989) рыбачил на запоре в составе бригады рыбаков госпромхоза «Охтеурский». Был бригадиром. Здесь мой дед Хопли бригадирствовал на запоре во времена войны с Гитлером и 3–4 года после войны.

ТИ'С ТЯ'ЛАМА НЯ'АВ МАЛЫ – здесь в детстве я ловил шуругаек на блесну, а повзрослев немного, по весеннему паводку ставил с обласа рыболовные сети.

ТИ'С ТЯ'ЛАМА НЯ'АВ НАТ – сюда однажды весной мы приходили всей школой «на торжественный пионерский костёр».

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Варь-еганскія – Сай-Мынь-Рапъ-пуголь – (Попова); чумъ, а не юрта, стоять съ правой стороны, въ 2 верстахъ отъ Агана, на лѣвомъ берегу р. Варь-егана. Эти юрты отстоятъ отъ ю. Сардаковыхъ на 15 версть (по зимней дорогѣ). Противъ юртъ ширина рѣки Агана 60 сажень. Лѣтнія юрты Поповы расположены на правомъ берегу р. Агана

(высота берега 3 саж).; бревенчатая юрта находится на версту ниже, а берестяная – на версту выше зимняго чума».

КАЛЯЛЁП-НАТ – Пяшитахана нюча наг'ути татя. Кука́хена' лу'са чикехена ше́нкмай Калялёп (Королёв?) ними'май. Хотоветлаха н́амай. Ку'птаң мэ'мата, ла'к мэ'мата ненату ни ња'. Не'ша' талям чики наг'утим, кáвманта ла́пя'таш, нимнанта валэ'штутуң. *Краткий пересказ:* На реке Пяшита (Варьёган) имеется маленький яр. Говорят, когда-то на нём ночевал Калялёп (Королёв). Вроде, охотовед. Долго ли, коротко ли был он там, легенда об этом умалчивает. А ненцы, когда мимо на обласах плывут, вспоминают его. Поэтому на местности сохранилось имя человека.

МУРАШИНА – здесь, на этом бору, у моего дедушки Хопли была зимняя избушка. Я, когда учился в начальной школе, убегал с уроков и приходил сюда пешком.

ТЫ'МУШКА – название маленького яра на реке Варьёган. Название появилось во времена колхоза. Так ненецкая молодёжь, знающая немножко русский язык, к ненецкому названию добавила русское уменьшительное окончание. Правильное ненецкое название Ты'мулу' нат.

ТЫ'МУЛУ' НАТ – с древних времён ненцы говорили: «Оленному человеку нельзя охотиться на гусей. Бог Тяпту-ка́хе – покровитель оленят – летает в гусиной стае в гусином обличии. Можешь подстрелить своего бога».

Однажды отправились охотники на гусей. Вероятно, прослышали, что гуси здесь рядом. На этом яру заночевали, чтоб с утра напасть на стаю. Вечером у костра, как водится, травили охотничьи небылицы, хвастали.

Ночью бог Тяпту-ка́хе в гусином обличии прокрался к лодкам-обласам и погрыз все ручки на вёслах, которые ненцы называют Ты'мул: «Ну, кто теперь из вас сможет состязаться с гусями?».

Утром охотники были вынуждены свернуть свою охоту. С тех пор ненцы этот яр называют Тымулу' нат. Через яр проходит волок. В юности с дядей и я здесь ночевал. Вечером у костра и слышал эту историю.

ЛЭВК КОР ЙЯТШИ РÄП – Џоту Мюй Нат – *дословно*: яр на дороге.

ЏОТУ МЮЙ НАТ – *дословно*: яр на дороге. Раньше из Варьёгана вниз по Агану на оленях ездили по дороге Каң Џоту (Кон Лэвк Кор), но после строительства Новоаганска стали объезжать это место, появилась другая дорога, и на переправе через реку Варьёган – яр. Этот яр раньше имел другое название, но теперь это Џоту Мюй Нат.

В очень раннем детстве (помню, как во сне) я сидел на обрывистом берегу реки Варьёгана, свесив ноги. Помню круглый глаз луны. Из-за реки слышался голос совы. Мне было страшно. Но я тянул в ту сторону палец свой и передразнивал: «Пу-ху! Пу-ху! Пу-ху!..».

Много позже мне мать рассказала, что это было на этом яру, что здесь было наше стойбище, что я был «лунатиком» и иногда по ночам гулял, что однажды она меня лунной ночью нашла на самом берегу, свесившего ноги над обрывом.

В марте 1948 года, когда я родился, стойбище наше было в 300 метрах от этого яра.

ЩЕ'ЕВ МАТОЛЈ ПУНСЫ' – Тяванкохоң Капитя'аихың ще'ев мэмаң пунсытё'ма щичам нјав'та матолЈ. Пунсы'та' нјалка ви'кня вентсамы. Пящитаң кысумана лапя'та'мант щелЈ щелЈнант нуну'танңан.

*Литературное отступление*¹⁸.

Сейчас волок на той двуглавой речной петле люди называют Волоком Семиглавого Поворота – Ще'ев МатолЈ Пунсы'.

¹⁸ См. триптих «Бсчетка-шаманишка и другие», часть 2. Т. 2, с. 22.

ВАТЭҢ ТИҢ'КУ (Пящитаҥ) – *дословно*: борик с оградой (на Варьёгане). Здесь была ограда-кораль, в которую по утрам Альчи с женой Утулу загоняли своих оленей.

Айваседа Аля Анетович (Альчи Тё'тгат) – младший брат моего дедушки Хопли (Айваседа Соболь Анетович).

Айваседа Утулу Калывна (в девичестве Вэ'ла) – старшая сестра моего отца Айваседы (Вэ'ла, Вэлла) Кыли Калывича.

ВАТЭҢ ТИҢ'КУ (Тя'лжамаҥ) – *дословно*: борик с оградой (на Тя'лжаме). Здесь была ограда-кораль, где деревенские колхозники по утрам собирали своих оленей.

На этом борике родился Айваседа Владимир (Валю) Талёвич. Длительное время за ним держалась кличка Студент. Он учился в Тобольском рыбтехникуме и на несколько лет по болезни застрял на последнем курсе. И когда наши старики его спрашивали: «Когда же ты окончишь свой техникум?», он бойко отвечал: «Я – вечный студент!».

КАПИТЯ'АЙ ТИҢ'КУ – Капитя'айҥ (Сардаков Степан) пы'ттамта матята'ма тиҥ'ку. Уполномоченныҥ (Самарин) ка-намаҥ тайхана. Окуҥ ку'сылжамахат.

*Литературное отступление*¹⁹.

С тех пор маленький сосновый борик за шоссеиной дорогой у села Варьёган ненцы называют Капитя'ай Тиҥ'ку.

КАЛМЯЛ ТУ'ТЫ – *дословно*: озерко-ту'ты с покойником.

КАНУ' ТО – *дословно*: озеро нарт. Такое название потому, что здесь пересекались две большие дороги: с Пякуто на Колекьёган и из Сургута на Халесовую и далее через Тольку на Лусса Тяха (Мангазею).

¹⁹ См. триптих «Ысчетка-шаманишка и другие», часть 3. Т. 2, с. 24.

Здесь, прямо на льду этого озера, останавливались аргиши-мюты, выпрягали оленей и ставили чумы, чтобы 2–3 дня дать передышку оленям.

Поэтому следующий подъехавший видел на льду этого озера бесконечное количество нарт.

КАНУ' ТИҢ – а на этом бору ставили чумы, и во время передышки оленей кто-то ремонтировал нарты, кто-то плёл аркан, а кто-то рассказывал сказки.

МЕТЕОСТАНЦИИ ОЗЕРО (Метеостанцияҥ то) – озеро вблизи села Варьёган. Около 2 км на северо-запад. Когда в Варьёгане была метеостанция, несколько раз прилетал самолёт, он совершал посадку на это озеро. В последнее время это название прочно закрепилось, и большинство жителей Варьёгана даже не подозревают, что это озеро ещё недавно по-ненецки называлось КАНУ' ТО.

ТЮРА МАЛЈЕ'ЕЙ – тьям мань'со'маханай нешай чуки малым комай, няхал понкаҥ ва'ав выл'тамай, малыҥ ня'ван ҥайтаптат шелтамай. Чуки малым мань нимняй нимчимайта. Чета' не'ша' Тюра Малымана пателштутуҥ – *дословно*: Юрина Старица. Когда я родился, мои родители жили здесь поблизости. Отец мой приспособил эту старицу для рыбалки. На устье он построил котец, через который пропускал рыбу только в старицу. Внутри старицы расчистил от топляков три рыболовные тони. И когда рыба достаточно скапливалась, с братьями черпал неводом. Раза два-три в детстве и я участвовал в такой рыбалке. Большею частью здесь ловилась щука, меньше – язь, окунь, плотва.

ПЫЛЈИ'ВЕЧАЛЈ – *дословно*: кишечник щуки. Здесь бывает удачная рыбалка на щуку.

ТЁТЫ' ТО'ТЯАЙ (Пящитаң) – *дословно*: стойбищное (родовое) озеро. На этом озере в те годы, когда я учился в школе-интернате, жил старший брат моего отца Ынипо (Айваседа Ныни Калывич), на реке Пящита держал рыболовный заповор. Мы – дети: я и его дети Пётр (Аңачи) и Валентина (Эка) во время летних каникул жили здесь.

Потом сюда приезжали покосники косить сено для колхозных коров и лошадей, и мы присоединялись к ним. Здесь подростком на покосе я заработал свои первые деньги и купил свой первый фотоаппарат «Киев-Вега».

Из статьи Р. П. Митусовой
«Год среди лесного народа»²⁰:

*«На осеннее кочевье Вар-яунских самоедов надо ехать не речкой, а прямыми путями, через озёрки и болота, в маленьких «обласках»...
...На берегу озера среди безнадёжного болота стоят три самоедских берестяных чума. Мне предложили поселиться в центральном чуме. Толстая хозяйка стоит в отверстии – «двери» и кивает мне, лопоча что-то по-своему...*

...Сажусь к костру поближе. Костёр разложен посреди чума, но стряпают на другом костре, рядом с чумом. В дымовое отверстие падает дождь впережку со снегом, но это не мешает сухому кедру весело гореть...

...Набился народ. Раздаю мелкие подарки: иголки, ленты, бусы, что осталось от схода. Шум, говор, смех. Подали варёных уток, ну, их можно есть и без соли. Разговор становится более серьёзным. Вынули самоеды деньги: «царские» и «керенки». Жалуются, что их не берут у них ни остяки, ни русские. В 1918 году они вышли на ярмарку, продали пушину, получили эти деньги да малость хлеба и припасов, а теперь, оказывается, что деньги не настоящие. Объясняю им, как могу. Дала им рубли серебряные с пятиконечной звездой. Пробуют на зуб, понравились. Объясняю, что теперь торговля лучше, что в Сургуте есть много товаров. Двое самоедов бросили свои «керенки» в огонь, а остальные не решились...».

²⁰ Вокруг света. – 1929. – № 9. – С. 6–9.

ЧУКЧЕЕВСКОЕ ОЗЕРО – Тёты' То'тяй – озеро носит в названии фамилию Чукчеева Трофима. Что он тут делал, почему его имя в русском названии этого озера, я не знаю, и сегодня спросить не у кого.

ТЯЙЛУСЕНТО – озеро возле реки Варьёган, от ненецкого Лусса'котиң То'тяй (см. Лусса'котиң То'тяй).

ЇАЙВА ЛАМЯКИ – озеро – *дословно*: шевелюра. Человек, чьим именем названо это озеро, имел пышную шевелюру.

КАМЧОЙ' ТЯХА – по этой реке мои отец с матерью на обласе уехали за утиными яйцами, чтоб накормить бригаду рыбаков, ведь рыбу положено было полностью сдавать государству. Когда им показалось, что утиных яиц не хватит, чтоб накормить бригаду, они собирали дополнительно и яйца куликов и чаек. В результате через девять месяцев в Варьёгане почти одновременно родилось несколько мальчиков и девочек.

КАМЧОЙ' ТЯХАҢ ТУТЫ – здесь в первые послевоенные годы мои отец с матерью рыбачили в составе колхозной комсомольской бригады. Здесь у них был рыбацкий запор и стойбище. Здесь весной 1947 года я и был зачат, чтобы родиться в марте 1948-го. Сейчас здесь центр Рославльского нефтяного месторождения. *Литературное отступление*²¹.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ОЗЕРО – Ваңк То'тя'ай. Озеро было названо Комсомольским потому, что здесь во время войны с Гитлером рыбачила бригада комсомольцев. Мой отец был в составе комсомольской бригады. Мой дедушка Хопли был бригадиром, поэтому моя мать Атени была здесь же, и в первый послевоенный год мои отец с матерью поженились.

²¹ См. стихотворение «Боль четвёртая». Т. 1, с. 77.

МАЮ-ЛЮР – так некоторые ханты называют озеро ЯНЧИНО. Вероятно, и Матю (Айваседа Маю) здесь когда-то жил.

ЯНЧИНО ОЗЕРО – здесь не только Янча, здесь многие Айваседы и Иуси жили в разное время. Здесь, будучи подростком, я косил сено в колхозной бригаде покосников.

ТУ'ТЫ' – тип озера – на реке маленькое, проточное озеро, хорошее место для рыбалки, для стойбища. Здесь в первой половине двадцатого века было стойбище Айваседы Халу (Ха'лу), и здесь же невдалеке жил Айваседа Янча (Тянча). Здесь в семидесятых годах был рыбацкий запор двоюродных братьев Иуси Кули (Кулы) и Аули. Здесь невдалеке сейчас рыбацкое стойбище Иуси Вячеслава (Лява, Шаман).

ТЯЛ ТЯХА (Тялву' Тяха) – *дословно*: ершовая река. На самом деле, здесь преимущественно ловится щука. Для Айваседы щука – священная рыба. Поэтому здесь рыбачили люди из рода Иуси.

ТЯЛ ТЯХАҢ ТО (Тялву' ТяхаҢ То'тя'ай) – озеро Акки – здесь жил Иуси Акки.

ОЗЕРО АККИ – ТЯЛ ТЯХАҢ ТО (Тялву' ТяхаҢ То'тя'ай) – из этого озера волок в три перетаски на Пысум. Здесь на Пысуме избушка Иуси Акки. Здесь же недалеко рыбацкая избушка Бориса Халовича.

ПЫСУМ ЩЕЧЕ'ЕЙ – *дословно*: Пысума песчаное озеро с островами.

ЛА'К ТЯХА – *дословно*: короткая река. Здесь дощатый рыбацкий домик Айваседы Бориса Халовича (Учалка).

ЛА'К ТЯХАҢ ТУ'ТЫ – *дословно*: короткой реки ту'ты (маленькое проточное озерко). Здесь был рыбацкий домик (бревенчатый) Иуси Акки.

КАТЯЛИ' ТО – *дословно*: озеро рыболовных морд. Здесь, вокруг этого озера, всегда жили люди, потому что в любое время года здесь можно ловить рыбу на пропитание и не только.

ЃАЛКА ТЯХА – *дословно*: большая река. Это так же как и короткая река, продолжение Пысума. Здесь ловится больше язь.

ТЯҢ ЃЫЛЫ – *дословно*: подземная (река). Здесь рыбацкий домик Иуси Геннадия Ойсевича. Здесь в основном ловится щука, окунь и ёрш.

ЛА'Т ТО'ТЯ'АЙ – *дословно*: озеро досок. Здесь испокон всегда рыбачили запорами, манипулируя различными категориями загара (искусственный, естественный, грунтовый, снежный и т.д.)

ТЛЯТО – озеро на притоке Варьёгана Пысуме. От ненецкого Ла'т То'тя'ай (см. Ла'т То'тя'ай).

ВОСЬМЁРКА НА ПЫСУМЕ – так называют в просторечии рыбаки-вертолётчики и рыбаки из пришлого населения озеро Ла'т То'тя'ай.

*Литературное отступление*²².

УЛЬКИНА РЕЧКА – Авултыпыҥ-Явун – Кану' Пунсле'мя. Здесь жила семья Айваседы Улька (Палачу). Возле этой реки и кладбище их.

НЕТЯУТИҢ ТИҢ'КУ – *дословно*: борик маленькой снохи.

НЕТЯУТИҢ ТЯ'КУ – *дословно*: речка маленькой снохи.

²² См. рассказ «Явунко и плотва». Т. 2, с. 17.

НЕТЯУТИҢ ТЯ'КУҢ ТО – *дословно*: озеро речки маленькой снохи.

ПЫЛЧИ' ТЯХА – *дословно*: «безщучья» река – имеется в виду: твоя рыболовная морда никогда не будет «без щуки». Здесь было последнее летнее стойбище моего деда Айваседа Соболя Анетовича (Тётт Хопли) с оленьим домом для дымокура. С моим дедом здесь же жил Айваседа Кисамы.

ПЫЛЧИ' ТЯХАҢ ТИНТЯ'АЙ – на этот бор мой дед осенью по первому снегу собирал оленей. Дед мой здесь жил недолго в чуме. На этом бору был моховый дом Айваседы Теклю и лабаз, но при мне он тут ни разу не жил. На этом бору свой последний дом строил Айваседа Панкчу Улькович, но, не достроив его, ушёл «к лучшим людям (жившим до нас)». Сейчас здесь избушка Айваседы Виктора Васильевича и его сестры, Плигиной Лидии Васильевны.

ПЫЛЧИ' ТЯХАҢ ҢЫСУҢЈАМА ТИҢ'КУ – *дословно*: стойбищный борик на «безщучьей» реке. Когда я писал рассказ «Ветерок с озера», в мыслях я имел в виду этот борик, последний чум моего дедушки и оленьий дымокур, обволакивающий почти весь борик.

ТАП ТЯХАҢ ТО – на это озеро мы на обласах ездили на ночь за карасями.

КАНУ' ПУНСЈЕ'МЯҢ ТЁТЫ' ТО'ТЯ'АЙ – Улькино озеро – Паґкчуґ То'тяай – Аношкаґ То'тя'ай – столько различных имён у одного озера. Это говорит о том, что здесь всегда жили люди, что это озеро приспособлено для жизни человека. Я тоже здесь одну весну жил со своей семьёй в палатке.

КАНУ' ПУНЈЕ'МЯЊ ТУ'ТЫ' – здесь я ставил сети, чтобы ловить рыбу для ухи и для сдачи на приёмный пункт.

НЯЛ ЈАЙТА ВЫТЮ – здесь рыбачит Айваседа Павел Янчевич мордами на запорах.

ПИНШУ'К ТО – *дословно*: озеро бурундука. Здесь зимой жил с оленями Айваседа Кисамы. Здесь у него однажды был пожар и сгорел чум зимой.

ЧОНЬ' ТИЊ – *дословно*: бор лис. Название такое бор получил оттого, что Иуси Начу в молодости держал на привязи лис. Здесь в 1975–1980 годах было последнее зимнее стойбище моего дедушки Хопли.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было стойбище самоедов, и в одном из чумов жил подросток Нотю с молоденькой женой: «...У Нотю выкармливаются живые лисенята, прикрепленные на цепочках к столбу. Когда лисица достаточно вырастет и будет иметь длинную шерсть, её убьют. Красивое хищное животное пугливо отбегает, звеня цепью. Положишь ей пищу, отойдешь – через несколько минут лиса подкрадывается, часть съедает, часть зарывает в снег. Обычно дети вместе со мной ходили кормить лисиц...»²³.

ЛИСЬЕ ОЗЕРО – Чонь' То – 1975–1980 гг. я здесь рыбачил и рыбу на моторной лодке возил в Варьёган, в морозильную камеру для зверофермы или на плашкоут для Сургутского рыбокомбината. Дно озера песчаное. Весной во время перелёта стрелял уток и сдавал в промхоз для общепита.

ТЫТЫВШЕ'ЕЙ – Тытынсамы тяха. Шанат тота чу'пёйџ тытыџу кайвя'џа'. Малхайта тохонанта Аатан мят шелтамай каличалш мэ'сутатта (Айваседа Алексей Вальчевич). Јја'пчамо'махатанта,

²³ Митусова Р. П. Год среди лесного народа // Вокруг света. – 1929. – № 12. – С. 14–17.

чета' Аҗачи (Айваседа Пётр Ныневич) чикехена каличалшту. Тяхаҗ калята ну'катёмкнанта пылҗам кали'җа. 1975–1980 – мань нилий Хопли (Айваседа Соболев Анетович). Мя'та' Чонь' тиҗк-ния җола Тытывше'ей ня'ав кавхана. Тата чахатанта Начуҗ тёты'. *Перевод:* Кедровая река, приток Улькиной речки. Несколько на реке проточных озёр. По краям озёра кедровые. Кедр не строевой, но на облас найти можно. Мой дед Хопли свой последний облас срубил здесь. На самом верховом озере Аатан (Айваседа Алексей Вальчевич) ещё при жизни срубил рыболовную избушку. После там стал обитать Аҗачи (Айваседа Пётр Ныневич). Из рыбы большей частью здесь ловится щука, меньшей частью язь, окунь, ёрш. Издавна здесь места обитания Иуси Начу.

ОЗЕРО НАЧУ – вблизи этого озера обитал Иуси Начу. Озеро является частью озёрной системы Хаҗыме'ей и Тя'ку' Хаҗам.

ЛЭПА'КОТИҢ ТО – озеро Лэпы (Пандята, Паята).

*Литературное отступление*²⁴.

Есть версия, что не Элява был напарником Лэпы, а Пеналю из рода Иуси; что бежали они не за колхозными оленями, а за личными оленями Пеналю. Лэпа – это кличка ненца, а звали его Патята (Паята, Пандята) из рода Тётт.

ТЯҢКАЙ ТИҢКУ – *дословно:* Горелый борик. В детстве я очень часто посещал этот борик, расположенный на окраине села Варьёган. Сколько я себя помню, здесь никогда не было горельника. Вероятно, название этому борику дано более ранними поколениями наших родственников. На окраине этого борика есть маленькое песчаное озерко (Тяҗай То'куша), куда мы в детстве бегали купаться, и на этом озерке мы строили

²⁴ См. рассказ «Так и осталась память». Т. 2, с. 16.

мостики, с которых бултыхались в воду. Эти мостики до сегодняшнего дня не дотянули, но зато рядом выкопали карьер при строительстве автодороги, и сегодняшние поколения моих внуков купаются в этом карьере.

КАТАТЯҢ ТИҢ'КУ – Мань Неңи-катай немям чикен хин-та'махат чики тиң'ку чики нимча ними'җа.

Толкование: Моей бабушки Ненги маму похоронили на этом маленьком борике, и с тех пор этот борик именем моей прабабушки так называется. Звали её Кататя.

ТЯ'ЛЈАМА – Не'шаң манты: «Тялвунлама». Хатям тёлшкана нешанана' нилинана' ва'тамайтуң калитуң лу'сах' ми'штутуң, җамсутаттуң каличалта не'шаң тялвкуувтемта катины. Хатям тёлшкана чуки тяхаң каля щичина' тилипче. Талям ла'кхәйти' манш потелштутуң: «Тялвунлама – Тя'лама».

Перевод: Ненец скажет: «Река Ершаря. Ершовая река». Во времена войны (с Гитлером) отцы наши и деды улов свой с рыбалки сдавали для Фронта, себе разрешали оставлять только ерша. Во время войны наш род за счёт этой речки выжил. Поэтому теперь мои родственники ласково её называют: «Река Ершаря – Ершовая река».

НЮЧА ТЯ'ЛЈАМАҢ ТО – озеро Меньшей Тя'ламы. Здесь озёрная система состоит из нескольких озёр. Кроме ершей, здесь ловится щука. Озеро ещё называют Вертолёткой, потому что во времена геологоразведочных работ здесь упал вертолёт МИ-6.

ШЕЙ'ЛЈАХА НАТ – Пяшитахана нюча наг'ути. Чу'увняҗат җано-хона минча шей'ути мян наг'утим маны'ты, чике Нюча Шейлаха Нат. Ты'шиняҗат минча тямппой нюча наг'утим маны'ты, чике Җалка Шейлаха Нат. Чу'ват маны'ши' чике' тыла мян тиң'куути. Вентат ниң җыну'тана' тамня пунсымтай'.

Краткий пересказ: На реке Варьёган есть маленький острый яр. Он называется в переводе на русский – яр, похожий на сердце.

Это очень маленький борик, и у него к реке два выхода. Поэтому один из них назывался Малый, другой – Большой яр. Сейчас с Большого яра через реку перекинулся шоссейный мост между Новоаганском и Варьёганом. На мосту табличка: Варьёганка.

КАПИТИ' ТУ'ТЫ' – Пящитаң кысумна нилче'ей тота. Нюча һайтаханта, кысуй һайтаханта – ту'тыт ними'ға. Понанта Айпин Миталиң теты'. Тамня миньш не'ша' кын'таштутуң:

Во-о! Вов-вов!
Чахамна катято.
Ви'имня катято.
Чукита кысуге-е...
Во-о! Вов-вов!
Ѓутаң калахат
Пытя-нюча-не
Ватҗато...
Во-о! Вов-вов!

Ѓанохана минча' па'шкапчута' һа'шки' тю'кутемта щийң катештомай'. Чики' тет не'шаң ватамана ханьшахялу'мата. Мамата һавна: «Тюма' нинюта' щис, тамня һынута' нюхултята'!» Тюта ту'тыт пе'емхана һола. Ѓа'шки һай'маханай тамня лапья'таш куки' һамы мачалета мань'тянаш.

Пересказ: Вверх по реке Варьёган первое озеро. Небольшое, мелкое. Здесь было стойбище Айпина Дмитрия. На искажённом ненецком языке ворчал на проезжающих, защищая от повреждения свой запор. Теперь, проезжая здесь, ненцы поют его личную песню и вставляют его искажённый говор. Когда я (автор) был маленьким, проезжая с дядей Ынипо на лодке, видел некоторые колья рыбацкого запора.

КАПИТИ' КАТАЈА'МА ТИҢ'КУ – существует ненецкий обычай: попил из реки воды берестяной куженькой-кочи,

куженьку нельзя выбрасывать в реку, лучше оставить на земле.

По реке Варьёган ехали однажды в древние времена старик с сыном на обласах. Молодой человек захотел пить. Достал из обласа куженьку, заранее заготовленную, напился; а потом куженьку в воду бросил. «На следующей остановке сделаю новую – лучше этой», – подумал он.

А в это время по Агану с верховой на посудине Ра'т спускались вооружённые люди. Поравнялись с устьем реки Варьёган и увидели куженьку, вынесенную на Аган течением этой реки. «Какая удача – внутри этой речки кто-то живёт. Пойдемте их отыщем». И они поднялись вверх по течению и напротив устья реки Хулиңу'-Тяха на маленьком бору нашли хантыйское стойбище – тех, которые переселились (спрятались) с большой реки. Было сражение. Из хозяев стойбища выжила только одна девушка.

...В течение последнего столетия те, кто заготавливал в этом бору сухостой на дрова внутри сушняка, находили вросшие проржавевшие наконечники стрел. Вероятно, сражение было тогда, когда эти древние сушины, облюбываемые современными людьми на дрова, были молоденькими соснами.

...Девушка побежала по борам вдоль реки Аган по правому берегу вниз по течению и прибежала на большое стойбище ниже устья Вать-Ёгана. Хозяева стойбища её спрашивают: «Тут недалеко – крупная река, как ты её пересекла?». Она ответила: «Большой реки я не видела. Была какая-то узкая речка, я её перепрыгнула». С тех пор самый крупный приток Агана Вать-Ёган стал называться Вачь-Явун, что переводится – узкая река. Ненецкое название – Тяпта-Тяха – неудачная калька с хантыйского языка. Вероятно, ненецкое название реке дано ханты, знавшими ненецкий язык с акцентом. Поэтому в ненецком варианте должно было быть – Узкая река (Тытя тяха), получилось – Тонкая река (Тя'пта тяха).

А вот вариант легенды, слышанный в интернатские годы. Люди собрали войско и на одном из крутых поворотов устроили засаду для войска, которое спускалось с верховий Агана. Войско это было здесь повержено. Говорят, из этого войска выжил только один раненый воин. Потом река изменила своё русло, этот поворот реки стал старицей, и ханты, живущие рядом, до сих пор называют его Лялэ Вэлэм Пыхыр Махи. В этом сражении девушка отличилась тем, что почти всё время находилась в дозоре, и именно она оповестила своих сородичей о приближении войска. Есть предположение, что эта девушка из рода Айпиных и является основательницей этого рода. В этой же легенде, рассказанной Валюмой (Вахалю'ма), есть одно главное отличие: из побеждённого стойбища выжила не девушка, а мужчина, что после второго сражения бежавшего раненого врага именно этот мужчина уже в лесу за рекой догнал и уничтожил, чтобы он больше никого сюда не мог привести.

ХУЛИЃУ' ТЯХА – Пяшитахат ня'ву'тана калясамы тя'ку. Не'ша' пон катялкана пателштутуң. Путана' похо'на Тётту' каличанл-ма. Ѓа'шки ѓай'мяханай Ынипум ними'мы нилжихинай ѓайтајё' ва'такосутяштутянш. Калкос тёлшкай' шел' ѓи'ниша'ав', кали'та ѓыл тэта ѓамы ѓавна, калкос ты не'ша' панә'шту'ш.

Дополнительная информация:

Здесь, на устье Хулиңу' Тяхи, в 2010 году Айваседа Александр Алевич (Мантна, Анты) в сети поймал молодого осетра. Он пошутил: «Это правнук того осетра, который когда-то сел на мель возле стойбища Карамкиных на Агане» (см. Сох Корэм Корр И Ѓахаң).

ВАМПУ'ТА – вамптайҗа – *дословно*: спохватившиеся. Говорят, жили инородцы, которые вдруг спохватились: «Ах, там люди, с которыми можно успешно повоевать!». И приступили...

ВАСИН УРИЙ – название искажённое. Вероятно, от Васыхьихьлт Ури, что с хантыйского переводится как Урий для утиной охоты. Здесь есть места, где и сейчас невооружённым взглядом видно, что наши предшественники тут охотились перевязью (сетью) на уток.

ПЫТШИҢ РҰП – Маки Пытшиң-Рәп-Ики здесь жил. Теперь здесь стойбище Айваседы Леонида Леонидовича.

НЮР КУМШАҢ ИКИ – *дословно*: старец в голой (бесшёрстной) малице. Так назывался бугор возле оленьей дороги, макушка которого была безлесая. На вершине этого бугра иногда звенел бубен. Строители дороги на Западно-Варьёганское нефтяное месторождение почему-то не тронули другие безымянные холмы, а этот, знаковый, раскопали экскаваторами, и теперь здесь вместо красивого бугра – безобразный карьер с вонючей лужицей. Но, говорят, иногда здесь звон бубна слышен до сих пор.

ЛУХ КОПЛ – Явун йемат лухкэң, рытнат мэнтэ тахи энтэ тоял, чутат тохун намти. Казамкин Андрей (Андри) Антонович тыт вол, яхнэ Лух-Копл-Икехы тойи.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было стойбище «Каван-яун-пугол» Касамкина Антона. Количество населения: всего 9 человек с детьми.

«...Вот бежит Ауля, дочка остяка Антона, 11 лет, шустрая девочка. Приветливо улыбается. Иду устраиваться к себе в лабаз – «избушку на курьих ножках» на опушке дремучего смешанного леса. В юрте-то боюсь ещё спать, там много блох, пока тепло – хочется обособиться.

Лабаз – это маленький амбарчик, лесенка приставная, столбы от мышей высокие. И чувствуешь себя в нём, как в неприступной крепости. Знакомлюсь с детьми. Особенно приглянулся мне хорошенький Андрейко, двух лет мальчишка, с лукавой, смеющейся рожницей.

Вдруг тревога – Антон едет с неводьбы. Хозяйка с Аулей бросилась за большими коробами и к реке. Смотрю – и Андрейко, схватив берестяной коробок, бежит, торопится к реке. И я за ними с записной книжкой. Полную лодку, «неводник», привёз Антон с двумя старшими сыновьями.

*На берегу суета. Чайки кричат, чуть на борт лодки не садятся*²⁵.

ТЁТЫ' ТЯХА – Ёйсунлама тяха. Чикен нысумы не'шаң катял'увтемта тяхан пытаны че'пты няна' щелнанта һамулты.
Перевод: Стойбищная река. Кто бы ты ни был, если стойбище своё здесь воткнёшь, рыболовную морду в речку сунешь – утром вся твоя семья будет есть свежую рыбу.

ХОЙНШО МАЛЖЕ'ЕЙ – Хотюң шоң мале'ей – *дословно:* старичья голоса оленёнка. Здесь всегда жили ненцы с оленями.

МИЩ ТЯХА – почему так река называется, узнать не удалось.

ПИСУ'НЕМЯҢ ПОТ – Вампу'тахан Выла'тхың поңкна һайта В'ың чеҗ' тину' нинтуң пота'ма. Пича нохонта тяңкуң ни'лыт пису'немяң катамай. Тяңкумта милчаханта тьялята ху'са. Ёамламы не'шаң һамым катины! Нелы ни'лытанта хинтамй'та пису'немяң һамсам һамщитямта. Чики тьяляхана тяңута һытыватмың кыти. Талям чики нинту Пису'немяң пот ними'җа.
Пересказ: Между Ампутой и Вылат есть кусок тундры, и этот кусок тундры от одной реки до другой пересекает узенькая гривка бора. Эта гривка называется Пису'немяң Пот. А история такова: старый ненец по имени Пичча (из рода Иуси) строил деревянную ловушку на песца. Для приманки перед этим добыл белку-летягу. Пока строил ловушку, день шёл к исходу, устал старик, проголодался, и сам не заметил, как съел свою будущую приманку. В этот день ловушку

²⁵ Митусова Р. П. Год среди лесного народа // Вокруг света. – 1929. – № 9. – С. 6–9.

он достроил, но насторожить не смог. Белка-летяга переводится на ненецкий Пису'немя.

ХАПЛИ'ЃУТЫ – хайнолми' тёлщкана хайнолш шоньшамта выналамаың тет мантҗан: «Четахамаң хаплей'».

(Тата вихиня кот: каляхат катялт панпа'ай нупталям мантҗан: «Катяль хапле'ей»; шанат тяляң тикалон патило'махатант нинпа'т мант: «Четахамаң шоньшай вэналаҗам, хаплетям'!»).

Дополнительная информация:

На устье реки Хапли'җуты в 60–70 годах XX века жил Иуси Аули Кольчевич. А в 20-е годы Иуси Илюка и на другом берегу Иуси Пеналю.

Напротив устья Хапли'җуты за Ампутой семейное святилище Илюки.

Сегодня здесь живут Айваседа Борис Халович с семьёй, Иуси Николай (Илюка) Альтович и Мирон Альтович с семьёй.

Здесь проездом через стойбища Начу, Илюки и Пеналю в 1923 году, в октябре-ноябре побывала исследователь аганских остяков и самоедов Р. П. Митусова и в период распутицы задержалась в их чумах более чем на полмесяца. Здесь она стала свидетелем шаманского ритуала Пандяты (Лэпы). Здесь же она присутствовала на жертвоприношении ненцев на семейном святилище Илюки.

ТЯҢ МАХА (Тя-Маха) – Пон чахатанта татя җайта тя'щи' малхана җайта мытю Тя. Кантялама. Петаласамы. Шутпявлсхана' кяхесамы Тя. Кәхента ним – Я'-Мал-Щейщи – *дословно с ненецкого*: со всегдашних времён существовавшая прочная Земля. Для охот. Таёжная. В древних сказаниях – божественная Земля. Имя Божества – Земель-Оконечностей-Бессердечный (Бессмертный).

МЫХКЭН КУТ ЙЕНЫК – *дословно с хантыйского*: межземельная грива, гряда. У нас Землём называют бассейн реки.

Здесь имеется в виду Земля Пуровская и Земля Аганская, а водораздел – Сибирские увалы.

КУЛЫТ В'ИҢ – Пон чахатанта не'шай' ты патило'ма тя. Пәхутётуу ты' намсутат кулытыю' мюҗ туютам һә та'пташтутонш – *дословно*: здесь всегда ненцы держали оленей. Для измельчения сушёной рыбы использовали деревянные колоды (кулы). От ненецкого названия этих колод и название тундры.

Дополнительная информация:

Одного из моих дальних родственников Иуси Кулы, двоюродного брата моей бабушки Невы, вместо люльки, сразу после рождения поместили в кулы-колоду. И до тех пор, пока старший брат его отца не изготовил для него люльку, он жил в колоде именно в этой тундре.

ЧУНЧИ' ТЯХА – Ма'ай ванл тёлшкана тяхаҗ каван щичахат мюҗ' тавтят. Тяхаҗ кавхат нелченатуҗ кулытыю' пя' поҗкат чунчашаташ нелняҗ вэчаля. Ченят нупталям нелченатуҗ пя'увти' поҗкат нелняҗ вэчаля – чунчасатҗа: «Мы'ши нелняҗи' хатям' ниптуҗ һа'?» Талям тяхаҗ шича кавхат чунчасатсо'махаттуҗ чики тяхам Чунчи' тяхаҗә' нимчиҗатуҗ. Машнантуҗ тяхаҗ шича кавхат нетуҗ вэча'пёмы' ла'кхәс һәмай' – *дословно*: говорят, во времена ванл – легенд здесь с двух сторон реки одновременно встретились мюты-аргиши.

Из густых прибрежных кустов друг друга высматривают, но никто не решается на лёд выйти или голос подать. Вдруг там за рекой воины-враги? Так и просидели весь день по обе стороны реки в кустах, затаившись – чунчасатҗа'. От этого слова и название пошло. А потом оказалось, что по обе стороны реки друг друга высматривали близкие родственники.

СЫККЫҢ ТОЙ ЯХНИ – Сыхкыҗ Пай Явун – (Сыккыҗ Пай Яхни, Сыккыҗ Той) – столько различных названий у этой речки. Можно перевести как речка налимя, налими́й живун.

На устье этой речки было одно из стойбищ Казамкина Антона и его сыновей: Никиты, Алексея и Андрея.

Когда я строил Варьёганский музей, то главный экспонат – дом Казамкина Андрея Антоновича – надо было переправить через эту речку. Рядом работали дорожники, и я выпросил у них бульдозер, чтоб переправиться вброд через Сыккың Той Яхни.

СЫККЫҢ ТОЙ ЛОР – тэм лор коньчунэ школанэ онэлтэхэлты немремыт кул-войех кынччи кот тойлжэт – *дословно*: возле этого озера у школьных детей есть стойбище, где они обучаются рыбаками-охотниками.

ЛАРЫКҢИ ЛОР – *дословно*: озеро ершовой реки. Тэм лор махылти нёрым ях кот волжат – здесь жила часть родовой семьи Нёрым-Ях.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Вонь-Яхь-Рапъ-пуголь 2 (старикъ Иванъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны и въ 5 верстахъ отъ Агана. Эти юрты отстоятъ отъ юръ 1 (Александра Казамкина) на 3 версты».

НЁХ ЛОР – *дословно*: озеро живуна. Здесь возле озера было зимнее стойбище Казамкина Фёдора Васильевича, а впоследствии стойбище его сына Спиридона.

РОДНИК – КУСҢАЛ КЫПЫЛ НЁХ – из этого родника берут воду и жители Новооганска, и жители Радужного. В древности из него брали воду жители городка, располагавшегося на Вотш Волаң Яхым Вантың.

ВОТШ ВОЛАҢ ЯХЫМ ВАНТЫҢ – *дословно*: окончность бора, где располагался город.

ВОТШ ВОЛАҢ ТОХ – *дословно*: озерко возле города. В это озерко впадает Кусңал Кыпыл Нёх, а потом течёт далее до

Явккэң Ури. Возле Явккэң Ури была одна из стоянок Казамкина Романа Васильевича. А лабаз с этой стоянки сейчас находится на территории Мегионского музея.

ПУХУЛ ОЛЛЭН ЯВУН – *дословно*: река, впадающая на окраину стойбища. Здесь мы ходили с этнографом Гемуевым из Новосибирска, исследовали археологические памятники с археологом Глушковым из Тобольска. Оказывается, на устье этой реки много памятников разных эпох, что говорит о том, что здесь всегда жили люди. Кроме того, на устье этой реки святилище – стойбище родовых богов. Может быть, поэтому и называется: река, впадающая на окраину стойбища?

Здесь, возле этой реки, ещё недавно жили семьи:

- Казамкина Степана Ивановича,
- Казамкина Афанасия (Апынаси) Наумовича,
- Казамкина Григория (Кыргори) Ивановича,
- Казамкина Романа Васильевича,
- Казамкина Кузьмы Степановича.

Сейчас здесь проживает семья Казамкина Егора Степановича (Егор Большой).

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Пуглонь-егана находится противъ юртъ того же названія и выше р. Вонь-егана на 2 версты. Ширина Пуглонь-егана 7 саж., глубина – 1½ арш., протяженіе – 30 версть. По рѣчкѣ лѣсъ – чащевая сосна. Рѣчка эта рыбная, въ ней при помощи сплошныхъ загражденій добываютъ зимой мордами окуня, щуку и налима. Лѣтомъ рыбу тоже промышляютъ».

ЯХЫМ ПУЛ – *дословно*: кусочек бора. Здесь жили: Казамкин Григорий Иванович (Яхым-Пул-Ики) и Казамкин Афанасий Наумович (Апынаси).

ЛАХЫР ЯВУН – *дословно*: кольчужная река. В песке на обрывистых берегах этой реки иногда попадаются обрывки кольчуг. Ненецкое название этой реки Веш Тю'ма – веш тюху'ма –

дословно: потеря (с нарт) металлических изделий (кольчуги и мечи). Якобы враги после поражения так торопливо удирали, что даже не успевали оглядываться. А в это время у них с нарт выпадали кольчуги и мечи.

ВЕШ ТЮ'МА – веш тыху'ма.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Тагарь-егана находится выше р. Пуглонь-егана на 8 версть. Ширина первой равна 10 саж., глубина – $\frac{3}{4}$ арш., протяжение – 40 версть. По рѣчкѣ лѣсъ – чащевая сосна. Рѣчка эта рыбная. Зимой добывают мордами при помощи загражденій главнымъ образомъ язя, затѣмъ щуку, окуня и налима».

МУ'ЛУ СОХО – Посреди тундрового болота на вершине реки Веш Тю'ма высокий холм-сохо.

Однажды, во времена рождения легенд-ванл, местные жители заночевали на этом сохо. Утром проснулись, окружённые врагами. Оказывается, вражеские воины их ночью окружили. Утром сражение началось. Местные жители, что на холме оборонялись, стали в своих врагов стрелять стрелами прямо в му'лу (ямочка между ключицами), под верхний край кольчуги, сверху вниз. Тех воинов, которые в живых остались, или раненые, отпустили, взяв с них клятву: «Впредь никто сюда с войной не придёт, а придёт только для жертвоприношения!». Клятву подкрепили большим жертвоприношением. Прямо на этом холме-сохо жертвенных оленей забили, а бубны-пеншал имеющие в бубны ударили для укрепления клятвы.

С тех пор этот холм-сохо посреди тундры стоит и за исполнением клятвы следит. А местные жители сюда ездят не для войны, а только для жертвоприношений.

ЛОЛНЭ ЯВУН – *дословно*: река Лягушки. Здесь жила семья Казамкина Петра. Его ещё называли Лолнэ-явун-Ики.

СОПЫРКИ ЯВУН – Сопырки – иносказательное название лягушкиной реки.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Сапоркинъ-егана находится выше р. Тагаръ-еганъ на 26 версть. Рѣчка эта протяженіемъ около 30 версть».

АХЫНЛЫХ ЯХ ЯХЫМ – па мых ях яхым, контэм ях яхым – *дословно*: бор иноземцев, бор беглецов.

Дополнительная информация:

Во времена войны с Гитлером с соседней территории один оленевод угнал колхозное оленье стадо. Точнее сказать, в своё время его отца, зажиточного оленевода, раскулачили – самого его в тюрьму, а из конфискованных оленей создали колхозное стадо. И вот получилось так, что молодому человеку поручили пасти оленей своего отца. Воспользовавшись военным временем, он и угнал оленей. В стаде, кроме его жены и детей, была молодая девушка – ветеринарный врач.

Главной его задачей было сохранить породу отцовских оленей. Во время войны под призывом «Всё для фронта! Всё для победы!» власти безжалостно уничтожали на мясо колхозные стада. Я не берусь судить, правильно он поступил или неправильно. Но я знаю, как войной в те времена оправдывали любую бесхозяйственность, чиновничью глупость.

Власть соседнего округа снарядила милицейский отряд для погони. Но всю войну оленевод успешно бегал от погони по тундрам вместе со своим стадом. Только после войны, когда милицейский отряд был пополнен демобилизованными солдатами, его загнали в тундровый тупик, в рыхлый снег, вот на этот бор. Пока оленевод отстреливался от нападавших, девушка-ветврач на оленьей упряжке пыталась пробиться сквозь бор в надежде, что за бором – новая тундра, где они снова смогут оторваться от погони.

Но они не знали, что здесь тупик, что вперди тундры нет. Здесь милицейский карательный отряд захватил беглецов.

МАВУТ ЯВУН – *дословно*: мохтиковая (ельцовая) река.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Мохтокъ-егана находится выше р. Сапоркинъ-еганъ на 23 версты. Длина этой рѣчки около 35 версть».

НАЃК ЯВУН – *дословно*: лиственничная река.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Нанкъ-егана находится выше р. Мохтокъ-егана на 13 версть. Рѣчка эта имѣеть протяженіе въ 30 версть».

САВККЭЃ ЯВУН – *дословно*: глинистая река. Сейчас здесь живёт с оленями Казамкин Василий Иосифович (Польский).

КОСАМЫ ТЯХА – *дословно с ненецкого*: река, имеющая берёзы.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Косомы-егана находится выше р. Нанкъ-егана на 12 версть. Длина Косомы-егана около 20 версть».

МĂВЃК АВИ САВ ЭМТОР – МĂВЃК ИКИ АВИ ЛĂПЫТ САВЫЃ ЛОР – *дословно*: Старца Мăвѣк дочери (семи) косичек озеро. В это озеро впадает семь рек и ручьѣв, они и являются косами дочери Мăвѣк-Ики.

Дополнительная информация:

По одной из легенд, Хозяйка Агана отправилась по реке Аган, потому что ещё на устье почувствовала, что некий Мăвѣк в самом верховье мутит воду.

ЭЛЛЕВАНЬЁГАН – один из притоков озера Мăвѣк Ави Сав Эмтор называется на карте Эллеваньѣган. Это явно ненецкое имя. Я предполагаю, что брата Вэллы Ысчетки, который, по рассказам наших стариков, жил возле озера, возможно, звали Эллева (Элява) и жил он, наверное, на этой реке.

ПОЧАМПИЛ (Най Ливым) Явун – моторнат Ахын тойнам яңкилмам латнэ, тэм явун оҗнэ шай йинчмэн Пиратнат (Казамкин Виктор Иосифович) – *дословно*: когда на моторной лодке мы с Пиратом (Казамкиным Виктором Иосифовичем) на вершину Агана ездили, в устье этой реки мы чай пили.

ВОНТ ЯВУН (Ван Вонт Явун) – *дословно*: таёжная река (короткая таёжная река). Внутри этой реки жили с семьями:

- Казамкин Аристарх Иванович,
- Казамкин Данил Аристархович,
- Казамкин Михаил Иванович.

На эту реку ходили на охоту и:

- Казамкин Иосиф Иванович,
- Казамкин Михаил Иванович,
- Казамкин Фёдор Иванович (Кор-коның-Ики),
- Казамкин Дмитрий Иосифович,
- Казамкин Виктор (Пират),
- Казамкин Леонид Михайлович.

Кроме того, это охотничьи угодья:

- Казамкина Степана,
- Казамкина Афанасия (Апынащи),
- Казамкина Григория (Яхым-пул-Ики),
- Казамкина Романа Васильевича,
- Казамкина Кузьмы Степановича,
- Казамкина Егора Степановича (Егор Большой).

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Вонь-егана лежитъ выше лѣтнихъ юрть 1 (Александра Казамкина) на 4 версты и выше предыдущей рѣчки Кавва-еганъ на 11 версть. Ширина Вонь-егана 10 саж., глубина – 1 саж., протяженіе – 30 вер. Лодкою проѣздъ возможенъ на протяженіи 25 вер., гдѣ ширина рѣчки 7 саж., далѣе идутъ заломы. По рѣчкѣ опушкой служить ель; встрѣчается годная и на постройку избы.

Изъ рыбъ здѣсь попадаются щука, язь, окунь, сорога и рѣдко налимиъ. Промышляють ее въ августѣ-сентябрѣ при помощи запора мордами».

*Литературное отступление*²⁶.

²⁶ См. рассказ «Фёдор-охотник». Т. 2, с. 114.

ЙЕМ ЙИХЭЛ – *дословно*: добротный игол (речка). Ещё одно название – речка Аристарха (Листарка). Здесь жил и промышлял Казамкин Аристарх Иванович (Листарка) – один из долгожителей реки Аган, прожил согласно документам 107 лет.

ВОНТ ЛАР ЯВУН ЛОР – *дословно*: озеро реки таёжного корня. Ещё одно название – Леспромхозовское озеро. Здесь в 1975–1980 гг. были лесозаготовки для нужд нефтепромысла.

ПАЛУТАТ – ПОЧАҢПИЛ ПЫХЫР МАХИ или Быстрая Протока. Самая длинная протока на Агане. С ненецкого – протока, с хантыйского – горелое старое русло. Течение её очень стремительное, поэтому и называется она быстрой. Раньше на протоке были заломы-завалы. Во времена геологоразведочных работ на Агане завалы были расчищены. Сейчас протока судоходна для маломерных судов.

ЩЕПЁТКА МАЈЕ'ЕЙ – Щепёткинский Урий – здесь ещё до войны с Гитлером рыбачил житель деревни Варьёган Щепёткин. Потом он ушёл на войну. Дальше мне его судьба не известна.

ГОСЛОВ МАЈЕ'ЕЙ – Варьёганские рыбаки неофициально делились на две категории. Одних звали рыбаками Гослова, других – рыбаки зверофермы (лисофермы). Хотя по жизни, если рыбаки зверофермы отлавливали крупную рыбу, её всё равно сдавали государству. А мелкую рыбу, пойманную рыбаками Гослова, иногда сдавали на звероферму. Но тем не менее угожья были поделены, и там, где чаще ловилась крупная рыба, эти угожья были закреплены за рыбаками Гослова.

ПАЛУТАТ КАМЕ'ЕЙ – *дословно*: протоки завалище. Самый верхний залом-завал так назывался. Его было не так просто расчистить, поэтому геологи взорвали его взрывчаткой.

ВОНТ ЯВУН – Сардаков ях войех кынччи вонт явун – *дословно*: таёжная река – Сардаковским людям для охоты таёжная река.

ЩУЧЬЕ ОЗЕРО – *дословно с ненецкого*: озеро зубастых щук, поэтому и называется по-русски Щучье озеро.

АЙ-ГУНЬЁГАН – название на карте. Урман-речка рода Айпиных. Здесь я учился охотиться, первый сезон я был учеником у своего одноклассника Айпина Виктора Романовича. Первый сезон мы охотились на оленях, а на другой год приехал из Кирова Юрий Игоревич Франчески – научный сотрудник ВНИИОЗ (Всесоюзный научно-исследовательский институт охоты и звероводства), и мы стали охотиться на снегоходах. Тема его исследования была «Внедрение в охотничье хозяйство снегохода «Буран».

ОЧЕҢ ТОХ – *дословно*: озерко, имеющее ограду. Речь, вероятно, о засеке – заваленных деревьях в форме загородки. Здесь ставили самострелы на диких оленей, лосей и на медведя. А ещё раньше здесь охотились ловчими ямами.

ПЫНЫК ЯХЫМ – *дословно*: горбатенький бор. В юго-западном конце этого бора похоронен мальчик Айпин Лёня Александрович, брат Семёна Александровича.

ЛУКЕРЬЯ АҢКИ ВАКЫМ ЮХ – лор лоти ути киллты тахин Лукерья Аңки вонт левк кор посат взртых. Лукерья Аңки – жена Айпина Николая (Нюр-Ох) Дмитриевича – моя одноклассница.

АНОШКА КОР ЛОТ – левк кор ятши нёрым кор лот. Кор лот ятшин сорым юх аңкыҗ. Аношка (Айваседа Антон Панкчевич) урых чапкаслаҗ чехы кыйтэ вэр той.

КОТ ВОЛАҢ НЁРЫМ – *дословно*: болотистая тундра для стоянок. На этой болотине есть ягель для оленей, поэтому здесь оставались семьи с оленями, а сами охотники дальше в тайгу отправлялись пешком.

ВИРСАҢ ВОНТ – на месте горельника вырос молодой густой лес. Айпин Виктор Романович любил ходить на охоту в этот лес. Я там ни разу не был. Только смотрел на него издали.

ОНТЪЁГАН-ВЕТЛЕНЯ – название на карте. Онтъёган – вероятно, от хантыйского Вонт Явун. Откуда появилась вторая половина названия Ветленя, нынешним жителям реки Аган неизвестно.

АЙ ВОНТ ЯВУН – *дословно*: малая таёжная река. На эту реку однажды меня взял с собой Айпин Ефим (Епи) Никифорович. Ездили мы на обласах в золотом сентябре. Добыли мы небольшого медведя. Потом на стойбище устроили Игрище. Я тоже участвовал в некоторых бытовых сценах.

МУХЛЭҢ НЭ – *дословно*: дама, имеющая печень. Так иносказательно говорят о медведице. На карте эта река называется Пыхдывальёган, вероятно, название перепутано с рекой Пыхты Войех Явун.

ВОТШАН (Вотшан Явун) – Карамкиныт вонт явун. (Сравни: Вачжаньёган).

Дополнительная информация:

На этой таёжной реке охотились Карамкины (Тырлины). Я в молодости с Покачевым Галактионом Ильичём, будучи в отпуске, охотился здесь одну неделю (1975 г.). Мы добыли одного соболя и одну рыжую лису.

ВАЧЖАНЬЁГАН – название на лоцманской карте. Название ошибочно. Эта река у народа ханты называется КонтшаҢ Кулэп

Явун. Вероятно, перепутано с названием реки на 124–125 км, которая называется Вотшан (см. Вотшан Явун).

САВ ЯВУН ЯХЫМ (Јантың) – этой речкой пользовались традиционно ханты. Покачев Михаил Павлович до 1975 г. имел здесь, на реке Сав-явун, охотничье стойбище. Весной и осенью по открытой воде рыбачил. Рыбачило всё стойбище, расположенное на Агане, напротив устья.

На берегу речки Сав-Явун я добыл своего самого первого соболя. Сейчас здесь стойбище Покачевой Ольги Никитичны. Современные люди в просторечии Сав-явун-Јор называют Гора-урий.

КОХГУНЬЁГАН – название на карте, вероятно, от хантыйских слов кох вонт явун – длинная таёжная река, такого названия здесь вблизи я не знаю. Но не исключаю, что один из притоков Сав Явуна мог так называться (см. Сав-Явун). Кроме того, я когда-то слышал, что один из притоков Сав Явуна назывался Варың Явун. Но на «сто процентов» я в этом не уверен.

ВОНТ ОЛЈЭҢ – Вонт охтин маки калкос Јатны пыхти вокит анымтыккын Покачев Антон Степанович имилнат Фёкла Захаровна, (пырны мыңны Тётя Филяхы тойи). Ый пах тойхын, нәмыл Сергей. Пан Антон Степанович монехыл чет волхын: Пётр пан Василий. Ма (автор) Василийнат интернатны ый класснэ онэлтэхлэм – *дословно*: во времена колхоза здесь на горе была звероферма, на которой работали Покачев Антон Степанович с женой Фёклой Захаровной.

У них был сын Сергей. Кроме того, с ними жили осиротевшие племянники Пётр и Василий. Я (автор) с Василием в интернате учился и жил.

ТОРУМ КОТ ЛЕВК КОР (таёжная сторона) – Локосово контэх яхнэ Торум котхэ тойи. Ахын ях пан Пырың ях торум котнам яңкијты левк кор.

Толкование: Большая оленная дорога на Локосово, где в те времена была церковь, и многие ханты реки Аган были крещены местным батюшкой. Церковь ханты называли Торум Кот.

ЯВУРЬЯВУН (Явурьях, Егурьях) – Махилаж явурхэтэ явун. Ручитны Тырлинская речкахэ тойли.
Ахын кохет ос ый явун Явурьяхкы тойли. Новоаганскэн Кур-рык урехэн ылпин кынче.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года, «Устье рѣчки Егарь-егана находится съ лѣвой стороны Агана, выше р. Лась-егана на 10 верстѣ и ниже лѣтнихъ юртѣ на 1 версту (1 песокъ). Ширина ея – 4 саж., протяженіе – 15 верстѣ. По лѣвую сторону отъ рѣчки идутъ кедровые острова, а по правую – сосновые бора... Изъ рыбѣ въ рѣчкѣ водится окунь и небольшое количество щуки».

ТЫРЛИНСКАЯ РЕЧКА (таёжная сторона) – см. Явурьях и Рыбоучастковый Урий.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Яур-яун-пугол – Семенко, юрты Тырлины. 2 юрты, сени, одна крыта тѣсом, по 2 окна, 4 лабаза. Всего население 18 человек с детьми».

ВЫРОСТОВО (таёжная сторона) – вокруг озера раньше горельники были, они заросли густым молодым лесом, от этого и название. Вирс (вирсь) – густой лиственный лес.

Вода из озера течёт в сторону Егурьявуна, а из соседнего южного озера – в сторону Ласьявуна. Между ними, похоже, когда-то проток был, но сейчас их разделила нефтепромысловая дорога ТПП «Лангепаснефтегаза», ЛУКОЙЛ.

На озере живёт семья Варвары Загайновой (в девичестве Тайлакова).

ЛАСЬЁГАН – река выше по течению Жареного Комарика. Название от хантыйского Ласьявун. В конце 70-х – начале 80-х го-

дов Покачев Николай Ефимович с Галиной Котевной здесь жил и здесь же и похоронен. От них осталась совместная дочь Покачева Варвара Николаевна, и живёт она сейчас в городе Покачи.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года, «Устье рѣчки Ласъ-егана находится съ лѣвой стороны Агана, выше р. Мочхонь-егана на 2 версты (2 песка). Ширина Ласъ-егана равняется 5 саж., а протяженіе – 15 верстамъ. Берега рѣчки окаймлены гривами кедра и отчасти сосны; кедръ плодородный, годами въ немъ чистять орѣхъ. Здѣсь попадаетса щука, которую лѣтомъ неводятъ по ямамъ».

МОЧКАН ЁГАН – Мотшхэң явун?

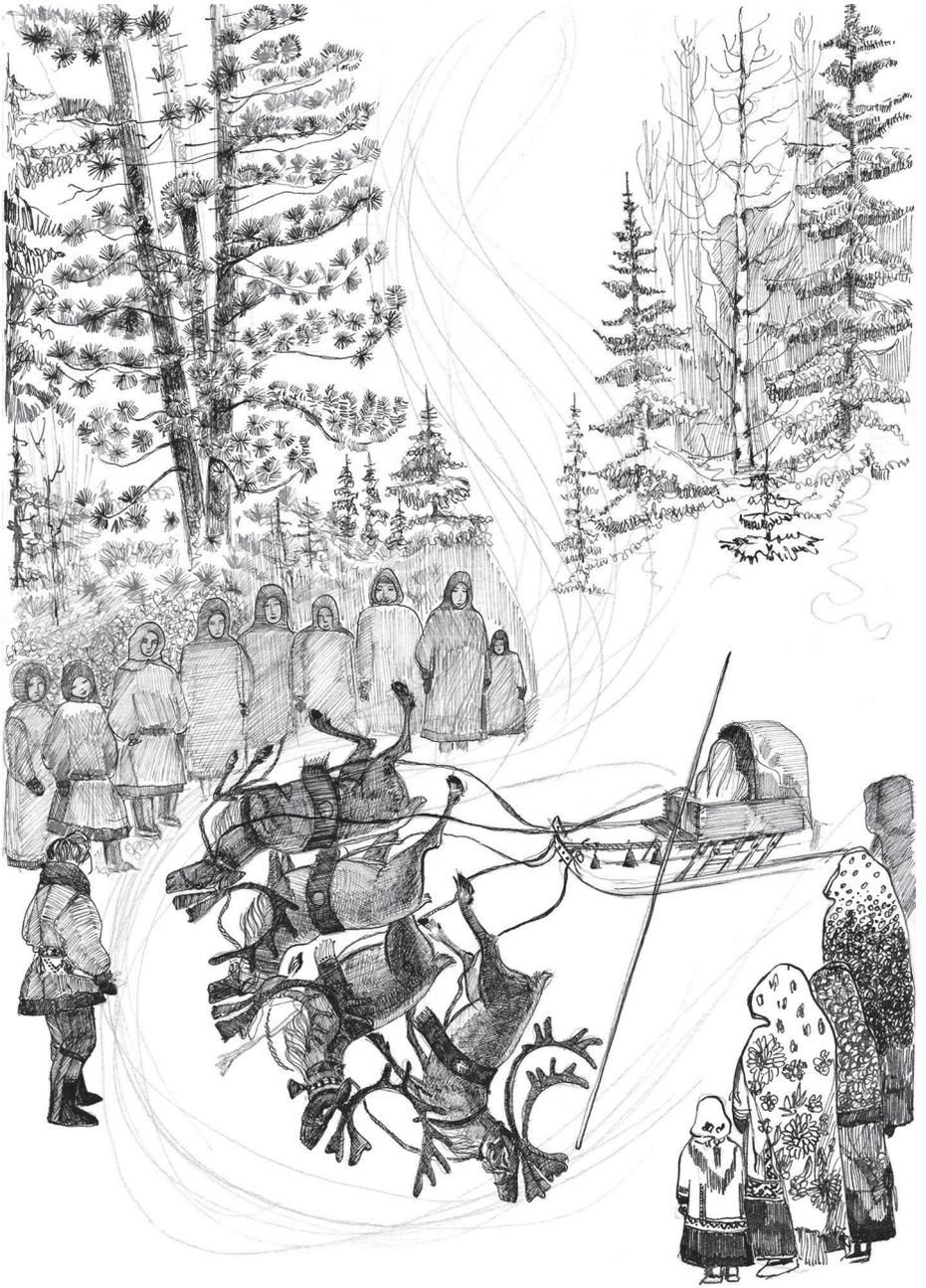
Здесь что-то было покалечено? (Или кто-то?)

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Мочхонь-егана находится съ лѣвой стороны Агана, выше устья послѣдняго на 23 версты (17 песковъ). Рѣчка эта незначительна, протяженіе ея 15 версть. Берега ея покрыты лѣсомъ-кедровникомъ съ ельникомъ-островами. Водится здѣсь исключительно щука, которую промышляютъ мордами зимою».

МОТШХАН ЯВУН – гостевая («проездом») речка?

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь были «Левкины юрты, «Мочаном-пугол», Покачевы. 2 юрты, кр. тѣсом, 1 окно, стол, стул, 1 лабаз. Всего население 8 человек с детьми».

ТАЙЛАКОВСКАЯ РЕЧКА (таёжная сторона) – на этой речке жил в 40–50-х годах XX века Тайлаков Фёдор (отец моей жены). Сюда он переселился из Юганской Оби вместе с семьёй.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОРОГИ, НАСЕЛЁННЫЕ ПУНКТЫ, СВЯТИЛИЩА, АНОМАЛЬНЫЕ МЕСТА В БАССЕЙНЕ РЕКИ АГАН

ГЛАВНЫЕ ДОРОГИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

ТЁТТУ' ЏОТУ – дорога рода Тётт. Вампу'тахана хоту татя. Тётту хотум ними'жа. Ма'ай понантуң Тётту' Пюлэ нянат не'шай' тямта'ма хоту. Џахаңкай' Тёттэ'эй' чики хотуң кысум-на томы'. Чикехет талняң чики хоту Тётту' хотум ними'жа. Этой дорогой Р. П. Митусова уехала с Агана на Пур зимой 1924–1925 года.

ПЯКУ' ЏОТУ (Кәхе Тяхаң Хоту) – Титумо'ма Вың кат Кәхе Тяхаң кәвмана Кәхең Том (Кәхе Тяхаң Том) матанаңан, чикехет нелняң тя ши'т тапатаны Пя'ку' Тоң тет – *дословно*: дорога Рода Пяк.

Из Титумо'ма Вың вдоль Кәхе Тяха, далее через озеро Кәхең То (Кәхе Тяхаң То) пересечёшь, а далее до озера Пя'ку' То земля тебе сама дорогу подсказывать будет.

Дополнительная информация:

Сейчас на этой дороге стоит город Ноябрьск (ЯНАО).

В районе Кңхең То, что вблизи Ноябрьска, жила со своими родителями Ша'ма Вэ'ла – моя прабабушка – мать моего

дедушки Хопли. Отсюда она вышла замуж за моего прадеда Анета Тё'тт. Похоронена вблизи Новоаганска на юго-западном берегу озера Магилор.

ЃАЛКА ЃОТУ (Тю'щи' Ѓоту) – Вың кысумана Пящита Лапка хат Вампу'таң кавмана Кулы'т Вың тет. Чуки џотохот маханнятём Тётту' Ѓотуң талка, шат нятём – Чунчи' Тяхаң Ѓоту, ыҗли' чу'увня'кут шат нятём Мал Вың тет Таляху' Тиң тайвутана' кантяни' кантялама џоту, маха нятём – Культстан нут талка, чикехет шат нятём тата маха нятём Кулы'т Вың кысумана Чу'увняңи Мюту' Ѓотум матанаңан Вампу'таң кавмана Шипу Мал Вың тет танам сэхэмана потамант нелня.

Из книги В. И. Сподиной

«О чём твоя песня, Аули?»:

«...Интересен и сам посёлок, где совместно проживают аганские ханты и лесные ненцы. Здесь происходит интенсивное взаимодействие двух основных этносов, характеризующееся, как правило, повышенным процентом смешанных браков, двуязычием или многоязычием при сохранении этнического самосознания.

От посёлка до верховьев реки Хаплиуты протянулась на многие десятки километров џалка џоту – древняя оленная дорога рода Иуси. Тогда, в начале ноября 1990 года, мы даже и не подозревали, что эта живая карта земли так сильно пронизет сердце и душу, свяжет всех участников экспедиции на долгие годы сотнями невидимых нитей.

В далёкое прошлое увели нас легенды и предания, рассказанные о своём народе Юрием Кылевичем. И вот уже слышны звуки ожившего бубна, с вешалов снимаются и примеряются меховые одежды. Бери и смотри любой «экспонат». Здесь нет витрин, нет замков, нет той нарочитой парадности, которая отличает традиционную музейную экспозицию...

На встречу с ребятами Юрий Кылевич пригласил своего земляка Аули Кольчевича Иуси. Старик спел древнюю ненецкую песню, а потом ещё одну, и ещё... Затаив дыхание, мы слушали протяжные, идущие из глубины души незнакомые завораживающие звуки. Их не хотелось прерывать, они входили в гармонию с душой слушателя, и в сердце рождались добрые, благодарные чувства к этому спокойному

неторопливому человеку с приветливым лицом, светлыми глазами, вдохнувшему в нас вековую мудрость своего народа...

Первую остановку сделали на озере Тя'лжаман-тояай, или «Озеро людей, вылавливающих ершей» («Ершарей озерице»). И хотя озеро маленькое, именно оно имеет большое значение для варьёганцев. Здесь всегда останавливаются, проверяют упряжь, вспоминают, всё ли взяли в долгий путь. Ведь ещё не поздно вернуться обратно! Из этого озера вытекает небольшая речушка Еганишко. Она впадает в Аган в конце посёлка и кормит рыбой всех его жителей.

Сибирь по праву называют страной рек и озёр. Сколько их мы пересекли на своём пути! И у каждого своя отметина. В этой своеобразной карте земли – собственное представление народа о мире, его окружающем, о его прошлом и настоящем. Названия – это такие же памятники старины, как древний курган или белокаменный собор. Они нужны человеку, потому что создают и сохраняют тот мир, что зовётся Родиной...

Нял найта вытю – Поперёк (дороги) расположенная (болотная речка). По-ненецки речка тяхку, но этого слова в названии нет, оно лишь подразумевается. Когда-то Аули Кольчевич здесь потерял свою жену. Случилось это несколько лет назад. Возвращались Аули с Раей со своего стойбища в Варьёган. Было уже темно, нарты сильно подбрасывало на кочках. При очередном ударе Рая выпала из саней в снег. Делать нечего, отряхнулась она и пошла по следу мужа. А у Аули через 5–6 километров сломался снегоход, и он занялся его починкой. Рая, нагнав мужа, молча села на нарту. Только в посёлке Аули узнал, что по дороге потерял жену.

Слушая рассказ Юрия Кылевича об этом случае, я невольно посмотрела на Аули Кольчевича, который в это время был занят своим делом и вроде бы не слышал, о чём идёт речь. Но по его просветлённому лицу и прорамелькнувшей улыбке я почувствовала, что он гордится своей женой.

Снегоход бежал ровно и неторопливо. Полозья прицепленных сзади нарт проворно съедали сажени пути. Мы выехали на озеро Кысуй-то – «Сухое (т.е. мелкое) озеро». Считанные минуты, и оно осталось позади. Аули с Раей уехали намного вперёд. Видно было, как старик радовался дороге и движению, ибо в этом – вся жизнь охотничьего рода.

Мы остановились на озере Чонь-то. Многие варьёганцы называют его Чонь тояай – «Озёрице лис». Место это – родина настоящих ненцев Айваседа. В бору по берегам озера всегда были стойбища людей, которые выращивали лисят. Чуть в стороне от дороги еле

заметно просматривается шестиногий ненецкий лабаз. Принадлежал он деду Олега Панкчевича Айваседы. Заглянув внутрь обвалившегося лабаза, мы увидели оставленную берестяную колыбель, крепко примёрзшую к земле. Рядом из-под снега Юрий Кылевич извлёк неприглядную деревянную палочку. Но через мгновение она превратилась в любопытное орудие труда – рубанок. Ненецкое его название нелшан – «тоненькую, нежную, хрупкую (стружку) производящий». Кстати, тоненькая стружка произносится как «нела'ку». Так же называют и грудного ребёнка, и вылупившегося из гнезда птенца, и маленького оленёнка...».

ВАХАНТЯ' НОТУ (Кулы Тяхаң Ноту, Колыңк Явун Ях Левк Кор) – *дословно*: ваховских людей дорога (колекъёганская дорога, колекъёганских людей дорожный створ).

Этой дорогой проезжал А. А. Дунин-Горкавич в 1900 году с Агана на Колекъёган и далее на Вах, а потом на Пур.

Обратно он ехал другой дорогой – Чу'увняңи' Мюту' Ноту, часть этой второй дороги тоже пролегает через бассейн Агана. Этой дорогой, со слов Иуси Аули, один из моих дальних родственников ходил пешком с Пура на Сургут с нарточкой за мукой и табаком. В первой половине зимы он отправлялся на Сургут, а во второй половине зимы, ближе к весне, он возвращался обратно на Пур. На ненецких и хантыйских стойбищах за ночлег и кормёжку он рассчитывался сказками, песнями, загадками – перед сном забавлял хозяев стойбища и других гостей. Эту дорогу у нас называли Чу'увняңи' Мюту' Ноту – Верхняя (по верховьям рек) Аргишей Дорога.

ЧУ'УВНЯҢИ МЮТУ' НОТУ (дорога, записанная А. А. Дуниным-Горкавичем):

«Дорога отъ мѣстожителства Василія Еушита до Сургута пролегаеъ слѣдующими мѣстами. Съ р. Катуты до материка, который проходить отъ вершинъ р.р. Тромъ-Югана и Надыма до вершинъ р.р. Ехту-Пыримъ и Агана, она идетъ на протяженіи 1 дня ѣзды на оленяхъ болотомъ. Ширина этого материка по дорогѣ 2 версты; лѣсъ на немъ состоитъ изъ сосны до 4 вершковъ и лиственницы

до 9 вершковъ толщиною. Далѣе, на протяженіи 2 дней дорога идетъ до материка, который подходитъ къ ней съ правой стороны чистымъ болотомъ. Этотъ материкъ соединяется съ указаннымъ выше материкомъ, протянувшимся отъ вершины Тромъ-Югана до вершины Ехту-Пырима. Здѣсь онъ идетъ островами, на которыхъ лѣсъ состоитъ изъ березы и лиственницы до 3 вершковъ толщины; изрѣдка встрѣчается сосна до 4 вершковъ. Материкъ этотъ тянется съ правой стороны дороги на протяженіи $\frac{1}{2}$ дня ѣзды. Затѣмъ, отъ этого послѣдняго материка до вершины р. Вать-егана (притока Агана) дорога на протяженіи одного дня идетъ болотомъ. На болотѣ встрѣчается дровяная сосна до 4 вершковъ толщины и молоднякъ березы. При вершинѣ р. Вать-еганъ, съ лѣвой ея стороны находится лѣсная грива, на которой произрастаетъ кондовый кедръ до 8 вершковъ толщины и березнякъ. Невдалекѣ отъ дороги, съ правой ея стороны находится вершина р. Инкъ-егана, окаймленная съ обѣихъ сторонъ незначительными борами сосны 3 вершковъ толщиною и березы. Отъ вершины р. Инкъ-егана болотомъ 5 дней до юрты Игнатія Павлова Сопочина, расположенной въ бору, на правомъ берегу р. Ортъ-егана; лѣсъ въ этомъ бору состоитъ изъ кондовой низкорослой строевой сосны до 6 вершковъ толщиною. Далѣе, отъ юрты Сопочина болотомъ 1 день пути до р. Инкъ-еганъ; здѣсь ширина этой рѣчки равна 20 саж. По обѣимъ сторонамъ она окаймлена небольшими сосновыми борами, на которыхъ лѣсъ высокій, кондовый, до 8 вершковъ толщины. Отъ р. Инкъ-егана до ю. Ермаковыхъ на р. Тромъ-Юганѣ болотомъ 1 день пути. Здѣсь ширина Тромъ-Югана составляетъ 40 саж. Наконецъ, отъ ю. Ермаковыхъ до гор. Сургута $1\frac{1}{2}$ дня пути».

КОН ЛЕВК КОР (здесь пересекает реку Аган) – Ахын кохет ар соңи ях яңкилты энэл тулук левк кор. Па левкыт кинча энэл волтал пэтан Кон левккэ тойли. Па ях ястылыт, мытты ый мыта латны тем левк кохет Кон яңкилук. Чопың яңкилук кунти, товапэ Ахын лопкаха (Интлетовы) лахытлык, чет волым ях сáмат ву – *дословно*: Царская дорога.

Самая большая зимняя оленья дорога, поэтому её называют Царской. Некоторые жители реки Аган говорят, что по этой дороге когда-то проехал Царь. Если это действительно так, то жизнь здешних людей Он видел.

КАҢ ҲОТУ – Ҳахаҗ кав кану'талма, выҗняҗи пейламна. Ҳалка хоту җайтаханта ними'па'та чики нимча, җай неныша тамня Каҗ җайтал'е'ку'махат ними'па'та? – *дословно*: Царская дорога.

Этой дорогой проезжал А. А. Дунин-Горкавич в 1900 году, и в своей книге «Тобольский Север» (том второй), описал расстояния между зимними стойбищами на этой дороге в верстах.

Сейчас на этой дороге стоят города: Покачи, Новоаганск, Радужный.

Я этой дорогой ездил неоднократно на оленьей упряжке, на лошади в санях, на снегоходе, и даже один раз из Варьёгана на Аган и обратно на мотоцикле «Восход» с накрученными на колёса велосипедными цепями. Дважды этой дорогой я прошёл пешком: один раз из Агана в Варьёган, другой раз с Покачевым Алексеем Галактионовичем из Варьёгана в Аган. Створ дороги в 60–70-е годы просматривался хорошо, и заблудиться даже иноземцу без проводника просто невозможно. Сейчас в лесу много профилей-просек геофизиков-сейсмиков, прочих разных дорог-зимников, поэтому проследить царскую дорогу будет нелегко. А ещё через 20–40 лет найти дорогу будет вовсе нереально.

ТОРУМ КОТ ЛЕВК КОР – *дословно*: в Небесный Дом дороги створ. Небесным Домом называется церковь. Церковь, которую посещали коренные жители реки Аган, находилась в Локосово. Топоним Локосово, я считаю, произошёл от хантыйского слова лохус – друг, нужный человек.

ХАНЫ' СЭХЭ – *дословно*: болотный проход (узкий створ). Этот створ разделяет Ханы' Выҗ от Титумо'ма Выҗ. Этот створ является проходом из Ханы' Выҗ в Титумо'ма Выҗ. Здесь ходили аргиши местных жителей, варьёганских колхозных охотников и оленеводов, здесь я сам несколько раз проезжал на снегоходе во времена моей госпромхозовской охоты.

ТЯЛАЙ ТИҢКУҢ ҲОТУ – *дословно*: песчаного борика дорожный створ. Здесь переправа через Ватьёган. Через Ватьёган «где попало» в зимнее время переезжать очень сложно или вовсе невозможно. То берега высокие и крутые, то лёд на реке очень слабый или вовсе отсутствует. А здесь берега низкие и пологие, лёд на реке всегда прочный и пойма реки узкая, почти просвечивает. Я и раньше здесь ездил, и сейчас этой дорогой через Ватьёган переправляюсь, когда еду на снегоходе к стойбищам Сопочиных.

КЫ'ЫМКАНАҢ НЯ'АВ ҲОТУ (Капи ТяхаҢ Ҳоту) – Большая ненецкая дорога из Пяку То через Капи ТяхаҢ То, Варьёган, вдоль Агана, на Колекьёган.

Там, где была переправа через Ватьёган, сейчас вахтовый посёлок Повх. В десяти шагах от конторы ЦИТС (ЛУКОЙЛ) раньше было главное святилище реки Ватьёган. Здесь зимой 1946 года (два года до моего рождения) Тяпча (Айваседа Янча) шаманил и предсказал моим родителям моё рождение и смерть моего отца. Он сказал дословно: «У вас будет мальчик. А дальше я вижу только женщину с люлькой. А потом мальчик будет кормовым (рулевым) в лодке красных». Я несколько лет был секретарём комсомольской организации и членом райкома комсомола, вероятно, он это и имел в виду.

На жертвоприношения сюда съезжались и ненцы, и ханты, и проездом жители Пяку То и жители Колекьёгана.

Я и сейчас, когда проезжаю через вахтовый посёлок, здесь тайком бросаю монетку. И даже если эта монетка случайно падает со звоном на холодный асфальт, в моём воображении она падает на тёплый ягель священного холма. И тогда я ясно слышу звон шаманского бубна Янчи. И тогда я мысленно запеваю его шаманскую песню:

«Мухомориха – Мать-Мухомориха!
На единственную ногу –
На устойчивую Ногу

Встанешь.
И на Посох свой опершись,
Будешь нам предсказывать
Про Завтрашние Дни.

Про плохие дни я перескажу тихонько,
Про хорошие дни – торжественно!..

Мухомориха – Мать-Мухомориха!
Под подол священного чума
Этого Сохо-Святилища
Сама втиснешься,
И на Посох свой обопрясь,
Семь своих священных Детей-Мухоморят
За собой проведёшь,
Чтоб они тоже ведали этим Святилищем
Во все времена.

Про плохие дни я перескажу тихонько,
Про хорошие дни – торжественно!

Мухомориха – Мать-Мухомориха!
Указала ты мне Мальчика
В тёплой люльке с матерью
До самой старости
Вместе рядом идти будут.
Лодкой красных правит Мальчик
Вдоль трудной реки жизни
Кормовым веслом нелёгким.
Только рядом нет мужчины,
Что помог бы иногда...

Про плохие дни я перескажу тихонько,
Про хорошие дни – торжественно!».

КЫҢКУЛЈАХА (Кыңкулаха Ңоту) – *дословно*: горловина (дорожный створ-горловина). Шипу Мал Выңкат кантялама ноту Титумо'ма Вың тет.

Я предполагаю, что именно этой дорогой мой прадед Анет, сосватав, увёз мою прабабушку Ша'му на стойбище своих родителей, которое в то время находилось на реке Тё'тту'пюл (Етыпур).

Во времена «начала колхозной жизни» мои прадед Анет и прабабушка Ша'ма переехали на реку Пящита (приток Агана), и последнее их стойбище было там, где сейчас находится поликлиника г.п. Новооганск. Похоронены они в разных концах озера Магилор, на окраине Новооганска.

Ненецкое название этого озера Пунсы' То – озеро волока. В сентябре 1924 г. Р. П. Митусова именно с этого озера отправилась по волокам (перетаскам) «к варьявунским самоедам».

ВАЧИМ ЯХ КУРЫҢ ЛЕВК КОР – *дословно*: ватинских людей пешей дороги створ. Во времена охоты на Айгуньёгане мы этой дорогой ездили на оленях и на снегоходах, а ватинские ханты ходили на Аган на лыжах пешком. На переправе через реку Айгуньёган на той стороне у дороги на скорую руку построенная скамейка раньше стояла. Так эту скамейку ватинские ханты построили, чтоб не замёрзнуть во время привала.

ЯРХАН ЯХ ЛЕВК КОР (Аныс Левк Кор) – *перевод с хантыйского*: большая ненецкая дорога (створ дороги для аргишей, для обозов). Дорога из Сургута и Локосово через Интлетовы, Йимың лор, через Ватьёган, Егурьях, Варың явун, Ампуту, Тё'тту' Пюл на Халесовую, оттуда дорога налево на Тарко-сале и далее до Обской губы и направо через Тольку за реку Таз на Лусса Тяха (Мангазею).

Эта дорога по-ненецки называется Мюту' Ңоту или Ңалка Мюту' Ңоту – большая дорога для аргишей. Только в середине, в бассейне Агана, эта дорога имеет дубль (копию, близнеца,

попутчика) и называется Чу'увняҥи Мюту' Ыту – верхняя (северная) дорога для аргишей.

Этой дорогой, я предполагаю, и проезжал А. А. Дунин-Горкавич в 1900 году, возвращаясь с Пура на Сургут.

ВАМПУ'ТАҢ (Тю'щи') Кану'талма – Вампу'тау кавмана тину' кысумана малта тѣлша'т найта йоту.

Из путевого дневника Р. П. Митусовой
осенью 1924 года²⁷:

«Ну, вот я и на зимней квартире, среди невысокого соснового леса – «урмаша»! Сюда перекочевали третьего дня. Переезд вышел для меня неожиданным. Всё произошло очень быстро. Утром, после чая, мужчины начали ловить оленей, а женщины стали разбирать осенние чумы и складывать вещи. Я ещё успела перед отъездом в последний раз сбегать на реку – проститься. С высокого берега видна была даль и извилистость речки. С шумом тѣрлись льдины друг о дружку, уходя на юг; высокие сосны качали верхушками, как бы прощаясь со мной...

Ехали сосновыми борами да болотами полдня и к вечеру стали на место. С восхищением я следила за женщинами, как быстро и ловко они ставили чум: утоптали снег, отметили место костра, положили около него доски, набросали сосновых веток и на них положили оленьи постели и свою рухлядь. Сверху чум в два ряда покрыли оленьими шкурами... Часу не прошло, как жилище было готово, и весело запылал костѣр...

Кругом лес да болотца, реки нет, уныло и однообразно – не на чем остановить взгляд. Вчера было пошла в лес, – куда тут! Разве можно ходить пешком, когда олени есть, – хозяев обидишь. И версты не прошла, как оленей за мной прислали, пришлось вернуться. Зато сегодня обрадовали. Женщины помоложе собрались за брусничкой ехать и меня с собой взяли. Мужчины отравились за рыбой.

Как только скрылась последняя мужская нарта, все самоедки сразу развеселились. Начали петь песни и весело смеяться. Особенно одна, Мячинсый, вторая жена Пенелю, отличалась. («Мячинсый» – по-самоедски «подарок».) Еиѣ совсем девочка, всего тринадцати лет, с

²⁷«Вокруг света». – 1929 г. – № 12.

миловидным, смуглым оживлённым личиком, она звонко пела песенки, тут же сочиняя их. Больше других понравилась всем маленькая песня... Я даже её заучила. Русский перевод приблизительно такой: «Лохматая собака бежит за санями, а я еду на нарте и песню пою». Остановились мы на горюшке у соснового бора. Раскопали снег под одной из сосен. Там, хорошо укрытые берестой, стояли куженьки с брусникой, набранной ещё летом и припрятанной. Сверху ягоды заледенели, внизу же мягкие, сочные, крупные. Мы тут же полакомились ими, усевшись на снег. Разговаривали больше жестами и мимикой, смеха было много. Одеты все женщины по-зимнему: одни в тёплую шубу «понней» из оленьего меха, украшенную узорами, другие в шубы на птичьем меху, а у Мячинсый шубка из лебяжьего меха с синим и жёлтым суконным верхом. Головы не покрыты – мороз небольшой. Волосы у висков сзади скручены и туго перевиты синим и жёлтым сукном в виде двух жгутов. Длинные серьги из медяшек и пуговиц весело звенят, вторя смеху. Раскрасневшиеся, с чёрными, косо поставленными блестящими глазками, с белыми зубами из-под ярких губ – они мне показались хорошенькими. Чтобы не оставаться в долгу, и я спела несколько простых песенок и протанцевала тут же на снегу краковяк, имевший необыкновенный успех. От восторга они хлопали друг друга, кричали, прыгали сами и просили меня не ездить на реку Пур, а остаться с ними.

Совсем подружившиеся, мы вернулись в чум. Проголодались дорогой, и я с удовольствием принялась уплетать из одного корытца вместе с женой Нотю и Мячинсый довольно оригинальную пищу – «дя». Это густая каша из икры, пузырей, печени, внутреннего жира свежих рыб, варёная без соли. Сняв «дя» с огня, к ней примешивают сырой брусники. Получается чуть горьковатое, но довольно острое кушанье.

На десерт мне преподнесли желудок белки, запечённый со всем содержимым. Тоже немного горчит, пахнет орехами, но вкусный. Это – большое лакомство для ребят.

Воспользовавшись отсутствием мужчин, после обеда я решила вымыться. Сами-то самоеды никогда не моются. Впрочем, по утрам в этих чумах взрослые всё же «умывались»: возьмут в рот воды, плюют на руки и вытрут лицо, даже намылив предварительно. Но мыться по-настоящему не решались, как я их ни уговаривала, хотя мыло брали с удовольствием.

Смотреть на моё мытьё собрались все женщины, – ещё бы, невиданное зрелище! Костёр жарко горит, и я всё время верчусь,

умываясь, потому что с одной стороны печёт, а с другой холодно. Некоторые женщины не выдерживают и прикасаются к моей коже, восклицая:

– Хэлаку! (белая).

Белый цвет в большом почёте у лесных самоедов. Вообще они довольны моей внешностью, особенно нравится им мой нос, вздёрнутый кверху; нос пуговкой – верх красоты в представлении самоедов. Рассказываю им о наших причёсках, платьях, показываю открытки и картинки из журналов. Вытащила свои платья, в которых ехала на пароходе, и оделась в белое платье, белые чулки, белые туфли.

– Чупе хытля! (совсем, как снег), – восклицали женщины.

Тонкие чулки привели их в восхищение, а Мячинсый целовала их и прикладывала к щеке. Я тут же подарила ей эти чулки. Вероятно, никогда ни один подарок не принимался с таким восторгом...».

ЛАПЫТ ЛУЅК КУХЛЫМ ЛЕВК – дорога, которой бежали семь Лунгов – семь божеств.

НАСЕЛЁННЫЕ ПУНКТЫ

АГАН – национальное сельское поселение на реке Аган. В 1957 году переименовано из деревни Интлетовы. Деревня ИНТЛЕТОВЫ была центром Аганского сельского Совета и рыбартели имени Первого Мая. До конца семидесятых годов в селе Аган был рыбоучасток Сургутского рыбокомбината и пушно-меховой приёмный пункт Сургутского коопзверопромхоза.

В д. Интлетовы одним из последних председателей рыбартели имени Первого Мая был Епаркин Василий, а председателем сельсовета – Айваседа Пантали (Пантали) Иванович.

В селе Аган начальником рыбоучастка длительное время был Сайгатин Алексей Петрович, а председателем сельсовета Айваседа Леонид (Ляху) Соболевич (Хопливич). Заготовителем-приёмщиком пушно-мехового пункта бессменно был Панкин Александр Яковлевич.

С 1983 по 1985 г. я (автор) исполнял обязанности председателя исполкома сельского Совета, а начальником рыбоучастка был Соколов Георгий Георгиевич.

Сейчас Главой администрации сельского поселения Аган является Г. Г. Соколов, а перед ним – Шинкаренко Виктор Степанович, а ещё ранее – Панкин Александр Александрович.

АЙКАЯВУН ОҢ ЯХ – *дословно*: устье-айкаёганские люди. Здесь издавна компактно проживали несколько родственных ненецких семей. Они не жили на одном стойбище, но расстояния между их стойбищами были очень минимальны (по нормам коренных жителей) – от двух до пяти километров.

Здесь жили семьи: Айваседы Нэхэли (Нэхэли), Усти (Ысчи) Иванович, Отгом (Хомтамы), Пантали (Пантали) Иванович, Котя (Кочи) Иванович, Пенча Отгомович, Вера (Лёля) Отгомовна, Надежда Устевна с мужем, Покачевым Алексеем Галактионовичем. Сейчас здесь живут сыновья Надежды и Алексея и Айваседа Иосиф Котевич.

АЙПИНСКИЕ – Айпинские юрты, что были на Агане, пустуют. Жители переселились в протоку Ай Рәп Пыхэр Махи.

ВАМПУ'ТАҢ МАЛ ТЁТЫ' – когда началась промышленная добыча нефти на Западно-Варьёганском месторождении, Иуси Ойся был вынужден покинуть места жизни его отца Пеналю и уехал жить на те места, где последние 70–100 лет его род охотился, но не жил постоянно.

Сейчас здесь два стойбища вблизи друг от друга: Иуси Геннадий (Тыльу) Ойсевич с семьёй и Айваседа Вера (Поту) Ойсевна с семьёй.

ВАРЬЁГАН – в Варьёганском музее имеется документ (квитанция), датированный 1926 годом. Вероятно это и есть дата рождения селения Варьёган.

Р. П. Митусова проходила по Агану и далее по Ампуте в 1924 году, но ни разу не упомянула о деревне Варьёган. (Но см. Юрты Варь-еганскія – Сай-Мынь-Рапъ-пуголь – (Попова) – из записей А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года.)

Но в местах, где А. А. Дунин-Горкавич обозначил Юрты Варь-еганскія, есть множество археологических памятников. Археолог Глушков из Тобольского пединститута в 90-х годах самому раннему памятнику присвоил возраст раннего железного века, т. е. 2,5 тысячи лет назад здесь было селение из трёх жилищ. Может, это и есть настоящий возраст Варьёгана?

Из дневника Даши²⁸:

«1.08.2011.

День начался не как обычно – с завтрака, а с экскурсии в музей Варьёгана. Там было очень интересно. Оказывается, все мои познания о жизни коренных народов Севера были почти полностью ошибочными! Поразило особенно то, что легенда о медведе, в знании которой я была твёрдо убеждена, оказалась совершенно иной, чуть ли не с противоположным смыслом. Вот её примерный сюжет:

«Раньше Медведь был младшим братом Торума, имел человеческий облик и жил на небе. Но вёл он себя крайне неподобающе. За все его грехи, в наказание, Торум сбросил его на землю. Однако на землю медведь не упал – он зацепился за ветку сосны. Так он провисел очень много лет и порос мхом. Наконец Медведь не выдержал и обратился с мольбами к Торуму. Брат ответил ему: «Обратно на небо я тебя не возьму, но свободу тебе дарю. Оставайся на земле. Будешь ты хозяином тайги, люди и звери будут тебя бояться. А когда ты умрёшь, они будут воздавать тебе почести и просить прощения».

...Так и остался Медведь на земле, только мох прирос к его телу, превратился в шерсть и навсегда скрыл его человеческий облик».

Конечно, это не единственная хантыйская легенда, у каждой вещи есть своя история. В музее я наконец узнала, почему у хантыйских и ненецких кукол не бывает глаз, носа и рта. Этот вопрос мучил меня на протяжении многих лет. Оказывается, дело в том, что если нарисовать кукле глаза, нос и рот, в неё может вселиться злой дух. И вообще, это тогда уже не кукла, а идол... А идолами не играют. Самое интересное то, что у каждой куклы можно

²⁸ Дарья Ярушина – член туристической группы из города Мегиона, 2011 г.

определить возраст по лицу. Если оно из тёмной однотонной ткани, то эта кукла – дедушка или бабушка. А если из белой – младенец до года.

Первая часть экскурсии закончилась отзывом, который мне, Лиле и Татьяне Владимировне поручили написать. Писала я...

2.08.2011.

...После завтрака вещи были погружены на своих хозяев и отнесены в автобус...

...Там-то мы и увидели Юрия Вэллу. Признаться честно, таким я его и представляла – невысоким и коренастым, плотного телосложения.

...Автобусная экскурсия растянулась на весь день. Мы познакомились с лесными археологическими памятниками, местами, на которых находились средневековые стойбища, и мамой Юрия Кылевича – сухой старушкой с точёным личиком. В её исполнении ненецкие песни становились легендами и оживали на глазах. В Новоаганске она показала место возле поликлиники, где в 1942 году было последнее стойбище её дедушки Анета и бабушки Шаамя.

На одном из памятников мы узнали, кто такая была Раиса Митусова и какой маршрут она проложила, изучая жизнь коренных народов Севера. Вера Алексеевна даже выразила желание пройти по этому маршруту, на что Юрий Кылевич охотно отозвался и предложил воплотить эту мечту в реальность, мы побывали на месте бывшего стойбища Казамкина Антона, где Митусова почти месяц жила перед путешествием к «лесным самоедам» на Ампуту. Юрий Кылевич даже показал полусгнившие остатки лабаза, в котором предположительно ночевала Митусова...».

ВОТШ УРИ ЯККЭН – дословно: в урье города двое людей. Речь идёт о сыновьях Покачева Константина Кирилловича. Их зовут Павел и Виктор. Только Павел записан по матери – Сопочин Павел Константинович, а Виктор записан по отцу – Покачев Виктор Константинович. У них здесь на старице стойбище рыбацкое. Согласно легенде, здесь был «вотш – город», и отсюда пошёл род Покачевых на Агане.

ТЫЛЧИНСКИЙ ПРИЁМНЫЙ ПУНКТ – (таёжная сторона) здесь была организована государственная приёмка рыбы для Сургутского рыбозавода. До 1957 года здесь работали приёмщиками Найданов Иван Агафонович и Белкина Евдокия Александровна. Здесь же было стойбище Тылчина Захара.

ВОНТ-ЯХ-ПУХУЛ (Вонт Ях Рәп Пухул) – сейчас это стойбище люди называют Причал. Живёт здесь семья Казамкина Тихона. Вонт Ях Рәп – *дословно*: яр таёжных людей. В 40–50-х годах на этом яру проживали семьи:

- Казамкина Иосифа Ивановича,
- Казамкина Михаила Ивановича,
- Казамкина Фёдора Ивановича (Кор-кониҫ-Ики).

Последнее время здесь живёт Казамкин Дмитрий Иосифович со своей семьёй и обитают у него братья:

- Казамкин Виктор (Пират),
- Казамкин Леонид Михайлович.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Он-рых-рәп-пугол – Александра Касамкина юрты. 2 юрты, 3 сына живут на болоте и не выезжают на Аган. Количество населения: всего 26 человек вместе с детьми».

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Вонь-Яхь-Рапъ-пуголь 1 (Александръ Ивановъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны, въ 2 верстахъ отъ Агана. Эти юрты отстоять отъ юрты Варь-еганскихъ въ 20 верстахъ (по зимней дорогѣ). Противъ юрты ширина Агана 40 сажень, глубина – 1 саж., въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ – 1 арш. Подъемъ воды весною бываетъ до 3 сажень.

Лѣтнія юрты Вонь-Яхь-Рапъ-пуголь находятся на правомъ берегу Агана на 1 версту выше юрты зимнихъ 1».

Дополнительная информация:

Часть членов родовой семьи Вонт-Ях, которых ещё называли Нёрым-Ях, жили внутри Вонт Явун Оҫ – *дословно*: устье урман-реки (таёжной реки). Внутри этой реки жили семьи:

- Казамкина Аристарха Ивановича,
- Казамкина Данила Аристарховича,
- Казамкина Михаила Ивановича.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Вонь-егана лежитъ выше лѣтнихъ юрты 1 (Александра Казамкина) на 4 версты и выше предыдущей рѣчки Кавва-еганъ на 11 версть. Ширина Вонь-егана 10 саж., глубина – 1 саж., протяженіе – 30 вер.

Лодкою проѣздъ возможенъ на протяженіи 25 вер., гдѣ ширина рѣчки 7 саж., далѣе идутъ заломы. По рѣчкѣ опушкой служитъ ель; встрѣчается годная и на постройку избы.

Изъ рыбъ здѣсь попадаются щука, язь, окунь, сорога и рѣдко налиимъ. Промышляютъ ее въ августѣ-сентябрѣ при помощи запора мордами».

ВЫНГАПУРОВСКИЙ – вахтовый посёлок Ноябрьскнефтегаза. Находится рядом с озером Каля'та Тяхаң То. Сюда раньше приезжали на рыбалку и охоту жители реки Пур и жители реки Аган. Прямо на берегу ставили свои чумы и по вечерам рассказывали друг другу сказки. Здесь были места сезонного промысла (зимнего).

ЗИНТАРС (Дзинтари) – посёлок латышских строителей рядом с вахтовым посёлком Вынгапуровский. Коренные жители в 70–80-х гг. так искажённо произносили это латышское название.

ЕПАРКИНСКИЕ – Епаркинские юрты сейчас нежилые. Хантыйское название Сортың Ури Пухул.

ЖАРЕНЬЙ КОМАРИК – посёлок строителей железнодорожного моста через Аган. Сейчас посёлок нежилой.

ЗАПАДНЫЙ ВАРЬЁГАН – вахтовый посёлок на первом куполе Западно-Варьёганского нефтяного месторождения. (Нефтяная компания «Белые ночи».)

ИНТЛЕТОВЫ – стойбище Мохтикъёганское, превратившееся в посёлок в начале советской власти – центр Аганского сельсовета и после 1957 г. – нежилое. В записях А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г. значится под названием Интле.

КАВ АХЫН ПУХУЛҔ (ЛУХ КОПЛ ЯХ) – Явун йемат лухкэң, рытнат мэнтэ тахи энтэ тоял, чутат тохун намти. Казамкин

Андрей (Андри) Антонович тыт вол, яхнэ Лух-Копл-Икехы тойи.

ЛАРЫКҢИ УРИ – *дословно*: урий ершовой реки. Здесь было стойбище Казамкина Тихона Михайловича.

КАРАМКИНЫ – стойбище Карамкиных, сейчас нежилое. Ещё недавно (лет 25 назад) был жилым КУТХИН УРИ – *дословно*: попутный, промежуточный урий. Здесь в этом урии было весеннее и осеннее стойбище Карамкиных:

- Тырлина Никиты Семёновича,
- Тырлина Егора Семёновича,
- Их матери Тали (Энэл Тали),
- Покачева Николая,
- и его матери Марии (Ай Тали).

Здесь весной принимали от Карамкиных ельца и прямо здесь вялили:

- Покачев Алексей Галактионович с женой Надеждой – до 1973 г.,
- Айваседа Юрий Кылевич с Еленой 1973–1975 гг.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Карамкины юрты Тырлины: 4 юрты, одна юрта с железной печкой и 5 окнами, крыта тёсом, 6 лабазов».

Летник КАРАМКИНА (тундровая сторона) – Карамкиныт Лоң Пухул – *дословно*: Карамкиных летнее стойбище. Оно находилось на песке Карамкиныт Лоң Котың Сый – *дословно*: песок летнего стойбища Карамкиных (Неводной песок). Здесь на Агане рыбачили неводом. Но с первой половины 60-х годов по Агану стали ходить катера с баржами – подвозили грузы для геологов Новоаганска и нефтяников Радужного. Катера причаливали к стойбищам для приобретения рыбы, мяса, ягод, орехов, пушнины. Часто это обменивалось на водку. И в это время люди стали убегать с реки в старицы и на притоки. Тех, кто не успел убежать, сожрал Его Величество Алкоголь.

Так и Карамкины – бежали с Агана в старицу напротив стойбища через Аган, а весной и осенью стали жить в старице в конце этого песка.

Дополнительная информация:

Очаҥ Лох – вонт палык Карамкиныт ури. Карамкиныт пухул (до 1985 г.). Контшаҥ кулэп явун лјор корнам охут. Тыт волым ях:

- Тырлин Никита Семёнович,
- Тырлин Егор Семёнович,
- Покачев Николай.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Карамкины 1 или Пеу-пуголь расположены съ правой стороны и въ ½ вер. Отъ Агана, а отъ р. Пеу-егань съ правой стороны и въ полуверстѣ. Юрты Карамкины 1 отстоятъ отъ юр. Могуть-еганскихъ 1 на 7 версть (по зимней дорогѣ)»...

«Пртивъ юртѣ Карамкиныхъ на материкѣ – сосновая грива, имѣющая въ ширину ½ версты, а въ длину, поперекъ материка, до 10 версть; на ней строевая сосна отъ 3 до 8 вершковъ.

Лѣтнія юрты Карамкины находятся на правомъ берегу Агана, выше юртѣ зимнихъ 1 на 3 версты».

«Юрты Карамкины 2 (Никита Осип. Тырлинь) расположены съ лѣвой стороны и въ 7 верстахъ отъ Агана, противъ лѣтнихъ юртѣ».

КОШ-РАН-ПУГОЛ – от хантыйского Контшаҥ-Рап-Пухул – *дословно*: стойбище пёстрога яра. Здесь жила семья:

- Казамкина Василия (Чачи-Ики).

Его дети и внуки:

- Казамкин Илья Васильевич,
- Казамкин Григорий Васильевич (Масвуй-Ики),
- Казамкин Константин Васильевич (Калвос-Ох-ко),
- Казамкин Василий Васильевич (Ай-мони),
- Казамкин Александр Васильевич (Саци),
- Казамкин Ефрем Ильич (Епи),
- Казамкин Семён Ильич (Семан),
- Казамкин Леонид Константинович.

Кроме того, у Казамкина Василия (Чачи-Ики) была дочь Арина (Аринэ).

Ещё у Казамкина Василия (Чачи-Ики) был побочный сын Казамкин Роман Васильевич, он жил с матерью. А став самостоятельным, жил на соседнем стойбище Пухул Оллэу Явун Пухул.

Казамкин Григорий Васильевич последнее время перед переездом в село Варьёган жил на Ампуте недалеко от устья его и у него сын:

- Казамкин Роман Григорьевич – его стойбище возле Мавүккүң Рәп.

Казамкин Ефрем Ильич последнее время жил в селе и, женившись на моей матери, стал отцом моих братьев:

- Казамкина Алексея Ефремовича,
- Казамкина Владимира Ефремовича.

Глава семейства стойбища Контшаң-Рәп-Пухул Казамкин Василий (Чачи-ики) является прототипом главного героя моего рассказа «Шай-ики».

*Литературное отступление*²⁹.

ЛЕЙКОВСКИЙ – (приёмный пункт) – Лейков Сый (таёжная сторона) – Тем сыйнэ маки приёмный пункт вол. Ледниккүң, холодильный камерахың, лапкахың. Приёмщик намыл ый мыталинэп тем нопэтнэ энтэ вули. Лейков Ощип пахлалнат тем сыйнэ сойпалых. Кутыл-пэ тем палыкнэ вол.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Лейковы юрты, Ивана Лейкова. 1 летняя, 1 осенняя «мых-кат», 2 лабаза».

ЛЕЙКОВЫ – Лейково (тундровая сторона) – здесь было летнее стойбище с оленьим домом для дымокура. Проживали:

- Лейков Иосиф с сыновьями:
- Лейков Галактион Иосифович,
- Лейков Леонид Иосифович,
- Лейков Яков Иосифович.

Кроме того, у Лейкова Иосифа было ещё несколько дочерей.

Дополнительная информация:

²⁹ См. рассказ «Шай-ики». Т. 2, с. 56.

В конце 60-х годов здесь, на этом яру, выгрузилась сейсμοпартия. У Лейковых как раз тогда умер отец, и они ушли со своего яра. Но новый жилой посёлок сейсмиков всё равно стали называть Лейково. Я когда шёл пешком из Агана на Варьёган, ночевал здесь у сейсмиков. Хотя я и предупредил работников сейсмопартии, чтоб не прикармливали мою собаку, но ночью кто-то кормил мою молодую спутницу. И назавтра, когда я уже далеко ватно ушёл от посёлка, собака моя вернулась туда, где её вкусно покормили. Я уже не стал возвращаться за ней. Я думаю, что у неё появился новый хозяин.

СТОЙБИЦЕ ЛЕЙКОВЫХ (тундровая сторона) – Лейковы после смерти отца яр свой оставили и переселились в старицу выше Чистоборска. Это стойбище просуществовало до 1974–1975 гг. Здесь жили:

- Лейков Галактион Иосифович,
- Лейков Леонид Иосифович,
- Лейков Яков Иосифович.

Эта старица на ханты языке называется: Пыхэр Махи, или ещё называют Лейковский Урий.

ЛОЛНЭ ЯВУН ИКИ ПУХУЛ – здесь жила семья Казамкина Петра. Это его называли Лолнэ-явун-Ики.

МÄВҢККЭҢ РÄП КОНЭҢ ЯХ – есть легенда или быль о том, что под этим бором ещё до прихода сюда Казамкиных жила семья местных жителей. (Потомков от них на Агане не осталось.) Им не нравилось, что Казамкины (пришедшие с Казыма) поселились от них слишком близко. Вели себя недружелюбно. И вот когда Казамкины на лодках проплывали мимо их стойбища, на лёгких обласах догоняли, запрыгивали к ним в лодки и очень сильно щекотали.

Казамкины вынуждены были проезжать этот яр ночью, очень тихо, чтоб не было ни единого всплеска, чтоб даже собаки не просыпались.

В первой половине XX века здесь жил со своей семьёй Казамкин Пётр.

Некоторые жители реки Аган называют это место Филькин Яр. Я считаю, это от имени Казамкина Филиппа. Стойбище его располагалось ниже по течению, а сюда он ездил на рыбалку. Возможно, здесь у него была временная стоянка.

Сейчас здесь стойбище Казамкиных Романа Григорьевича и его жены Агафьи Дмитриевны. (Агафья – внучка Казамкина Петра.)

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было стойбище «Мэн-коноп-рэп-пугол – Великан-большое-брюхо. Петра Касымкина юрта. 1 юрта, 2 лабаза. Количество населения: муж с женой, сын и дочь. Всего 4 человека».

МОХТИКЁГАНСКИЕ – Мавут Явун Ях Люң Пухул (тундровая сторона) – Ты'т волым ях:

- Покачев Григорий Иванович,
- Покачев Павел Иванович,
- Покачев Спиридон Иванович,
- Покачев Никита Иванович,
- Покачев Степан Петрович,
- Покачев Михаил Павлович (и Галина Васильевна – Кузьма аңки),
- Покачев Галактион Павлович.

Павел Иванович ими ма имем опи. Чит ма килехылам. Спиридон Иванович ими ма имем аиңки.

Дополнительная информация:

Ещё одно название «летник Мохтикёганские юрты» – здесь рыбоучасток ставил для приёмки рыбы плашкоут. Одно лето в качестве приёмщика и я (автор) здесь стоял с плашкоутом. В начале лета помощником у меня был Айваседа Андрей Маттелевич (Ма'чалю), во второй половине лета – моя жена Елена. Летник просуществовал до 1975 года.

Здесь я в свободное время ходил под парусом вверх по течению до Летника Покачева.

Здесь я впервые самостоятельно изготовил облас.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье рѣчки Могуть-егана лежитъ съ правой стороны Агана, противъ лѣтнихъ юртъ Могуть-еганскихъ, выше предыдущей рѣчки Наги-еганъ на 15 верстѣ. Ширина ея 4 саж., глубина $\frac{1}{2}$ – $1\frac{1}{2}$ арш., протяженіе – 20 верстѣ. Здѣсь водится рыба: мохтикъ, сорога и ершь. Добываютъ ее мордами въ запорахъ...

Юрты Могуть-еганскія 1 или Тигилинка (Ив. Ѳедор. Покачевъ) расположены съ правой стороны и въ 3 верстахъ отъ Агана, по лѣвой сторонѣ отъ р. Могуть-егана, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ послѣдней...

Лѣтнія юрты Могуть-еганскія находятся на лѣвом берегу Агана, противъ юртъ зимнихъ 1 и противъ устья р. Могуть-егана...

Юрты Могуть-еганскія 2 или Интле (Сем. Ѳед. Покачевъ) расположены на 2 версты западнѣ первыхъ, съ правой стороны р. Могуть-егана, въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ послѣдней...

Юрты Могуть-еганскія 3 или Сумъ-урей-пуголь расположены съ лѣвой стороны отъ Агана, въ бору, между лѣтними Тигилинка и зимними Наги-еганскими 2».

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Маут-яун-пугол, Покачеевы. 5 юрт, 2 без окон, две с сенями, у 3 крыши крыты тѣсом, одна юрта нежилая, 11 лабазов. Всего население 30 человек с детьми».

НАДЫМСКИЙ ЯР – (Сортың ури рӑп) – Надымским стали называть после того, как здесь стоял строительный участок трубопроводчиков нефтегазопровода на Надым.

СОРТЫҢ УРИ РӒП – (Надымский яр). Сортың ури ими котың рӑп.
Дополнительная информация:

Ури коныңны волым ях Епаркиныт чи урины сорт вӑлты вэр тойет. Чутат чи ури тохун нӑмти. Епаркиныт аҗки Сортың-Ури-Имехы яхнӑ тойи.

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Устье курьи Сартамъ-урей лежитъ съ правой стороны Агана, противъ зимнихъ юртъ; на 1 версту выше курьи расположены лѣтнія юрты Епаркины 2».

НОВОАГАНСК – посёлок геологов.

Здесь было стойбище Айпина Фёдора Петровича (Щётаҫ, Вечки-Ики). Семья вымерла «во времена плохих болезней». Все похоронены тут же рядом, на семейном кладбище возле старицы. Кроме того, здесь же был «Рэп-пугол» – Прокопия Сартакова юрта, где 11 сентября 1924 года этнографом Р. П. Митусовой был проведён сход, на котором самоеды (ненцы) избрали старшиной Кольчу вместо больного Илюко.

А также здесь жили и похоронены мои прадедушка Анет с прабабушкой Ша'ма. Чум их стоял там, где поликлиника, а похоронены они в разных концах озера Магилор, на окраине бора. Где-то тут же недалеко жили их родственники Тёттат Пыли с сыном Патята (Паята, Пандята, Лэпа).

Здесь, в дальнем конце бывшего аэродрома, в самом начале 50-х годов мой дед Хопли, защищая колхозное стадо оленей, был покалечен медведем.

НУМ ТЯХАҢ КАПИТИ' ҢИСЫ' (Торум Явун Ях) – в бассейне реки Аган с 1970-х годов живут тромаганские жители (Торум Явун Ях). Эти люди были вытеснены при строительстве города Когалыма и железной дороги: семья Ермаковых на Тлоктыёгане, семья Русскиных на Нюча-Котухтато и семья Кечимовых на реке Нюча-Котухта.

Дополнительная информация:

НЮЧА-КОТУХТАТО – 62°43' СШ / 75°45' ВД – озеро. До 1950-х годов здесь жила семья Иуси: Каҗки, Майсу, Оны, Кольчу: их дети Кули Каҗкивич, Пыртена (Пыли'ку) Каҗкивна, Амальку Каҗкивна, Нева Оновна (моя бабушка по матери), Мария (Маку) Оновна, Аули Кольчевич, Альта Кольчевич, Нёню Кольчевна, Людмила (Ңай'та) Кольчевна, Ун'и Кольчевна, Каилю Майсувич: Валентина (Тумаля), Леонид (Маҗа), и Лидия (Акача) – эти дети Майсу родились возле деревни Варьёган. Эти семьи занимались охотой, рыбалкой и оленеводством. От этого озера вниз по реке до самого Сургута ходили

на лодках. До сегодняшнего дня вокруг озера сохранились остатки их жилищ. В период с 1950-х до 1980-х сюда наезжали варьёганские охотники. Чаще всех здесь бывал Кули Каңкивич и Сардаков Михаил.

С 1979 года это официальные охотугодя механизированной бригады, которую я возглавлял (приказ ГЛАВОХОТЫ РСФСР). С конца 1970-х годов здесь поселилась хантыйская семья Евдокии Русскиной, ранее жившая в районе, где сейчас г. Когалым. В 1993 г. документ на родовые угодя вокруг этого озера получили ее сын Дмитрий Русский и зять Иосиф Кечимов. Легенды говорят, что когда-то возле этого озера жил Капи. Поэтому ненецкое название этого озера Капитяхаңто. Название от ненецкого, но сильно напутано. В начале 1950-х годов с картографами ездил ненец Айваседа Ханя: местность он знал плохо. Поэтому на картах прослеживается его почерк – ошибки и в других названиях.

Дополнительная информация:

Капитяхаңто – Нючатём Капитяхаң то. Понанта ма'ай капиң тили'мя тя. Калясамы то. Чукән тәвмы не'шаң мынчихина ни кан, пон һамулты. Чахатанта кахана тюню'та то. Кукәхена' Пюлэ няңат не'ша' каличалмантуң мэт чуки тон туля'ш. Кольчуң пэвнтта' чуки тоң тилня Тя'пта тяхаң кәвхана һа.

Дополнительная информация:

Контэкоявун-Лор – (хантыйское название этого озера я считаю дословным переводом с ненецкого языка) – ит Русский Митри лор коныңнэ кул кынччи кот тоял – Контэкоявун-лор (Айконтэкоявун-лор).

ТЁТЫ' ТО'ТЯЙҢ ТЁТЫ' – «На осеннее кочевье Вар-яунских самоедов надо ехать не речкой, а прямыми путями, через озёрки и болота, в маленьких «обласках»...

КАНУ' ПУСЛЕ'МЯҢ ТЁТЫ' ТО'ТЯЙҢ ТЁТЫ' – у этого озера множество названий. Те, что я сейчас перечислю,

возможно, это не полный перечень: Калнаҥ То'тя'ай, Паҥкчуҥ То'тя'ай, Аношкаҥ То'тя'ай, Кану' Пунсле'мяҥ То'тя'ай, Улькино озеро. Большинство названий происходит от человеческих имён рода Айваседы. Потому что на бориках вокруг этого озера жили члены рода Айваседы. Последние годы здесь жила семья Улька Айваседы и его потомки.

Сейчас здесь стойбище Айваседы Павла Янчевича.

В 90-х годах здесь построили небольшую лисоферму Айваседа Борис Халович и Айваседа Пётр Ныневич.

В 80-х годах мы с женой и детьми несколько лет весновали здесь.

КАТАТЯҢ ТИҢ'КУ – Мань Неҗи-катай немям чикен хинта'махат чики тиҥ'ку чики нимча ними'җа. Чета' Пашка (Айваседа П. Я.) чикен мят щелтамай.

Толкование: моей бабушки Ненги маму похоронили на этом маленьком борике, и с тех пор этот борик именем моей прабабушки так называется. Звали её Кататя. Сейчас здесь стойбище Павла Янчевича.

ПЕВ-ОҢ-ЯХЫМ-ВАНТЫҢ – Старые Покачи. Промысловая (поселковая) часть города Покачи (ТПП «Покачѳвнефтегаз»). Раньше здесь было кладбище Карамкиных.

ПОВХ – первоначальное название Пионерный. Вахтовый посѳлок Повховского нефтяного месторождения (ТПП «Когалымнефтегаз»). Расположен на берегу Ватьѳгана. Раньше здесь было главное ватьѳганское святилище.

ПЕРВАЯ ПОДБАЗА – подбаза Мегионнефтегазгеологии. Находилась на берегу реки Хыпитоссты (приток Ватьѳгана).

ПОКАЧЕВСКИЕ – (юрты) – (Јуҥк-ури-пухул). Проживали Покачевы и Сопочины. Стойбище просуществовало до се-

редины 70-х годов. На некоторых картах называется: Летник Покачева (таёжная сторона):

- Покачев Илья Иванович,
- Покачев Александр Иванович (Охур ко),
- Покачев Николай Иванович (Вихты Ко),
- Покачев Архип Николаевич,
- Покачев Николай Александрович,
- Покачев Николай,
- Покачев Антон Николаевич,
- Покачев Максим Ильич.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было «стойбище Тумуры-пугол, Покачеевы и Ивана Сопыча юрта. 4 юрты, одна нежилая, 3 досчатые «уотль» (вотл), им. сени, крыты тёсом, у Ив. Сопыча крыльцо высотой 67 см, 4 лабаза, 2–3 окна. Всего население 13 человек вместе с детьми».

ПОКАЧИ – город нефтяников ЛУКОЙЛа вблизи реки Ватьёган у яра Чомлэң Рәп (яр с зарубкой) – верхний конец этого яра по форме напоминает огромные ступеньки, словно специально вырубленные. В нижнем конце яра несколько лет по осени жил Айпин Григорий Иванович (Калс) с женой в палатке. Они здесь собирали бруснику для сдачи на приёмный пункт.

ПРИЧАЛ – ВОНТ ЯХ РӘП ПУХУЛ – стойбище Дмитрия и Галины Казамкиных сегодняшние наши родственники называют Причалом. На самом деле этот яр называется Вонт Ях Рәп, а стойбище предков Дмитрия – Вонт Ях Рәп Пухул. А наши сородичи Причалом стали называть с тех пор, как в первой половине семидесятых однажды посреди лета по малой воде баржа с грузом для будущего города Радужного села на мель. Потом груз выгрузили на берег, проложили дорогу грунтовую и увезли груз машинами. Потом эту площадку стали часто использовать в засушливые летние навигации. Только после строительства асфальтированной дороги эта площадка перестала быть запасным причалом, но за этим яром осталось название Причал.

САП УРИ ПУХУЛ – *дословно*: стойбище урия с живуном. Сап и нёх – это разновидности живунов. Рыбный неводной урий. Здесь в последние годы советской власти жили семьи:

- Казамкина Спиридона Фёдоровича,
- Казамкина Сидора Фёдоровича.

Во времена войны 1941–1945 гг. и около пятнадцати лет после войны здесь жил их отец Казамкин Фёдор (Фёдор-Охотник) – соболятник, медвежатник.

Сейчас здесь обитают «бичи».

ВОТШ ВОЛЈАҢ ТОХ – *дословно*: озерко городища (места, где возлежал город). Сегодняшние Казамкины не смогли рассказать о тех, кто здесь жил.

КОТЫҢ УРИ (Пухул Оллэҥ Явун Оҥ Ури) – *дословно*: домашний (стойбищный) урий. Со слов Егора Степановича, здесь всегда в разные времена были стойбища. Последним здесь было стойбище Казамкина Романа Васильевича.

В начале 90-х годов я был проводником археологической группы Тобольского пединститута (руководитель Глушков). Мы исследовали здешние места. Оказывается, здесь множество памятников, подтверждающих, что в различные эпохи здесь жили люди. Здесь и средневековый городок, и отдельные жилища эпохи раннего железа.

В эту старицу впадает река Пухул Оллэҥ Явун.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. здесь было стойбище «Ивана Касаткина юрты. Количество населения: от 14 лет возраста: муж. – 5, жен. – 3; до 14 лет (дети): муж. – 6, жен – 5; всего – 19».

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 г., «Юрты Пуглонь-Егань-пуголь (Василий Ивановъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны и въ 5 верстахъ отъ Агана. Юрты эти отстоятъ отъ юртъ Вонъ-Яхъ-Рапъ-пуголь 1 въ 9 вер. (по зимней дорогѣ)».

ПЯЩИТАҢ КĂВ НЕ'ША' – когда с Пура сюда на Аган пришли ненцы из рода Тётт, они для жизни облюбовали нижнее течение реки ВАРЬЁГАН – ПЯЩИТА.

Здесь стал жить Айваседа (Тётт) Анет и его сыновья:

- Айваседа Собо́ль (Хопли) Анетович,
- Айваседа Аля (Альчи) Анетович,
- Айваседа Талё (Талю'ку) Анетович,
- Айваседа Топа (Топалю) Анетович,
- Айваседа Тайпо (Тайпы) Анетович.

Здесь родились внуки Анета:

- Айваседа Леонид (Ляху) Соболевич,
- Айваседа Василий (Кыльчи) Соболевич,
- Айваседа Павел (Ха'мальта) Алевич,
- Айваседа Александр (Мантна) Алевич,
- Айваседа Леонид (Ляна) Алевич,
- Айваседа Качау Алевич,
- Айваседа Владимир (Валё) Талёвич,
- Айваседа Юрий Талёвич,

Сын Тайпо Айваседа Юрий родился и живёт в одном из городов бывшего СССР.

Кроме того здесь обитала семья Айваседы (Тётт) Пыли и семья его сына Айваседы Пандяты (Патята, Лэпа) Пылевича.

РАДУЖНЫЙ – город нефтяников Варьёганнефтегаза на берегу Агана.

Здесь было зимнее стойбище Казамкина Константина Васильевича, а рядом возле устья реки АХЫРНАҢ ЯВУН было его последнее весеннее стойбище. Жители города Радужного сейчас эту реку называют ХАНТЫЙКОЙ.

САРДАКОВСКИЕ ЮРТЫ – сейчас юрты Сардаковские нежилые. Потомки Сардаковых живут на реке ЕГУРЬЯХ в разных местах – хантыйское название Попэлхэн Ури Оң Алымпалык Сый – Аvus-ики (Сардаков Василий) котың сый.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Сартаковы юрты. 2 юрты, живут в чумах, 4 лабаза. Количество населения: старше 14 лет – муж. 7, жен. 7; младше 14 лет – муж. 4, жен. 4. Всего 22 человек».

Дополнительная информация:

До 1963 г. здесь, прямо на стойбище Сардакова Василия (Ващи, Авус-Ики) был Сардаковский Приёмный Пункт – рыбоприёмный пункт. Кроме того, что здесь принимали рыбу от рыбаков, сушили, солили и морозили её, ещё здесь был магазин-ларёк или пункт приобретения продуктов. Приёмщиками в разное время здесь работали Кугаевский Борис Васильевич и Суровцева Лидия Петровна.

НАТТАРМА – название хантыйское, но происхождение его от ненецкого, только сильно искажено. Ненецким названием сегодня никто не пользуется, но совершенно очевидно, что оно звучало так: Наптанлма – весновка, место весеннего стойбища оленевода. Сейчас постоянно здесь никто не живёт, но осенью сюда съезжаются многие семьи для сбора клюквы.

КОЛЭЖ ЯВУН ПУХУЛ – *дословно*: река халея, чайки. Здесь Сардаков Андрей Егорович построил себе стойбище. Напротив, на другом берегу Егурьяха, было стойбище его покойного отца, Сардакова Егора Иосифовича.

КУЛ ЛЮХУЛТЫТЫ ЛЮР ПУХУЛ – на восточной стороне этого озера Сардакова Ивана Михайловича новое зимнее стойбище. Через это озеро проходила оленья дорога Тю'щи' Ёту, соединяющая Капи Тяхан То, Тя'пта Тяха, Кы'ымканаң Ня'ав Кайта Сохо, Кату'та, Ханы' Вың, через Ханы' Сэхэ на Титумо'ма Вың и далее на северо-запад через Кәхең То на Пяку То и Нум То – с другой стороны Малл Ёйваң То, Пящита, Кану' То, и далее по Каң Ёту на восток через Вонт Ях Рәп, Контшаң Рәп Пухул, Тыңк Ури, Лолнэ Явун Кот Мых, Мавңк Ави Сав Эмтор и Вахантя' Ёту, дальше до Колекъёгана и на юго-восток до Ларьяка или до Александровска, что в Томской области. Кроме того, через это озеро проходила оленья дорога Ярхан Ях Левк Кор (Аныс Левк Кор). На юго-запад через Ватьёган,

Сольник, Йимың Лор, Мавут Явун Мылың, Кон Левк Кор и далее Интлетовы, Аган; далее через Явунли по Торум Кот Левк Кор до Локосово и Урьевска, или через Наңк Явун Пухул и Ермаково по Кон Левк Кор за Торум Явун; далее пересекая Мавк и Почакуйку на Сургут и вдоль Оби по обозной дороге на Самарово (Ханты-Мансийск) или на Тапале'ей (Тобольск) – с другой стороны на северо-восток через Ампуту, через Му'лу Вың вдоль Тету Тяха и Тётту' Пюл на Халесовую и далее на север через Тарко-Сале до Обской губы, или из Халесовой на восток через Тольку, через Таз и на северо-восток до Лусса Тяха (Мангазея). Здесь, вокруг этого озера, жил Сардаков Александр (Сәм Тойты Ко) – последний шаман реки Аган, сумевший выйти живым из Сургутского следственного кабинета НКВД. Умер в Варьёгане своей смертью. Сейчас в Варьёганском этнографическом музее хранится лесенка для лабаза Сардакова Александра.

ЛУП ЯВУН ПУХУЛ – *дословно*: вёсельной реки стойбище. Здесь последнее стойбище Сардакова Михаила Александровича. Сейчас здесь живёт средний сын Михаила, Константин (Коска), у него дефект речи – почти немой.

НЕВИ РӀП ПУХУЛ – тем рӀпнэ Сардаков Никита (Законник) тулых кот волы.

ВАРЫҢ РӀПЫТ ПУХУЛ – (колым рӀп). Анчал (Сардаков Александр Никитович) пан Семан (Сардаков Семён Никитович) вели кот волы.

Сейчас здесь автомобильный мост на Рославльское нефтяное месторождение.

ВЕЛИ КОТЫҢ ЯХЫМ – *дословно*: бор оленьего дома. Сардаков Константин (Ай Пулыли, Капи Пусску), Сардаков Демьян (Чими) и другие их родственники здесь в летнее время держали оленей под дымокурором.

ПОТЫНЭ РĂП ПУХУЛ – Тем рăпнэ Икыли кот волы, до 1950–1952 гг.

- Сардаков Андрей,
- Сардаков Сидор,
- Сардаков Александр – уехал на Егурьях до рождения сына Михаила.

Здесь родовое Сардаковское кладбище.

ЯВУРЬЯХ ОҢ АЛҢЫМПАЛЫК СЫЙ – Тэм сыйнэ Энэл Егор пан Апынаси 1950 оли кот волы. (Казамкин Егор Степанович, Казамкин Афанасий Наумович.)

САРТ-УРЕЙ-ПУГОЛ – (название условное, взято мной из записок Р. П. Митусовой) – стойбище, вымершее «во времена плохих болезней» – (со слов Епаркина Антона Еремеевича) – остатки стойбища находятся в изголовье верхнего от Сортың-Ури-Пухул песка, на тундровой стороне, останки семьи не похоронены и должны быть внутри жилища. Я туда не ходил, мне только с реки показали точное место, где было стойбище. Туда никто из коренных жителей не ходит.

САРТЫМ-УРИЙ-ПУГОЛ – карта: «НОЯБРЬСК», Генеральный штаб», 16-43-1.2 Р-43-А,Б. Издание 1983 г. (Составлено по карте масштаба 1:200 000, созданной по материалам съёмки 1967–1969 гг. Издано с оригинала ГУГК при СМ СССР.)

Данное стойбище обозначено на устье реки Пухул Оллэн Явун – река, впадающая в окраину стойбища (см. Пухул Оллэн Явун Пухул – стойбище Казамкиных).

СЕВЕРНЫЙ ВАРЬЁГАН – вахтовый посёлок Северо-Варьёганского нефтяного месторождения.

СИҢК ОҢ ПУХУЛ (СИҢК УРИ ОҢ ПУХУЛ) – стойбище Айпина Николая Дмитриевича (Нюр-Ох) до 1985–1987 гг. Здесь же жили семьи:

- Айпина Петра Николаевича (Петы, Петрушка),

- Айпина Виктора Романовича (зять Сардаковский),
- Айваседы Антона Панкчевича (Аношка).

Это стойбище также называли ГОРЕЛЬНИК.

Вокруг этого стойбища археологические памятники от III–V веков до н.э. – до прошлого столетия. Это значит, что здесь всегда жил человек.

СИҢК ОҢ АЛЫМПАЛЫК ПУХУЛ (Сиҥки Ури Оң Алымпалык Сый Пухул) – здесь было стойбище Айпина Романа Дмитриевича (Паки-Ики, Пакитя'ай) до 1974 г. Здесь также жили семьи его сыновей:

- Айпина Дмитрия Романовича,
- Айпина Александра Романовича,
- Айпина Виктора Романовича.

Некоторые постройки этого стойбища можно и сейчас найти в густых зарослях между рекой Аган и старицей Котың Ликуп.

СИҢКИ ПЫХЫР МАХИ ОҢ ПУХУЛ – Айпин Дмитрий Петрович (Митри-ики) вѣли котың пухул волы (до 1940 г.).

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было «стойбище «Синко-пугол» Дмитрия Айпина юрта. 1 юрта «парт-кат».

НАҢК ЮХИ КОТ ВОЛЫ – Юх чуккың сый алымпалык улэк онтнэ Сиҥк оң йис ях йимың пухул. (Древнее кладбище. Около XVIII века.)

Здесь невдалеке в шестидесятых годах похоронен Айпин Дмитрий Романович.

Вонт явун оң алымпалыкнэ йис ях Наңк юхи кот волы. (Здесь было стойбище в XVIII–XIX веке.) Брёвна одной из избушек этого стойбища сохранились до сегодняшнего дня, потому что она срублена была из лиственниц.

СОЛЬНИК – приёмный пункт на Ватьёгане, здесь было стойбище Покачева Петра (Петрушки) – дедушки Павла Ивановича,

прапрадедушки Кузьмы Михайловича. Здесь также жили ныне покойные Айваседа Максим Устевич, Покачев Михаил Павлович и Тылчин Ефим Антонович.

Сейчас здесь живут три семьи: Тылчина Ивана Антоновича, Айваседы Веры Николаевны (Вера-рыбачка) и Айваседы Юрия Андреевича.

Здесь несколько лет в начале 70-х Аганский рыбоучасток в качестве эксперимента устанавливал электрозапор для рыбалки. Здесь в 80-х годах мы с моим сокурсником Шараповым Юрием зарабатывали на учебную сессию на сборе брусники.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (Тюйтяха҇ Тёты') (первое летнее стойбище) – между первым и вторым озёрами на реке **ТЮЙТЯХА҇ ТЁТЫ' ТЯХА**. Стойбище существовало с 1993 г. как весеннее и летнее. Потом, когда на бору построили отдельное летнее стойбище, эту стоянку несколько лет использовали как весеннюю.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (ТЮЙТЯХА҇ ТЁТЫ') (второе летнее стойбище) – стойбище нашей семьи существует с 1994 года. С этого времени наша семья постоянно живёт здесь с оленями. Стойбище состоит из шести стоянок: две летних, одна зимняя, одна осенняя, две весенних – это стоянки, где возведены бревенчатые постройки. Кроме того, есть ещё две весенних стоянки, где мы живём в чумах, и там построены только корали из жердняка.

Летнее стойбище сначала было возле озера Тюйтяха҇ То. А в 1994 году мы обустроились на бору напротив этого же озера, но ближе к реке Ыалка Тюйтяха.

Здесь с 1996 до 2009 г. была стойбищная школа.

До этого здесь было охотничье угодье наше (моей бригады, моего отца, его братьев и других родственников), и мы сюда приезжали на сезонную охоту.

Во второй половине XIX века здесь жил Вэ'ла Ва҇куле'ей. От него в бассейне реки Аган потомков не осталось.

В первой половине XX века здесь жила моя бабушка Неңи с родителями. Отсюда её сосватал мой дед Вэлла Калы. После смерти моего деда она вместе с детьми вернулась сюда на свою родину к родителям.

Здесь похоронены: её отец Хэша (Мылы), Ывы – её тётка и старший брат (имя не помнит никто). Бабушка Ненги (Неңи) рассказывала, что раньше одна из невесток их рода была хантыйка по имени Ави (девочка). (Не являлась ли она родственницей того Капи, который жил на другом берегу Ватьёгана, на озере КАПИ ТЯХАҢ ТО?) Так вот, её тётку якобы называли её именем, только исказив её имя на ненецкий лад – Ывы.

Вблизи устья ТЮЙТЯХИ похоронен Иуси Кольчу Талавич, избранный на сходе 11 сентября 1924 г. на Рэп-пугольском стойбище Сардакова Степана «старшиной варьявунских самоедов».

Из дневника Даши:

«...Знакомство с жителями стойбища прошло не совсем так, как мы предполагали. Вопреки моим опасениям, взрослые оказались добрыми и жизнерадостными, а дети – легко идущими на контакт. Последние даже попросили меня покатать их на плечах, а над моим замечанием: «Ребята, вы что, я же вам не олень», долго и дружно смеялись...

6.08.2011.

Утром светило яркое солнце. Юрий Кылевич предложил ребятам совершить небольшую экскурсию в находящийся за стойбищем домик. Художник так расписал этот дом, что местные жители стали называть его «полосатым». Когда первая группа уехала на экскурсию, мы глубоко задумались, чем же нам сегодня заняться. Кто-то напомнил, что мы ещё не посетили окрестные брусничные плантации и не поймали ни одной рыбки в близлежащих озёрах. Ребята тут же распределились: девочки направились в лес, а мальчики, в сопровождении Сергея, – на берег.

После возвращения группы из «полосатого» домика мы с Юрием Кылевичем, Верой Алексеевной и двумя мальчиками собрались навестить оленьи пастбища и берега Вать-Ёгана. Юрий Кылевич сказал, что в последнее время там нетрудно встретиться с браконьерами. Конечно, мы как всегда хотели не спеша найти фотоаппарат, тетрадь и ручку, переделать уйму дел и только тогда сесть в машину... Но после короткой команды Юрия Кылевича мы влетели в старенький «уазик» пулемётной очереди, на

ходу поправляя ремни и зашнуровывая ботинки. Машина сорвалась с места, оставив за собой клубы газов, а мы все, кроме Антона, – уж он-то за 20 лет к этому привык, – дружно полетели на пол. Всю дорогу нас бросало из стороны в сторону. «Уазик» до неузнаваемости преобразился, словно из обшарпанной серой машины превратился в гоночный автомобиль. Мне оставалось только удивляться тому, что Ваня с Витей умудрялись каким-то невероятным образом спать сном младенца при такой бешеной тряске.

...Проехав таким образом полтора часа, мы увидели огромных размеров кораль. Следы чужих машин показывали, что через кораль кто-то проехал. – Я буду вешать таблички, – сказал Юрий Кылевич, – а если и тогда будут ездить, то придётся заколачивать ворота. Ведь у этих людей такая психология – если написано «нельзя», значит, надо обязательно это сделать...

Оленей я увидела не сразу. Сначала показалось, что в тени лежит огромная куча дров. Лежит и странно шевелится. Оказалось, что это шевелятся олени рога. Вот это да! Издалека их даже не отличить от веток. Оленей было много, но Юрий Кылевич сказал, что это только половина стада. А другая половина ещё где-то бродит.

Конечно, олень, вышедший за пределы коралья, может войти внутрь. Специально для этого некоторые фрагменты ограждения сделаны в виде воронок. Жерди воронок направлены острыми концами внутрь коралья. Очень хитро придумано. Обедали на природе, возле небольшого озера с чистой, прозрачной водой. В зеркальной глади озера отражались белые перистые облака, и в то же время было видно песчаное дно. Этот пейзаж так и просился на картину. Жаль, что я не профессиональный художник.

По дороге домой мы подобрали каску нефтяника. Хорошая каска, почти новая. И зачем её выбросили?

На этом, думала я, поездка закончилась, но оказалось, что Юрий Кылевич – заядлый грибник. За три часа мы собрали две большие коробки моховиков и подберёзовиков.

...В стойбище мы вернулись к вечеру...

9.08.2011.

Утро началось не с зарядки, но пока ребята собирали рюкзаки и грузили их в машины, они уже успели размять мышцы.

Дежурных никто не назначал, и поэтому над большим котлом с нашим нехитрым завтраком «колдовала» половина группы.

Возле костра по-прежнему стояли любители погреться, но шуток и смеха слышно не было, словно у одного огня собрались совершенно незнакомые люди. Мне было вполне понятно настроение ребят. За эти четыре дня, проведённые на стойбище, его хозяева стали для нас почти родными.

Ещё вчера никто и не допускал мысли о том, что наступит такое время, когда нам придётся проститься с этой радушиной семьёй.

...И вот это время наступило.

У каждого на душе были невысказанные слова благодарности и признания, которым было суждено никогда не прозвучать вслух. Кому их скажешь? Не скажешь взрослому, потому что он всегда занят. Не скажешь другу, потому что знаешь – он чувствует то же самое. Не скажешь это и хозяевам, потому что слова вырываются тогда, когда лица этих людей уже скрываются за поворотом. Сейчас, пока мы ещё не уехали, самое время сказать то, что вот уже целое утро не даёт нам покоя.

...Но почему-то все молчат, отрешённо глядя в огонь.

Молчу и я...

Я до сих пор отчётливо помню, как мы захлопнули за собой двери машин, а у костра взметнулся лес рук. Мы тоже махнули в ответ, и даже, кажется, улыбнулись чьей-то шутке – жалобной и неловкой... А потом, чтобы хоть как-то отвлечься, стали смотреть на летящую за машиной белую птицу с длинными крыльями...

Если спросить ребят сейчас про эту птицу, они наверняка ответят, что даже не запомнили её, но я-то знаю, что это не хотела расставаться с тайгой, и всё-же догнала меня моя душа».

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (зимнее стойбище) – первая избушка была построена в 1994 году. В 1995 г. наш зять Карымов Эдуард построил избушку и баню. В 1996 г. построена ещё одна избушка, будка для электростанции, два лабаза и навес для нарт и снегоходов. В 1998 г. была построена школа. В 2000 г. Кольчу с мамой построили себе домик.

Летом 2012 г. стойбище сгорело во время летних пожаров.

*Литературное отступление*³⁰.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (второе зимнее стойбище) – построено в 2007 г. При стойбище построен кораль в окружности четыре километра. Сюда мы загоняем оленей осенью, пока снег мелкий. Как только снега становится больше, мы оленей выпускаем на полувольный выпас.

³⁰ См. рассказ «Утро первого ноября». Т. 1, с. 242.

Здесь построено три жилых домика, школа, банька, навес для нарт, лабаз. Заготовлен материал ещё для одной жилой избышки и для вещевого лабаза. Из списанного материала с нефтяного месторождения устроена будка для электростанции и будка для инструментов и запчастей для «Буранов», узиков, бензопил, электростанций.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (осенне-весеннее стойбище) – построено на болоте в 1993 году. Четыре или пять лет мы его использовали как осеннее стойбище, сюда осенью мы собирали оленей, а потом мы его использовали только как весеннее стойбище во время отёла.

Кроме того, у нас были ещё две запасные весенние стоянки с коралями, где мы держали оленей во время отёла с чумом.

В качестве дополнительной информации я привожу статью Натальи Новиковой из журнала «Северные просторы», 1996, № 3–4, с. 59–60, которая была написана на этом стойбище:

НГЭМ ‘ТЕР – СОДЕРЖИМОЕ ЗЕМЛИ

«Ну как ты ходишь? Становись легче и не будешь проваливаться», – говорили мне, смеясь, ненцы, когда я часто утопала по поясу в снегу на весеннем стойбище.

Лёгкая походка – не только метафора, это принцип их отношения к земле.

Так же часто, как на небо, люди здесь смотрят на землю, на следы. По ним могут определить характер человека и зверя. Это как бы весточка от одного к другому. Зимой о тебе на стойбище все знают по следам: что делала, куда ходила. Когда хозяйка сказала мне об этом, я сначала удивилась, а потом и сама стала посматривать на знаки на снегу. Вот прошли олени, вот какой-то зверь, вот птица. С годами я поняла, что, может быть, основной принцип их культуры – «не наследить».

«Северяне» по-ненцки – «нгэм ‘тер», дословно – «содержимое Севера». Именно так себя воспринимают и ненцы, и ханты, и другие народы. Они живут не над землёй, природой, а внутри неё, и, если сохраняют традиционный образ жизни, навредить ей не могут.

Мы каслаем на зимнее стойбище. Дорога дальняя – 110 километров от посёлка. Вдруг проводник останавливает снегоход, спрыгивает на землю, показывает песок на снегу.

– Чем пахнет?

– Бензином.

– Нефтью, а потом снег растает, и ягель тоже будет пахнуть нефтью.

Кажется, что качалки совсем далеко. Сколько же земли вокруг покрылось этим нефтяным песком. Здесь много подобных следов. В нефтяных городах, таких как Нижневартовск, даже по небу как будто тянется серый длинный след.

Дороги – это тоже след. Вы замечали, вездеходы почему-то не ездят по одной колее, чаще всего они пробивают себе новые и новые дороги. Водители даже не задумываются, сколько они портят земли...

Мы каслаем дальше, и я вижу: моих знакомых интересуют другие следы. Сколько раз замечала, как лёгкий ненец, увидев след какого-то зверя, отцепит нарту и с ружьём кинется за зверем. На то они и звери, чтобы оставлять следы. Люди – совсем другое дело. Одна моя подруга ханты рассказывала, что бабушка ругала детей, когда они, играя, падали на спину в снег и оставляли после себя след. Она говорила, что через него тебе могут навредить другие люди. Ведь зверь оставляет след, по которому охотник его находит. Так может случиться и с самим человеком.

Хорошо бы, чтобы наши следы не принесли нам вреда. Думаем ли мы об этом? Почему не можем, как ненец или ханты, почувствовать боль земли?

В Норвегии саами Том Ульсен пригласил меня на свою ферму. По интерьеру дома, технике, которую он использует в работе, он ничем не отличается от городских жителей. Но когда смотрит на свои горы, лес, неторопливо говорит о земле и политике, больше похож на аборигена, чем на нас. Хотя бы просто тем, что живёт на земле и от земли. Когда разговор зашёл о проблемах кольских саами, Том сказал: «У вас с земли содрали кожу, поэтому люди так плохо живут».

Аборигены чувствуют физическую связь с землёй, она для них живая. Не случайно в их священных мифах земля растёт, увеличивается. А Уральские горы как бы её опоясывают. Есть места, как рассказывали манси, где, если стукнуть сильно по камню на земле палкой, появится кровь.

Аборигены нужны этой земле как звери и птицы, но и она очень нужна им, поэтому они во всём следуют природе, а не нарушают и не пытаются изменить её, здесь «олень всегда прав». А человек идёт за ним, иногда даже не идёт, а только думает, «мысленно пасёт оленей», ведь животные эти знают, где им нужно кормиться, где отдыхать, когда идти домой. Олени очень традиционны, они не любят новых дорог, и, запряжённые в нарту, гораздо быстрее бегут домой, чем куда-либо.

Для оленя много значит дорога, колея. Мне рассказывали случаи, когда они далеко уходили по новой колее от дома, не зная, куда она их приведёт. Поэтому для стойбищных людей важно правильно подъезжать к стойбищу: с той стороны, где ходят олени, люди стараются лишний раз не ездить.

Мы подкочёвываем к владениям самого богатого оленевода округа – Олега Панчевича Айваседы. 20 лет назад у него было два оленя, а сегодня около 500. Он обустроил уже третье стойбище: с двух предыдущих его вынудили уйти нефтяники. Стойбище большое, живёт на нём пять семей и земли, кажется, много. Но это на границе Ямало-Ненецкого округа, и уходить ему уже некуда, а нефтяники всё теснят и теснят со всех сторон. На родовых угодьях разбросана техника от разведочных работ, и убирать её никто не собирается. Мои друзья живут в лесотундре, где деревья и боры не заслоняют неба, и самое прекрасное здесь – простор и ветер, он выдувает из головы суетные городские мысли. Людских следов нет, озеро – словно белое зеркало. И вдруг коричневые ржавые бочки. Олег Панчевич объясняет – работали геологоразведчики, они ушли, а железо осталось, теперь уже навсегда, никому оно не нужно.

Нефтяники здесь уже лет пятнадцать. А когда начинали бурение, семья Айваседы только приехала в эти места.

«Мы тогда относились к рабочим нормально, пусть работают на здоровье. Думали, земля большая, а она оказалась маленькой. Однажды на озеро вертолёт прилетел, они на охоту пошли и наших оленей убили, а ведь мы их предупреждали. В тот раз мы у них мясо забрали, но теперь они прилетают на вертолёте или на машине подъезжают прямо к озеру, бьют наших оленей, рыбачат на наших угодьях».

Вертолёт не оставляет следов на земле, но он оставляет след в сердце тех людей, у кого с этого вертолёта убили и увезли оленей...

Олег Панчевич Айваседа хоть и считается самым богатым оленеводом, живёт скромно. Питается семья в основном мясом и рыбой. Но рыба здесь не очень жирная, а сырую кровь, которая

испокон веку давала силы (по-европейски – витамины) ненцам, теперь пьют немногие, отучили интернаты.

Вообще уровень благосостояния ненецких семей определить сложно. Богатство – это олени. Ведь пока у человека есть олени, у него есть будущее. Богатство – это сказки и загадки. Их знают много. Нескучная жизнь – это тоже богатство. Именно она привлекает многих на стойбища. Мои друзья говорят: «Добрые ненцы кочуют, в деревне сидеть неинтересно». И, конечно, богатство, это речь – певучая, плавная, даже когда они говорят по-русски.

По европейским меркам у аборигенов низкий материальный уровень, и мне очень хочется, чтобы, не потеряв своего богатства, они приобрели то, что должны иметь люди в конце XX века. Как это сделать?

Аборигены живут среди людей, у которых другие представления о богатстве и другие жизненные цели. Техногенная цивилизация предлагает всё новые способы использования природы, но становимся ли мы от этого богаче? А может быть, людям придётся дорого платить за то, что сделали. Мы всё копаем и копаем эту землю.

Мы сравниваем разливы нефти с лесными пожарами или ядерным облучением и рассуждаем, что опаснее. Мы уже смирились с тем, что нам не жить в чистом мире, на чистой земле, не дышать чистым воздухом. Мы не только врываемся в землю, мы и друг друга расталкиваем локтями, нам тесно на земле...

Я давно езжу на Север в экспедиции. Это не прошло для меня бесследно. Я разлюбила срезанные цветы и полюбила лес. Я больше стала задумываться над своими словами и, хотя в стремительной жизни города неторопливый северный стиль удержать трудно, я всё же стараюсь сверять свои поступки с их жизнью и часто, рассказывая об аборигенах, говорю «у нас» не только потому, что это этнографический сленг, а потому, что след их культуры лёг прямо на середину моей души.

Когда прошлой зимой я улетала со стойбища, вертолёт так наклонился, что деревья оказались и сверху, и снизу, а я – как бы внутри, может быть в ту минуту и я стала «содержимым земли».

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (запасное зимнее стойбище) – построено возле реки Тытынсамы Тяха в 1997 году. Здесь был

моховый домик и пристойбищный кораль. Стойбище использовали недолго, оказалось, что мы место для него подобрали неудачное.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (новое весеннее стойбище) – стойбище построено летом 2011 года (избушка и кораль). Использовали только одну весну. Летом 2012 года сгорела во время летних пожаров. Жалко, хорошее было место. Но сгорело не только жильё для людей, сгорело и пастбище – большая площадь.

В августе-сентябре 2012 года восстановлено другое стойбище на живом ягельнике. Построены избушка и пристойбищный кораль. Перегоним сюда оленей в марте или в апреле 2013 года. Мне кажется, место для этого будущего стойбища я выбрал не совсем удачное, но просто пока больше некуда. Ведь во второй половине зимы куда-то надо их перегонять, иначе в марте-апреле они останутся голодные. А если в это время они отощавут, то во время весеннего отёла будет большой падёж новорождённых оленят. А если будет большой падёж, то все хищники с округи соберутся вокруг нас. Тогда трудно станет и здоровым взрослым оленям.

Поэтому на будущий год всё равно надо где-то ещё строиться...

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (весеннее стойбище с «полосатым домиком») – необычный домик для оленевода спроектировал студент Центра одарённых детей ХМАО-Югры Тарас, его преподаватель Александр Семёнович Пономарёв.

Через год четверо студентов со своим преподавателем А. С. Пономарёвым и трое моих внуков воплотили этот проект в жизнь, построили домик на весеннем пастбище, а девочки-дизайнеры расписали его. Потом мы прозвали его полосатым домиком. Сейчас зимой собираемся перевезти его на новое место и снова обновить краску, строить пристойбищный кораль для сбора оленей по утрам.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (ранне-осеннее стойбище, или домик Аэлиты) – здесь мы иногда ночуем во время гона, чтоб быть поближе к оленям и охранять их покой от лукойловских браконьеров.

ТАГРИНКА – Тагринский вахтовый посёлок нефтяников Варьёганнефтегаза.

ТЫРЛИНСКИЕ ЮРТЫ – то же самое Йимың Ури Ях Пухул – *дословно*: стойбище людей священного урия.

ТЯ'ПТА ТЯХАҢ МАЛҢ НИСЫ – стойбище Айваседы Олега (Ңотлю'ма) Панкчевича. Сейчас здесь живут его сыновья:

- Айваседа Эдуард Олегович с семьёй,
- Айваседа Фёдор Олегович с семьёй.

До них здесь было охотничье угодье нашей бригады, и здесь мы с Айпиным Виктором Романовичем построили охотничью избушку.

После нас здесь на бору Чонь' Тиң было зимнее стойбище Иуси Аули и Айваседы Ңотлю'мы. После того как бор сгорел, их дети переселились. Дети Ңотлю'мы – ближе к Ватьёгану, а дети Аули – на вершину Хаплиуты.

На этом стойбище в 1990 году побывала директор мегионского музея Виктория Ивановна Сподина. В те годы она только начинала изучать жизнь лесных ненцев.

Здесь в начале XX века жил Иуси Каңки. Обломки его лабаза ещё можно увидеть на бору Чонь' Тиң.

А лабаз Иуси Майсу стоит возле Хаплеуты на маленьком борике, где когда-то в первой половине XX века было его стойбище.

ХАПЛИҢУТЫ МАЛҢ ҢИСЫ – стойбище летнее Иуси Аули Кольчевича. Сейчас здесь живут его сыновья:

- Иуси Алексей Аулевич,
- Иуси Виктор Аулевич,

Внук:

• Иуси Никита Алексеевич,

И баба Рая – жена Аули Кольчевича.

Раньше здесь было охотничье угодье нашей экспериментальной бригады. Одна из наших избушек была на соседнем бору Тет Тылапы Тиң. Она стоит там до сих пор. Построил её Франчески Юрий Игоревич – научный сотрудник ВНИИОЗ, член нашей бригады.

В начале XX века здесь жил Иуси Майсу. Его лабаз ещё можно увидеть.

Из книги В. И. Сподиной

«О чём твоя песня, Аули?»:

«...Дорога ближе к зимовью Аули становилась всё сложнее. Сплошные кочки и нескончаемая тряска вымотали вконец. Одолевала тошнота. Общую картину дополнял морозный ветер, пронизывающий растрёпанную голову и оголённую шею. Казалось, от сильной боли в висках я потеряю сознание. Щёки давно были практически отморожены. В какой-то момент я потеряла чувство времени и реальности, словно чужое незнакомое тело раскачивалось из стороны в сторону.

Мороз и ветер усиливались. Небо приобрело зеленоватый оттенок. Чтобы хоть как-то расшевелить, меня начали сбрасывать с нарт. Вынужденное движение согревало, но лишь на мгновение. Мы стали останавливаться всё чаще. Первый снегоход ушёл вперёд пробивать дорогу.

Что делать? Сил ехать дальше не было. Пальцы рук свело от холода. Хотелось спать. Тело перестало повиноваться. Чтобы хоть как-то унять боль в висках, обмотала голову мешком. Ноги не слушались и сползали под полозья. Всё чаще наступало забытьё, становилось теплей и спокойней. Только изредка сильный удар о кочку на миг возвращал сознание. Я поняла, что замерзаю. Сколько так продолжалось, не знаю. После очередного забытья очнулась от лая собак, доносившегося как будто из-под земли.

Приоткрыв глаза, увидела небольшое стойбище. Скорее почувствовала, что здесь находится жильё человека. Ночью в тёмных силуэтах трудно угадать навес для морд, лабаз с утонувшими в снегу ножками-сваями...

Где-то внизу, в сугробе, то загорался, то пропадал слабый лучик света. Сбрав последние силы, перебросила руками через сиденье снегохода ноги. Долго, казалось – вечность, принаравливалась, как сойти, а ступив на землю, вскрикнула от острой боли, словно отточенное острие стрелы через пятки прошло сердце. Шаг за шагом, стиснув зубы, цепляясь за деревья, дошла до жилища. В темноте нащупала низенькую дверь. Не сразу смогла согнуться, чтобы войти. Аули и Рая пытались разжечь огонь. Здесь тоже не было дров. Я свалилась на промёрзшую раскладушку. От заиндеветых стен тянуло всё пронизывающим холодом. По брёвнам свисали жёлтые сосульки.

Мне казалось, что я это вижу не глазами. А каким-то своим вторым «я», которое идёт со мной рядом. Зашатался пол, перекошились стены, потолок тяжёлой глыбой сдавливал дыхание. Чувствую, как с чых-то ног стянули унты, разжали пальцы рук и сняли примёрзшие к коже перчатки. Господи, только бы не сойти с ума...

Очнулась уже утром. Приоткрыв глаза, увидела над окном рога оленя, на стенах вырезки из газет и журналов, поясные меховые сумочки. Сверху на мне лежала почти вся одежда, которую смогли собрать в доме. Хозяева спали на полу. Тихо потрескивал огонь. Лишь потом мне сказали, что я всю ночь стонала. Нужно ли было ехать в такую даль? Разве нет стойбищ в 30–40 километрах от Варьёгана? Но всё же я была счастлива. И от того, что выжила, но в большей степени от того, что встретила настоящих друзей...

Аули то и дело напевает свою песню. Мелодия хорошо запоминается. Кажется, будто ей вторит бубен. Это была песня и снега, и деревьев, и неба, и земли. Её звучание было ровным, голос мудреца – лёгким, слегка гортанным. Она не мешала мыслям Аули. А в голове старого человека много дум. Может быть, столько же, сколько деревьев в этом бору, сколько рек и озёр на этой земле, где испокон веков охотились и пасли оленей его предки.

Иногда песню пытался подхватить кто-то другой, и тогда Аули сердится: «Не так поёшь». О чём же твоя песня, Аули?

«Однажды Мальчевку в дом к человеку пришёл. Оказалось, у того было что выпить. Поставил он гостю поесть и попить. И охмелели оба. Гость обратился к хозяину со словами: «Давай, я за оленей куплю у тебя спиртное». Получил ещё 10 бутылок, когда хмель прошёл, наступило время наста. Сказал Мальчевку хозяину: «Я сейчас домой приеду и приведу тебе то, что обещал – оленей». И уехал. Когда вскрылись реки, но лето ещё не наступило (время вы́ну),

вдруг из-за реки раздался громкий голос: «Айда на эту сторону реки. Я твоих оленей привёл». Человек глянул на эту сторону реки и увидел, что в упряжи стоят три девушки и сзади нарт привязано десять длинноносых красавиц. У человека сердце ушло (испугался): «Ведь Мальчевку, когда уезжал, оленей обещал, а что мне делать с десятью девушками?», – подумал человек и не стал переправляться на ту сторону реки».

Странная песня... А рассчитана она на то, чтобы человек мог себе представить ситуацию, когда его олени вдруг стали людьми. Отсюда и отношение к ним, как к человеку. Но в этой песне есть и ещё один немаловажный момент – ненецкие времена года. Это у нас их четыре. А кто сказал, что их должно быть именно столько?

Ненецкий календарь действительно очень подвижен, и его трудно поставить в наши временные рамки...

Кстати, у ненцев также своеобразно и определение возраста: «возраст девушки белого шва» (17–18 лет), «достичь возраста поцелуя» (20–21 год), «когда первый раз самостоятельно пошёл на охоту» (15 лет), «когда впервые сел на оленью упряжку» (5–10 лет) и т. д. Опять кто-то запел песню Аули. Она не надоедает. Поют её и утром, и вечером, слышна она то в чуме, то с упряжки нарт. Помимо воли замечаю, что пою её и я. Где-то в душе рождает она ощущение глубокой древности, оживают лес и озёра, и дорога не кажется уже такой долгой и однообразной».

ЩЕЛЯЛ НЯ'АВ ТЁТЫ' – дословно: родовые места (стойбища) на устье Щелял. Здесь издавна жили Иуси (Исущи, Тюхущи, Тивши). В начале XX века жил Илюка (Илюко), здесь же на другом берегу Ампуты родовое святилище (его сейчас называют «Святилище Илюко» – Илю'каң кайта тя).

В 1976 г. в поисках глухаря я случайно набрёл на заметный бугор (около 25 метров высота его), взобрался на самую вершину и оказался на небольшой песчаной полянке, окаймлённой могучими соснами, в ветвистых кронах которых просматривались на фоне огненного предзакатного неба почерневшие от времени и от стихий замшелые олени рога. Я предположил, что попал на некое святилище, сгрёб из кармана случайно оказавшиеся там монеты, рассыпал их веером перед собой из

ладони, которой я описал дугу по солнцу от восхода в сторону заката, выпалил мысленно скороговоркой заклинание и покинул это место. Говорят, будешь специально искать святилище, ходить кругами, здесь где-то, но не найдёшь. А если на святилище попадёшь случайно, как я, из того, что есть с собой, совершишь обряд жертвоприношения, вслух ли, мысленно ли, выразишь своё самое заветное желание – оно обязательно исполнится... Так я стал профессиональным государственным охотником. Я с раннего детства считал, что самая почётная работа – это работа охотника-промысловика, и я мечтал о ней. Недалеко западнее жили Тяай, Кольчу и Оны (один из моих прадедов), южнее – Пеналю и Пичча, ещё южнее Начу и Туль, и западнее – Акки. Севернее Илюки кочевали Майсу и Каңки. В 60–70-х годах здесь жили дети Кольчу – Аули и Альта, южнее – сын Пенелю – Ойся. А ещё южнее обитали сыновья Начу – Импи (Иван) и Николай (Налим). Дети Тяай – Элява, Атку и Иту (Иван) обитали в деревне на колхозных разных работах: Элява – присматривал за коровами и лошадьми, Атку со своей женой Нюсей (Айпапили) – были звероведами на лисоферме, Иту – после окончания краткосрочных бухгалтерских курсов работал учётчиком-счетоводом, но настоящим бухгалтером он так никогда и не стал.

Сейчас в начале XXI века здесь живут дети Альты – Николай (Илюка), Мирон и Семён, Айваседа Борис Халович – зять Ойси; севернее – сын Ойси – Тыльу (Геннадий); а юго-западнее – внук Акки – Иуси Станислав (Лява).

Расстояния между всеми вышеперечисленными бывшими и настоящими стоянками не более 20–30 километров, поэтому я считаю, что все эти люди из рода Иуси имеют отношение к центру Щелял Ня'ав Нисы и к его святилищу, и являлись между собой близкими родственниками.

Из дневника Даши:

«...После обеда мы познакомились с нашим проводником – внуком Юрия Кылевича – Антоном, коренным жителем стойбища. Согласитесь, что

небезопасно разгуливать пешком по тайге, где кругом болота, в которые запросто можно провалиться, а по ночам всю хозяйничает медведь... Но с Антоном бояться было нечего. Мы были твёрдо уверены, что он приведёт нас именно к стойбищу, а не в болото или в берлогу.

Собрав наши нехитрые запасы продуктов, мы отправились в путь. Те, кто не послушал совета Веры Алексеевны и не выложил из своего рюкзака лишние вещи, сразу отстали на полкилометра и всю дорогу плелись где-то в хвосте группы, сгибаясь под неимоверной тяжестью тянувших к земле запасных брюк и свитеров.

...По дороге мы два раза видели огромные звериные следы. Сергей сказал: «Медведь», а Антон промолчал, потому что нельзя произносить это слово в тайге... Зато можно говорить просто: Чернолицый...».

ЫСЧЕТКА-КОТЫҢ-СЫЙ или Вар-Яун-Пугол – в 1920–1921 гг. вымерли от эпидемии тифа. У Ысчетки на реке было два стойбища – Вар-Яун-Пугол, что на таёжной стороне, напротив устья реки Варыҥ явун, и на тундровой стороне на 1Ң версты ниже устья Варыҥ явун.

ЮРТЫ ВАРЬ-ЕГАНСКІЯ – Сай-Мынь-Рапъ-пуголь – (Попова) – так записано рукой А. А. Дунина-Горкавича. Это, вероятно, тоже стойбище Вэллы Ысчетки. Но откуда здесь приставка «(Попова)»? По рассказам моей бабушки Неҥи, на берегу Агана стоял купеческий лабаз-склад для хранения товаров, которые впоследствии обменивались на пушнину, мясо и рыбу.

Со слов Дунина-Горкавича, «Сай-Мынь-Рапъ-пуголь – (Попова)... находится на лѣвомъ берегу р. Варъегана...», кроме того далее сказано: «Противъ юртъ ширина рѣки Агана 60 сажень...», ещё сказано: «Лѣтнія юрты Поповы расположены на правомъ берегу р. Агана (высота берега 3 саж)...»

Я могу предположить, что купеческий лабаз-склад, вероятно купца с фамилией Попов, находился вместе со стойбищем внутри бора на Кыҥлюҥ Тыхунлама (брусничник Кыҥлю), сюда одинаково можно подходить со стороны реки Аган и со

стороны реки Варьёган. Здесь расстояние между реками около 300–400 метров.

Мы с немецким этнологом Штефаном Дудеком исследовали этот бор. Здесь мы насчитали 27 археологических памятников. Некоторым из них мы не смогли определить возраст.

*Литературное отступление*³¹.

ВИНА ВЭРТЫ ЯВУН – *дословно*: река для изготовления вина. Вероятней всего, здесь, на хантыйском стойбище рода Сардаковых, изготавливали самогон.

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 г. «...Ещё за два дня до этого куда-то ездил Оонэ, старший рода Исуши. Оказывается, к осяткам за водкой, вернее, за самогомом... В нижних юртах на р. Аганудби осятки научились гнать самогон и в тридорога перепродавать на север...»³²

Вероятно, ей сказали по-ненецки «Њахаң нуп вяха» – Агана один приток, она записала как смогла, но достаточно похоже. И если учесть, что «два дня» езды, то очень вероятно, что мой прадед Оонэ ездил «за самогомом» именно сюда.

НАРМА ЛЈОР ПУХУЛ – здесь родина Айваседы Мачили и его сыновей Ауча и Оччаль. Ауча здесь и похоронен. Ненецкое название Налтанлма – весновка, возле речки весновали с оленями, а к комарам откочёвывали к озеру, там продувается, меньше комаров и овода. На устье речки сейчас рыбацкая избушка Покачева Иосифа Ивановича. Здесь ещё недавно была землянка. В ней «бичевал» некий мужичок, прибившийся с соседнего месторождения. Потом этот мужичок пропал без вести. Несколько лет землянка пустовала. Иосиф Иванович, когда стал здесь рыбачить, какое-то время пользовался этой землянкой. Но по ночам стали беспокоить привидения. И несколько лет

³¹ См. рассказ «О дедушке». Т. 2, с. 132.

³² Митусова, Р. П. Год среди лесного народа // Вокруг света. – 1929. – № 11. – С. 13.

назад он эту землянку разобрал. А в ста метрах построил себе рыбацкий домик, освятил его, принеся в жертву купленного оленя, и теперь в своей избушке по ночам спит спокойно.

КОЛЭЖ ЯВУН – *дословно*: река халея, чайки. Здесь Сардаков Андрей Егорович построил себе стойбище.

Напротив, на другом берегу Егурьяха, было стойбище его покойного отца, Сардакова Егора Иосифовича.

ТЯҢЫЛҮЫ (Тяң Ылы) – *дословно*: подземная речка. Здесь рыбацкая избушка Иуси Геннадия Ойсевича (Тыльу) (1980 г.). Чуть ниже, на Пысуме, рыбацкая избушка Айваседы Бориса Халовича (1990 г.). Ещё ниже, в полкилометре, избушка Иуси Акки (1950 г.).

Из книги В. И. Сподиной

«О чём твоя песня, Аули?»:

«...Полозья снегохода чуть не угодили в узкую извилистую речушку, петляющую под снегом и жухлой травой. Её название Тяң ылы – «Подземная». Ночью такое место особенно опасно.

Мы въехали в небольшой редкий лес. Небо украсилось звёздами, ветер утих. На повороте показалась довольно большая и крепкая избушка. Срубил её пять лет назад Иуси Тыльу Ойсевиич. Здесь, в 40 километрах от Варьёгана, всегда можно остановиться, сделать привал.

Возле этой промёрзшей избушки я впервые за день путешествия сняла кумыш. По обычаю, в дом не заходят в меховой одежде. Так же поступают после захода солнца. Если по какой-то причине всё же необходимо занести малицу, кумыш или оленьи шкуры для постелей, их трясут у огня, приговаривая: «Если у Тебя (т.е. у того, кто может спрятаться в одежде) есть вести (сказки), ты их огню расскажи».

После этого, считают ненцы, сон будет крепким, спокойным, и этот Некто не помешает отдыхать страшными мыслями, кошмарами...

В котелке закипала вода. На стол собрали еду. Приехал и сам хозяин. Он был таким же крепким, как и его избушка. В 1989 году Тыльу вместе с мальчиком-сиротой, которого он взял на воспитание, собрал 12 мешков клюквы. Надеялись сдать ягоду да немного приодеться, купить патронов, еды. Сложил Тыльу мешки в одном месте, а сам пошёл охотиться. Слышит – вертолёт опустился у его избушки.

Пока прибежал назад – ни мешков, ни вертолѐта. Горько было Тыльу, да не так за себя, как за ребѣнка, который мечтал о новой курточке и обуви. Где вы, люди с того вертолѐта? Может, прочитаете эти строки и представите своего сына на месте этого мальчонки, и дрогнет ваше сердце? А может, и позднее раскаяние очистит ваши чѣрствые души.

За ужинном разговор коснулся загадок. Вот некоторые из них: «Что это такое? Посреди озера росомашья спина и колыхается, и подпрыгивает?» (бубен и колотушка), «Кто царский подарок всегда с собой носит?» (хвост горностая). Кстати, благодаря белизне горностай считался зверем бога Торума. При виде убитого горностая женщинам полагалось закрывать лицо платком. Мясо этого животного нельзя есть собакам, так как они существа Нижнего мира. В противном случае, по народным поверьям, они могут усохнуть до размеров горностая...».

ПАТЯТАҢ МЯТ ТИҢ (Ңысунлама ТиҢ, Тонлунчи' Мят ТиҢ) – Калкос тонлунчи' мят чики тинт щелтамай, тытуҗ чики тиҗ нятаутехена мэма мэт. Патята тонлунчи' велв җамай, талям чики мят җамы' тѣлша'т мяту'майта. Талям чики тиҗ не'ша' Патятаҗ Мят ТиҢ мна пателштутонш.

Перевод: Колхоз на этом бору для своих работников построил домик для ночлега, а на ягельнике олени отдыхают, чтобы назавтра снова отправиться за колхозным сеном для коров и лошадей. А Патята был начальником тех колхозников, которые возили сено, и некоторые зимы жил в этом домике вместе со своей семьѣй. Поэтому ненцы этот дом прозвали Патятаҗ Мят, а бор Патятаҗ Мят ТиҢ – Патяты дома бор.

НЕҢИҢ МЯТ ТЯ'ЛЈАМАҢ ТИҢ ХАЛЈА – здесь, на берегу Тя'лжамы, было последнее стойбище моей бабушки Неҗи (Неҗи). Колхоз для своих колхозников в 1949–1953 годы организовал строительство в деревне жилья, и моя бабушка переселилась в деревню. Я знаю, что неоднократно в её чуме собирались сказители, и не только ненцы, но и ханты, и рассказывали друг другу сказки, былички, пели песни. Один год Иуси Тя'ай

подселился здесь вместе со своим чумом, чтоб «сказки слушать». Здесь бывали со своими сказками такие известные сказочники реки Аган: Тяванку, Капитя'ай, Сәм-Тойты-Ко, Паята, Икилы...

Но когда я писал очередную книгу, представил себе такую картину, которая могла произойти на стойбище моей бабушки Неңи (Ненги)...

*Литературное отступление*³³.

НЕҢИҢ ТИҢ'КУ (Неңиң Тытыҕыс) – Тя'ламаң кавхана һайта тытыҕыс. Здесь однажды стоял чум моей бабушки Неңи (Ненги).

НЕТЯ'КОТИҢ ТИҢ'КУ – здесь несколько могил, кроме могилки Нетя'коти, здесь кладбище. А когда-то здесь было её стойбище.

СВЯТИЛИЩА

ТЯҢ МАХА (Тя-Маха) – *дословно*: Спина Земли, Хребет Земли – водораздел Сибирские Увалы. Ханты называют Сибирские Увалы – Мыхкын Кут Йенык – *дословно*: межземельная грива, гряда.

Здесь обитает главное божество Тя-Махаң-Щейши – Хозяин Спины Земли без Сердца (Бессмертный). Кроме того, есть другие боги. Например, одного из них зовут Тя'щи' Мал Лә'тпәта, Вяп Вә'ку – Сторожащий Спину Земли, Мужик Удачи.

Сибирский Увал длинный! Там, где Сибирские Увалы упираются в реку Казым – Касам Пу'ша – Хозяйка Казыма охраняет всё западное пространство Увала и следит, чтоб олениводы никогда не уставали каслать. На озере Нум То – Нум лә'тпәта Нум Вә'ку – Охраняющий Небо, Мужик-Небо. В верховье

³³ См. побывальщину «Наивысшая форма гармонии». Т. 2, с. 94.

Надыма – Нятэй Вă'ку – Покровитель Ягелей (ягеля, мхов, грибов). В районе Шипу Мал Вың парит в небе Тя'пту Кăхе (Чу'вытя'ай, Муну'та) – Божество, охраняющее здоровье и жизнь маленьких оленят. А восточный конец Увала – сторожит от врагов, которые когда-то приходили с реки Таз с войнами, – Му'лу Сохо Вă'ку.

Кроме того, вдоль Сибирских Увалов множество семейных, родовых святилищ.

Мой читатель!

В самом начале, когда я только приступил к сбору информации о географических названиях в бассейне реки Аган, меня попросили выступить на заседании Общественной палаты на тему о Святилицах. В это время Окружная Дума только что приняла Закон о Святилицах.

Во время подготовки моего выступления почти одновременно загрипповали моя жена Елена и дочь Тайна. Они проходили курс лечения в Варьёганском ФАПе и в Новоаганской больнице. За короткое время обычный грипп у обеих превратился в бронхит и в астму. Я воспринял это как Знак, и на заседании Общественной Палаты отказался озвучить список святых мест...

А. А. Дунин-Горкавич, проехавший по Агану, но не затронувший своим посещением и публикациями эту тему, дожил до старости.

Этнографы Митусова и Гемуев, побывавшие на Святилицах реки Аган и опубликовавшие информацию об этом, умерли в таком возрасте, когда можно было ещё жить и работать. Кроме того, есть ещё один пример: уход из жизни Евы Шмидт на реке Казыме, по мнению многих, не случаен...

Но информацию о больших и малых Святилицах я продолжал собирать в свою рукопись «Река Аган со притоками». И когда в 2010 г. вышел первый том топонимического словаря, в аннотации я сообщил о том, что в третьем томе будет глава о Святилицах. После этого, 27 декабря 2011 г., мои доктора обнаружили

в моём правом лёгком раковую опухоль. Более тщательное обследование выявило в организме ещё три очага.

И вот в течение всего 2012 г. я занимаюсь своими болячками. Пережил две операции, 9 сеансов химиотерапии, съездил в Москву, в научно-исследовательскую клинику Блохина. 12.12.2012 еду на контрольное обследование. Лечащий доктор уверена, что мы справились с моим недугом...

Но перед самым отъездом в Ханты-Мансийск, в издательство, где я собрался издать третий том, моя жена в Новооганской поликлинике получила диагноз (со знаком вопроса) «подозрение на онкологию?». У неё взяли пробу на анализ и отправили на исследование в Нижневартовск. Тут я перепугался серьёзно, и в ночь с 1 на 2 декабря я из рукописи удалил главу «Святилища». А вчера моя жена позвонила в клинику узнать результат анализа, доктор сообщила, что диагноз не подтвердился...

Мой читатель, я понял главное: Святилища – это величайшие аномалии реки Аган, распространение информации о которых сегодня ещё преждевременно. Поэтому 12 страниц из главы «Святилища» остались за бортом третьего тома книги «Река Аган со притоками».

4 декабря 2012 года, Ханты-Мансийск.

АНОМАЛЬНЫЕ МЕСТА

ТИТЯЛЕ'ЕЙ (на Ампуте) – если тебя ночь застала, то ночевать можно только в верхнем конце этого соснового ягельного бора. Говорят, в нижнем конце бора по ночам слышны вздохи бывших людей, живших здесь в предыдущие поколения.

Сейчас здесь центр Второго купола Западно-Варьёганского нефтяного месторождения.

В 1924 г. осенью в нижнем конце этого бора было стойбище Иуси Начу, и именно сюда прибыла тогда этнограф Митусова Раиса Павловна для изучения «варьявунских самоедов».

ВАМПУ'ТА (Ампута) – Айваседа Аля Анетович (Альчи): «Когда мы жили на Вампуге, иногда после заката солнца слышались звуки-шёпоты Пяха'на муну'таң» – *дословно*: в кронах деревьев говорящий (поющий, шепчущий).

Речь идёт о Минле'ей? Муну'та? Сейчас Альчи нет в живых и спросить не у кого. Кроме того, места обитания Пяха'на муну'таң – вся река или только отдельный участок? Может, он говорил о Титяле'ей? (см. Титяле'ей на Ампуте).

МЫНЬЧИ ВЫТЮ (на Ампуте) – болотистая речка Животина. По этой проточной болотине проходит Тю'щи' Ёту – большая оленья дорога, по которой чаще всех ездили и ездят люди рода Тю'щи (Иуси, Тюху'щи). Дорога проходит по западному краю болотины. На болотине есть «окна», способные «проплотить» не только отдельную упряжку вместе с человеком, но здесь «исчезали в трясине» целиком мюты-аргиши. Говорят, если едешь здесь ночью, слышны стоны тех, кто в предыдущие поколения здесь терпел бедствие.

Я около пяти раз проезжал здесь на снегоходе, дважды проезжал ночью при свете фары, останавливался в пути, но ничего не слышал. Кроме того, в середине 80-х годов мы с женой на устье этой речки осенью целую неделю жили, строили охотничью избушку, собирали бруснику и клюкву. Никаких неестественных звуков по ночам мы здесь не слышали.

ПАЛНЫ ЁОТЯ'АЙ (на устье Пящиты) – *дословно*: остров Палны (Порнэ).

Здесь я несколько лет (1976–1989) рыбачил на запоре в составе бригады рыбаков госпромхоза «Охтеурский». Был бригадиром. Здесь мой дед Хопли бригадирствовал на запоре во времена войны с Гитлером и 3–4 года после войны...

Пящита вырывается на широкий простор – пойму, заросшую густыми травами и отдельными шапками кустов тальника. И вот

на этом просторе она вдруг натывается на большой сосновый остров и раздваивается. На том острове сосны. Называется он в народе остров Порнэ. Порнэ – это что-то вроде русской ведьмы. Она может быть красивой молодой женщиной и одновременно старухой. Говорят, жила она в самом нижнем конце острова, в густых зарослях молодого сосняка. Многие смельчаки пытались в одиночку переночевать на этом острове, но до полуночи не выдерживали, запрыгивали в лодку и уезжали.

И я как-то в юности пытался высидеть ночь на острове, но... Там ночью очень-очень жуткая тишина, до того жуткая, что начинаешь ясно слышать свои мысли, как человеческую речь со стороны... Встречи с самой Порнэ никогда добром не заканчивались. Мне бабушка показывала ненца, который якобы видел её. Этот ненец был пугливый, рассеянный, он внимательно вглядывался в лица прохожих и всегда будто что-то или кого-то искал...

«Но сейчас Порнэ нет. Наши деды пришли на остров, весь обшарили, отловили эту женщину и сожгли на костре. Умирая, она выкрикнула:

– Люди, вы лишили меня возможности вселяться в ваши души! Но, сжигая, вы не избавитесь от меня! Мой пепел всегда и везде будет преследовать вас!

И взметнулись над костром яркие искры, которые разлетелись в разные концы, превращаясь в комаров и мошек. И стали они пить кровь из людей...», – так рассказывала моя бабушка Ненги.

Остров несколько раз съедал пожар. Но каждый раз одно древнее дерево всегда остаётся живым. Моя бабушка Ненги говорила, что на этом дереве обычно сидит сама Порнэ, поэтому огонь его не берёт.

Во времена рыбалки мы иногда оставались здесь ночевать, ночью были слышны торопливые шаги по лодкам. В такую ночь старики говорили:

– Утром будет удачная рыбалка. Порнэ пригнала рыбу.

Это действительно было так.
Хотя...

В начале XX века в этих местах неестественной смертью вымерла семья Ысчетки (в результате заклятия). Может быть, по нашим лодкам топали души членов этой семьи?..

ЛЯЛЛЛ ВÄЛЭМ ПЫХЫР МАХИ (на Агане) – здесь в старину жители реки Аган дали бой завоевателям тасам-капи и выиграли сражение. Часть воинов утонула в реке (они были в кольчугах), часть – погибли прямо на посудине РАТ, и их трупы вместе с судёнышком унесло течением, а один воин весь израненный убежал на другой берег. За ним гнались, но не нашли его. Но ночью с другого берега доносились стоны раненого. Искали его и в следующие дни – тщетно. А стоны его по ночам, говорят, слышны до сих пор. Сейчас приезжают сюда за брусничкой жители близлежащих стойбищ, но ночевать здесь никто не остаётся.

ЭВЫТ ЛИКУП – (нёрым палык).

Из статьи Р. П. Митусовой
«Год среди лесного народа»³⁴:

«Вторую неделю мы едем на лодке по р. Аган. В третий раз обращаюсь к проводнику – Ивану Михайловичу:

– Покажите мне остяцкое мольбище!

В ответ на мой вопрос Иван Михайлович напевает: «Женщина да убоится во святое-святых самоедское пойти». Отвечаю:

– Ничего, я в итанах! – Спутники посмотрели на мои шаровары и сапоги и все трое захохотали.

– Урэй, – показывая на залив реки, затерявшийся в кустарниках, сказал Иван Михайлович и тише прибавил: – Здесь...

Все замолчали. Лодка врезалась прямо в кусты ивняка и с трудом стала продвигаться дальше по незаметному узенькому проходу среди ив. Наконец, лодка остановилась у топкого берега. Рабочие

³⁴ «Вокруг света». – 1929. – № 9. С. 6.

выскакивают, подтаскивают. Оглядываюсь. Сзади стена ивняка, реки не видно, кругом – болотце. Впереди и с боку высокий берег полого поднимается и зеленеет сосновым бором. Где-то вдали загремел гром. Захаров и Ефим молчат. Иван Михайлович насутился, пошёл вперёд с веслом, мы гуськом за ним.

– Старайтесь ступать след в след, – рекомендует Иван Михайлович. Подходим к лесу. Гроза надвигается. Остановились. Я смотрю на небо и уверенно говорю:

– Пройдёт мимо! – Но рабочие молчат. Решительно повёртываюсь к Ивану Михайловичу.

– Идите, я за вами. – И мы снова молча двигаемся по чуть заметной тропинке.

– Вот! – указывает Иван Михайлович, – только осторожнее, нет ли где каких ловушек, иногда сторожевые луки ставят от посторонних.

– Но здесь нет амбарчика! – разочарованно говорю я и рыскаю по мольбищу. Кругом на большой поляне разбросаны рога и кости оленя. На деревьях висят черепа рыси, зайцев, лисиц, росомах. Продырявленные котлы, чайники, различная домашняя утварь, куски материй и разорванные новые платки, – всё принесено в жертву. По верованию остяков и самоедов, всё принесённое ими в жертву в сломанном и убитом виде, там, у «богов», принимает свой первоначальный вид. Сюда зимой приезжают самоеды, а тайком и остяки. Самоеды приносят жертвы «Аган-Пуше», остяки – «Вон-Ими», что значит по-остяцки – покровительница реки Аган. Во время обхода мольбища наткнулись на остатки костра, на разрушенный столик.

Рабочие стоят на месте и не двигаются. Ни шкур, ни рогов, ничего взять нельзя, – увидят остяки или самоеды! Вдруг – вот счастье! – замечаю на поляне небольшое деревянное изображение человека с головой выдры, завернутое в ситцевые лоскуты. Это и есть «Вон-Ими» или «Аган-Пуша».

– Ну, это я возьму непременно! – кричу я, торопливо поднимаю божеество и прячу его. Гремит гром, лес дрогнул, но дождя нет. Иван Михайлович сердито кричит:

– Идите, пора уж! – Идём назад, рабочие испуганно смотрят по сторонам, идут впереди, за ними я, осторожно, стараясь попасть им след в след, что в русских сапогах довольно трудно.

Оглядываюсь назад. За мной последним идёт Иван Михайлович и тщательно замечает веслом наши следы...

... Богиню я ещё раз внимательно рассматриваю и затем прячу подальше – до Ленинграда!..

Но когда попаду в него – неизвестно! Уже два месяца как уехала и всё не отделилась от грусти по родным. Еду к осякам и самоедам на целый год. Это «экспедиция», хоть и одна еду. Заданий много: и коллекции для Русского музея надо собрать, и бюджеты инородцев для Уральской области, и по антропологии работа, – всё надо».

РАТ КОМЛИТЫМ МУХУТ (напротив Мохтикьёганского стойбища) – здесь вечерами не разрешали детям кричать, чтоб «не будить души погибших воинов тасам-капи, тела которых вместе с судёнышком РАТ течением занесло в протоку МУХУТ и там в кусты опрокинуло».

ЙИМЫҢ ЛЮР (на Ватьёгане) – *дословно с хантыйского*: Священное озеро. Здесь, на этом озере, согласно хантыйской легенде, поселились семь божеств-луңков, что прибежали сюда из Старицы Семи Божеств. Они расположились на семи мысах вокруг озера. И сидят там до сих пор.

Человек, впервые едущий через озеро зимой на оленях ли, на снегоходе ли, выезжает на озеро – ясная погода, доезжает до середины – буран-метель поднимается. Поэтому, чтоб не заблудиться, надо на шею повесить венок из соломы. Не сделаешь этого – заблудишься, до другого берега озера не доедешь. Говорят, что в древности кто-то игнорировал этот обычай, и соломенные венки на членов семьи не повесил. Когда мют-аргиш вытянулся по озеру, поднялся буран-метель, и семья его так и не доехала до другого берега озера. Семья исчезла бесследно. Говорят, когда едешь через озеро в морозную погоду, некоторые наши родственники видят тот, до сих пор блуждающий, мют-аргиш, движущийся параллельно вдалеке. Остановишься – ничего нет.

Я несколько раз пересекал это озеро на снегоходах, один раз пересекал на оленях, но блуждающий мют-аргиш не видел. Но однажды в морозное мартовское утро на этом озере я видел красивое зрелище: дальний лес то появлялся, то исчезал.

Иногда он появлялся ниже предполагаемого горизонта, иногда – выше. Но были такие мгновения, когда дальний лес появлялся в два или в три этажа. И озеро тогда казалось огромной чашей. Мы, с соломенными венками на голове, около получаса стояли и наблюдали это зрелище...

КАЙТА ТО'ТЯАЙ – *дословно с ненецкого*: Священное озеро. Здесь, на этом озере, согласно хантыйской легенде, поселились семь божеств-луңков, что прибежали сюда из Старицы Семи Божеств. Они расположились на семи мысах вокруг озера... Говорят, и в древности здесь много людей погибло. Из моих знакомых здесь погибли: Огорелков Кондратий Изотович, Айпин Александр Антонович, его жена Лида, Покачев Василий Степанович и его жена Даша.

Кроме того, на одном из мысов этого озера Красная Власть зимой высадила сосланных калмыков. Многие из них не выжили, и здесь их могилки. Мы, коренные жители, теперь этот мыс не посещаем. Там, вероятно, теперь по ночам бывают сборища привидений...

КАПИТИ' КАТАЛЈА'МА ТИҢ'КУ (на Варьёгане) – Понанта, хатям тёлшкана Пящитаҥ кысумана вайсы'ку нюнта няҥ ҥысу'таҥахаҥ. Ңа'шки вичинлай. Ңанунта нюня тай'кушахат вачимайта кочита татя ҥамай. Вичи'махатанта', кочимта' моҥата. Пили тан тёлшкана' Ңахаҥ кысумана вентат шел хатям' ҥыну'тамай'. Тасам капити' хатям' ҥи'ниша'. Тяхаҥ ня'авхат теты тай'кушай кочим коҥа': «Во, чуки тяхаҥ мюня' не'шай' татя мэвон'! Маны'со'кна'!» Хатям' Пящитаҥ кысумна танатят.

Хулину' тяхаҥ ня'ав тилня тиҥ'ку татя. Ңахаҥкат кунмы' капити' ҥысы чикехена ҥамай. Тас ҥысыҥ чел' капи' чикен каталятят. Ңоп пелими'ча чикехет тиле' кунай'. Ңахаҥ кавмана ты'шиняҥ тиҥу' кысумана ватам кана.

Тяпта т'хаҥ ня'аву ты'шиняҥи ҥысын тавай'. Ңысыҥ чел' тюниҥатуҥ: «Кынихина ла'тампой тяха татя, ҥамымана матаҥал?»

Мајама: «Мани' тяхам пон нит ку'. Ѓамы тя'пта тя'куути та-
тяҗаши', мани' тытли ха'амҗамаш». Чикехет талняҗ Тя'пта Таха
Тя'пта тяхам ниме'е, понанта наҗычам ниме'сниша.

Шанат җисыҗ чел җо'пт җома'. Ѓахаҗ матолт тасам капитетуҗ җэ-
талтятуҗ. Пелими'чауте' пиҗ хатям велашту. Томантуҗ тёлшкана'
матол чеҗат нета конҗасутя: «Та'кита' тоҗо'!» Чикен тасам капи-
ти матятайту. Ѓоп капя'тана тасам капи чикехет тиле' кунлахай'.
Чики матол Ѓахаҗкана тилина' капи' Лялл Вэлым Махиҗа'
нимчиҗатуҗ. Вентат матол ны'калмахаты', малыҗа' катя. Чи-
кехет талняҗ капехе'на нимча' Лялл Вэлым Пыхыр Махи.

Дополнительно: Сейчас на бору Капити' Катаҗа'ма Тиҗ'ку
живёт и держит оленей Тёттат Мантна (Айваседа Александр
Алевич). Недавно, в 2009 году, подчищая навоз в оленьем
доме, он в песке на глубине до 50 см обнаружил человеческий
череп. Его предшественники, жившие на этом бору в первой
половине XX века, заготавливая сухостой на дрова, внутри де-
реьев находили металлические наконечники стрел.

ЈАТТ ТО'ТЯАЙ – у варьёганских ненцев есть легенда о том,
что когда-то в древности Плотва-рыба была самой крупной и
перевозила на своей спине Нохо-героя через Нялпэй-море.

Говорят, один из предков моей бабушки Ненги по имени Тяван-
ку (Явунко) именно здесь, на этом озере, обратился к Плотве за
помощью, и она на своей спине перевезла его через озеро.

Я однажды весной рыбачил на этом озере, попадались: язь,
щука, окунь, но ни одной плотвы я здесь не поймал в свои сети.

*Литературное отступление*³⁵.

ЈУЛЛИТ КОТ МЫХЫТ (на Ай вонт явуне) – *дословно:* земля-
ной дом сверхъестественных Чуд. Здесь ночевать нельзя. Од-
нажды ночью на лыжах в пургу я проходил мимо и, мне кажется,
слышал некие перешёптывания этих Чуд. Их имена – Юллит.

³⁵ См. рассказ «Явунко и плотва». Т. 2, с. 17.

ЭНЭЛ ВОНТ ЯВУН ОҢ – (Юккэн Явун Ях Вонт Явун) – Айпин ях войех кынччи вонт явун.

Перевод: Айпиных-людей для добывания охотничьих зверей таёжная река.

Дополнительная информация:

Для нас, коренных жителей реки Аган, охота для нужд своей семьи и охота на ценную пушнину для нужд инородцев – это разные охоты.

Первая охота – это меньший грех, потому что это вынужденная охота по необходимости, для нужд своей семьи, поэтому можно обойтись и одним жертвоприношением.

Вторая охота не является необходимостью для семьи, без второй охоты можно и обойтись, вторая охота – за деньги (коммерция, нажива), вторая охота – за славу и почёт («Почётная грамота», красный вымпел «Победитель соцсоревнования», медаль или орден), вторая охота – это больший грех за убийство живых существ и поэтому требует большего искупления.

Потому в местах охоты на пушного зверя много мест для жертвоприношений, много святилищ, и я бы их отнёс к категории семейных или родовых, а, может быть, причислить к профессиональным охотничьим?

Для сравнения, загляни в главу Ай Вонт Явун во втором томе моего топонимического словаря. Там на реке, меньшей размером, по моим данным шесть (6) мест для поклонений местным богам.

Дополнительная информация:

Я точно знаю, Айпины перед отъездом на охоту «на таёжную сторону» жертвоприношение посвящают Вонт-Ики (см. Эвыт).

Я, инородец, с разрешения жителей (хозяев) этой реки могу поохотиться здесь, но по прибытии должен совершить жертвоприношение богам этой реки, а так как не знаю их место пребывания, то своё жертвоприношение я совершу на устье

реки или там, где буду пересекать русло реки. А Айпины по прибытии на место охоты совершают несколько жертвоприношений каждому богу, где он живёт, обитает, хозяйничает. Только эту информацию ты, мой читатель, более подробно можешь узнать у членов рода Айпиных.

Илю'каң Кайта Тя – На устье реки Хапли'нүты жил в 20-е годы XX века Иуси Илюка и на другом берегу Иуси Пеналю. Напротив устья Хапли'нүты за Ампутой – семейное святилище Илюки. Иуси Илюка до сентября 1924 г. являлся старшиной варьёганских ненцев. 11 сентября 1924 г. на эту должность на сходе был избран Иуси Кольчу Талавич.

Сегодня здесь живут Айваседа Борис Халович с семьёй, Иуси Николай (Илюка) Альтович, Семён Альтович и Мирон Альтович с семьёй.

Здесь, проездом через стойбища Начу, Кольчу, Илюки и Пеналю в 1924 г., в октябре-ноябре, была исследователь аганских остяков и самоедов Р. П. Митусова и в период распутицы задержалась в их чумах более чем на полмесяца. Здесь она стала свидетелем шаманского ритуала Пандяты (Лэпы). Здесь же она присутствовала на жертвоприношении ненцев на семейном святилище Илюки...

КЫШ ТЯХА (и Кыш То'тяй) – во времена войн противоборствующие стороны ночью отдыхали на разных берегах этой реки. Ночью хозяева реки достали бубен и стали шаманить на удачу в завтрашней войне. Чтобы не будить противников, что на той стороне реки, вместо традиционного возгласа подбадривания шамана «вов! вов! вов!», тихо восклицали «кыш! кыш! кыш!».

Говорят, сейчас, если ночь тебя застанет вблизи этих мест, и ты вынужден заночевать, громко здесь разговаривать нельзя. Надо голос свой приглушать, чтоб не будить души когда-то погибших здесь воинов.

Я со своей семьёй ночевал здесь зимой одну ночь. Мы ехали на снегоходах, на озёрах была наледь, поэтому мы решили заночевать, чтоб ехать дальше днём. Перед сном я рассказал детям о событиях былых. Ночью мы спали спокойно, и никаких неестественных звуков не слышали...

Из книги В. И. Сподиной
«О чём твоя песня, Аули?»:

«...Одним из таких огромных озёр было Кыш-тяхау-то'тя'ай – «Озеро Кыш реки». Юрий Кылевич перевёл Кыш как «Тсс», в значении «не спугни». Здесь мужчины заставили нас походить, чтобы мы не заоченели. Времени было достаточно и для того, чтобы размяться, и для того, чтобы сделать столь необходимые в дороге записи.

Интересны слова-определители озёр. Они говорят коренному жителю о многом. Например, «шече'ей» означает, что озеро мелкое, имеющее травянистые мысы, зачастую песчаное. «Хаҗыме'ей» – озеро, имеющее подземные ручьи, «вехе'е'ей» – искажённое произношение «веля» – прорезанный, вырезанный», то есть имеющий вытянутую, зигзагообразную форму.

На середине озера меня нагнал наш снегоход. Ещё минута, и мы вихрем проскочили казавшееся таким огромным «Озеро Кыш реки». Редколесье всё чаще сменяется болотами. Казалось бы, вечное единообразие. Но есть в этом состоянии природы нечто непередаваемо притягательное, совершенно необъяснимое. Здесь сошлись Пространство и Вечность. Кое-где ещё просматривалась древняя оленья дорога...».

МАВҢКҚЫҢ РҰП (на Агане) – место обитания лапыт Лули – семь сверхъестественных Чуд (Чудищ).

ХА'ПМЫ ТЯХА'КУ (на Ампуте) – ХА'ПМЫ ТЯХА'КУ – ...
Перевод: Иные говорят, что Ха'пмы Тяха'ку (Рубленая речка) потому так называется, что там, где речка сквозь бор проходит, берега крутые, речка поблёскивает в самой глубине обрывистого оврага, словно сквозь бор для неё когда-то был просто прорублен путь. Но есть и другая версия происхождения названия.

Из Халесовой Пуровского района приехала свататься старая женщина с сыном Касаматя'ай (Пяк Иван). К одной местной красавице обратились, к другой, к третьей. Везде получили отказ. А одна даже гордо заявила: «Не хочу я жить в грязном, вшивом чуме. Хочу выйти замуж за русского красавца, чтоб жить в городской светлой квартире. И хочу, чтоб дети мои были красивыми, как русские».

Уехала старая женщина из Варьёгана без невестки. И вот на берегу этой речки остановила она свою оленью упряжку и исполнила обряд заклатья. Обиженная женщина рубила землю топором со словами: «Чтоб с этого дня ни один варьёганский не брал невесту из Халесовой, и чтоб ни один халесовиец не женился на варьёганской невесте».

С тех пор всего два случая было. Аңачи (Айваседа Пётр Нынивич) привёз невесту из Халесовой. Но недолго они вместе прожили. Аңачи совершил правонарушение и засунул себя в тюрьму. Жена создала себе другую семью.

Али'к Нойсава (Айваседа) женился на варьёганской невесте. Они прожили вместе недолго, и Али'к покинул нас – «ушёл к лучшим людям».

А ведь было время, варьёганские с халесовинскими создавали крепкие, многодетные, счастливые семьи!..

КАЛЬ'КУТА ТЯХА – Ма'ай' неү ним. Понанта касами' кантянан Каль'кута хы'ыңтана' кали комай, кали'та чикехет кали'чалмай. Вяпта хома һәмай. Талям тяха неү ним ними'һа. Щича налу'куутета татя. Вахалю'ма ты'шиняңитём налохот чу'увняңитём налуң тятмана Һамылахам манэ'шту. Кәхелаха һәвна. Чета' чикехена канунтолшту.

Перевод: Каль'кута – так называли девушку. Пока мужчины были заняты охотой, она в одиночку рыбачила. У неё был богатый улов. В честь неё была названа река. Она умело использовала способы рыбалки, связанные с естественным загаром.

Возле устья Каль'кута тяхи у Вахалю'мы было видение («Некто привиделся»), и сейчас их семья на одном из двух возвышений проводит жертвоприношения.

КАТОВШ ҢАЙТАҢ МАЈ ВЫҢ – Катовш Ңайтаң малхана петали' поҥкна Тя'птатяханяҥитём пейлэхэна латшансамы выҥ пен'ути чи ҥайта. Чики выҥ пенмана ни'штума' тятэл, ма'ай шанат мят чел хинтаватмыҥ чикен тамнаҥа' вайма' течь тёлшкана.

Толкование: в самом верховье реки Катовш Ңайта со стороны Ватьёгана есть кусок тундры бугристый (линзовые мерзлоты), мы, коренные жители, туда не ездим. Там в первой половине XX века жители нескольких чумов целыми семьями вымерли от страшных болезней. Они растворились в природе не похороненные. Говорят, души этих людей до сих пор кочуют по этой тундре.

В 70-х годах в погоне за дикими оленями я заскочил сюда на снегоходе, видел несколько обломков нарт. Больше ничего не видел. После того, как мне сообщили старшие, что это за место такое, я больше туда не въезжал.

НЮР КУМШАҢ ИКИ (на Ампуте) – *дословно:* старец в голой (бесшёрстой) малице. Так назывался бугор возле оленей дороги, макушка которого была безлесая. На вершине этого бугра иногда слышался звон бубна.

Строители дороги на Западно-Варьёганское нефтяное месторождение почему-то не тронули другие безымянные холмы, а этот, знаковый, раскопали экскаваторами и теперь здесь вместо красивого бугра безобразный карьер с вонючей лужицей. Но говорят, иногда здесь звон бубна слышен до сих пор.

РУЧИТ КОТЫҢ ВАНТЫҢ (на Йимыҥ лор) – он же Калмыцкий Мыс – сюда, на этот мыс, привезли зимой на санях со-

сланных калмыков и бросили здесь на выживание. Здесь они жили около десяти лет. Мы сегодня туда не заезжаем. Здесь, говорят, много привидений.

НАРМА ЯВУН ОҢ (на Наңк явуне) – здесь на устье речки Нарма Покачев Иосиф Иванович построил избушку для рыбалки. Но по ночам Некто посещает жилище. Передвигает посуду, открывает печную дверку, доливает в чайник воды, колет дрова на улице и, даже был случай, будил ночью Иосифа попить чаю. Иосиф считает:

– Ничего плохого мне Он не сделал, все Его действия – шутка. Здесь в древности жили два ненецких брата. Они часто ссорились. А когда повзрослели, ссора их переросла во вражду. Они друг против друга устраивали заклатья. И в результате почти одновременно умерли. Вероятно, Дух этой ссоры остался... В 2010 году Иосиф купил у меня оленя и провёл здесь жертвоприношение. Теперь по ночам Иосиф спит спокойно.

КАВ-ИКИ (на Наньёгане) – *дословно*: Старец-Камень. По малой воде из воды торчит посреди реки огромный камень-валун. Этот камень способен очень точно предсказывать погоду. Когда предвидит ясную погоду, камень имеет цвет «сой мохк» (яйцо гоголя), голубоватый оттенок. Перед пасмурной погодой – это обычный серый камень.

Жители реки Наңк-явун здесь в древние времена проводили жертвоприношения.

ТИЛШТА'МА ТИҢ'КУ – Щича не'шаң, ытсахахың-кайкасахыхың пё'ма тя. (Борик, где два родных брата друг против друга совершали заклатья. В итоге их обоих не стало, и борик никому не достался.) Здесь ночевать нельзя. Говорят, по ночам до сих пор слышны слова заклятий и ссоры двух братьев.

КРЕСТЫ – здесь вблизи своего летнего стойбища похоронен Покачев Семён Галактионович. Однажды зимой здесь «похожаяйничала» техника нефтяников ЛУКОЙЛа и снесли могилку Семёна. Потом родственники требовали восстановления могилки. Летом остатки могилки отложили в сторону, под дерево сложили, и старый крестик прислонили к дереву. А на старом месте построили новый домик (охти кот). Сейчас зимой из-под снега торчат два креста, новый и старый, прислонённый к дереву. Поэтому теперь место захоронения Семёна называют множественным числом Кресты, а техника ЛУКОЙЛа объезжает это место стороной, словно здесь теперь для них аномальное место, – так смеётся Покачев Иосиф Иванович, обитающий вблизи этого места.

ЃАЙВА ЛАМЯКИ и Лусса'котин То (озёра-соседи) – Айваседа Александр Алевич (Мантна): «Старики раньше говорили, что то на одном озере, то на другом, видели вэлс (вэвс) – монота земледовяного. Якобы между озёрами у него подземный проход. Когда я был маленький, на озере Ѓайва Ламяки у нас на мысу стоял лабаз. На моих глазах наша собака переплывала с мыса на мыс через перешеек озера. Доплыв до середины, залаяла, заскулила и исчезла под водой. Старики сказали, что это вэлс её забрал. А на соседнем озере лусса (русский) стал добычей вэлса, поэтому и озеро называется Лусса'котин То. Ещё говорят, если кто видел вэлса, тот после этого долго жить не будет».

ВÄССЭЃ УРИ (на Агане) – говорят, кто-то из местных ханты видел здесь вäss. Я на обласе неоднократно здесь проезжал в молодости, но никого не встречал. Только на северном берегу старицы есть древнее поселение – археологический памятник приблизительно раннего Средневековья.

КЫ'ЫМКАНАЃ ЃЯ'АВ КАЙТА СОХО – Тя'пта тяха҃҃ ҃алка кайта тя.

Дополнительная информация:

«Кы'ымканаң Ня'ав Кайта Сохо раньше было святилищем – польза для людей, для жизни, а теперь это стало аномальным местом – порождает смерть», – так теперь говорят некоторые мои родственники...

Однажды летом меня очень сильно прихватило. Жена моя Елена с зятем Петром повезли меня в медпункт, что в вахтовом посёлке Повх. Здесь фельдшер сделала мне обезболивающий укол и направила в когалымскую больницу. Перед отъездом в Когалым я бросил прямо возле медпункта на газон несколько монеток, случайно оказавшихся в кармане, и мысленно обратился к Хозяину Ватъёгана за помощью. В Когалыме поставили диагноз: «острый приступ гигантской язвы двенадцатипёрстной кишки» и назначили курс лечения. Через десять дней почувствовал себя лучше, и обследование показало, что от язвы остался рубец в четыре миллиметра. Ещё через 3–4 дня и этот рубец полностью затянулся, и до сегодняшнего дня («тьфу! тьфу!» – через плечо) больше меня не беспокоил.

УСТЬЕ АГАНА – 1973–1974 гг. мы с Леной работали на плашкоуте на Лагерме и принимали от рыбаков рыбу. Жили мы не на посудине в каюте, а вместе с рыбаками на берегу, в отдельной палатке. У нас была собака Рембо. Однажды наша собака залезла в чужую палатку и испортила пакет со сливочным маслом. Хозяин масла (я сейчас точно не помню, это был либо Иуси Иту, либо Айваседа О'чаль) схватил ружьё и выстрелил в собаку. Раненая собака в предсмертных судорогах свалилась с берегового обрыва в реку и скрылась в воде. Вдруг течение реки стало закручивать воронку. Воронка быстро увеличивалась, берег большими кусками стал обваливаться в реку. Мы кое-как успевали оттащить свои вещи, палатки, котлы. Тот, кто стрелял, в испуге восклицал: «Вэвс! Вэвс! Собака превратилась в вэвс! Зачем я стрелял в собаку!...». Когда всё успокоилось, мы не нашли того ружья, из которого была застрелена

собака. Решили, что ружьё ушло в водоворот. Там, где стояли наши палатки, образовалась заводь диаметром 50–60 метров. И Иту и О'чаль в тот год почти одновременно ушли из жизни.

ЛАГЕРМА – хантыйское произношение: ЛАХЫР МЫХ – кольчужная земля. Говорят, в былые времена здесь много воинов, облачённых в кольчуги, погибло.

МЫЛ СОЙЕМ – глубокий ручей.

В 1987 году было официальное открытие Варьёганского музея. До 1 января 1990 года музей существовал на общественных началах. В конце декабря 1989 года мы приняли решение передать музей муниципалитету, чтобы работники музея могли получать зарплату.

Глава Администрации района Сондыков Василий Семёнович выделил мне премию за создание музея – 1000 рублей. Я попросил бухгалтерию перечислить мою премию в «Фонд восстановления храма Христа Спасителя». Так я от имени своей семьи совершил жертвоприношение Христианскому Богу на то, чтобы музей существовал, чтобы в нашей семье было благополучие.

Вечером мы с женой на снегоходе поехали в гости к родственникам. Ехали мы по краю автодороги Варьёган – Радужный. Вдруг в свете фары мелькнул торчащий из мерзлоты уголок денежной купюры и скрылся под снегоходом. Я остановился и сдал назад. Из дороги торчал уголок пятидесятирублёвки. Достав из бардачка отвёртку, выдолбил из мерзлоты денежку. В образовавшейся ямке показалась ещё одна бумажка. Так, из ямки диаметром 30–40 см я выдолбил и собрал 500 рублей.

Я в шутку жене сказал:

– Бог принял нашу жертву и в качестве благодарности прислал свой подарок.

Случилось это рядом с ручьём Мыл Сойем.

С тех пор я один раз в год в этот ручей опускаю монетку. Когда-нибудь кто-то скажет: «Это личное святилище Юрия Кылевича».

ШИПУ МАЛ ВЬҮҢ – Не'шай' кантялама, петалаҥ поҥкна җайта, мал вьҮҢ. «Чукәхена кантяна таҥно'к тилшаҥ катаны, канута' шипусамыҥ панчоты'» – таньше' мана' нелъняна' тилимы' ла'кхәйна'. Таям чики нимча ниме'е – *дословно*: в эту тундру, расположенную посреди водораздельных таёжных урочищ, собирались ненцы целыми семьями для охоты.

«Тот, кто здесь охотится, добудет диких оленей столько, что все нарты, в том числе и нарты для постели – шипу, будут загружены мясом», – такая поговорка была среди моих родственников старших поколений. Поэтому от названия шипу идёт название тундры.

Дополнительная информация:

«Помню рассказ Тёттат Талё о том, как Тяпту-кәхе – полубог, полувоин собрался откочевать со своей семьёй на новое место – покинуть землю и отправиться на небо. Перед тем как тронуться, он обошёл свой мют-аргиш: весь ли багаж хорошо уложен и добротнo увязан. Он наказал каждой из своих трёх жён, чтоб ни в коем случае никто не оглядывался назад. Но самая младшая не могла справиться со своим любопытством, и в то время, когда весь мют почти уже достиг облаков, она оглянулась назад. И все её нарты, а она сопровождала нарты шипу – постельные нарты, весь её мют попадал на землю.

Якобы до сих пор в тундре Шипу Мал ВьҮҢ встречаются обломки нарт-шипу, торчащие из мха», – так рассказал Вэла Аҗачи (Айваседа Пётр Ныневич).

Из книги В. И. Сподиной

«О чём твоя песня, Аули?»:

«...Не брать лишнего в дорогу, не отягощать путь – характерная черта быта кочевых народов. В древнем предании рассказывается, что после Вознесения Человека жители Земли собрались на большой праздник. На него приехали и повзрослевшие сыновья Вверх Ушедшего Человека. Они охотно разговаривали с сороди-

чами, рассказывали о житье-бытье Наверху, исполняли обряды... А после праздника сели на свои нарты и уплыли в заоблачный мир. На память людям осталась заросшая травой и мхом листовенничная нарта Вверх Ушедшего Человека, которая в день отъезда до середины врезалась в мёрзлую землю. Накануне Человек сказал жене, чтоб та не брала с собой ничего лишнего. Но женщина не послушалась и всё лишнее сложила на последнюю нарту каравана-аргиша.

Когда пришло время отъезда, она тронула своего вожака. Олени подняли вверх первую нарту её аргиша, подняли вторую, третью... Повозка легко катилась по прозрачной равнине неба. Но вдруг нарты резко дёрнулись – женщина оглянулась. Последняя нарта не могла оторваться от земли. Рванулись олени, напряглись их поводки от передней нарты. Ещё рывок – наконец, последняя нарта оторвалась от снега.

Медленно, с трудом поднимали олени нарту в небо. Скачок, ещё скачок – и лопнули постромки-ремни. Нарта с небесной высоты врезалась в мёрзлую землю. Небо не смогло принять нарту с лишними, ненужными вещами...».

ЛУ'КУ' ТО – Лу'ку' тиң кайви'та то. Намы'манта ма'ай хылан кунтан нятешту. Маня' тельнянта ни'штума' џайталю'. Ма'ай', ванлу' тёлшкана тоң телня тас мют хэймай нятинан – *дословно*: Глухариное озеро – озеро при Глухарином боре.

Озеро посреди зимы, говорят, имеет окна-живуны, где не бывает льда, только – снег. Здесь в древности, говорят, ушёл под лёд целый мют-аргиш. Мы, современные ненцы, ездим на снегоходах за озеро только кругом по краю, а – не по середине.

МАЛЛ ҢАЙВАҢ ТО'ТЯАЙ – однажды мой дядя Ынипо (старший брат моего отца) во время утиной охоты в кустах на берегу этого озера встретил «дикого волосатого человека». Приехав на стойбище, он был растерян и бледен, и несколько дней вообще молчал, и ни с кем не вступал в беседу. Примерно только через неделю он смог рассказать о том, кого он встретил на берегу озера.

Потом кто-то из стариков вспомнил, что когда-то была такая информация, что некто тоже видел на берегу этого озера нечто подобное.

ХАҢЫМЕ'ЕЙ – через это озеро проходит Ңалка Ңоту – Большая ненецкая дорога. На одном из мысов было семейное святилище Иуси Начу. Мы тоже, проезжая здесь на снегоходах, оставляем: кто монетку, кто тряпицу к веткам берёз привязывает, а кто и отрез ткани вешает к стволам деревьев.

Из книги В. И. Сподиной
«О чём твоя песня, Аули?»:

«...Вдали показалось озеро Хаңыме'ей – «Хозяин подземных ручьёв». Оно состоит из двух отдельных озёр, соединённых подземной речкой. Оно то течёт по поверхности, то уходит под землю, чтобы вынырнуть в другом месте. Возможно, в древности эти озёра имели разные названия. Ближнее было святым местом Начу Иуси. Мы остановились. Юрий Кылевич достал из кармана горсть монеток и разбросал их по кочкам. Здесь он однажды больше суток в дождь и снежную слякоть пролежал больным под примитивным шалашом из куска брезента. И теперь раз в год оставляет на этом месте жертву богам в знак благодарности за своё спасение – такой обычай.

Сейчас озеро стало местом паломничества для буровиков. Наловив вдоволь рыбы, они оставляют здесь банки, бутылки, железо, бумагу и просто мусор. А ведь для северных народов неперенным условием проживания было и есть поддержание чистоты в природе...».

КӦХЕ ТЯХАҢ ТО – когда-то здесь было родовое святилище семей Иуси. Сейчас иногда останавливаемся на льду озера, кланяемся на разные стороны света, оставляем на льду монетку. А бывает, просто мимоходом, не останавливаясь, мысленно обращаемся к местным богам, чтоб путь наш был благополучным.

Из книги В. И. Сподиной
«О чём твоя песня, Аули?»:

«...И снова новое озеро, и новое название – Кахе тяхау-то. Дословно оно переводится как «Озеро лунговой речки» (лунг – дух). Окружающий мир представлялся ненцам населённым духами, которые принимали непосредственное участие в жизни людей. Они приносили им удачу или неудачу в промыслах, доставляли радость или огорчение, насылали различные болезни и т.д. Земля, реки, озёра, отдельные урочища имели своих духов-хозяев.

Наверное, это озеро имело для Аули Кольчевича какое-то особое значение, может быть, более глубокое, чем ориентир его земли, оставленные позади. Казалось, что сидит он на снегоходе особенно торжественно, да и весь наш караван замедлил ход в знак почтения невидимым духам...».

ТУ'ПКА НАТ – яр Топора или Топориный яр. Это яр, на котором стоит Варьёган. Напротив села очень много погибло наших родственников на воде. Старики говорят: «Если пьяный молодой человек начинает шалить, хулиганить на воде, то от удивления за подобную наглость у Хозяйки Агана отвисает нижняя челюсть, и она заглатывает наглеца».

МАХИ РӀП – яр поворота (крутого). Здесь сейчас Новоаганск. Говорят, издревле это место считалось недобрым. В наши времена здесь вымерла семья Айпина Фёдора, в 1942 году зимой почти одновременно умерли мои прадедушка Анет и прабабушка Шаама, здесь кончилась семья Сардакова Степана...³⁶

³⁶ Вся информация в «Топонимическом словаре» актуальна на момент его издания (2010–2013). – Прим. сост.

ИНФОРМАНТЫ

БАБУШКА НЕҢИ (Ненги) – мать моего отца. Основные детские воспоминания, сказки, легенды, былички о родственниках, живших раньше нас, истории, связанные с названиями речушек, заводей, стариц, островов, песков или бориков вдоль Варьёгана – реки, на которой я родился и провёл детство, – всё это я получил от бабушки Ненги.

ДУНИН-ГОРКАВИЧ Александр Александрович.

Окончил Лисинское лесное училище, инженер-лесовод. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в звании унтер-офицера. А. А. Дунин-Горкавич трудился в Царскосельском лесничестве, в лесах Самарской, Нижегородской и Рязанской губерний. В 1880 г. переведён в Сибирь, где возглавил Самаровское лесничество Тобольской губернии. Служил губернским лесничим, чиновником особых поручений при министре земледелия, произведён в чин действительного статского советника.

Из наиболее значимых трудов:

Географический очерк Тобольскаго Севера. (Докладъ, читанный 22 апреля 1903 г. въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществе.) «Известія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», томъ XL, выпускъ 1-й;

Тобольскій Север, в 3 томах;

Русско-остячко-самоедскій практическій словарь наиболее употребительныхъ словъ. Тобольскъ. 1910 г. 58 стр.

Именем исследователя названа улица в городе Ханты-Мансийске в 2000 году. 15 июня 2007 года здесь был открыт памятник А. А. Дунину-Горкавичу.

Департамент природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа с 2005 г. проводит ежегодную научно-практическую конференцию имени А. А. Дунина-Горкавича.

МИТУСОВА Раиса Павловна.

Р. П. Кутепова, в замужестве Митусова, родилась 22 марта (9 марта по старому стилю) 1894 г. в г. Холмогоры Архангельской губернии в семье коллежского асессора П. А. Кутепова.

После Архангельской Мариинской женской гимназии Раиса окончила Осташковскую женскую гимназию с углублённым изучением русского языка и литературы и получила звание «домашняя учительница». В 1913 г. Раиса Павловна Кутепова переехала в Петербург и стала слушательницей Высших женских Бестужевских курсов. Учёбу совмещала с работой в географическом кружке, являясь его председателем. По окончании Бестужевских курсов в 1918 г. поступила на службу в Русское географическое общество.

В ходе экспедиций (1923, 1924–1925) в малоисследованные районы Западной Сибири Р. П. Митусовой был собран обширный этнографический материал по культуре аганских ханты, лесных ненцев и тазовских селькупов, проведены антропометрические измерения ханты и лесных ненцев...

4 июня 1937 г. была арестована, 7 декабря 1937 г. «тройкой» НКВД Новосибирской обл. Р. П. Митусова была приговорена по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 9 декабря 1937 г. в Новосибирске.

Реабилитирована 12 марта 1957 г. «за отсутствием состава преступления» (Архив НИЦ СПб. «Мемориал»).

ЯРУШИНА Дарья – в 2011 году девятиклассница из г. Мегиона, участница туристической группы, приехавшей на реку Аган. Вела подробный путевой дневник экспедиции.

СПОДИНА Виктория Ивановна.

Приехала в г. Мегион обычным школьным учителем. В школе, где преподавала историю, организовала школьный музей. В музее нашёлся уголок и для первого геолога, и для нефтедобытчика. Потом появился первый экспонат коренного

жителя – ездая нарта для оленьей упряжки с реки Аган Покачева Павла Ивановича, которую собственноручно волокла по бору, по болоту несколько километров...

Музей стал проводить выставки изобразительного искусства. Потом дни русской культуры, татарской и украинской... Своё место нашлось экспонатам времён коллективизации, собранным в старом Мегионе. А предметам культуры коренных жителей уже стало тесно в отдельном просторном зале, и появился за пределами города филиал музея – площадка в лесу под открытым небом – Музей-Стойбище.

У Сподиной появились публикации. И самые заметные – об особенностях культуры лесных ненцев.

Потом Виктория Ивановна стала работать со студентами. Она возглавила Институт истории и языков Югорского госуниверситета.

Сейчас она директор БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», кандидат исторических наук.

НОВИКОВА Наталья Ивановна.

Научные интересы: юридическая антропология, правовой плюрализм, этнография народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (ханты, манси, ненцы, эскимосы, уильта, нивхи), взаимодействие нефтяных компаний, коренных народов Севера и органов власти, антропология организаций.

Полевые исследования (1978 г. – по н.в.) в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, Сахалинской области, Приморском крае Российской Федерации и Северо-Западных территориях Канады.

Организовывает и проводит этнологические экспертизы.

Автор около 130 научных публикаций.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, исполнительный директор ООО «Этноконсалтинг».

АЭЛИТА – моя третья дочь. Она принимала участие в фольклорной экспедиции «Почтовый маршрут». В то время, когда писала свой дневник, была студенткой первого курса Нижневарттовского пединститута.

АТЕНИ (Татяне) – названия многих мест в нижнем течении реки Варьёган при работе над топонимическим словарём я уточнял у своей мамы.

АЙПИН Виктор Романович – друг детства. Мы вместе провели время в детском саду, начальной школе в Варьёгане, в школе-интернате в Агане, охотничьи годы. Иногда мне кажется, создание топонимического словаря вовсе не моя идея, а его.

АЙПИН Семён Александрович – многие названия вокруг ЭНЭЛ УРИ были подсказаны им. Сейчас он преподаёт в варьёганской школе охоты, рыбалку, оленеводство и другие трудовые навыки коренных жителей реки Аган.

АЙПИНА Зоя Николаевна – пока она была жива, названия многих мест вокруг её стойбища я уточнял у неё по телефону.

АЙПИН Афанасий Антонович – его квартира в городе Покачи, а стойбище внутри КОЛМАҢ УРИ. Он охотно делился информацией о тех местах, где провёл детство.

АЙВАСЕДА Семён Валюмович – с ним мы вместе охотились. От него я получил много информации о самых крупных притоках Агана: Ватьёгане и Ампуте.

АЙВАСЕДА (Вэлла) Ынипо – ещё одно его имя Тя'пта Вэ'ла – (тонкий, стройный Вэлла) – старший брат моего отца. Во времена моего детства заменил мне отца. Основные

названия на местности по реке Варьёган вместе с легендами рассказывал мне он.

АЙВАСЕДА Александр Алевич – у него я уточнял названия на местности вокруг его стойбища.

ИУСИ Кули – с ним я охотился один год (зима 1979–1980). За это время от него я получил много информации о названиях на местности по рекам Варьёган и Ватьёган.

ИУСИ Аули – не только названия на местности, но и некоторые истории, связанные с этими названиями, были поведаны им.

ИУСИ Ойся – его тема – это названия по реке Ампута и не только.

КАЗАМКИН Егор Степанович – участник фольклорной экспедиции «Почтовый маршрут». Основные названия вдоль русла реки Аган были подсказаны им. Он в 60-е годы XX столетия несколько раз перевозил почту на обласе по маршруту Варьёган – Аган и обратно. Один раз ездил до Сургута в военкомат.

КАЗАМКИН Виталий Егорович – он подсказал названия вдоль реки ЛУХ КОПЛ.

ПОКАЧЕВ Тихон Иванович – основной информант топонимики реки Аган от деревни Интлетовы вниз по течению.

ПОКАЧЕВ Иосиф Иванович – он помогал вспомнить для потомков названия на местности вдоль реки НАҢК ЯВУН.

ПОКАЧЕВ Антон Николаевич – с ним я рыбачил вокруг Белого Яра (ЭНЭЛ СЫЙ) в 1973–1975 гг. Вечерами у костра

он делал мне расшифровку для многих названий на местности. Я тогда ещё не занимался топонимическим словарём, но любопытство к местной истории уже имел.

ПОКАЧЕВ Кузьма Михайлович – основные названия на озере ИМНЛОП (ЙИМЫЦ ЛОП), а также некоторые названия нижнего течения Ватьёгана я узнал от него.

САРДАКОВ Иван Михайлович – основной информант по реке ЕГУРЬЯХ.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Вэлла. А сказки мы слушаем	5
ВЕТЕРОК С ОЗЕРА	
<i>(Проза и всё, что напоминает прозу, 1968–2008)</i>	
В начале была мелодия	11
Однажды на стойбище	12
Побывальщина Ойси	14
Так и осталась память	16
Телесеанс	16
Явунко и плотва	17
Побывальщина Старого Валюмы	19
Ысчетка-шаманишка и другие <i>(триптих)</i>	21
На уроке	24
Колыбель	25
За что?	26
Хозяин	27
Ветерок с озера	30
Наедине	37
О чём кукует кукушка <i>(сказка бабушки Ненги)</i>	46
У заброшенных гнездовий	51
Шай-ики	56
Сказка лесных ненцев, рассказанная в подмосковном лесу	71
Сказание о любви <i>(триптих)</i>	
1. На тропе	82
2. О любви	83
3. Реликвия	86
Ожидание <i>(из Канинской тетради)</i>	88
Поговори со мной	90
Наивысшая форма гармонии <i>(побывальщина)</i>	93

Твоя родина	97
Старый лабаз	103
Апокалипсис (<i>былички</i>)	
Школа, ФЗУ, «гаубица»	111
Хор коровы	112
Апокалипсис	113
Фёдор-охотник	114
Современный апокалипсис разноликий	
1. Как прикажете называть, <i>или «Апокалипсис по-сибирски»</i>	116
2. От шаманства до сектантства – один шаг, <i>или «Апокалипсис по-ненецки»</i>	117
3. Герой нашего времени, <i>или «Апокалипсис по-русски»</i>	119
Как Уполномоченный учил рыбаков рыбачить	119
Жертвоприношение	123
Просто эмоции (<i>диптих</i>)	
1. Случайные встречи	124
2. Автопортрет	126

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Ан-24	132
О грехе	133
Человечный-бесчеловечный мир	134
Из студенческих записок	134
О дедушке	135
«Не забывай о своих оленях...»	139
Автобиография	139
Щеев-Чимя (<i>сказка лесных ненцев</i>)	141
Оленевод	145
Дари огонь (<i>повесть</i>)	147

НИТИ РОДСТВА

(*Записки из Америки, 2010*)

Пролог	188
Ворон	189

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

(Рассказы Юрия Вэллы, записанные М. Гнедовским, 1996)

М. Гнедовский. Рассказы Юрия Вэллы 218

От первого лица

1. О себе 222

2. Музей в Варьёгане 226

3. Рассказы о вещах 232

4. Стойбище 237

5. Дорогами предков 241

РЕКА АГАН СО ПРИТОКАМИ

(Опыт топонимического словаря. Бассейн реки Аган, 2010–2013)

С. Луцкий. Заглянуть в глубь времён 248

Часть первая:

топонимика вдоль русла реки Аган 251

Е. Тулуз. Сибирь – это живое место,
где человек присутствовал всегда 301

Часть вторая:

топонимика притоков реки Аган 303

Часть третья:

дороги, населённые пункты, святилища,
аномальные места в бассейне реки Аган 355

ИНФОРМАНТЫ 430

Литературно-художественное издание

12+

**ЮРИЙ КЫЛЕВИЧ ВЭЛЛА
(АЙВАСЕДА)**

Избранное. В трёх томах.
Т. II

К 75-летию со дня рождения

Стихи.py. <https://stihi.ru/avtor/olenevod>

Издание осуществлено при финансовой поддержке Гранта Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом «Центр гражданских и социальных инициатив Югры» – оператором грантов Губернатора

Автономная некоммерческая организация содействия информационно-просветительской деятельности «Югорский свет»

Составители:

Корниенко Ольга Геннадьевна
Юргенсон Татьяна Владимировна
Карымова Тайна Юрьевна

Художник Н. М. Талигина
Дизайн О. В. Шпилевая
Вёрстка Т. В. Юргенсон
Корректор Л. П. Иванова
Фото Н. И. Гынгазов

